

В Е С Т Н И К

**НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

№ 4 (28)

**САРАНСК
2013**

Учредители:

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

*Ученый совет Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

Основан в 2006 году

Главный редактор

В. А. Юрчёнков — доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Г. А. Куриева — доктор исторических наук, профессор

Ответственный секретарь

О. В. Зарубина

Редколлегия:

Айзатов Ф. А. — доктор философских наук, профессор; *Андреев В. В.* — доктор исторических наук, профессор; *Бахлов И. В.* — доктор политических наук, профессор; *Бикейкин Е. Н.* — кандидат философских наук, доцент; *Бурланков С. П.* — доктор экономических наук, профессор; *Глазкова Е. В.*; *Гусева Т. М.* — доктор исторических наук; *Зубов И. В.* — кандидат философских наук, доцент; *Каланов В. А.*; *Каторова А. М.* — доктор педагогических наук, профессор; *Келина А. Н.* — кандидат филологических наук, доцент; *Кильдюшкина И. Г.* — кандидат исторических наук, доцент; *Ломшин В. А.* — кандидат исторических наук, доцент; *Никонова Л. И.* — доктор исторических наук, профессор; *Поляков О. Е.* — доктор филологических наук, профессор; *Скворцова Е. Г.*; *Ставицкий В. В.* — доктор исторических наук, доцент; *Чернов А. В.* — кандидат филологических наук, доцент; *Юрчёнкова Н. Г.* — доктор философских наук, профессор

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Адрес редакции:

430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3, каб. 304,
e-mail: vestnikniign@list.ru

© НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Учаева С. Б.</i> Региональная система управления качеством: от практики к теории вопроса.....	7
<i>Лачина А. А.</i> Трансформация занятости населения Республики Мордовия в годы мирового экономического кризиса.....	18
<i>Зеленева А. Ю.</i> Основные факторы, препятствующие развитию ипотечного жилищного кредитования, и их влияние на конечную стоимость ипотечного продукта.....	30
<i>Блинов Д. С., Подсеваткин Д. В., Саушев С. В., Смирнова О. А., Шукшин В. И.</i> Социальные факторы как индикатор отношения граждан к своему здоровью (На примере Республики Мордовия).....	38
<i>Чернова Н. Н., Качаева Ю. И.</i> Формирование санитарно-гигиенической культуры школьников в образовательном процессе.....	44

ИСТОРИЯ

<i>Терентьев В. В.</i> Взаимодействие власти и дворянского сообщества при реформировании крепостного права в России.....	49
<i>Потапов А. А.</i> Становление советской милиции на территории мордовского края в 1917 — 1918 гг.	60
<i>Минева Е. К.</i> Особенности формирования национально-территориальной автономии мордвы	66
<i>Учватов П. С.</i> Взаимодействие Совета министров МАССР с Верховным Советом и депутатами (На примере сессий второго и третьего созыва Верховного Совета)	77
<i>Огрин Г. В.</i> Общественно-политические трансформации советского социума в период перестройки: региональный аспект (На примере Мордовии).....	84
<i>Бикейкин Е. Н., Огрин Г. В.</i> Аграрная политика и развитие сельского хозяйства Мордовии в годы перестройки (1985 — 1991 гг.).....	95

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

<i>Гришаков В. В., Пузаткина Е. А., Афонина В. А.</i> Антропологические исследования материалов погребений древнемордовского Усть-Узинского 2 могильника в Верхнем Посурье	107
<i>Рябов Н. В.</i> Самобытность художественного языка декоративно-прикладного искусства Поволжья	115
<i>Егорова О. В.</i> Числовая символика в родильно-крестильной обрядности чувашей	122

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Жебряткина И. Я.</i> Морфология личных местоимений в глушковском говоре мокшанского языка	128
<i>Агафонова Н. А.</i> Падежные формы имен и их прономинализация (На материале эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала)	133
<i>Ручина Н. А.</i> Поэма Т. Элиота «Пепельная среда» в аспекте эквивалентности текста оригинала и вариантов его переводов на русский язык	139

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Каторова А. М.</i> Жанр сонета в мордовской литературе XX — XXI вв.	151
<i>Склизкова А. П.</i> Модификация романтической иронии и ее художественное воплощение в комедии «Бобровая шуба» Г. Гауптмана	164
<i>Зайфридсбергер (Мартынова) О. М.</i> Эволюция образа главного героя в трагедии И. В. Гете «Клэвиг»	172
<i>Березин О. Н.</i> Архетипические образы в мордовской мифологии	179

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Кильдюшкина А. Ю.</i> Воссоздание ретроспективной панорамы развития коллективного исполнительства на народных инструментах в Мордовии	187
<i>Ульянова В. А.</i> Влияние западноевропейских философско-правовых школ на творчество М. М. Бахтина.	197
<i>Щанкина Г. И.</i> Зарубежный опыт изучения социального риска и групп «риска» в свете актуализации явления депривации	203
<i>Ломшин А. В.</i> Культурно-просветительская деятельность в Мордовии 1917 — 1920 гг.	209
<i>Минеева И. Н.</i> Образование в Республике Мордовия как фактор социокультурного развития региона: пятнадцатилетний опыт (1990 — 2005 гг.)	215

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Антонина Николаевна Келина (К 55-летию со дня рождения)	223
---	-----

РЕЦЕНЗИИ	226
-----------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	240
----------------------------------	-----

СОКРАЩЕНИЯ	244
-------------------------	-----

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ в 2013 г.	245
--	-----

CONTENTS

REGIONAL DEVELOPMENT

<i>S. B. Uchaeva</i> Regional System of Quality Management: from Practice to Theory of the Problem	7
<i>A. A. Lachina</i> Transformation of Employment of the Population of the Republic of Mordovia During the World Economic Crisis	18
<i>A. Yu. Zeleneev</i> Key Factors Impeding the Development of Mortgage Lending and Their Effect on the Final Cost of Mortgage Product	30
<i>D. S. Blinov, D. V. Podsevatkin, S. V. Saushev, O. A. Smirnova, V. I. Shukshin</i> Social Factors as an Indicator of Citizens' Attitude Towards Their Health (On Basis of the Republic of Mordovia)	38
<i>N. N. Chernova, Yu. I. Kachaeva</i> Formation of Sanitary and Hygiene Culture of Schoolchildren in the Educational Process	44

HISTORY

<i>V. V. Terentyev</i> Interaction of the Authorities and Community of Nobility During the Serfdom Reforms in Russia	49
<i>A. A. Potapov</i> Formation of the Soviet Militia in the Territory of the Mordovian Region in 1917 — 1918	60
<i>E. K. Mineeva</i> Peculiarities of Formation of the National-Territorial Autonomy of the Mordvins	66
<i>P. S. Uchvatov</i> Interaction of the Council of Ministers of the Mordovian ASSR with the Supreme Soviet of the Mordovian ASSR and Deputies (By the Example of Sessions of the Second and Third Convocations of the Supreme Soviet)	77
<i>G. V. Ogrina</i> Social and Political Transformations of Soviet Society During the Perestroika Period: Regional Aspect (By the Example of Mordovia)	84
<i>E. N. Bikeykin, G. V. Ogrina</i> Agrarian Policy and the Development of Agriculture of Mordovia During the Perestroika (1985 — 1991)	95

ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

<i>V. V. Grishakov, E. A. Puzatkina, V. A. Afonina</i> Anthropological Studies of Burial Materials of the Old-Mordovian Ust-Uzinsky 2 Burial Ground in the Upper Sura Region	107
<i>N. V. Ryabov</i> Identities of the Artistic Language of Decorative and Applied Arts in the Volga Region	115
<i>O. V. Egorova</i> Numerical Symbolism in Maternity-Baptismal Ritualism of the Chuvash People	122

LINGUISTICS

<i>I. Ya. Zhebratkina</i> Morphology of Personal Pronouns in Glushkovsky Dialect of the Moksha Language	128
<i>N. A. Agafonova</i> Case Forms of Names and Their Pronominalization (On Basis of Erzya Dialects of the Transvolga Region and the Southern Urals)	133
<i>N. A. Ruchina</i> T. S. Eliot's Poem „Ash Wednesday“ in the Aspect of Equivalence of the Original Text and Its Translations into Russian	139

LITERARY CRITICISM AND FOLKLORE

<i>A. M. Katorova</i> Genre of Sonnet in Mordovian Literature of the XX — XXI Centuries	151
<i>A. P. Sklizkova</i> Modification and Artistic Embodiment of Romantic Irony in G. Hauptmann's Comedy „The Beaver Coat“	164
<i>O. M. Seifriedsberger (Martynova)</i> Evolution of Image of the Main Character in I. W. Goethe's Tragedy „Clavigo“	172
<i>O. N. Berezin</i> Archetypal Images of Mordovian Mythology	179

CULTURAL THEORY AND HISTORY

<i>A. Yu. Kildyushkina</i> Reconstruction of Retrospective Panorama of the Development of Collective Performance on Folk Instruments in Mordovia	187
<i>V. A. Ulyanova</i> Influence of West European Philosophical and Legal Schools on the Works of M. M. Bakhtin	197
<i>G. I. Schankina</i> International Experience of Study of Social Risk and Groups of „Risk“ in the Light of Updating the Phenomenon of Deprivation	203
<i>A. V. Lomshin</i> Cultural and Educational Activity in Mordovia in 1917 — 1920	209
<i>I. N. Mineeva</i> Education in the Republic of Mordovia as a Factor of Social and Cultural Development of the Region: Experience of Fifteen Years (1990 — 2005)	215

OUR JUBILEES

Antonina Nikolaevna Kelina (To the 55th Anniversary of the Birth)	223
---	-----

REVIEWS	226
----------------------	-----

INFORMATION ABOUT AUTHORS	240
--	-----

ABBREVIATIONS	244
----------------------------	-----

ALPHABETICAL INDEX OF MATERIALS, PUBLISHED IN 2013	245
---	-----

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

УДК 005.6

С. Б. Учаева
S. B. Uchaeva

РЕГИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ: ОТ ПРАКТИКИ К ТЕОРИИ ВОПРОСА

REGIONAL SYSTEM OF QUALITY MANAGEMENT: FROM PRACTICE TO THEORY OF THE PROBLEM

Ключевые слова: товар, аграрная продукция, система управления качеством, конкурентоспособность, требования к выпускаемым изделиям, потребительские свойства продукта, ГОСТ, система TQM.

В статье затронута проблема качества выпускаемой продукции региональной агроперерабатывающей промышленности в условиях трансформационной экономики; представлены основные положения отечественной экономической науки в области управления качеством со времен правления Ивана Грозного до современного этапа ее развития; выделены приоритеты промышленной политики Республики Мордовия на ближайшую перспективу в развитии теоретических и прикладных аспектов управления качеством.

Key words: goods, agricultural products, system of quality management, competitiveness, requirements for manufactured products, consumer properties of the product, GOST TQM system.

The problem of the quality of products of regional agricultural industry under the conditions of transformational economy is discussed in the article; the main provisions of national economic science in the field of quality management since the reign of Ivan the Terrible to the present stage of its development are represented; priorities in the industrial policy of the Republic of Mordovia for the nearest future in the development of theoretical and applied aspects of quality management are identified.

Современная система управления качеством выдвигает перечень основных требований, строгое соблюдение которых позволяет обеспечить высокий уровень качества конечного продукта в соответствии со спецификой концепции управления качеством. Выход на мировой рынок, в котором условия потребителя к качеству продукции становятся доминирующим фактором в достижении ее конкурентоспособности, возможности занять равное положение в ряду ведущих фирм по выпуску аналогичной продукции, вынуждают производителя не только заниматься вопросами повышения значимости процессов комплексного управления качеством, но и эффективности производственных процессов.

Переход к рыночным отношениям в экономике России диктует строгие правила производителям и заставляет изготовителей товара по-новому взглянуть на проблему качества исходя из того, что конкуренция будет определять уровень и динамику развития качества продукции, конкурентоспособность как продукции, так и изготовителей. В условиях жесткой бизнес-среды следует придерживаться следующего правила: то, что сегодня может быть полезным и ценным для многих потребителей, завтра будет никому не нужным¹.

*Некоторые вопросы экономического регулирования
конкурентоспособности и качества продукции в Мордовии
в период активных трансформаций*

С позиций новых требований к хозяйствованию, постановки комплексных организационных мероприятий в области повышения качества выпускаемой продукции деятельность системы управления качеством на региональном уровне перестраивалась с учетом трансформаций в общественно-политической и социально-экономической жизни страны. Проблемы экономического регулирования конкурентоспособности и качества продукции уже в конце 1980-х гг. требовали определения их экономической сущности и перехода к экономическим методам руководства в самой системе управления качеством. Для этого в Мордовии требовались перестройка материально-технического снабжения, совершенствование системы ценообразования и финансово-кредитного механизма².

Из содоклада планово-бюджетной и других постоянных комиссий Верховного Совета Мордовской АССР, озвученного председателем планово-бюджетной комиссии С. Ф. Сорокиным на заседании Верховного Совета МАССР одиннадцатого созыва 12 декабря 1986 г., было ясно, что при просмотре показателей плана, актуальными были вопросы качества продукции. При этом члены комиссии отмечали ухудшение положения во многих отраслях. Например, потери от брака за девять месяцев 1986 г. в промышленности республики составили 4,6 млн руб. За девять месяцев Мордовский центр стандартизации и метрологии исключил из отчетных данных продукцию на сумму 1 145 тыс. руб.³ В числе других предприятий, к которым были предъявлены наиболее крупные экономические санкции, значились пивзавод, мясокомбинат и др. Основные причины выпуска продукции низкого качества заключались в отсутствии должной дисциплины и организованности, нарушении технологических процессов, неудовлетворительной работе служб технического контроля.

Уже в конце 1980-х гг. на многих предприятиях республики отсутствовали или формально числились комплексные системы управления качеством. Так, по результатам проверки госнадзора, были аннулированы акты о внедрении несуществующих систем управления качеством на ардатовских хлебокомбинате и ватной фабрике, Саранском ликеро-водочном заводе, кочкуровском промкомбинате, Саранском и Оброченском мясокомбинатах. Не приступили к работе по перерегистрации и совершенствованию комплексных систем управления качеством продукции на предприятиях Министерства местной промышленности Мордовской АССР. Продукцию высшей категории качества в республике выпускали лишь 16 пред-

приятый, т. е. двенадцатая часть трудовых коллективов. В 1986 г. ее удельный вес в общем объеме аттестуемой продукции в Мордовии сократился почти на 3,0 % и составил 42,4 % к уровню 1987 г.⁴

Многие предприятия республики без должной ответственности относились к производству товаров народного потребления. На это, в частности, указывал Председатель Президиума Верховного Совета Мордовской АССР А. О. Пиксаев. Так, только в 1986 г. работниками Госторгинспекции было забраковано и снижено в сортности 154,0 т продовольственных товаров, 37,5 тыс. усл. банок различных консервов, 8,2 тыс. усл. ед. промышленных товаров⁵. В первом полугодии 1987 г. низкое качество продукции отмечалось на Атяшевском мясокомбинате, безалкогольном заводе «Саранский», на Темниковском и Саранском хлебозаводах⁶.

Несмотря на выполнение планов промышленными предприятиями Мордовии по всем основным технико-экономическим показателям, повышение рентабельности, снижение затрат на один рубль товарной продукции, рост среднемесячной заработной платы, а также увеличение прибыли в условиях хозрасчета и самофинансирования, многие хозяйствующие субъекты оставались объектами постоянной критики. По суждению некоторых руководителей предприятий и объединений, проблема повышения качества продукции осложнялась остаточными принципами выделения капитальных вложений. Одним из способов увеличения производства высококачественной продукции было постоянное обновление ее ассортимента. Именно для этих целей в 1989 — 1990 гг. намечалось произвести техническую реконструкцию с использованием импортного оборудования⁷.

В этой связи постоянные комиссии рекомендовали Совету министров Мордовской АССР, рай(гор)исполкомам, руководителям объединений и предприятий исходя из требований XXVII съезда КПСС принять конкретные меры по преодолению негативной тенденции к снижению качества выпускаемой продукции и рассматривать повышение качества продукции как центр перестройки⁸. Решение вышеназванных вопросов прежде всего возлагалось на трудовой коллектив. На активизацию его энергии, инициативы, предприимчивости и сознательности были направлены усилия администрации основного руководящего состава предприятий и организаций.

Уже в период перестройки и реформаторства у людей появились озлобленность и отчаяние от безудержной гонки цен на потребительские товары и услуги населению, от недоступности многих товаров. В этой ситуации люди забывали о качестве покупок. Ухудшился не только качественный показатель продуктов питания, одежды и обуви, но и количественный — уменьшился вес хлебобулочных, кондитерских изделий, что констатировало и усиливало «производственный брак». Требовалось воссоздание народного контроля, состоявшего из порядочной и инициативной части общества⁹.

Аналогичные тенденции были характерны и для 2000-х гг. Многие российские предприятия сегодня пытаются внедрить системы качества и сертифицировать их на соответствие требованиям стандартов ISO 9000. Нужно отметить, что некоторым из них это удается и они получают отечественные или иностранные сертификаты от таких организаций, как Регистр Ллойда, Бюро Веритас, ТЮФ-СЕРТ и др.¹⁰

*Формирование основных теоретических концепций управления
качеством в современной отечественной экономической науке*

Существование и активное внедрение в практику функционирования предприятий России основных положений всех направлений, сложившихся в рамках системного подхода к управлению качеством у зарубежных и российских исследователей, свидетельствует о повышенном интересе ученых-экономистов и бизнес-окружения к этому вопросу. Усиление проблемы выпуска качественной продукции усугубляется как социальным и экономическим кризисами, охватившими страну сегодня, так и отставанием уровня качества российских товаров от продуктов иностранных конкурентов. Все это приобретает угрожающий характер и при незащищенности федерального рынка значительно влияет на экономику, занятость, социальную и культурную жизнь, продовольственную безопасность.

Определенные требования к качеству продукции, способам достижения его необходимого уровня бытовали в России со времен правления Ивана Грозного. Именно тогда были введены стандартные калибры (кружала) для измерения пушечных ядер. В первом собрании законов Российской империи эпохи Петра I был помещен ряд указов по внедрению в государстве элементов стандартизации. Несомненный интерес представляет указ Петра I о качестве российской продукции от 11 января 1723 г., на основании которого выдвигались требования государя к системе ее контроля, перечислялись меры наказания за выпуск дефектной продукции¹¹.

Развитие промышленности и транспорта в России привело к расширению работ по стандартизации. Принятие 14 сентября 1918 г. декрета «О введении метрической системы мер и весов» способствовало развитию этой области знаний. В число задач Комитета по стандартизации, организованного в 1925 г. при Совете труда и обороны, вошла стандартизация требований к качеству¹². Уже через год был утвержден первый общесоюзный стандарт ОСТ1 «Пшеница. Селекционные сорта зерна. Номенклатура», а также приняты стандарты, позволившие наладить серийное производство стандартных машиностроительных деталей. Представленные стандарты послужили базой для изучения методикой Тэйлора контроля качества продукции на основе системы допусков и посадок, что в дальнейшем привело к созданию одной из первых форм управления качеством посредством проверки изделий методом сортировки и разбраковки на годные и негодные. Таким образом, в СССР на тот период зарождались отдельные элементы современной системы управления качеством, связанные с установлением требований к качеству, контролем за их соблюдением, с научной организацией труда.

Первый председатель центрального органа по стандартизации В. В. Куйбышев, отмечая в своей статье «О качестве продукции» (1930 г.) необходимость организации борьбы за качество, писал следующее: «...мы недопустимо небрежно, халатно относимся к вопросам качества. В большинстве объединений работа по улучшению качества продукции поставлена весьма слабо. Отделы технического контроля, созданные для решительной борьбы с браком, борьбы за лучшее качество продукции, до сего времени на большинстве предприятий слабы, работают без необходимой им поддержки... Надо во что бы то ни стало добиться

того, чтобы каждый завод, каждый цех имели ясный и твердый план борьбы за качество продукции, надо добиться, чтобы в каждом цехе было должностное лицо завода, персонально ответственное за состояние борьбы за качество продукции, надо добиться того, чтобы это лицо эту свою ответственность сознавало и чувствовало»¹³.

Формированию теории и практики управления качеством способствовало развернувшееся в 1920 — 30-е гг. движение за научную организацию труда, в которое было вовлечено более 10 научно-исследовательских институтов страны. К этому периоду относится создание Центрального института труда (ЦИТ), Совета по научной организации труда, Всесоюзного комитета по стандартизации при Совете труда и обороны СССР, журнала «Вестник стандартизации» (ныне «Стандарты и качество»)¹⁴.

В частности, на ЦИТ были возложены задачи по исследованию, разработке и внедрению в промышленность наиболее совершенных и прогрессивных методов организации труда и производства, подготовке кадров и усовершенствованию орудий труда. Концепция трудовых установок, предложенная коллективом ЦИТ для практического освоения, включала в себя теорию трудовых движений в производственных процессах и организации рабочего места, методику рационального производственного обучения, теорию управленческих процессов, охватывала сферы техники и технологии, биологии, психофизиологии, экономики, истории, педагогики, а также содержала в себе основы кибернетики, инженерной психологии и эргономики¹⁵.

В центре проблем, решаемых ЦИТ под руководством А. К. Гастева, находилось развитие в каждом работнике постоянной внутренней потребности в непрерывном совершенствовании своего труда. Понимание недостаточности использования одних внешних стимулов к производственному творчеству в виде премиальных систем дополнялось разработанной специалистами института концепцией специальной методики производственного обучения, благодаря которой позднее на своих учебных базах в 170 городах страны было подготовлено свыше 500 тыс. рабочих наиболее востребованных в то время профессий. А. К. Гастев внес немалый вклад в теорию и практику стандартизации, особенно в методологию разработки стандартов, их обоснование и классификацию, разработку принципов согласования стандартов с определенной научно-технической культурой. Он рассматривал стандартизацию как метод организации всей культурно-технической жизни, образующий особое «стандартизационное хозяйство» страны, где доминирует принцип системности¹⁶.

Большой вклад в разработку современной отечественной государственной системы стандартизации внес известный в России и за рубежом ученый В. В. Бойцов (в 1963 — 1984 гг. он возглавлял Госстандарт СССР), создавший теоретико-методологические основы управления качеством всех элементов жизненного цикла технических объектов. При анализе организации управления качеством изделий машиностроения В. В. Бойцов обосновал возросшее значение кибернетического подхода, суть которого состояла в объединении разрозненных мероприятий в единую систему целеустремленных, постоянно осуществляемых действий на всех стадиях жизненного цикла изделий. Организация управления качеством изделий с данной позиции, по его мнению, строилась в структурном и

функциональном аспектах с выделением следующих требований: выработка стратегии и критерия управления; наличие эффективной обратной связи, обеспечивавшей наблюдение за реализацией общей стратегии; наличие резервов; обеспечение формирования и функционирования систем качества; планирование качества продукции; стимулирование повышения качества; сертификация продукции; учет человеческого фактора.

В 1977 г. научная школа В. В. Бойцова получила признание на мировом уровне, а ее автор был избран президентом Международной организации по стандартизации (ИСО). Ученый является одним из инициаторов и участников создания системы стандартов ИСО серии 9 000, которая получила наибольшее распространение в мире.

В число создателей теории управления качеством в России входит ученый-исследователь А. В. Гличев, автор более 300 научных трудов в области эффективности летательных аппаратов оборонного и гражданского назначения, надежности, управления качеством, стандартизации и сертификации. В них ученый исследовал природу качества, взаимосвязи категорий «качество» и «потребительная стоимость», методологию системного подхода к управлению качеством; проблемы сертификации, эффективности систем, принятие решений и мотивацию в них, подготовку персонала в этой области; вопросы соотношения качества и духовности и др. В течение 20 лет А. В. Гличев руководил институтом стандартизации Госстандарта СССР — ВНИИС, избирался президентом и вице-президентом Европейской организации качества (ЕОК), возглавлял Российскую академию проблем качества. Под его руководством в промышленности не только разрабатывалась, но и широко использовалась комплексная система управления качеством продукции.

Одним из достижений российской школы управления качеством в конце 1960-х гг. стало создание нового научного подхода — квалиметрии — научной области, в рамках которой изучаются методология и проблематика комплексной количественной оценки качества объектов любой природы (одушевленных/неодушевленных; предметов/процессов; продуктов труда/природы; имеющих материальный/духовный характер)¹⁷. По своей внутренней структуре квалиметрия подразделяется на теоретическую (абстрагируется от конкретных объектов (предметов/процессов) и изучает только общие закономерности и математические модели, связанные с оценкой качества) и прикладную (исследует общие методологические проблемы количественной оценки качества, а также развитие математических методов, направленных на преодоление общих трудностей, характерных для многих конкретных методик и математических моделей, предназначенных для такой оценки по конкретным объектам разного вида и назначения)¹⁸.

Становление и развитие квалиметрии оказало существенное влияние на теоретические и практические основы системы управления качеством. Например, общепризнанным стало положение, что эффективное управление качеством возможно лишь при наличии точных и объективных методов измерения и оценки качества продукции (это стимулирует развитие данной области и использование ее методов).

На протяжении многих десятилетий российских ученых привлекала проблема статистического изучения качества продукции. Поэтому параллельно с квалиметрией получило развитие и экономико-статистическое направление россий-

ской школы управления качеством. Впервые работы в этой области начали проводиться в Центральном НИИ кожевенной промышленности в 1930-х гг. — исследовалась зависимость между показателями носкости и результатами лабораторных испытаний подошв в различных вариантах. По их результатам были установлены коэффициенты парной корреляции между носкостью и показателями механического анализа, между носкостью и показателями общефизических свойств подошвы и т. д.¹⁹

В течение следующих 30 лет в СССР усиленно разрабатывались статистические методы контроля и анализа качества продукции шинной, нефтеперерабатывающей, подшипниковой, мукомольной и других отраслей промышленности²⁰. Внедрение экономико-статистического направления в науку о качестве продукции, с одной стороны, способствовало созданию предпосылок для разработки статистики и создания системы экономической информации о качестве продукции, играющих существенную роль в процессе управления качеством, с другой — оказало значительное влияние на формирование современных взглядов на экономическую информацию о качестве, систему статистических показателей качества, анализ резервов повышения качества. При этом немаловажным фактором анализируемого нами направления стало выделение двух условий эффективного управления качеством: органическое включение экономической информации в процесс управления качеством на предприятии-изготовителе; обеспечение обратной связи между экономической информацией о качестве продукции, получаемой потребителем, и производственной информацией о качестве, получаемой изготовителем.

Особое место в российской науке управления качеством принадлежит экономической теории качества. Эта школа исследовала качество с позиций экономической категории, соотношение категорий «потребность» и «качество», обосновала определение экономической эффективности повышения качества промышленной продукции с вопросами оптимизации ее качественных параметров. Наиболее актуальным представлялось решение проблемы определения экономической эффективности повышения качества промышленной продукции, так как ее правильная оценка, с точки зрения исследователей Д. С. Львова, В. И. Сиськова и В. И. Седова, в первую очередь зависит от обоснованности применяемого критерия оптимальности²¹. Бесспорным является положение ученых относительно основного показателя улучшения качества продукции — народно-хозяйственного экономического эффекта²², представляющего интерес особенно в кризисных условиях функционирования экономики. По нашему мнению, повышение качества продукции должно обеспечивать максимальный экономический эффект от использования каждой единицы трудовых, материальных и природных ресурсов общества, по своей величине — это сверхнормативная часть прироста национального дохода, которая зависит от изменения численности работников материального производства и роста производительности их труда как главного источника его увеличения. В связи с этим дополнительный, или сверхнормативный, прирост национального дохода может оцениваться как народно-хозяйственный экономический эффект от употребления новой продукции улучшенного качества и определяться суммой экономических эффектов отдельных потребителей новой продукции за весь планируемый период ее производства и использования.

Вопросы управления и повышения качества продукции были актуальными и для ученых-экономистов, занимавшихся отдельными аспектами данной тематики на региональном уровне. Так, с 1970-х гг. в Мордовии получили развитие направления, связанные с разработкой теории и методов измерения эффективности качества и оптимальной надежности технических систем под руководством Н. П. Макаркина; разработкой и применением статистических методов анализа, оценки и прогнозирования показателей качества изделий массового характера с учетом особенностей их изготовления и потребления (Ю. В. Сажин)²³; экономической эффективностью технологических методов повышения качества промышленной продукции (Н. Д. Гуськова)²⁴.

В начале 1980-х гг. вопросами определения эффективности затрат на повышение качества продукции в электротехнической промышленности занималась Т. М. Котлова²⁵.

Следующие десятилетия проблемы управления качеством с позиций обеспечения надежности сельскохозяйственной техники технико-экономическими методами и управления конкурентоспособностью предприятий технического сервиса мобильной техники углубленно изучал С. П. Бурланков²⁶. К числу социально-ориентированных императивов экономической политики региона относились разработки Е. А. Гутковской по улучшению методов управления персоналом в организации²⁷, Н. Д. Гуськовой и Т. А. Салимовой в области обеспечения качеством высшего образования в системе приоритетов Болонского процесса²⁸, а также Т. А. Салимовой в области управления качеством жизни в регионе²⁹ и в целом по эволюции развития отечественной школы управления качеством³⁰. В новых условиях хозяйствования приоритетными становились проблемы обеспечения конкурентоспособности и качества продукции в отдельных отраслях. Так, аспектом изучения А. К. Ватолина стали вопросы, характерные для фармацевтической промышленности в условиях рыночных отношений³¹. Е. В. Гудожникова занималась механизмом совершенствования системы доведения до потребителя продукции АПК Республики Мордовия³². Небезынтересной, на наш взгляд, является работа О. А. Ушаковой³³, в которой автор через анализ системообразующих для региона 16 молокоперерабатывающих предприятий предлагает собственную методику определения факторов, влияющих на их производственные показатели путем их ранжирования по уровням конкурентоспособности и качества выпускаемой продукции.

Следует подчеркнуть, что руководители передовых предприятий и организаций активно внедряют в практику основные постулаты проанализированных нами направлений в рамках системного подхода к комплексу мероприятий по управлению качеством. Это позволяет им сохранять и поддерживать лидирующие позиции в отрасли в условиях непредсказуемой турбулентной среды.

Новый инструментальный анализа в области управления качеством

Следует согласиться с исследователем Л. И. Абалкиным, по мнению которого за годы реформ кардинальные перемены претерпела не только российская экономика, но и многие положения самой экономической науки. Новые явления и

тенденции, проявившиеся за последние годы, требовали глубокого научного переосмысления, и ряд традиционных подходов оказался недостаточным. В связи с этим возникла необходимость в новой инструментарии анализа³⁴, в том числе в области управления качеством.

Не случайно в начале 2000-х гг. основу промышленной политики Республики Мордовия составляли пищевая и перерабатывающая отрасли, в которых на базе дальнейшей реконструкции и модернизации производства предполагалось осуществить выпуск продукции с высокими потребительскими свойствами. Широкое развитие должны были получить производства, основанные на принципах биотехнологии. Большое внимание уделялось расширению ассортимента продукции в современной упаковке, обеспечивающей высокое качество и сохранность. Приоритетными направлениями развития отрасли в предстоящий период стали: увеличение номенклатуры продуктов питания с учетом покупательского спроса различных слоев населения; создание новых конкурентоспособных продуктов; максимальное использование потенциала местных сырьевых ресурсов. От реализации инвестиционных проектов в пищевой и перерабатывающей промышленности прогнозировалось увеличение объемов производства на 90 % в течение 5 лет (с 2003 по 2007 г.)³⁵.

Немаловажным фактором в развитии теоретических и прикладных аспектов управления качеством стало постановление Правительства Республики Мордовия № 79 от 7 марта 2008 г., согласно которому была утверждена Программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции сырья и продовольствия республики на 2008 — 2012 гг. Необходимо отметить, что на региональном уровне данному документу предшествовала аналогичная государственная программа с идентичным названием (утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации № 446 от 14 июля 2007 г.).

Важным направлением государственной программы является реализация мероприятий с участием союзов (ассоциаций) сельхозтоваропроизводителей в формировании государственной аграрной политики. С целью нормативного обеспечения производства качественной, конкурентоспособной аграрной продукцией требуется согласовывать общественно значимые интересы сельхозтоваропроизводителей с органами исполнительной власти как федерального, так и регионального уровня³⁶. В этой связи наряду с другими приоритетами обосновано решение следующих задач: разработка технических заданий на технические регламенты, определяющие требования к качеству и безопасности продукции, работам и услугам в сельском хозяйстве, необходимые для функционирования системы технического регулирования отрасли; реформирование органами государственной власти системы стандартизации в сельском хозяйстве путем организации механизмов разработки и внедрения национальных стандартов, унифицированных в соответствии с международными, обеспечивающих применение передовых технологий, методов рационального использования ресурсов, а также техническую и информационную совместимость; содействие внедрению систем управления качеством продукции на базе международных стандартов, комплексных программ повышения качества продукции, а также обмен передовым опытом, в том числе проведение конкурсов, смотров, выставок по вопросам обеспечения качества продукции³⁷.

На наш взгляд, при разработке подобных проектов стоит обратить пристальное внимание на неоспоримый фактор непрерывного улучшения качества с позиций Дж. Джурана, который еще в 1950-х гг. разработал концепцию всеобщего управления качеством (англ. Total Quality Management, TQM), включающую три фазы: планирование, контроль и улучшение качества. Опыт внедрения системы TQM в различных сферах деятельности также говорит об аналогичных задачах: фирмы, внедряющие TQM, должны сосредоточить свое внимание на трех ключевых областях: стратегия, управление процессами и акцентирование внимания на потребителе. Это одно из основных и обязательных условий конкурентоспособности предприятия, которое должно стать залогом его успешной работы в вопросах обеспечения качеством.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Котлова Т. М.** Соотношение понятий качества и конкурентоспособность продукции в условиях рынка // Региональная экономика: проблемы эффективности и безопасности. Саранск, 2003. С. 39 — 47. (Тр. / НИИГН; вып. 3 (120)).
- ² См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР одиннадцатого созыва. Восьмая сессия (9 апр. 1988 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1988. С. 11.
- ³ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР одиннадцатого созыва. Пятая сессия (12 дек. 1986 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1987. С. 33 — 34.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С. 37.
- ⁶ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР одиннадцатого созыва. Шестая сессия (15 июля 1987 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1987. С. 21.
- ⁷ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР одиннадцатого созыва. Десятая сессия (9 дек. 1988 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1989. С. 56 — 57.
- ⁸ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР одиннадцатого созыва. Пятая сессия. С. 34.
- ⁹ См.: **Сухоруков Ю.** «Пшеничная» водичка // Совет. Мордовия. 1992. 2 июля.
- ¹⁰ См.: **Лапидус В.** Управление качеством как высшая школа проявления регулярного менеджмента // Семь нот менеджмента. М., 1998. 424 с.
- ¹¹ См.: **Окрепилов В. В.** Управление качеством. М., 1998.
- ¹² См.: Методологические проблемы управления качеством продукции в развитом социалистическом обществе. М., 1984. 104 с.
- ¹³ **Куйбышев В. В.** О качестве продукции // Материалы и документы по истории стандартизации. М., 1965. С. 19.
- ¹⁴ См.: Антология русского качества. М., 2000. 432 с.
- ¹⁵ См.: Персональный менеджмент / С. Д. Резник [и др.]. Пенза, 2000. 546 с.
- ¹⁶ См.: Антология русского качества.
- ¹⁷ См.: **Азгальдов Г. Г.** Квалиметрии — 30 лет: итоги и перспективы // Стандарты и качество. 1999. № 1. С. 30 — 36.
- ¹⁸ См.: Измерение качества продукции // Вопросы квалиметрии. М., 1971. 258 с.
- ¹⁹ См.: **Сиськов В. И.** Экономико-статистическое исследование качества продукции. М., 1971. 256 с.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ См.: **Львов Д. С., Сиськов В. И., Седов В. И.** Стандарт и качество. М., 1975. 368 с.
- ²² Там же.
- ²³ См.: **Кильдюшкина И. Г.** Развитие экономической науки в Республике Мордовия // Гуманитарные науки: проблемы и перспективы развития: материалы науч. сес., посвящ. 75-летию

создания НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ (Саранск, 28 — 29 февр. 2008 г.). Саранск, 2010. С. 198 — 219.

²⁴ См.: **Гуськова Н. Д.** Экономическая эффективность технологических методов повышения качества промышленной продукции : дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук. М., 1975. 194 с.

²⁵ См.: **Коглова Т. М.** Вопросы определения эффективности затрат на повышение качества продукции (на примере электротехнической промышленности) : дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук. М., 1982. 186 с.

²⁶ См.: **Бурланков С. П.** Обеспечение надежности сельскохозяйственной техники технико-экономическими методами : дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук. Саранск, 1992. 216 с. ; **Его же.** Управление конкурентоспособностью предприятий технического сервиса мобильной техники : дис. на соиск. учен. степ. д-ра экон. наук. Воронеж, 2004. 332 с.

²⁷ См.: **Гутковская Е. А.** Совершенствование методов управления персоналом в организации : дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук. Саранск, 1999. 204 с.

²⁸ См.: **Гуськова Н. Д.** Обеспечение качеством высшего образования в системе приоритетов Болонского процесса // Интеграция образования. 2007. № 3 — 4. С. 60 — 66.

²⁹ См.: **Салимова Т. А.** Формирование стратегии и тактики управления качеством жизни в регионе // Региональная экономика: теория и практика. 2006. № 2. С. 60 — 66.

³⁰ См.: **Салимова Т. А.** Формирование и развитие российской школы управления качеством // Экономика переходного периода: региональные особенности. Саранск, 2006. С. 297 — 308. (Тр. / НИИГН ; т. 6 (123)).

³¹ См.: **Ватолин А. К.** Обеспечение конкурентоспособности и качества продукции фармацевтической промышленности в условиях рыночных отношений : дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук. М., 2000. 214 с.

³² См.: **Гудожникова Е. В.** Совершенствование системы доведения до потребителя продукции АПК (на примере Республики Мордовия) : дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук. Йошкар-Ола, 2006. 196 с.

³³ См.: **Ушакова О. А.** Обеспечение устойчивого развития и конкурентоспособности региона (на примере Республики Мордовия) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук. М., 2009. 22 с.

³⁴ См.: **Абалкин Л. И.** Логика экономического роста. М., 2002. С. 85.

³⁵ См.: Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Мордовия на 2003 — 2007 годы : программа социально-экон. развития Респ. Мордовия на 2003 — 2007 гг. от 8 дек. 2003 г. № 62-З. Саранск, 2002. С. 41 — 43.

³⁶ См.: Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008 — 2012 годы : постановление Правительства РФ от 14 июля 2007 г. № 446. С. 20 — 22.

³⁷ Там же.

Поступила 10.12.2012 г.

УДК 331.5:338.124.4 (470.345)

А. А. Лачина

A. A. Lachina

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ В ГОДЫ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

TRANSFORMATION OF EMPLOYMENT OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA DURING THE WORLD ECONOMIC CRISIS

Ключевые слова: рынок труда, занятость, безработица, экономическая активность населения, служба занятости, скрытая безработица, неполная занятость.

В статье на основе анализа показателей занятости выявляются основные тенденции трансформации рынка труда Мордовии в 2008 — 2011 гг.

Key words: labour market, employment, unemployment, economic activity of the population, the employment service, hidden unemployment, part-time employment.

The main trends of transformation of the labour market in Mordovia during 2008 – 2011 are identified in the article on basis of the analysis of employment indicators.

Год последнего экономического кризиса в России (осень 2008 г.) для рынка труда Республики Мордовия в целом был благополучным. В 2008 г. по сравнению с предыдущим годом численность занятого населения в экономике республики возросла на 24,1 тыс. чел, или 5,5 %, а количество безработных снизилось на 4,9 тыс. чел., или 30,1 %. Это было связано с тем, что процедура высвобождения работников, начавшаяся осенью 2008 г., завершилась в 2009 г. Об этом свидетельствует динамика численности занятых и безработных (табл. 1).

Руководители предприятий республики даже не предполагали о возможности возникновения кризиса. Не обращалось внимание также на то, что опасные для мировой экономики явления уже прослеживались в ряде экономически стабильных стран.

Непонимание ситуации проявлялось в проводимой политике занятости. Показатели движения рабо-

Таблица 1
**Динамика численности занятых и безработных
в 2008 г., тыс. чел. на конец месяца**

Период	Занятые	Безработные
Январь	440,4	13,6
Февраль	441,0	12,0
Март	447,6	11,7
Апрель	454,0	11,3
Май	460,6	10,8
Июнь	461,8	10,9
Июль	463,1	11,0
Август	464,4	11,0
Сентябрь	464,0	11,1
Октябрь	463,5	11,2
Ноябрь	463,0	11,3
Декабрь	463,0	11,3

Составлена по: Миграция и проблемы занятости населения Республики Мордовия : аналит. зап. // Мордовиястат. Саранск, 2009. С. 17.

чей силы в 2008 г. были ниже, чем в 2004 — 2006 гг., находясь приблизительно на уровне 2007 г. Оборот рабочей силы крупных и средних предприятий Мордовии в 2004 г. составлял 55,0 % от среднесписочной численности работавших, в 2005 г. — 51,0, в 2006 г. — 50,2, в 2007 г. — 48,7, в 2008 г. — 49,0 %¹.

Прием новых работников был также не ограничен, как это должно было быть в преддверии кризиса. Более того, в течение 2008 г. на крупных и средних предприятиях республики появилось 2 468 новых рабочих мест. В этот сектор экономики было принято 53 978 чел., из них 4,6 % — на вновь созданные рабочие места.

Несмотря на то что в 2008 г. по сравнению с 2007 г. количество рабочих мест сократилось, потребность в работниках, заявленная предприятиями и организациями в учреждения службы занятости, составляла 2 128 чел.

В течение января-декабря 2008 г. с предприятий Республики Мордовия уволилось 61 009 чел., т. е. выбытие одних рабочих кадров компенсировалось приемом других на 88,5 % (в 2007 г. данный показатель составлял 93,6 %). Основной причиной выбытия по-прежнему оставалось увольнение по собственному желанию (80,3 % от общего числа увольнений). В результате сокращения штатов в 2008 г. было уволено 2 861 чел. (в 2007 г. — 2 870 чел.). Наибольшее высвобождение наблюдалось на обрабатывающих производствах и в сфере образования (67,7 % от всех выбывших). На конец 2008 г. на предприятиях республики насчитывалось 2 690 вакантных рабочих мест².

Планы по оптимизации численного состава работников предприятий в связи с неизбежным падением объемов производства в условиях кризиса были более чем скромными. В течение I квартала 2009 г. планировалось сокращение штатов на 1 859 чел., из них 1 644 чел. — в обрабатывающих производствах, 76 чел. — в сфере здравоохранения и социальных услуг. Однако события развивались по другому сценарию: в 2009 г. число занятых в экономике Мордовии сократилось на 5,2 %, а численность безработных возросла в 2,2 раза. В 2010 г. занятость еще сократилась (на 0,6 %), уменьшилось и число безработных (на 2,0 %). В 2011 г. численность занятых в экономике увеличилась незначительно — на 0,6 тыс. чел. Количество безработных сократилось на 0,5 тыс. чел., или на 2,0 % (табл. 2).

В докризисные годы в составе занятого населения преобладали женщины: в 1980 г. — 54,4 %, в 1990 г. — 53,3, в 2000 г. — 52,9 %³. В 2009 г. женщин было по-прежнему больше, чем мужчин, однако их структурная доля заметно уменьшилась (табл. 3).

С 2010 г. стала преобладать численность занятых в экономике мужчин (впервые за последние 30 лет). Рост этого показателя продолжился и в 2011 г. В течение 2008 — 2011 гг. численность занятых в экономике Мордовии мужчин уменьшилась на 2,0 % (см. табл. 2).

На фоне возрастания численности мужчин в составе занятого населения сокращалось количество работающих женщин. В течение 2009 — 2011 гг. этот показатель составил 9 %. Это объясняется тем, что женщин, как правило, сокращали первыми, их положение на рынке труда было более уязвимым. Такая тенденция проявлялась и при приеме на работу, и в оплате труда, и при массовых увольнениях.

Таблица 2

**Динамика численности экономически активного населения
в 2007 — 2011 гг., тыс. чел.**

Показатель	2007	2008	2009	2010	2011
Численность экономически активного населения, всего	455,2	474,4	464,1	460,8	460,9
мужчины	228,4	229,8	233,9	232,9	232,9
женщины	226,8	244,6	230,2	227,9	228,0
В том числе занятые в экономике, всего	438,9	463,0	439,0	436,2	436,8
мужчины	217,4	224,5	217,8	218,9	219,7
женщины	221,5	238,5	221,2	217,3	217,1
Безработные, всего	16,3	11,4	25,1	24,6	24,1
мужчины	11,0	5,3	16,1	14,0	13,2
женщины	5,3	6,1	9,0	10,6	10,9
Численность безработных, зарегистрирован- ных в государственных учреждениях службы занятости (на конец года), всего	5,7	5,2	8,0	7,1	5,6
мужчины	1,8	1,8	3,1	2,9	3,2
женщины	3,9	3,4	4,9	4,2	2,4
Среднегодовая численность занятых в экономике	395,3	393,9	387,1	385,0	382,6

Составлена по: Мордовия : стат. ежегодник // Мордовиястат. Саранск. 2012. С. 119.

Таблица 3

**Удельный вес женщин в общей численности занятых
по видам экономической деятельности, %**

Вид деятельности	2007	2008	2009	2010	2011
1	2	3	4	5	6
Всего в экономике	50,5	51,5	50,4	49,8	49,7
В том числе по видам экономической деятельности:					
сельское хозяйство,					
охота и лесное хозяйство	40,1	50,3	47,6	37,4	42,9
рыболовство, рыбоводство	—	—	—	—	—
добыча полезных ископаемых	—	—	—	—	—
обрабатывающие производства	44,5	51,0	46,1	43,7	43,4
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	36,0	31,7	28,6	27,8	28,6
строительство	20,4	15,0	16,1	16,9	12,7
оптовая и розничная торговля;					
ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	66,9	59,9	58,3	62,9	65,0
гостиницы и рестораны	74,3	75,0	100,0	81,4	76,8
транспорт и связь	27,3	28,9	25,0	33,3	30,3
финансовая деятельность	88,0	74,2	75,0	78,3	86,8

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	42,6	32,7	33,3	39,0	34,7
государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное страхование	42,4	42,3	46,9	44,7	50,4
образование	75,8	75,2	72,7	75,9	80,4
здравоохранение и предоставление социальных услуг	82,2	82,5	82,8	84,7	83,5
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	80,9	69,7	100,0	68,3	69,5

Составлена по: Мордовия. 2012. С. 125.

Традиционно «женскими» отраслями являются здравоохранение, сфера социальных услуг, образование, финансовая деятельность, оптовая и розничная торговля и др. В годы экономического кризиса существенно расширилось представительство женщин в сфере государственного управления и обеспечения военной безопасности, социального страхования (в 2011 г. женщин в организациях этого вида деятельности было больше, чем мужчин).

Значительное сокращение доли женщин отмечается в следующих отраслях: строительство — в 1,6 раза, производство и распределение электроэнергии, газа и воды — в 1,3 раза, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг — в 1,2 раза (см. табл. 3). Отчасти это обусловлено спецификой и тяжестью труда в этих отраслях. Другая причина вытеснения женщин — возросшая в связи с кризисом привлекательность этих сфер деятельности для мужчин. Обоснованность последнего предположения подтверждает рост доли женщин в таких отраслях, как сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, транспорт и связь, где требуется значительная физическая сила, труд сопряжен с риском для здоровья.

Преобладающее количество мужчин прослеживалось не только среди занятых, но и среди безработных. Резко увеличившись в 2009 г. (в 3 раза), число безработных мужчин в 2010 г. начало уменьшаться (на 13 %). В 2011 г. этот показатель снизился еще на 6 %, тем не менее по сравнению с 2008 г. в 2011 г. безработных мужчин было в 2,5 раза больше — 13,2 тыс. чел. Численность неработающих женщин возрастала и в 2009, и в 2010, и в 2011 гг., в целом за период — на 5,6 тыс. чел., или на 79 % (см. табл. 3).

Согласно государственной службе занятости, численность зарегистрированных безработных резко не увеличивалось. Так, в 2009 г. прирост показателя составил 54 %, а в 2010 г. отмечалось его снижение на 11 %. Среди этой категории неработающих граждан традиционно преобладали женщины. Объясняется это сложностью процедуры признания безработным, оформления пособия по безработице, необходимостью регулярного посещения биржи труда, на что решаются не многие мужчины. Исключение составил только 2011 г., когда численность зарегистрированных безработных мужчин возросла на 10 %, превысив число зарегистрированных неработающих женщин, которое

за 2010 — 2011 гг. уменьшилось в более чем 2 раза. Уровень экономической активности населения Мордовии в течение 2007 — 2011 гг. представлен в табл. 4.

Таблица 4

Динамика относительных показателей экономической активности населения, %

Год	Уровень экономической активности населения		Уровень занятости населения		Уровень безработицы населения		Уровень зарегистрированной безработицы
	в возрасте 15 — 72 года	в трудоспособном возрасте	в возрасте 15 — 72 года	в трудоспособном возрасте	в возрасте 15 — 72 года	в трудоспособном возрасте	
Всего							
2007	67,7	78,3	65,3	75,2	3,6	3,9	1,3
2008	71,0	78,4	69,3	76,4	2,4	2,6	1,1
2009	70,0	78,3	66,2	73,7	5,4	5,9	1,7
2010	69,9	80,5	66,1	76,0	5,3	5,6	1,5
2011	70,6	82,4	66,9	77,8	5,2	5,6	1,2
Мужчины							
2007	72,2	79,8	68,8	75,8	4,8	5,0	—
2008	73,1	78,3	71,5	76,4	2,3	2,4	—
2009	75,1	80,6	69,9	74,9	6,9	7,0	—
2010	75,1	82,2	70,6	77,1	6,0	6,2	—
2011	75,9	83,8	71,6	78,9	5,7	5,8	—
Женщины							
2007	63,7	76,7	62,2	74,6	2,3	2,6	—
2008	69,1	78,5	67,4	76,4	2,5	2,7	—
2009	65,6	75,9	63,0	72,5	3,9	4,6	—
2010	65,2	78,7	62,1	74,8	4,7	5,0	—
2011	65,9	81,0	62,8	76,7	4,8	5,3	—

Составлена по: Мордовия. 2012. С. 120.

Согласно табл. 4, уровень занятости населения имел положительную динамику. Так, в 2007 г. по экономически активному населению он составлял более 65 %, в 2011 г. — почти 67 %. Показатель занятости населения трудоспособного возраста также возрос: с 75 % в 2007 г. до 78 % в 2011 г.

Наиболее сложным положение на рынке труда Мордовии было в 2009 г., когда в полной мере проявились последствия мирового экономического кризиса. Вследствие юридических процедур основная волна высвобождения излишней рабочей силы пришлось на начало этого года. На процесс высвобождения повлияли также ожидания работодателей скорого восстановления экономики.

К сентябрю 2009 г. в республике было уволено 6 073 чел. В режиме неполного рабочего времени по инициативе администрации работали 12 814 чел., или 3,3 % от среднесписочной численности. В этот же период 30 279 чел. находились в отпусках без сохранения заработной платы в соответствии с законодательством и по собственному желанию (это еще 7,8 % от среднесписочной численности).

Одно из крупнейших предприятий республики ОАО «Лисма» было вынуждено ввести режим неполного рабочего дня для 3 063 чел. из 4 350 чел. среднесписочной численности работников. В ОАО «ВКМ-Сталь» по сокращению штатов в 2009 г. было уволено около $\frac{1}{3}$ от среднесписочного состава работников⁴.

В 2009 г. уровень занятости трудоспособного населения в экономике республики составлял менее 74 %, в этом же году был и самый высокий уровень безработицы — около 6 %. Наиболее низкий уровень занятости экономически активного населения отмечен в докризисном 2007 г. (65 %) при сравнительно высоком уровне занятости трудоспособного населения (75 %) и относительно низких показателях безработицы. Высокий уровень занятости экономически активного населения отмечен в докризисном 2008 г. — 69 % и в 2011 г. — 78 % (см. табл. 4). Среди мужчин показатели занятости и безработицы выше, поскольку их период трудоспособности увеличен, согласно закону Российской Федерации.

Несмотря на то что динамика относительных показателей рынка труда свидетельствует о повышении уровня экономической активности населения Мордовии за 2007 — 2011 гг., рынок труда региона еще не был восстановлен после разрушительного экономического кризиса. Это подтверждает показатель среднегодовой численности занятых в экономике региона, формируемый на основе сведений организаций, материалов выборочного обследования населения по проблемам занятости, данных органов исполнительной власти (табл. 5).

Согласно табл. 5, показатель среднесписочной численности занятых в экономике ежегодно снижался. Его уменьшение в 2007 — 2011 гг. произошло в большинстве отраслей экономики республики. Наибольшее уменьшение численного состава работающих происходили в следующих отраслях: добыча полезных ископаемых (в 2 раза), гостиницы и рестораны (на 21 %), обрабатывающие производства (на 19 %), образование (на 13 %), производство и распределение электроэнергии, газа и воды (на 9 %), здравоохранение и предоставление социальных услуг (на 5 %).

Рост среднесписочной численности занятых отмечается в таких отраслях, как государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование (на 32 %), строительство (на 5 %), транспорт и связь, а также оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (на 3 %); финансовая деятельность (на 2 %) (см. табл. 5).

Таблица 5

**Среднегодовая численность занятых по видам
экономической деятельности, тыс. чел.**

Вид деятельности	2007	2008	2009	2010	2011	2011 к 2007, %
1	2	3	4	5	6	7
Всего в экономике	395,3	393,9	387,1	385,0	382,6	96,8
В том числе по видам экономической деятельности:						
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	76,0	75,1	76,7	76,9	75,9	99,9

Окончание табл. 5

1	2	3	4	5	6	7
рыболовство, рыбоводство	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	100,0
добыча полезных ископаемых	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1	50,0
обрабатывающие производства	83,4	82,5	70,9	68,6	67,5	80,9
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	9,2	9,1	8,7	8,4	8,4	91,3
строительство	27,2	26,9	27,5	27,4	28,6	105,1
оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	50,1	51,0	51,2	51,7	51,4	102,6
гостиницы и рестораны	3,3	3,6	2,8	2,4	2,6	78,8
транспорт и связь	21,5	22,0	22,2	21,6	22,2	103,3
финансовая деятельность	5,6	5,7	5,6	5,6	5,7	101,8
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	17,4	17,9	19,4	18,2	17,0	97,7
государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное страхование	25,1	25,1	29,9	32,5	33,1	131,9
образование	36,5	35,3	34,1	32,7	31,9	87,4
здравоохранение и предоставление социальных услуг	29,2	28,3	27,8	28,0	27,7	94,9
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	10,5	11,0	10,1	10,8	10,3	98,1

Составлена по: Мордовия. 2011. С. 89; 2012. С. 121.

Отмечаемые изменения привели к трансформации структуры занятости в экономике региона. По данным табл. 5, за 2007 — 2011 гг. уменьшилась доля следующих отраслей: обрабатывающие производства (на 3,4 п. п.), образование (на 0,9 п. п.), здравоохранение и предоставление социальных услуг (на 0,2 п. п.), производство и распределение электроэнергии, газа и воды, а также гостиницы и рестораны (на 0,1 п. п.).

Вместе с тем отмечается рост удельного веса в структуре занятости таких видов деятельности, как государственное управление и обеспечение военной безопасности, обязательное социальное обеспечение (на 2,3 п. п.); оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (на 0,7 п. п.); сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, а также строительство (на 0,6 п. п.), транспорт и связь (на 0,4 п. п.), финансовая деятельность и операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (на 0,1 п. п.).

В отраслевой структуре занятости до 2009 г. наибольшую часть занимали обрабатывающие производства (21,0 % в 2008 г.), несмотря на то что в 2002 г. их доля уменьшилась почти на 2 п. п., а в 2001 г. составила 24,1 %. Однако мировой экономический кризис привел к сокращению численности занятых на промышленных предприятиях: в 2009 г. — на 7,2 %, в 2010 г. — на 3,2 % к предыдущему году⁵.

В сельском хозяйстве, напротив, число занятых немного увеличилось: в 2009 г. — на 0,8 %, в 2010 г. — на 0,2 % к предыдущему году. В результате с 2009 г. сельское хозяйство в Мордовии являлось основной отраслью по количеству занятых, несмотря на то что до 2009 г. ее удельный вес неуклонно сокращался. В начале 1990-х гг. в сельском хозяйстве республики трудилось 93 тыс. чел., что составляло 19,1 % в структуре занятости, но к 2000 г. численность занятых в этой отрасли сократилась на 21,3 %, составив 73,2 тыс. чел., показатель удельного веса в структуре занятости уменьшился до 18,2 %. В 2008 г. он составлял 19,1 %, что на 0,7 п. п. меньше, чем в 2009 г. (обрабатывающие производства потеряли за этот год 2,6 п. п. в структуре занятости республики). В 2011 г. в сельском хозяйстве Мордовии было занято почти 76 тыс. чел.⁶

Важнейшей характеристикой занятого населения является его возрастная структура, деформация которой представляет одну из наиболее сложных проблем управления персоналом предприятия. Особенно остро эти вопросы стоят на технологически сложных предприятиях, на многих из которых средний возраст сотрудников превышает 50 лет, поскольку инженерные специальности не привлекают современную молодежь. Старение коллектива — весьма болезненный процесс. Уход опытных работников нередко оголяет важнейшие производственные участки, отсутствие равноценной замены чревато снижением общего потенциала компании.

Однако и чрезмерно активная политика, направленная на омоложение коллектива, может привести к отрицательному результату — нарушению преемственности поколений, утрате ценных производственных и социальных традиций и т. п. Немало предприятий столкнулось с этой проблемой. Исследователи отмечают четко выраженную ориентацию кадровой политики российских предприятий на молодых работников, в то время как зарубежная теория и практика управления персоналом опирается на преимущества работников среднего возраста.

Исследователи выделяют различные группы работников по возрасту, приводят типичные черты этих категорий персонала, раскрывают особенности их трудовой мотивации и поведения. Наиболее распространено деление персонала на следующие возрастные категории: до 30 лет, от 30 до 45 лет, от 45 до 55 лет, предпенсионного и пенсионного возраста. Каждая из этих групп характеризуется особым набором качеств, различается по мотивации и трудовому поведению.

Для молодых сотрудников (до 30 лет) свойственны инициативность и предприимчивость, наличие современных теоретических знаний, свобода от стереотипов, восприимчивость к нововведениям, способность к творчеству и саморазвитию, стремление к профессиональному росту, желание воплотить свои идеи в жизнь. Поскольку такие сотрудники движимы разнообразными интересами и потребностями, хорошо поддаются управленческим воздействиям, в их отношении можно использовать широкий спектр технологий управления. Эта возрастная группа характеризуется также положительной структурой мотиваций: главное для них заработная плата и возможность профессионального роста, большое значение имеют интересная работа и социальный статус, важны режим работы и отношения в трудовом коллективе. Поэтому во многих случаях наем молодежи представляется работодателю более привлекательным, позволяет минимизировать затраты на привлечение и использование рабочей силы.

Однако у этой категории работников есть и существенные недостатки, связанные с отсутствием жизненного и профессионального опыта. Молодые сотрудники в силу возрастного максимализма нередко предъявляют высокие требования к организации, не желают заниматься рутинной, склонны переоценивать свои возможности. Нужно немало времени для их профессиональной адаптации, выработки навыков общения с партнерами и клиентами организации, требуется повышенное внимание со стороны руководителя. Характерные для этой возрастной категории социальная и психологическая нестабильность затрудняют социальную адаптацию работника, могут привести к дестабилизации и разобщению коллектива. Молодые люди нередко выражают неудовлетворенность трудом, наиболее склонны к принятию импульсивных решений. По причине неопределенности трудовых и профессиональных интересов они обладают высокой трудовой мобильностью, поэтому нередко меняют место работы.

Основу трудового коллектива составляют работники среднего возраста (31 — 45 лет). Они, как правило, занимают стабильное положение в коллективе, отличаются высоким уровнем профессионализма, наличием опыта работы, взвешенным подходом к принятию решений, умением налаживать отношения с коллегами, партнерами, клиентами. Вместе с тем они мобильны и активны, хорошо адаптированы к работе в новых условиях, стремятся повысить свой социальный статус. Вследствие увеличения демографической нагрузки мотивационная структура трансформируется в сторону обеспечения материального достатка семей, ценности труда ослабевают; главное для работников в этом возрасте высокая заработная плата и социальная стабильность. После 40 лет все чаще отмечается некоторая самоуспокоенность, нарастание консерватизма, инертность в поведении. Эксперты отмечают устаревание знаний, некоторую отсталость таких работников (особенно это касается компьютерных технологий). В силу утвердившегося положения таких работников в структуре организации и трудовом коллективе, осознания своей значимости и перспективности для предприятия они недостаточно восприимчивы к управленческим воздействиям. Накопив определенный опыт, изучив условия рынка труда и оценив свои возможности, такие работники в поисках более достойного применения часто меняют место работы.

Работники старшего возраста (46 — 55 лет) имеют, как правило, большой опыт работы, они дисциплинированы и аккуратны в работе, характеризуются социальной зрелостью и умением строить отношения с людьми. Вместе с тем у таких работников нередко невысокий образовательный уровень. Как работники и личности они формировались в советский период, поэтому им сложно приспособиваться к рыночным условиям. Семейные проблемы все более отодвигают трудовые ценности. В силу возрастного консерватизма эти работники с трудом воспринимают изменения, сложно осваивают новые технологии работы. Мотивационная структура прогрессивностью не отличается: профессиональное совершенствование им в тягость, все более актуальным является достойный выход на пенсию. По этим причинам управленческие воздействия, хотя и воспринимаются работниками из-за боязни потерять работу перед пенсией, но не достигают должного эффекта.

Работники предпенсионного и пенсионного возраста имеют богатый жизненный и производственный опыт, твердые социальные и профессиональные позиции; как правило, эти сотрудники не имеют претензий по условиям и режиму работы, их жилищно-бытовые и семейные проблемы в большинстве случаев решены, а материальные потребности весьма ограничены. Их трудовая мотивация основывается на принадлежности к организации, признании коллег по работе. Этой категории сотрудников сложно перестраиваться в динамично меняющихся условиях, низкий уровень теоретической подготовки не позволяет им осваивать новые технологии, принимать современные методы управления. На предприятиях с большой долей инновационных работ, требующих современных знаний, инициативности, высокой мобильности, такие работники могут стать сдерживающим развитием организации фактором. На традиционных производствах, слабо подверженных изменениям, или уникальных производствах, где на формирование умений и навыков требуется длительное время, они полезны для сплочения коллектива, обеспечения преемственности полезных традиций, передачи знаний и опыта молодым работникам.

Важно соблюдать баланс между опытом и консерватизмом, свойственными работникам старших возрастов, и динамизмом и активностью, характерными для молодежи. Работники среднего возраста обеспечивают предприятию профессионализм, творческий подход к делу и современные знания; молодежь привносит необходимые в современных условиях предприимчивость и инициативность; работники старшего возраста передают молодому поколению специальные знания, обучают уникальным навыкам, ветераны сохраняют и прививают молодежи традиции, передают накопленный многими годами добросовестного труда опыт.

Опираясь на масштабное и продолжительное обследование промышленных предприятий, авторитетный в области управления персоналом исследователь В. В. Половинко считает оптимальным следующее соотношение возрастных групп: 30 % — молодежь, 45 % — работники среднего возраста, 20 % — представители старших возрастов, 5 % — предпенсионного и пенсионного возраста⁷.

За 2007 — 2011 гг. средний возраст занятых в экономике Мордовии уменьшился с 40,7 года до 40 лет. Это очень хороший показатель. Наконец удалось переломить тенденцию быстрого старения работающего населения. В течение 1997 — 2009 гг. средний возраст занятых в экономике республики увеличился с 38 до 42 лет. С 2010 г. средний возраст занятых в экономике Мордовии стал снижаться (табл. 6). Вероятно, на его динамику повлияли предпринятые на многих предприятиях республики меры по оптимизации численного состава работающих.

Согласно табл. 6, средний возраст работающих женщин превышает данный показатель у мужчин: в 2007 г. — на 0,6 года, в 2008 г. — на 0,9 года, в 2009 и 2010 гг. — на 1,0 год, несмотря на то что период трудоспособности у мужчин более продолжителен, чем у женщин. Сравнялись показатели только в 2011 г. Удельный вес работающих в возрасте до 20 лет немного увеличился. Более существенное увеличение произошло по группам 20 — 24 и 25 — 29 лет. В целом доля молодежи в структуре занятого населения возросла с 20,4 до 24,5 %.

Таблица 6

Распределение численности занятых по возрасту, %

Год	Занятые в экономике, всего	В том числе в возрасте, лет										Средний возраст в экономике, лет
		До 20	20 — 24	25 — 29	30 — 34	35 — 39	40 — 44	45 — 49	50 — 54	55 — 59	60 — 72	
Всего												
2007	100	1,5	8,1	10,8	12,6	12,3	14,1	15,8	13,4	7,6	3,8	40,7
2008	100	1,8	7,4	10,5	12,0	11,2	13,1	15,5	12,7	7,9	7,9	41,8
2009	100	1,6	8,0	10,8	11,6	11,6	12,4	15,3	13,1	8,6	7,1	42,0
2010	100	1,6	9,5	11,2	11,7	11,8	12,4	14,9	13,4	9,1	4,4	41,0
2011	100	1,7	10,7	12,1	11,4	11,8	12,0	14,2	13,5	8,3	4,3	40,0
Мужчины												
2007	100	1,9	8,2	11,3	12,7	12,4	14,4	15,1	12,5	8,2	3,3	40,3
2008	100	1,9	7,2	10,9	12,9	11,6	13,4	14,9	12,2	8,5	6,5	41,3
2009	100	2,0	8,9	10,1	12,1	12,0	12,5	14,9	12,2	8,8	6,4	41,0
2010	100	2,0	10,0	11,3	12,2	11,6	12,0	14,3	12,5	9,6	4,5	40,0
2011	100	2,1	11,5	11,9	11,8	11,9	11,7	13,3	12,7	9,1	4,0	40,0
Женщины												
2007	100	1,0	7,9	10,3	12,4	12,3	13,9	16,5	14,3	7,1	4,3	41,0
2008	100	1,7	7,5	10,2	11,2	10,8	12,7	16,0	13,2	7,4	9,3	42,3
2009	100	1,3	7,2	11,5	11,0	11,2	12,4	15,6	13,9	8,3	7,7	42,0
2010	100	1,2	8,9	11,2	11,3	12,0	12,8	15,6	14,4	8,5	4,1	41,0
2011	100	1,4	9,9	12,4	10,9	11,8	12,3	14,9	14,3	7,5	4,6	40,0

Составлена по: Мордовия. 2012. С. 127.

За 2007 — 2011 гг. удельный вес старшей возрастной группы также увеличился. Доля мужчин предпенсионного возраста стала на 0,9 п. п. больше. Удельный вес женщин в возрасте 50 — 54 лет оставался стабильно высоким (14,3 %), а в пенсионном возрасте увеличился на 0,7 п. п. (с 11,4 до 12,1%). Лиц пенсионного возраста среди работающих мужчин также стало больше (на 0,7 п. п.) (см. табл. 6).

На основании вышесказанного следует констатировать, что деформация возрастной структуры занятых в экономике Мордовии весьма существенна, доля старших возрастных групп выше, а молодежи и среднего возраста — ниже. Это отрицательно сказывается на работе предприятий и ставит под сомнение перспективы их развития.

Уровень образованности населения Республики Мордовия радиционно высок. За 2007 — 2011 гг. в распределении занятых по образованию произошли следующие изменения: существенно увеличился удельный вес работающих с начальным профессиональным образованием (с 12 до 20 %). Это очень важно, поскольку в предшествующие экономическому кризису годы экономического роста многие предприятия республики испытывали острый дефицит квалифицированных рабочих.

Немного увеличился также удельный вес лиц, имевших высшее профессиональное образование: с 2008 г. эта категория работников имела наибольший удельный вес в структуре занятых (табл. 7).

Таблица 7

Распределение численности занятых по образованию, %

Год	Занятые в эконо- мике, всего	В том числе имели образование					
		высшее профес- сиональное	среднее профес- сиональное	начальное профес- сиональное	среднее (полное)	основное общее	не имели основ- ного общего образования
Всего							
2007	100	27,3	27,2	12,3	29,1	3,8	0,3
2008	100	27,7	25,2	19,0	21,8	4,1	2,2
2009	100	26,7	23,5	21,5	24,4	3,6	0,3
2010	100	28,3	22,1	19,9	26,5	2,8	0,4
2011	100	27,5	23,5	19,5	26,5	2,7	0,3
Мужчины							
2007	100	22,3	22,9	14,9	35,5	4,0	0,4
2008	100	25,7	22,4	22,3	24,0	3,5	2,1
2009	100	21,4	18,1	27,9	28,5	3,9	0,2
2010	100	22,4	17,8	24,9	31,2	3,2	0,5
2011	100	22,1	18,4	25,4	30,3	3,5	0,3
Женщины							
2007	100	32,2	31,3	9,7	22,9	3,7	0,2
2008	100	29,7	27,9	15,9	19,7	4,6	2,2
2009	100	32,0	28,7	15,2	20,5	3,2	0,4
2010	100	34,3	26,3	14,9	21,8	2,4	0,3
2011	100	32,8	28,6	13,5	22,9	1,9	0,3

Составлена по: Мордовия. 2012. С. 127.

Отмечаемые изменения произошли за счет групп работников со средним профессиональным (2007 г. — 27,2 %, 2011 г. — 23,5 %) и общим средним образованием (2007 г. — 29,1 %, 2011 г. — 26,5 %). Уменьшилась и структурная доля лиц, имевших основное общее образование (с 3,8 % в 2007 г. до 2,7 % в 2011 г.). Неизменной осталась доля работников, не имевших основного общего образования — 0,3 %, хотя в докризисном 2008 г. этот показатель повышался до 2,2 % (см. табл. 7).

По данным табл. 7, женщины, трудившиеся в экономике Мордовии, были более образованны по сравнению с мужчинами. Удельный вес женщин с высшим образованием был стабильно высоким в течение всего рассматриваемого периода. Среди мужчин доля лиц с высшим и средним профессиональным образованием за 2007 — 2011 гг. уменьшилась.

Таким образом, ситуация на рынке труда Республики Мордовия в годы мирового экономического кризиса оставалась сравнительно сложной. Уровень общей безработицы в более чем 2 раза превышал докризисный уровень и снижался очень медленно. О том, что рынок труда региона еще не восстановился после разрушительного экономического кризиса, свидетельствует отрицательная динамика показателя среднегодовой численности занятых в экономике региона.

Библиографические ссылки

¹ См.: Миграция и проблемы занятости населения Республики Мордовия : аналит. зап. // Мордовиястат. Саранск, 2009. С. 17.

² Там же.

³ См.: Мордовия : стат. ежегодник // Мордовиястат. Саранск, 2012. С. 125.

⁴ Там же. С. 119.

⁵ См.: Мордовия. 2011. С. 121.

⁶ Там же.

⁷ См.: **Половинко В. С.** Управление персоналом: системный подход и его реализация. М., 2002. С. 195.

Поступила 29.03.2013 г.

УДК 347.27:336.717.061

А. Ю. Зеленев

A. Yu. Zelenev

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ РАЗВИТИЮ ИПОТЕЧНОГО ЖИЛИЩНОГО КРЕДИТОВАНИЯ, И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КОНЕЧНУЮ СТОИМОСТЬ ИПОТЕЧНОГО ПРОДУКТА

KEY FACTORS IMPEDING THE DEVELOPMENT OF MORTGAGE LENDING AND THEIR EFFECT ON THE FINAL COST OF MORTGAGE PRODUCT

Ключевые слова: ипотека, кредит, процентная ставка, первоначальный взнос, недвижимость.

В статье на основе материалов социологических опросов анализируется отношение населения к ипотечному кредитованию; выявляются основные факторы, влияющие на принятие заемщиком решения о получении ипотечного кредита.

Key words: mortgage, credit, interest rate, initial payment, property.

The attitude of the population to mortgage lending is analyzed in the article on basis of opinion polls; the main factors which influence the borrower to get a mortgage loan are identified as well.

На развитие института ипотечного кредитования оказывает воздействие совокупность различных факторов, начиная с макроэкономических и заканчивая региональными и потребительскими. К первым относятся общий уровень жизни в стране и средний уровень заработной платы. На данные факторы крайне сложно воздействовать точечными методами и предложениями, здесь необходимо применение комплекса мер и систематических программ по стимулированию роста экономики страны в целом, а также длительный период времени для их реализации. Что касается более узких и субъективных факторов, влияющих на развитие ипотеки, то их регулирование возможно осуществить при помощи не столько глобальных схем и предложений, сколько посредством отдельных методик. Для выдвижения конкретных программ и рекомендаций необходимо выявить основные

факторы, наиболее препятствующие развитию ипотечного кредитования как в целом в России, так и в конкретном регионе.

Согласно социологическим опросам Национального агентства финансовых исследований (НАФИ), в 2012 г. 29 % опрошенных городских жителей собирались в ближайшие три года улучшить свои жилищные условия, из них 24 % планировали сделать это с использованием ипотеки. При этом только 9 % из них реально были способны привлечь ипотечный кредит, что относительно всех опрошенных респондентов составляет 2 %¹ (рис. 1).

Рис. 1. Результаты социологических опросов по поводу необходимости улучшения жилищных условий и доступности ипотечных кредитов, 2010 — 2012 гг.

Согласно рис. 1, доля респондентов, нуждавшихся в улучшении жилищных условий и планировавших это на ближайшие три года, составила практически треть от всех опрашиваемых и за период с 2010 по 2012 г. незначительно уменьшилась. В то же время число респондентов, которые могли себе позволить привлечение ипотечного кредита, несмотря на незначительный рост, оставалось критически низким. Это свидетельствует о том, что ипотека остается недоступной для большинства населения Российской Федерации.

Отсутствие у населения возможности получить ипотечный кредит прежде всего связано с низким уровнем доходов. По словам представителя Национального агентства финансовых исследований (НАФИ) Юлии Барабановой, большинство опрошенных готово платить по ипотеке не более 15,0 тыс. руб. в месяц. Между тем сегодня в Москве ежемесячный платеж по жилищному кредиту в 3 раза больше — 45,5 тыс. руб. При этом считается, что он может быть необременительным только в том случае, если не превышает 60 % от заработка заемщика (т. е. заработная плата должна составлять не менее 92,0 тыс. руб.). В Подмосковье средний платеж заемщика исчисляется в 27,3 тыс. руб., соответственно, его заработная плата должна быть не менее 55,0 тыс. руб. Другими

словами, купить сегодня квартиру способна только та категория населения, чей доход в более чем 2 раза превышает средний по стране, а эта немногочисленная группа свой квартирный вопрос в большей части уже решила².

Помимо недостаточного дохода, препятствия для получения ипотеки могут создавать и другие факторы (табл. 1).

Таблица 1

Причины, по которым россияне не могут позволить себе покупку жилья при помощи ипотеки, % от респондентов

Причина	Июль 2007	Февраль 2011	Апрель 2012
Недостаточный доход	76	65	67
Высокие процентные ставки	33	34	39
Неуверенность в стабильном доходе	24	25	29
Сложность в оформлении кредита	5	7	12
Быстрые темпы роста цен на недвижимость	14	11	9
Невозможность официально подтвердить доходы	4	4	9
Сроки выплат слишком длинные	3	4	5
Не знаю компании (банка), внушающей доверие	4	7	4
Нестабильность рынка недвижимости, вероятность падения цен на жилье	5	5	4
Сроки выплат слишком короткие	3	4	4
Другое	6	8	5
Затрудняюсь ответить	6	15	6

Составлена по: Почему ипотека недоступна // Nacfin.ru : Национальное агентство финансовых исследований [Электронный ресурс]. URL: <http://nacfin.ru/novosti-i-analitika/press/press/single/10562.html> (дата обращения 01.03.2013).

Таким образом, подавляющее большинство респондентов действительно ссылается на недостаточный доход. При этом стоит отметить, что по сравнению с результатами опроса пятилетней давности, этот показатель имеет тенденцию к снижению, т. е. платежеспособность населения незначительно, но увеличивается. Вместе с тем основными причинами стали высокие процентные ставки по кредиту и неуверенность в стабильном доходе. Данные факторы с каждым годом отмечало все большее число респондентов, это можно объяснить и тем, что россияне стали чаще задумываться о возможном повторении событий кризиса 2008 г., еще не так давно будоражившего экономическую обстановку в стране. Стоит отметить и парадоксально возрастающее число респондентов, для которых проблемой является сложность оформления кредита, хотя сейчас, наоборот, во многих банках прослеживается тенденция к упрощению данной процедуры на всех ее этапах. «Банки стали больше инвестировать в направление ипотечного кредитования, улучшать сервис, ускорять процесс принятия решения о выдаче кредита, — отмечает первый заместитель генерального директора компании „Главмосстрой-недвижимость“ Игорь Новоселов. — Сейчас никого уже не удивляют три дня на обработку заявки. А Сбербанк, например, запустил проект „Кредитная фабрика“ — электронную систему принятия решения о выдаче кредита, которая позволяет еще больше ускорить процесс кредитования»³. Также стоит отметить рост числа респондентов, указавших отсутствие возможности официаль-

но подтвердить доходы. Такая категория потенциальных заемщиков в настоящее время увеличивается, и банки могут привлечь большую аудиторию за счет разработки специальных программ для групп клиентов с подобными проблемами.

Помимо отсутствия возможности взять ипотечный кредит, связанной с экономическими и банковскими факторами, многих потенциальных заемщиков останавливает предвзятое отношение к данному кредитному продукту. Согласно телефонному опросу, проведенному интернет-журналом «Metrimfo.ru», при покупке квартиры, имея на руках половину ее стоимости, только около 10 % респондентов для получения остальных средств воспользовались бы ипотечным кредитом (рис. 2)⁴.

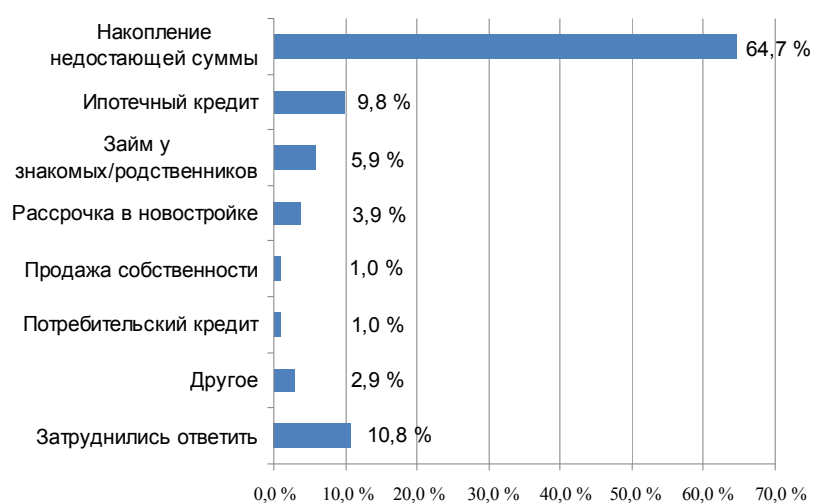

Рис. 2. Результаты опроса «Действия населения при покупке квартиры при наличии только половины необходимой суммы»

Как видно на рис. 2, большинство населения отказывается от ипотеки и предпочитает этому варианту дальнейшее долгосрочное накопление средств, хотя можно было уже сейчас получить новую жилплощадь. Опрос был проведен с целью выяснения именно отношения респондентов к тому или иному способу привлечения средств, а не их финансовых возможностей. В связи с этим респондентам было предложено представить данную ситуацию не с точки зрения своих реальных жилищных условий и уровня дохода, а через призму субъективного отношения к каждому из предложенных вариантов. Таким образом, опрос показал, что население достаточно негативно и предвзято относится к ипотечному кредитованию как способу улучшения своих жилищных условий, аргументируя свою позицию прежде всего нежеланием брать в долг и быть от чего-то зависимым, а также ссылаясь на нестабильность экономики страны.

Многих потенциальных заемщиков не устраивают условия предоставления ипотечного кредита: величина процентной ставки, срок кредитования, размер первоначального взноса. На эти три фактора в первую очередь обращает внимание потенциальный потребитель. Соответственно, рассматривая данные показатели, можно судить об их влиянии на доступность ипотеки.

Подавляющее большинство респондентов опроса интернет-журнала «Metinfo.ru», отвечая на вопрос о важности каждого из вышеперечисленных условий, из предложенных вариантов ответа выделили размер процентной ставки по кредиту⁵ (рис. 3).

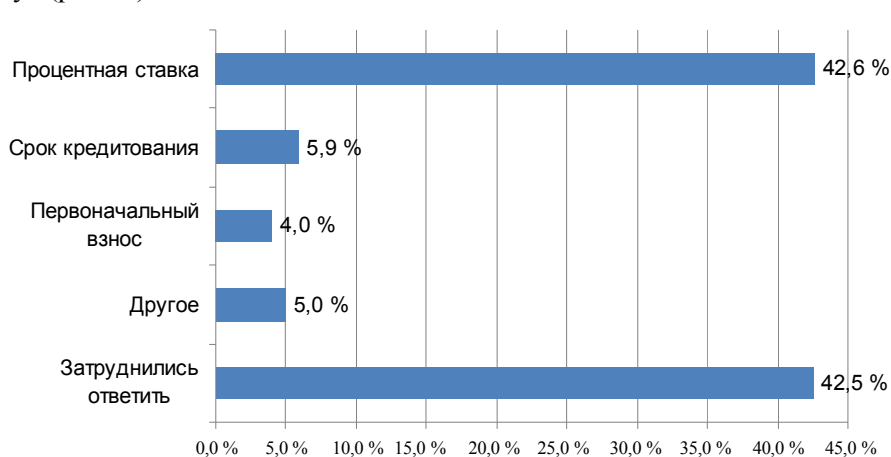

Рис. 3. Результаты опроса «Наиболее важное условие при получении ипотечного кредита»

По результатам данного опроса можно сделать вывод, что прочие факторы большинство заемщиков относит к второстепенным, выделяя из их числа лишь процентную ставку. Соответственно, высокая процентная ставка может стать причиной отказа потенциального заемщика от такого кредитного продукта, как ипотека. Таким образом, снижение ставок по ипотечным кредитам должно являться одной из первоочередных задач государства в рамках программ развития ипотечного кредитования.

Однако, как показывает практика, на размер общей суммы выплат по кредиту в большей степени влияет снижение цены квадратного метра недвижимости, чем снижение процентной ставки при сохранении прежней цены. Доказывает данное утверждение следующий расчет. Рассмотрим ипотечный кредит с первоначальным взносом 30 % от стоимости квартиры, срок кредита — 15 лет; тип погашения — дифференцированный, без каких-либо комиссий. Сумму процентов по кредиту, которую заемщик заплатит при дифференцированной схеме погашения, рассчитываем по следующей формуле:

$$ПВ = \frac{СК \times ПС / 100 \times (КП + 1)}{2}, \quad (1)$$

где ПВ — сумма процентных выплат за весь срок кредитования;

СК — сумма кредита;

ПС — процентная ставка (при ежемесячных выплатах годовую процентную ставку следует разделить на 12);

КП — количество периодов (срок, на который выдан кредит).

Используя данную формулу, получим формулу общей суммы платежей по кредиту:

$$СП = СО \times \left(1 - \frac{ПП}{100}\right) + СО \times \left(1 - \frac{ПП}{100}\right) \times \frac{ПС/100 \times (КП + 1)}{2}, \quad (2)$$

или

$$СП = СО \times \left(1 - \frac{ПВ}{100}\right) \left(1 + \frac{ПС/100 \times (КП + 1)}{2}\right), \quad (3)$$

где СП — сумма платежей за весь срок кредитования;

СО — стоимость объекта недвижимости;

ПП — первоначальный платеж (в процентах от стоимости недвижимости).

В нашем случае при сроке кредита 15 лет и первоначальном взносе 30 % данная формула принимает следующий вид:

$$СП = 0,7 \times СО \times \left(1 + \frac{181 \times ПС/100}{2}\right). \quad (4)$$

Увеличение суммы выплат по кредиту, которое повлечет за собой увеличение процентной ставки, рассчитываем по формуле:

$$\begin{aligned} \Delta СП &= 0,7 \times СО \times \left(1 + \frac{181 \times \frac{ПС_1}{100}}{2}\right) - 0,7 \times СО \times \left(1 + \frac{181 \times \frac{ПС_0}{100}}{2}\right) = \\ &= 0,7 \times СО \times \frac{181}{200} \times (ПС_1 - ПС_0) = 0,6335 \times СО \times \left(\frac{0,5}{12}\right) = 0,0264 \times СО. \end{aligned} \quad (5)$$

Таким образом, увеличение процентной ставки на 0,5 п. п. повлечет за собой увеличение общей суммы выплат на 2,6 % от стоимости объекта при его неизменной стоимости.

Аналогично устанавливается зависимость, отражающая изменение общей суммы выплат при увеличении (уменьшении) стоимости приобретаемого объекта на 100 тыс. руб. при неизменной процентной ставке:

$$\Delta СП = 5,279 \times ПС + 70 \text{ тыс. руб.} \quad (6)$$

Расчет сумм выплат по кредиту при заданных условиях и различных ценах недвижимости, а также различных процентных ставках, представлен в табл. 2.

Таблица 2

**Расчет общих сумм выплат по кредиту сроком на 15 лет с первоначальным взносом 30 %
при различной стоимости недвижимости и процентных ставках**

Стоимость объекта недвижи- мости, млн руб.	Процентная ставка, %													Изменение суммы выплат при изменении процентной ставки на 0,5 %, тыс. руб.		
	9,0	9,5	10,0	10,5	11,0	11,5	12,0	12,5	13,0	13,5	14,0	14,5	15,0		15,5	16,0
3,0	3,5	3,6	3,7	3,8	3,8	3,9	4,0	4,1	4,2	4,2	4,3	4,4	4,5	4,6	4,6	79,0
2,9	3,4	3,5	3,6	3,6	3,7	3,8	3,9	3,9	4,0	4,1	4,2	4,2	4,3	4,4	4,5	77,0
2,8	3,3	3,4	3,4	3,5	3,6	3,7	3,7	3,8	3,9	4,0	4,0	4,1	4,2	4,2	4,3	74,0
2,7	3,2	3,2	3,3	3,4	3,5	3,5	3,6	3,7	3,7	3,8	3,9	3,9	4,0	4,1	4,2	71,0
2,6	3,1	3,1	3,2	3,3	3,3	3,4	3,5	3,5	3,6	3,7	3,7	3,8	3,9	3,9	4,0	69,0
2,5	2,9	3,0	3,1	3,1	3,2	3,3	3,3	3,4	3,5	3,5	3,6	3,7	3,7	3,8	3,9	66,0
2,4	2,8	2,9	2,9	3,0	3,1	3,1	3,2	3,3	3,3	3,4	3,5	3,5	3,6	3,6	3,7	63,0
2,3	2,7	2,8	2,8	2,9	2,9	3,0	3,1	3,1	3,2	3,2	3,3	3,4	3,4	3,5	3,5	61,0
2,2	2,6	2,6	2,7	2,8	2,8	2,9	2,9	3,0	3,1	3,1	3,2	3,2	3,3	3,3	3,4	58,0
2,1	2,5	2,5	2,6	2,6	2,7	2,7	2,8	2,9	2,9	3,0	3,0	3,1	3,1	3,2	3,2	55,0
2,0	2,4	2,4	2,6	2,5	2,6	2,6	2,7	2,7	2,8	2,8	2,9	2,9	2,9	3,0	3,1	53,0
1,9	2,2	2,4	2,4	2,4	2,4	2,5	2,5	2,6	2,6	2,7	2,7	2,8	2,8	2,9	2,9	50,0
1,8	2,1	2,2	2,3	2,3	2,3	2,4	2,4	2,4	2,5	2,5	2,6	2,6	2,7	2,7	2,8	48,0
1,7	2,0	2,0	2,1	2,1	2,2	2,2	2,3	2,3	2,4	2,4	2,4	2,5	2,5	2,6	2,6	45,0
Изменение суммы вып- лат при изме- нении цены на 100 тыс. руб., тыс. руб.	118,0	120,0	123,0	125,0	128,0	131,0	133,0	136,0	139,0	141,0	144,0	147,0	149,0	152,0	154,0	

Таким образом, согласно табл. 2, при среднестатистическом кредите на 15 лет, с объектом недвижимости стоимостью 2,0 млн руб., процентной ставкой 14 % годовых и первоначальным взносом 30 % общая сумма выплат по кредиту составит 2,9 млн руб. Экономия в 100 тыс. руб. при покупке данной недвижимости позволила бы снизить выплаты на 144 тыс. руб., что сопоставимо со снижением процентной ставки с 14,0 до 12,5 %, т. е. почти на 1,5 п. п. Добиться подобного снижения процентной ставки в этом же банке будет достаточно непростой задачей, а в какой-то определенной ситуации и совсем невыполнимой. Поиск другого банка, возможно, позволит найти более низкую ставку по кредиту, но не стоит забывать, что в целом все кредитные организации предлагают сопоставимые условия, и лояльность одного из параметров кредитования может привести к ужесточению другого. Так, например, более низкая процентная ставка в другом банке может быть вызвана более жесткими требованиями банка к документальному подтверждению дохода или более высоким первоначальным взносом.

Из этого следует, что возможность сэкономить при покупке объекта недвижимости представляется более реальной, чем «экономия» на процентной ставке. Соответственно, возвращаясь к опросу о важности каждого из условий ипотечного кредита для заемщика, высокая процентная ставка не должна пугать и отпугивать заемщика при получении ипотечного кредита, намного важнее более рационально подойти к вопросу стоимости приобретаемого объекта.

Достичь экономии при покупке объекта недвижимости возможно различными путями: начиная с банального торга при покупке и заканчивая приобретением квартиры с существенным дисконтом в строящемся доме. Также важно ответственно подойти к процедуре выбора подходящего варианта и сэкономить за счет выбора из огромного числа предложений оптимальное по соотношению цена/качество. Поиск и оформление недвижимости без помощи риэлторов также позволит сэкономить в среднем 2 — 5 % от ее стоимости, что в денежном эквиваленте как раз может составить порядка 100 тыс. руб. Таким образом, при правильном подходе и благоприятном стечении обстоятельств цена недвижимости, как правило, поддается снижению и результат от этих операций будет аналогичен снижению процентной ставки по кредиту на несколько процентных пунктов.

Помимо этого, при уменьшении цены недвижимости снижается и первоначальный взнос при получении кредита, что делает ипотеку более привлекательной для потенциального заемщика.

Таким образом, согласно социологическим опросам, процентная ставка является ключевым показателем для заемщика при принятии решения о получении ипотечного кредита. Тем не менее на основе сделанных расчетов можно утверждать, что цена приобретаемой недвижимости при принятии данного решения должна иметь еще большую значимость. Соответственно, мероприятия по снижению цен на недвижимость стоит признать более эффективными мерами для повышения доступности и развития ипотеки, чем мероприятия по снижению уровня процентной ставки.

Библиографические ссылки

¹ См.: Милевская Л. Возьму ипотеку. Дешево // Ведомости. 2012. 27 апр. № 77. С. 10.

² См.: Угодников К. Ищу крышу // Итоги. 2012. 14 мая. № 20.

³ Скорородов Ю. Берем, пока дают // Коммерсантъ-Дом. 2013. 27 февр. № 7. С. 3.

⁴ См.: Народное мнение: люди не хотят покупать квартиру в долг // Metrinfo.ru : Интернет-журнал о недвижимости [Электронный ресурс]. URL: <http://www.metrinfo.ru/news/95202.html> (дата обращения 01.03.2013).

⁵ См.: Народное мнение: чем ниже ипотечная ставка, тем меньше платить // Там же.

Поступила 10.06.2013 г.

УДК 613.94:316.4 (470.345)

Д. С. Блинов, Д. В. Подсеваткин, С. В. Саушев,

О. А. Смирнова, В. И. Шукшин

D. S. Blinov, D. V. Podsevatkin, S. V. Saushev,

O. A. Smirnova, V. I. Shukshin

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ КАК ИНДИКАТОР ОТНОШЕНИЯ ГРАЖДАН К СВОЕМУ ЗДОРОВЬЮ (На примере Республики Мордовия)*

SOCIAL FACTORS AS AN INDICATOR OF CITIZENS' ATTITUDE TOWARDS THEIR HEALTH (On basis of the Republic of Mordovia)*

Ключевые слова: здоровье, образ жизни, фактор риска, поведение граждан, профилактика.

В статье представлен медико-социальный портрет пациентов одной из республиканских поликлиник и стационара посредством выделения основных модифицируемых факторов образа жизни; показана распространенность факторов риска у пациентов соматических отделений; предложена система мер по оптимизации здоровья населения Мордовии, в основу которой положен принцип активного мотивированного вовлечения граждан в реализацию здоровье-сберегающих технологий.

Key words: health, lifestyle, risk factor, the behavior of citizens, prevention.

The article represents a medical and social portrait of patients of one of the republican polyclinics and a hospital by means of focusing on major modifiable lifestyle factors; the prevalence of risk factors among patients of somatic departments is demonstrated; a system of measures to optimize the health of the population of Mordovia, based on the principle of active and reasoned involvement of citizens in realization of health-saving technology, is proposed.

В условиях современной структуры заболеваемости и роста смертности приоритетная роль образа жизни в формировании здоровья очевидна. Особое значение

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Здоровье финно-угорского населения Республики Мордовия: культурные и этносоциальные закономерности формирования и сохранения», № 12-16-13006.

приобретают физическая и медицинская активность, характер питания, наличие вредных привычек, трудовая деятельность, отдых и др., так как они опосредуют влияние комплекса факторов, определяющих здоровье (экология, наследственность, уровень развития медицины, системы здравоохранения), усиливая или ослабляя их благоприятное или неблагоприятное воздействие¹.

Исторически сложилось так, что наши соотечественники связывают свое здоровье, главным образом, с состоянием системы медицинского обслуживания, что в итоге сегодня определяет широкое распространение среди россиян вредных для здоровья привычек: нерегулярное и нерациональное питание, негативное отношение к физической активности, употребление алкогольных напитков и курение табака. Уровень медицинского обслуживания также влияет на состояние здоровья граждан, однако он занимает лишь одну из последних ступеней на лестнице значимости по отношению к другим факторам².

Поведение пациентов в труде и быту в большинстве случаев нельзя назвать ориентированным на сохранение и укрепление здоровья. Являясь связующим, опосредующим звеном между здоровьем и основными воздействующими на него факторами, поведение, образ жизни усугубляют и без того негативное влияние на здоровье населения окружающей среды, социально-экономических и социально-демографических проблем современного общества, неудовлетворительного состояния системы здравоохранения³. Перечисленные факторы делают ведущими причинами смерти россиян сердечно-сосудистые, неврологические и онкологические заболевания, несчастные случаи, травмы и отравления⁴.

Многие предрасположенности к заболеваниям можно предотвратить, изменив образ жизни. Прежде всего, от пациента требуется принятие ответственных и адекватных решений, касающихся жизненно важных вопросов сохранения здоровья и продолжительности жизни. Только от личностных особенностей и социальной активности пациента, сознательно ориентированной на самосохранительное поведение, зависит следование или игнорирование норм здорового образа жизни⁵.

Для изучения факторов образа жизни был избран один из социологических методов исследования, а именно: метод анонимного анкетирования. Настоящее исследование проводилось в лечебных учреждениях г. Саранска Республики Мордовия. Объектом исследования явились пациенты узких специалистов поликлиники и больные, находящиеся на стационарном лечении в следующих отделениях: кардиологическом, гастроэнтерологическом, неврологическом, хирургическом и пульмонологическом. На выполнение работы было получено письменное разрешение администрации больниц и поликлиник г. Саранска. Всего в исследовании приняли участие 1 928 респондентов. Предметом исследования являлись медико-социальные характеристики пациентов, их личностные и поведенческие особенности.

В ходе исследования были получены следующие результаты:

— большая часть опрошиваемых ведет нездоровый образ жизни, имеет неправильный распорядок дня и неадекватную физическую нагрузку, что может усугубить течение хронических заболеваний и способствовать возникновению новых;

— около половины респондентов в каждой группе отметили несбалансированное и нерегулярное питание с преобладанием мучных, жирных и острых блюд;

— у значительной части опрошенных выявлено наличие вредных привычек (курение, употребление алкогольных напитков), несмотря на активизацию деятельности по борьбе с ними. Каждый пятый респондент на вопрос о курении ответил утвердительно. Употребление алкоголя и табачных изделий нередко зависит от настроения респондентов;

— субъективная оценка своего физического и психического состояния является одним из наиболее значимых показателей отношения индивидуума к здоровью. Своё здоровье как «плохое» и «очень плохое» оценили 40,7 % респондентов стационара, 23,7 % — поликлиники.

— большинство опрошиваемых в каждой группе исследования обращались за медицинской помощью лишь в критический момент, а не при появлении первых симптомов ухудшения. Даже респонденты с имеющимися хроническими заболеваниями поступали в лечебное учреждение по скорой помощи, а не по направлению из поликлиники;

— после назначения лечения третья часть опрошенных выполняла только половину рекомендаций врача, а 3,9 % никогда не следовала назначениям доктора;

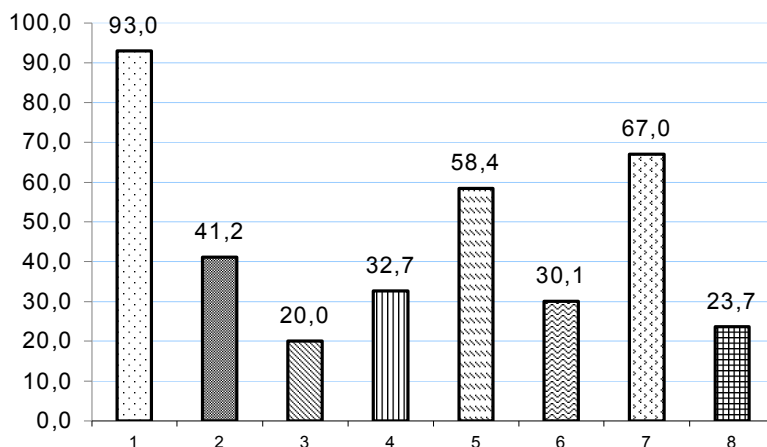
— основная часть респондентов предпочитала принимать лекарственные средства по своему усмотрению, совету друзей или работников аптеки, т. е. не по совету специалиста;

— большинство опрошенных обращалось за медицинской помощью только в крайне тяжелых случаях, занималось самолечением и не следовало назначениям лечащего врача, не проходило своевременно регулярные профилактические обследования;

— по мнению респондентов, медицинское обслуживание не является определяющим фактором в формировании здоровья. Намного большую роль, по мнению опрошиваемых, играют собственное поведение, наследственность, экологические условия (рис. 1 — 2).

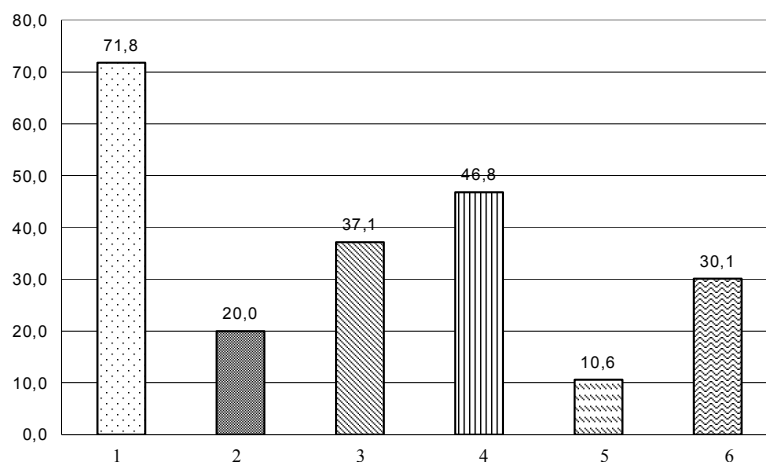
Проведенные исследования говорят о том, что наши граждане плохо информированы о разрушающем влиянии негативных факторов образа жизни на здоровье.

Среди больных с сердечно-сосудистой патологией в стационаре присутствуют все корригируемые факторы риска — курение (5,1 из 22,6 %), злоупотребление алкоголем (6,1 из 22,6 %), недостаток физической активности (21,9 из 22,6 %), неправильное питание (13,8 из 22,6 %). Показатели распространенности этих факторов среди больных поликлиники отличаются незначительно и также занимают значительное место. Среди пациентов гастроэнтерологического отделения в стационаре и пациентов с соответствующими заболеваниями в поликлинике большую роль играет фактор неправильного питания (15,7 из 20,1 % и 12,8 из 18,8 %) и злоупотребление алкоголем (6,7 из 20,1 % и 7,6 из 18,8 %). Среди больных с заболеваниями органов дыхания наиболее распространенными являются такие факторы, как курение (6,2 из 16,2 % и 4,9 из 18,0 %), недостаточная физическая активность (16,0 из 16,2 % и 16,2 из 18,0 %). Среди больных с заболеваниями нервной системы распространены такие факторы, как нерегулярное питание (10,2 из 17,4 % и 6,2 из 17,4 %), дефицит физической активности (16,3 из 17,4 % и 16,9 из 17,4 %), употребление алкоголя 1 раз в неделю и чаще (6,3 из 17,4 % и

1 — не занимаются спортом; 2 — нерегулярно питаются; 3 — курят; 4 — употребляют алкоголь один раз в месяц; 5 — имеют хронические заболевания; 6 — принимают ЛС без назначения врача; 7 — обращаются в ЛУ в крайних случаях; 8 — оценивают свое здоровье как плохое.

Рис. 1. Факторы образа жизни и взаимодействия с системой медицинского обслуживания пациентов городских поликлиник Республики Мордовия

1 — не занимаются спортом; 2 — поступили в ЛУ через месяц от начала заболевания; 3 — принимают ЛС без назначения врача; 4 — не выполняют рекомендации специалиста; 5 — не соблюдают профилактические мероприятия; 6 — оценивают свое здоровье как плохое.

Рис. 2. Факторы образа жизни и взаимодействия с системой медицинского обслуживания пациентов соматического стационара Республики Мордовия

4,4 из 17,4 %). Больные хирургического профиля отметили превалирующую роль курения (7,1 из 23,7 % и 4,2 из 23,1 %), злоупотребления алкоголем (8,1 из 23,7 % и 6,9 из 23,1 %).

Неразумное отношение пациентов к своему здоровью, вредные привычки, низкий уровень санитарной грамотности, перегруженность работой, домашними делами, неразвитость духовных интересов и потребностей, неумение и незнание как с пользой для здоровья заполнить досуг — все это в большей степени является результатом низкого уровня культуры как всего общества, так и отдельного человека. Широкое распространение таких вредных привычек, как алкоголизм и табакокурение не только влечет за собой негативные социальные последствия, но и отражается на нервно-психическом, соматическом и репродуктивном здоровье пациентов. Необходимо повышать культуру самосохранительного поведения пациентов, поскольку, даже находясь в неблагоприятных для здоровья условиях, пациент может уменьшить или избежать влияния вредных для здоровья факторов посредством коррекции своего повседневного поведения.

Для этого необходимо усиление внимания к первичной профилактике: причин и факторов риска, образования неблагоприятных обстоятельств возникновения заболеваний и патологических состояний, формирования условий и факторов здорового образа жизни пациентов, здорового развития личности⁴.

Во всех экономически развитых странах существуют те или иные механизмы стимулирования здоровьесохраняющего поведения граждан: это и отсроченный лист нетрудоспособности, и участие в формировании средств медицинского страхования, и официальное участие в оплате медицинских услуг, и др. У россиян нет экономических стимулов сохранения своего здоровья.

Признавая определяющую роль образа жизни россиян в формировании индивидуального и общественного здоровья, в том числе принимая во внимание кризисные явления в демографических процессах нашей страны, предлагается проект формирования здорового образа жизни у россиян с использованием экономических стимулов. В рамках его реализации каждый участник получит возможность в пределах выделенной суммы использовать финансовые средства на физкультурно-оздоровительные мероприятия либо на медицинское обслуживание. Реализация проекта позволит значительно расширить число россиян, занимающихся физической культурой и спортом на время действия программы и после ее завершения, снизить заболеваемость и смертность, воспитать культуру регулярных занятий спортом в семье, т. е. создаст условия для улучшения демографической ситуации в России. Проект может быть использован для граждан любого возраста и в любом регионе нашей страны.

В ходе эксперимента на каждого участника проекта были выделены целевые финансовые средства в размере от 1,5 до 4,5 тыс. руб. Денежные средства аккумулировались на специальном счете контролирующей организации (фонда) и перераспределялись в зависимости от выбранного работающим направлением использования получаемых средств. После заключения договора с физкультурно-оздоровительными учреждениями фонд вел отчетность за распределение целевых и привлеченных денежных средств.

Задачи, на решение которых направлен проект:

- посредством экономических стимулов сформировать у большинства россиян навыки здорового образа жизни;
- снизить уровень заболеваемости, инвалидности и смертности, улучшив здоровье граждан;

— сформировать стабильный внебюджетный источник финансирования для развития физической культуры и спорта;

— увеличить число занимающихся физической культурой до 35 — 60 %;

— снизить расходы на оплату больничных листов, что позволит использовать сэкономленные средства на улучшение здоровья работающих граждан.

В разрабатываемом оздоровительном проекте добровольное участие приняли 150 чел. из опрошенных нами пациентов стационара и поликлиники. Обе стороны, участвовавшие в апробации проекта (работодатель и участники проекта), положительно оценили как схему формирования финансовых средств, так и порядок их использования. Около 60 % участников проекта после завершения апробации продолжили посещение физкультурно-оздоровительных комплексов для систематических и регулярных занятий.

Решение проблем здорового образа жизни в современных условиях связано, во-первых, с разработкой научно обоснованных критериев целенаправленного воздействия на все группы материальных и духовных потребностей пациента; во-вторых, с формированием и развитием потребностей в здоровье. Основным условием антирискового поведения является осознание пациентом собственной активной роли в создании условий, способствующих сохранению и преумножению здоровья⁶. Для общественного здоровья пропаганда факторов устойчивости будет, по нашему мнению, более плодотворной, чем простое устранение привычных факторов риска.

Как показали результаты исследований, неправильные образ жизни и поведение, носящие, скорее, здоровьеразрушающий характер, не способствуют формированию полноценного, физически здорового индивида и общества в целом. Ничто не укрепляет здоровье людей больше, чем осознание факторов, вызывающих болезни или способствующих их возникновению, и принятие мер по ослаблению их негативного воздействия на здоровье. Лучший способ предотвращения заболеваний — это здоровый образ жизни, уменьшающий вероятность заболеваний, при этом самая большая трудность — создание мотиваций к нему.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Решетников А. В.** Социология медицины : (Введение в научную дисциплину). М., 2002. С. 560.

² Там же. С. 976.

³ См.: **Ефименко С. А.** Социология пациента : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра социол. наук. М., 2007. 49 с.

⁴ См.: **Смертность как определяющий и корригируемый фактор демографического кризиса / Д. С. Блинов [и др.] // Вестник НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия. 2011. № 3(19). С. 107 — 112.**

⁵ См.: **Ефименко С. А.** Социология пациента. С. 7 — 8.

⁶ См.: **Журавлева И. В.** Отношение к здоровью как социокультурный феномен : дис. на соиск. учен. степ. д-ра социол. наук. М., 2005. 433 с.

Поступила 17.06.2013 г.

УДК 371:613.955

Н. Н. Чернова, Ю. И. Качаева
N. N. Chernova, Yu. I. Kachaeva

ФОРМИРОВАНИЕ САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ШКОЛЬНИКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ*

FORMATION OF SANITARY AND HYGIENE CULTURE OF SCHOOLCHILDREN IN THE EDUCATIONAL PROCESS*

Ключевые слова: санитарно-гигиеническая культура, образовательный процесс, воспитание, школьник, здоровый образ жизни, здоровьесберегающее поведение, двигательная активность, закаливание.

В статье анализируются вопросы формирования санитарно-гигиенической культуры школьников в образовательном процессе; намечаются пути и уровни формирования здорового образа жизни как основного фактора, определяющего здоровье подрастающего поколения.

Key words: sanitary and hygiene culture, health education and upbringing, health of schoolchildren, healthy lifestyle, health saving behaviour, physical activity, conditioning to the cold.

The article is devoted to the problems of formation of sanitary and hygiene culture of schoolchildren in the educational process. In addition, the ways and levels of a healthy lifestyle as the main factor determining the health of the younger generation are defined.

В сложной ситуации социально-экономических, политических и экономических преобразований российской действительности проблема сохранения здоровья школьников становится одной из приоритетных.

Вследствие того что среди факторов, формирующих здоровье детей и подростков, основополагающую роль играют факторы образа жизни, основной задачей санитарно-гигиенического образования является формирование у школьников здорового образа жизни, который осуществляется на трех уровнях:

- социальном (пропаганда, информационно-просветительская работа);
- инфраструктурном (конкретные условия в основных сферах жизнедеятельности: наличие свободного времени, материальных средств; профилактические учреждения; экологический контроль);
- личностном (система ценностных ориентиров человека, стандартизация бытового уклада)¹.

Одно из толкований понятия «здоровый образ жизни» связано с поведением и стилем жизни, способствующим сохранению, укреплению и восстановлению здоровья соответствующей популяции². Основным принципом здорового образа жизни выступает воспитание гигиенически целесообразного поведения, которое способствует повышению защитных свойств организма и включает в себя оптимальный режим различных видов деятельности и отдыха, рациональное питание,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Здоровье финно-угорского населения Республики Мордовия: культурные и этносоциальные закономерности формирования и сохранения», № 12-16-13006.

физическую культуру, закаливание, соблюдение правил личной гигиены, медицинскую активность и динамическое слежение за собственным здоровьем, позитивное экологическое поведение, а также искоренение поведенческих рисков, являющихся опасными для здоровья, особенно для растущего детского организма.

Понятие «поведенческие риски» объединяет в себе негативные факторы, или факторы риска, которым учащиеся подвергают себя добровольно. К ним относятся курение, употребление алкогольных напитков, использование наркотических или токсических веществ, сексуальное поведение, связанное с нежелательной беременностью и заболеваниями, передаваемыми половым путем (ЗППП), неправильное пищевое поведение, низкая физическая активность.

Санитарно-гигиеническое воспитание направлено на воспитание личности, ответственной за свое здоровье. Ответственность в данном случае предполагает выполнение каждым человеком обязанности отвечать за поступки и поведение, вызывающие нежелательные изменения жизнепригодного пространства, здоровья и образа жизни. Основные признаки личности школьника, ответственного за свое здоровье, представлены на рисунке.

Рисунок. Модель личности, ответственной за здоровье

Приоритетным в процессе освоения принципов здорового образа жизни у школьников является формирование гигиенических знаний и умений в общеобразовательных учреждениях, которые определяются содержанием учебной про-

граммы. По мнению М. В. Антроповой, наряду с вопросами охраны и укрепления здоровья содержание санитарно-гигиенического образования должно включать в себя выработку знаний и умений оказания первой помощи при несчастных случаях.

Основу содержания санитарно-гигиенического образования составляют анатомо-физиологические, гигиенические и медицинские понятия, которые позволяют учащимся оценить свой опыт, осознать гигиенические правила, понять, что соответствует и что не соответствует им в жизни. Одновременно корректируются неправильные представления, усваивается определенная система гигиенических знаний и навыков, создается убеждение в необходимости выполнения последних. Кроме того, особое внимание следует уделять предупреждению вредных привычек путем повышения физиологической и гигиенической грамотности учащихся. Таким образом, не вызывает сомнения, что именно содержание, включающее в себя систему понятий, является одной из основных частей воспитания санитарно-гигиенической культуры школьников.

Систему понятий в школьном предмете следует рассматривать как отражение в обучении учащихся педагогически значимых основ науки. Иначе говоря, знаний, которые, с одной стороны, адекватны науке, но отличаются от нее по глубине, объему и дидактической обработке, а с другой — специально отобраны в соответствии с образовательными, воспитательными и развивающими задачами на современном этапе развития российской школы и педагогической науки³.

Следовательно, систему санитарно-гигиенических понятий можно представить как совокупность взаимосвязанных единиц санитарно-гигиенических знаний, обеспечивающих становление санитарно-гигиенической ответственности в ходе соответствующей подготовки с учетом регионального компонента.

Образование понятий является результатом абстрактного мышления. В дидактике понятия рассматриваются как основная единица знаний, представляющая собой обобщенное отражение действительности. Различают общие и единичные понятия. Общими являются понятия, посредством которых мыслятся не отдельные предметы или явления, а целый класс однородных предметов и явлений, носящих одно и то же наименование (например, фактор окружающей среды; фактор, подрывающий или укрепляющий здоровье, и т. д.). Единичные понятия — это понятия о таких конкретных санитарно-гигиенических объектах или явлениях, имеющих собственное санитарно-гигиеническое название, как вода, воздух, почва (факторы окружающей среды). В единичном понятии находят отражение не только общие признаки того или иного понятия, но и признаки, присущие только данному объекту или явлению, определяющие его своеобразие, его неповторимое лицо.

Поскольку основной санитарно-гигиенический материал учащиеся получают в ходе изучения цикла биологических предметов, ядро санитарно-гигиенических понятий, несомненно, составляют группы биологических понятий: анатомо-физиологические, экологические, генетические, гигиенические, медицинские и общепедагогические. Наряду с биологическими важное значение имеют культурологические понятия, знание которых способствует повышению общей и санитарно-гигиенической культуры школьников. Для наглядности представим значимые для санитарно-гигиенического образования понятия в таблице.

Таблица

Группы понятий, значимых для санитарно-гигиенического образования

Группа	Понятия
Анатомо-физиологическая	Физическое развитие, биологический и календарный возраст, методы оценки физического развития, гомеостаз, обмен веществ и энергии, мотивации, иммунитет, фагоцитоз, антитела, защитные реакции организма, адаптация, утомление, переутомление, работоспособность, двигательная активность, половое созревание
Экологическая	Среда обитания, биосфера, ноосфера, окружающая среда, компоненты окружающей среды, круговорот веществ, канцерогенные вещества, факторы окружающей среды, эндемические заболевания
Генетическая	Наследственность, изменчивость, наследственные заболевания, предрасположенность к наследственным заболеваниям
Медико-гигиеническая	Санитария, гигиена, санитарно-гигиеническая обстановка, санитарно-гигиеническая ситуация, здоровье, болезнь, профилактика, профилактические прививки, личная и общественная гигиена, режим дня, гиподинамия, рациональное и сбалансированное питание
Общебиологическая	Вирусы, бактерии, патогенные микроорганизмы, инфекционные заболевания
Культурологическая	Культура, санитарно-гигиеническая культура, медицинская культура, культура поведения, стиль жизни, образ жизни, ценности

Составлена по: **Якунчев М. А.** Регионализация экологического образования в средней общеобразовательной школе: теория и практика. Саранск, 2002. С. 160.

В понятие «образование» включены не только знания, умения и навыки как результат обучения, но и умения критически мыслить, творить, оценивать с нравственных позиций все происходящее вокруг как процесс, бесконечно разветвляющийся в деятельности и общении человека с ему подобными. В связи с этим содержание образования, будучи изоморфно социальному опыту, состоит из следующих структурных элементов: опыта познавательной деятельности (способ ее осуществления в фиксированной форме — знания, умения и навыки), опыта творческой деятельности (в форме проблемных ситуаций), опыта эмоционально-ценностных отношений.

Каждый из отмеченных видов социального опыта представляет собой специфический вид содержания образования:

знание о природе, обществе, технике, мышлении и способах деятельности; освоение этих знаний обеспечивает формирование в сознании школьника верной картины мира, окружает его правильным методологическим подходом к познавательной и практической деятельности;

опыт осуществления известных способов деятельности, воплощающихся вместе со знанием, в умениях и навыках личности, усвоившей этот опыт; система общих интеллектуальных и практических навыков и умений, составляющих содержание этого опыта, является основой множества конкретных деятельностей и обеспечивает способность подрастающего поколения к сохранению социальной культуры народа;

опыт творческой поисковой деятельности по решению новых проблем, возникающих перед обществом; он требует самостоятельного претворения ранее ос-

военных знаний и умений в новых ситуациях, формирования новых способов деятельности на основе уже известных;

опыт ценностного отношения к объектам или средствам деятельности человека, его проявление в отношении к окружающему миру, другим людям в совокупности потребностей, обуславливающих эмоциональное восприятие личностно-определенных объектов, включенных в систему ценностей; освоение школьниками перечисленных элементов социального опыта направлено на трансформацию его в личный опыт, «перенос» социального в индивидуальное на основе особым образом организованной деятельности учащихся.

Конкретизируя отношение к санитарно-гигиеническому образованию, содержание обозначенных компонентов возможно представить таким образом, что знания в наиболее общем виде характеризуются как отражение внешнего мира, как идеальное воспроизведение в языковой форме объективной действительности. Как известно, знания подразделяются на теоретические и эмпирические. Первые отражают сущность предметов и явлений, определяющих их особенности, внутренние связи и отношения; ко вторым относятся обобщенные знания, представленные теориями, законами, закономерностями, причинно-следственными связями, понятиями. Эмпирические знания выражают внешние особенности объектов и явлений, к ним относятся представления и факты. Выделяют также методологические знания — это знания о методах исследования гигиенической науки и способах деятельности: наблюдение, эксперимент, моделирование, объяснение, анкетирование и др. Объяснительные знания, в том числе и проблемного значения — причинное, функциональное становление временных и пространственных связей. Инструктивные знания дают возможность в условиях школы построить в определенной последовательности исследования любого санитарно-гигиенического объекта. В общем виде эта последовательность выглядит таким образом: наблюдение, эксперимент, объяснение результатов эксперимента, формулирование теоретического положения.

Таким образом, санитарно-гигиеническое воспитание школьников, в первую очередь, направлено на формирование ответственного отношения к своему здоровью и образу жизни при соблюдении санитарно-гигиенических и профилактических правил, норм и мер, а также развитие ценностных ориентаций здоровьесберегающего характера, мотивов, потребностей и привычек.

Библиографические ссылки

¹ URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Здоровый образ жизни](http://ru.wikipedia.org/wiki/Здоровый_образ_жизни) (дата обращения 17.08.2013).

² См., например: **Кучма В. Р., Сердюковская Г. Н., Демин А. К.** Руководство по гигиене и охране здоровья школьников: для медицинских и педагогических работников. М., 2000. С. 112.

³ См.: **Якунчев М. А.** Регионализация экологического образования в средней общеобразовательной школе: теория и практика. Саранск, 2002. С. 160.

Поступила 20.08.2013 г.

ИСТОРИЯ

УДК 323.3 (470+571)

В. В. Терентьев

V. V. Terentyev

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ДВОРЯНСКОГО СООБЩЕСТВА ПРИ РЕФОРМИРОВАНИИ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ

INTERACTION OF THE AUTHORITIES AND COMMUNITY OF NOBILITY DURING THE SERFDOM REFORMS IN RUSSIA

Ключевые слова: крепостное право, дворянство, реформа, губернские комитеты, Редакционные комиссии, Секретный комитет.

В статье ретроспективно исследуется участие русского поместного дворянства в дискуссиях о перестройке аграрных отношений в первой половине XIX в. и в период великих реформ; анализируется взаимодействие органов государственной власти Российской империи и губернских дворянских комитетов при разработке документов, регламентирующих порядок освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Key words: serfdom, nobility, reform, provincial committees, Editorial Commissions, the Secret Committee.

Russian landed nobility participation in discussions on the reorganization of agrarian relations in the first half of the XIX century and in the period of great reforms is studied retrospectively in this article; the interaction of state authorities of the Russian Empire and provincial committees of nobility in drafting of documents regulating the procedure for the release of the peasants from serfdom is analyzed.

Первым высказал предложение об освобождении владельческих крестьян в конце XVIII в. князь В. В. Голицын, однако это не имело никаких практических последствий¹. Уже через два месяца после вступления на престол Александра I в Государственный совет было внесено несколько проектов о запрете продажи безземельных крестьян и об ограничении перехода дворовых «из одних рук в другие». Результатом обсуждения стал подготовленный по проекту графа С. П. Румянцева императорский указ «Об отпуске помещиками своих крестьян на волю по заключении условий, на обоюдном согласии основанных» от 20 февраля 1803 г. (документ вошел в исторический лексикон как указ «О вольных хлебопашцах»), на основании которого помещики получили право за выкуп освобождать крепостных крестьян поодиночке и селениями с обязательным наделением землей. Назревшие социальные проблемы требовалось решать мирным путем, привлекая к преобразованиям все сословия российского общества и в первую очередь — землевладельцев. Чтобы избежать конфронтации с помещиками,

правительство Николая I решило начать реформу с либерализации положения казенных крестьян: «Нет сомнения, что крепостное право, в нынешнем его у нас положении, есть зло для всех ощутительное и очевидное. Но прикасаться к оному теперь было бы злом, конечно, еще более гибельным. Однако всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положение не может продолжаться навсегда. Необходимо приуготовить средства для постепенного перехода к иному порядку вещей»².

Реформа проводилась в 1837 — 1842 гг. Министерством государственных имуществ по инициативе его руководителя графа П. Д. Киселева. В ходе ее было организовано частичное переселение крестьян из густонаселенных районов, увеличены земельные наделы, уменьшены подати, в сельской местности создана сеть медицинских и учебных учреждений. Однако излишняя бюрократичность большинства мероприятий власти свела на нет положительные стороны реформы. Указы «О вольных хлебопашцах» и «Об обязанных крестьянах» открыли для дворянства возможность изменить существовавшее положение путем отказа от своих прав. Будучи не обязательными для помещиков, а значит малорезультативными, указы вместе с тем апробировали в законодательстве идею отмены крепостного права. Локальные реформы, связанные с отменой крепостного права в прибалтийских губерниях (Лифляндия, Курляндия, Эстляндия) в 1816 — 1819 гг. и введением инвентарей* в Юго-Западном крае (Киевская, Подольская, Волынская губернии) в 1847 — 1848 гг., были уже обязательными для помещиков и представляли альтернативную модель решения крестьянского вопроса.

К 40-м гг. XIX в. в России стали появляться группы людей, готовых к радикальным мерам. Помимо столичных салонов, они концентрировались в дворянских обществах центральных губерний, таких как Тверская, Нижегородская, Самарская, Рязанская, Тульская. Дворянские собрания губернских и уездных городов при Николае I оставались единственной дозволенной формой общественных объединений.

Необходимость вовлечения поместных дворян в поиск путей реформирования крепостного состояния понимал и император. Резюмируя мнения землевладельцев, губернский предводитель дворянства М. В. Друцкой-Соколинский представил государю записку, в которой сообщал, что применение указа 1842 г. тормозится, поскольку многие крестьяне, считая, что «земля Божья» и без договора у них общая с помещиками, опасаются потерять помощь и поддержку барина в случае различных бедствий. Иначе говоря, в среде крестьянства существовало мнение о том, что владение землей без права собственности было прочнее, чем законные права помещика на землю.

На законодательный почин правительства отозвались не только представители среднепоместного дворянства, но и отдельные представители крупной

* В 1847 г. была проведена инвентарная реформа — преобразование, имевшее обязательный характер для поместного дворянства. При составлении «инвентарей» — описей помещичьих имений — устанавливались четкие нормы барщины и оброка, которые владелец поместья не имел права нарушать. «Инвентарии» стали серьезным шагом на пути ограничения эксплуатации крепостных крестьян. Однако реформа охватила только Киевское генерал-губернаторство и имело, прежде всего, политические цели.

земельной аристократии. Так, в 1844 г. князь Н. И. Трубецкой прислал министру государственных имуществ П. Д. Киселеву проект, в котором он отказывался от крепостного права на своих крестьян, передавая им в собственность все постройки и по одной десятине огородной земли с предоставлением остальной земли в аренду. Другой аристократ, крупный одесский помещик князь Е. Г. Гагарин в представленном в конце 1846 г. графу Киселеву проекте предлагал для проведения в жизнь крестьянской реформы без всяких потрясений принимать в залог от помещиков только земли, а не души, а также запретить владение людьми без земли и выдавать за счет казны вознаграждение помещикам за излишнее, сравнительно с размерами земли, количество душ.

К концу 1847 г. относится и проект пензенского помещика А. Д. Желтухина (будущего редактора-издателя «Журнала Землевладельцев»), видевшего в крепостном праве главную причину хозяйственной отсталости России. По мнению автора, безземельное освобождение крестьян было крайне опасно, так как оно грозило созданием 22 млн пролетариев. План А. Д. Желтухина состоял в том, что все займы, сделанные под помещичьи имения, увеличивались бы на срок до 37 лет, равно как и незаложенные имения. При этом правительство выдавало бы владельцам ссуду деньгами или облигациями, крестьяне получали небольшие участки земли, доход с которых равнялся бы величине процентов, уплачиваемых ежегодно в кредитные учреждения за часть долга, приходившуюся по разверстке на крестьянские земли. Для прокормления себя крестьянам пришлось бы арендовать часть земли у своих бывших владельцев, при этом помещики, сняв с себя все обязательства в отношении крестьян, были бы обеспечены и высокой земельной рентой, и дешевыми рабочими руками³.

Идеи об использовании кредитных операций при освобождении крестьян к началу 50-х гг. XIX в. появлялись и в других дворянских проектах. Так, курский помещик князь Н. Б. Голицын в 1848 г. предложил механизм, при котором казна, выпускавшая обеспеченные золотом и серебром кредитные билеты, скупала бы продававшиеся с аукциона помещичьи имения, доходы с которых шли бы на погашение кредитного капитала. Его однофамилец, рязанский землевладелец князь Л. Голицын, в 1852 г. пошел дальше, предложив учредить правительственный заемный банк. При залоге в нем помещичьих имений владельцы получали бы «заручные письма», или облигации, из расчета 120 — 160 руб. на душу, которые в дальнейшем погашались банком в течение 41 года посредством ежегодных лотерей.

Помимо министра госимуществ, в обсуждении путей перестройки аграрных отношений участвовали и другие государственные руководители. Так, в 1845 г. министр внутренних дел Л. А. Перовский предложил ряд мер, направленных на постепенное ограничение крепостного права. Секретный комитет, обсудив предложения министра, одобрил их основную мысль: «...достигнуть освобождения людей крепостного состояния постепенным ограничением крепостного права, незаметным для них образом, не возбуждая в народе опасных толков и не произнося даже слова: свобода или вольность»⁴.

Во время царствования Николая I был издан ряд законов, введших или пытавшихся ввести различные меры для частичных улучшений положения крепостных и ограничения произвола помещиков. В ответ помещики прибегали к

тихому саботажу: переселяли крестьян на неудобные земли, закладывали земли и крепостных в кредитные учреждения.

Помимо сопротивления дворянства, «активной позиции императора мешал страх перед гласностью». В то время, когда в 1848 г. начались «беспорядки» в Европе, «меры в пользу крестьян были совершенно оставлены; сама мысль об освобождении крепостных приводилась в связь с революционными идеями, и противники освобождения сумели воспользоваться этой связью для беспощадного осуждения всякой попытки реформ»⁵.

Основным органом подготовки реформ на первом этапе стало Министерство внутренних дел (МВД), а идеологом радикальных преобразований — начальник хозяйственного департамента МВД Н. А. Милютин, подавший в октябре 1856 г. царю записку «Предварительные мысли об устройстве отношений между помещиками и крестьянами», в которой аргументировал неизбежность отмены крепостного права объективными социально-экономическими и политическими причинами, обращая внимание самодержца на необходимость поддержания в народе веры в возможность получения свободы из рук верховной власти⁶. Характерной чертой программы Милютина было признание первостепенной роли социально-экономических преобразований по сравнению с политическими — реформой государственного строя. В последующем «Предварительные мысли...» были положены в основу крестьянской реформы, а их автор стал руководителем всех работ на этапе ее подготовки.

Повторяя опыт отца, Александр II указом от 3 января 1857 г. сформировал под своим председательством Секретный (в последствии переименованный в Главный) комитет «для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян», первое заседание которого состоялось уже в этот же день. 28 февраля на третьем заседании Комитета была создана «приуготовительная комиссия» в составе князя П. П. Гагарина, барона М. А. Корфа, генерал-адъютанта Я. И. Ростовцева и секретаря В. П. Буткова. Проектов по крестьянскому вопросу было не менее сотни. В них, в частности, предлагалось следующее: освободить крестьян немедленно и полностью без всяких условий и без земли; освободить крестьян с землей за определенный денежный выкуп, который помещики получают одновременно посредством кредитных операций; признать невозможным немедленное и полное освобождение крестьян и рекомендовать взамен переходные меры постепенного ослабления и ограничения помещичьей власти с сохранением крепости крестьян земле на весь переходный период с предоставлением им различных способов приобретения земли от помещиков при помощи добровольных соглашений с ними⁷. Среди документов наибольшую известность получили такие, как записки заведующего кафедрой истории русского законодательства МГУ К. Д. Кавелина «Об освобождении крестьян в России» и тверского помещика Ю. Ф. Самарина «О крепостном состоянии и переходе из него к гражданской свободе», в которых признавалась назревшая необходимость в отмене крепостного права и поэтапность перехода к проведению этой процедуры с учетом интересов обеих сторон.

7 июля Александр II встретился с бывшим министром госимуществ, автором указа об обязанных крестьянах П. Д. Киселевым, которому передал записки П. П. Гагарина, Я. И. Ростовцева и М. А. Корфа, поручив сделать к ним свои

замечания. В своем отзыве П. Д. Киселев писал: «Я полагаю, что даровать полную свободу 22 миллионам крепостных не должно и не можно, поскольку эта огромная масса не подготовлена к полной свободе, хлебопашцы без земли перейдут в полнейшую зависимость от землевладельцев и станут полными рабами или составят пролетариат, не выгодный для них самих и опасный для государства»⁸.

Обнаружив пассивность в работе Комитета, Александр II ввел в его состав своего брата — великого князя Константина Николаевича. В итоге общий план реформы, согласованный на заседаниях, основывался на совпадающих по своей сути советах П. Д. Киселева и позиции МВД. Посчитав, что «крестьяне вовсе не приготовлены к получению внезапно и вдруг свободы», Комитет постановил следующее: определить от издания нового положения 10-летний срок, по истечении которого крестьяне будут свободны; во время переходного периода наделить крестьян усадьбой, т. е. огородом, конопляником и выгоном в полную собственность, с некоторым вознаграждением помещикам; в течение переходного периода оставить часть пахотной земли во временном владении помещиков⁹. Таким образом, в фразе «отмена крепостного права» подразумевалось «улучшение быта помещичьих крестьян» в течение подготовительного, переходного и окончательного периодов.

Недовольный предложениями центрального органа, император обратился непосредственно к землевладельцам, инициировав создание губернских комитетов «по улучшению быта помещичьих крестьян». Начало было положено 20 ноября 1857 г. императорским рескриптом виленскому генерал-губернатору В. И. Назимому, на основании которого дворянским сообществам разрешалось приступить к рассмотрению мер по улучшению быта крестьян. В качестве плацдарма реформ были определены Виленская, Ковенская и Минская губернии Российской империи. Установленные центром рамки для дворянских дискуссий позволяли планировать в неясном будущем безземельное освобождение крестьян с выкупом усадебной земли «в течение переходного состояния» при сохранении вотчинной власти помещика. Императорский рескрипт был направлен также руководителям и предводителям дворянства других губерний. Вскоре министру С. С. Ланскому удалось подготовить и направить аналогичное предписание петербургскому генерал-губернатору П. Н. Игнатьеву, а 4 декабря 1857 г. было получено разрешение опубликовать эти документы во всех газетах и журналах, «не допуская только при этом никаких рассуждений и толкований по сему вопросу»¹⁰.

Гласное признание начала подготовки крестьянской реформы, опубликование правительственной программы предстоявших преобразований означало рубеж в политике абсолютной монархии. Отмена крепостного права становилась конкретной, практической задачей. Однако суть правительственной программы была эклектичной и неопределенной, оставляя неясным окончательное решение главного, земельного вопроса. Это явилось следствием неоднозначного видения перспектив развития страны различными группами влияния на императора: если либеральное крыло МВД (Н. А. Милютин, С. С. Ланской, великий князь Константин Николаевич, великая княгиня Елена Павловна и др.) размышляло не только о личной свободе крестьян, но и о создании из них нового класса собственников земли, то

реакционное большинство Секретного комитета (князя П. П. Гагарин, А. Ф. Орлов, министр госимуществ М. Н. Муравьев и др.) вело дело лишь к модернизации феодальных отношений.

В связи с тем, что МВД продолжало разрабатывать для губернских комитетов либеральный план крестьянской реформы, крепостническое крыло Секретного комитета стало осуществлять передачу инициативы на места, надеясь, что большинство провинциального дворянства затормозит радикальные преобразования. Однако предложения о повсеместном создании генерал-губернаторств и сохранении вотчинной власти дворян путем назначения их после реформы главами сельских обществ раскололо консервативный лагерь: часть ретроградво-государственников (весьма авторитетный князь П. П. Гагарин и др.) выступили против, мотивируя свою позицию опасением сепаратизма и распада страны. Отказ высшей власти от либеральных перспектив выразился в реакции на публикацию статьи К. Д. Кавелина «Об основных условиях сельского быта», где автор доказывал необходимость освобождения крестьян с землей за выкуп. Государь в гневе назвал Кавелина «либералом», отстранив его от должности преподавателя наследника престола, а цензуре было дано указание допускать к печати только «чисто теоретические, статистические сочинения» по вопросам сельского хозяйства и статьи, «не противные духу и направлению означенной программы»¹¹.

Нешуточные баталии разыгрывались на местах — в губернских комитетах. За освобождение крестьян выступила та часть помещиков, которая оказалась вовлеченной в орбиту новых капиталистических отношений и в силу этого считала для себя выгодным отмену крепостного права. Либеральные депутаты постоянно ощущали угрозу. Так, известный славянофил Ю. Ф. Самарин появлялся на заседаниях Самарского губернского комитета «не иначе как с револьвером в кармане», а тульские депутаты пытались под видом дуэли организовать убийство князя А. В. Черкасского, выступавшего за освобождение крестьян с землей.

В результате серьезных противоречий разделение на большинство и меньшинство стало происходить в дворянской среде других губерний. Позицию провинциального дворянства периода эмансипации ярко характеризуют секретные архивы 3-го отделения, сохранившие тексты писем землевладельцев:

Из письма Владимира Александровича Б-ва из Тамбова брату в Петербург (1847 г.):

«...Ты спрашиваешь меня насчет проектов уничтожения крепостного права. Я их читал со вниманием и грустью. Ежели теперь в России и существует какой-либо порядок в народе, то с уничтожением крепостного права он совершенно разрушится... Вместе с дарованием крестьянам вольности государь подпишет мне и многим тысячам помещиков смертный приговор. Миллион войска не удержит крестьян от неистовства».

Из письма неизвестного помещика к С. М. Жуковскому в Петербург:

«Все помещики составили себе страшилище, которого пугаются, как самой смерти. Кто-то сказал им, что наступит эмансипация. Утверждают, что остановилась покупка имений, что, теряясь в догадках о будущем, они предполагать могут многое, не зная на чем остановиться, что мысль крестьян о нераздельности их с землею так в них сильна, что увольнение без нее может произвести пугачевщину».

Из письма неизвестного помещика Симбирской губернии к Н. П. Н-му в Тверь (1858 г.):

*«Многие спешат закладывать имения, предполагая, что долг останется на крестьянах. В проекте об этом ничего не сказано. Как примут православные, что земля вся принадлежит помещику, у которого они должны находиться навсегда в кабале? Вряд ли они поверят, что на это есть воля царская? Пока комитеты будут судить да рядить, мир, наскучив долгим ожиданием, примется за дреколье. Говорят, в Пензенской губернии крестьяне возбуждены до *peck plus ultra* (до крайней степени — В. Т.) и что малейшего повода достаточно, чтобы они принялись за расправу»¹².*

В августе 1858 г. император для знакомства с положением дел на местах лично отправился в поездку по губерниям, а Я. И. Ростовцева направил за границу для знакомства с европейским опытом решения крестьянского вопроса. Судьбоносными для пути реформ стали их встречи в Гатчине в октябре 1858 г. На конфиденциальных совещаниях в узком кругу высших сановников были выработаны четкие рекомендации как Секретному комитету, так и губернским комитетам: «...соблюсти непременно три условия: 1) чтобы крестьянин немедленно почувствовал, что быт его улучшился, 2) чтобы помещик немедленно успокоился, что интересы его ограждены, 3) чтобы сильная власть ни на минуту на месте не колебалась и общественный порядок не нарушался»¹³. Таким образом, новая правительственная программа отмены крепостного права была принята 4 декабря 1858 г. Оставалось главное — претворить принятую программу в жизнь. Для этого требовалось сломить отрицание либеральных реформ в стенах Секретного комитета и убедить в их преимуществах провинциальных дворян, в первую очередь, избранных ими депутатов губернских комитетов.

Новые задачи потребовали создания в системе абсолютной монархии новых учреждений и инновационных методов государственного управления. Александр II 17 февраля 1859 г. принял «высочайшее» повеление «Об учреждении Редакционных комиссий для составления общего положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости». В обход Госсовета, Комитета министров, Главного комитета по крестьянским делам была создана новая структура, подчиненная непосредственно императору, во главе с генерал-адъютантом Я. И. Ростовцевым. Интеллектуальное ядро комиссий составили люди одного поколения в возрасте 35 — 45 лет, известные общественные и государственные деятели: Н. А. Милютин, А. П. Заблоцкий-Десятовский, князь В. А. Черкасский, Ю. Ф. Самарин, Е. И. Ламанский, К. И. Домонтович, П. П. Семенов. Для паритета Александр II «укрепил» комиссии крупными земельными собственниками, убежденными крепостниками П. П. Шуваловым, Ф. И. Паскевичем, М. П. Позеном, В. В. Апраксиным, С. П. Голицыным, но, когда они заняли оппозицию большинству, распорядился не помещать в печатных материалах их отдельные мнения, «дабы избегнуть всякого гласного проявления разномыслия Комиссий»¹⁴. Помимо 17 представителей министерств и ведомств, в состав комиссий Ростовцевым от имени Александра II был приглашен 21 член-эксперт из числа местных помещиков, рекомендованных губернскими дворянскими комитетами. Необычными для государственного учреждения были не только чрезвычайно ускоренные темпы и порядок работы Редакционных комиссий, но и сама атмосфера заседаний, гласность их деятельности. Если за 1857 — 1858 гг.

Секретный комитет провел всего 39 заседаний, то Редакционные комиссии за меньший срок (год и семь месяцев) собирались 409 раз. Как написал в своих воспоминаниях секретарь комиссий П. П. Семенов, «заседания нередко проводились на квартире или даче председателя и порой затягивались до утра»¹⁵.

В течение первой половины 1859 г. в комиссиях дискутировались следующие вопросы: как выкуп земли в собственность может быть конечной целью реформы, если он добровольный; сохранять ли барщину как вариант взаимоотношений помещиков и крестьян после реформы; обязательна ли продажа крестьянам всей ранее используемой земли и если нет, то насколько земельный надел может быть уменьшен.

В Редакционных комиссиях обнаружилось те же противоречия, что и в губернских дворянских комитетах, но в ином соотношении. Абсолютное большинство поддерживало переход крестьян в собственники земли. К осени 1859 г., опираясь на либеральный подход, комиссии разработали, в сущности, буржуазную реформу земельных отношений, хотя и обремененную тяжелыми феодальными пережитками.

Следующим этапом была борьба «из-за меры и формы уступок» между большинством Редакционных комиссий и депутатами от дворянских губернских комитетов, основную часть которых представляли отнюдь не либеральные проекты. Со времени решения созвать представителей дворянства прошло уже более года. За это время радикально изменилась не только правительственная программа реформы, но и взгляд центра на значение и роль дворянских депутатов. Верховная власть решила проводить радикальные преобразования, опираясь не на провинциальное дворянство, а на административную вертикаль либеральной бюрократии. Были приняты меры по ограничению прав представителей губернских комитетов. Как отмечал П. П. Семенов, «верховная власть не могла не иметь опасения, что дворянство..., теряя свои права и свою власть над массами русского народа, пожелает искать себе компенсации этой потери за счет верховной власти путем ее ограничения»¹⁶. При этом мнение большинства провинциальных комитетов находило отклик у значительной группы столичного дворянства. В частности, сенатор А. М. Бездобразов вместе с единомышленниками еще в мае 1859 г. в адресе на «высочайшее имя» предложил передать решение крестьянского вопроса «собранию дворян» из депутатов, избранных по всей России дворянскими съездами, поручив им исправить «своим усердием и самоотвержением ошибки чиновничества»¹⁷. Однако верховная власть снова перехватила инициативу: приглашенным представителям губернских комитетов (их уже перестали называть «депутатами») предложили для обсуждения лишь узкий круг вопросов, запретив собираться на общие совещания и представлять коллективное мнение. Мнение у представителей губерний о трехтомном проекте материалов Редакционных комиссий стали узнавать уже через два дня после его выдачи. Письменные отзывы общим объемом более 2 тыс. страниц представили 36 депутатов первого созыва. Многие из них не только отрицали предложение Редакционных комиссий о формировании в аграрном секторе наряду с крупным помещичьим мелкого крестьянского товарного хозяйства, но и требовали возврата к идее рескриптов — неприкосновенности прав собственности дворянства на всю землю и вотчинной власти помещиков, чтобы «крестьяне видели с самого начала, что они никаких прав на землю не имеют»¹⁸.

Отрицая саму возможность инициативной роли правительства, член воронежского комитета князь И. В. Гагарин утверждал, что реформа может быть следствием только «общего согласия» дворянства, а не «инициативой закона». Несмотря на это, среди депутатов были и такие, отзывы которых представляли самостоятельную программу отмены крепостного права и предлагали буржуазные реформы (например, А. М. Унковский)¹⁹. В отзывах многих представителей губернских комитетов высказывалась озабоченность излишней бюрократичностью как самого процесса реформирования, так и снижением статуса дворянства после осуществления преобразований.

К середине октября 1859 г. столкновения между депутатами и Редакционными комиссиями приняли наиболее острый характер. Недовольные своим положением и ходом совещаний представители дворянства подали императору три адреса: два коллективных — от 18 и 5 членов (так называемые Адрес 18-ти и Адрес 5-ти) и один — лично от Д. Н. Шидловского. Выражая недовольство проектами Редакционных комиссий, подписавшиеся отстаивали право представлять свое видение проектов комиссий до их поступления в Главный комитет. С. С. Ланской отверг указанные в них обвинения Редакционных комиссий как «недобросовестные» и «необоснованные», акцентировав внимание на следующем: «Окончательное решение дела, имеющее столь важное государственное значение, принадлежит одному верховному правительству, которое одно может беспристрастно взвесить и согласить интересы обоих сословий»²⁰. Таким образом, борьба шла не только за содержание реформ, в необходимости которых убеждала сама российская действительность, но и за право первым донести их до самодержца.

На этом этапе одержала победу либеральная бюрократия, не позволив структурировать разновекторные мнения и позиции представителей губернских дворянских комитетов. К концу 1859 г. в «верхах» появились признаки, свидетельствовавшие о намерении пересмотреть программу комиссий в соответствии с консервативными требованиями дворянства. Этому способствовали и резолюции дворянских съездов ряда губерний (Рязанской, Владимирской, Калужской, Новгородской, Орловской, Тверской, Ярославской). Драматизм ситуации наиболее полно отражает оценка, изложенная в письме к императору Я. И. Ростовцевым 6 февраля 1860 г., накануне своей смерти: «Главное противоречие состоит в том, что у комиссий и у некоторых депутатов различные точки исхода: у комиссий государственная необходимость и государственное право; у них право гражданское и интересы частные. Они правы с своей точки зрения, мы правы с своей».

Смотря с точки зрения гражданского права, вся зачатая реформа от начала до конца несправедлива, ибо она есть нарушение прав частной собственности; но как необходимость государственная и на основании государственного права эта реформа законна, священна и необходима»²¹.

Признаки благосклонности правительственной политики к реакции проявились в назначении после смерти Я. И. Ростовцева председателем Редакционных комиссий графа В. Н. Панина, министра юстиции, известного своими крепостническими взглядами. Из 45 депутатов второго созыва, представлявших 25 губерний, от комитетских меньшинств было только 8 депутатов — от Вологодской, Витебской, Калужской, Курской, Орловской, Самарской и Тульской губерний. Оценивая первые шаги нового председателя комиссий, сосланный в

Вятку А. М. Унковский в письме к Н. Ф. Щербатскому писал: «...судя по речи Панина и его сочувствию к депутатам-плантатарам... дело идет плохо и чуть ли не клонится к безземельному освобождению»²².

В коллективном отзыве на доклады Редакционных комиссий депутаты второго созыва потребовали безземельного освобождения крестьян, настаивая на том, «чтобы составляемый проект был исправлен и очищен от коммунистических начал и семени раздоров». Несмотря на лоббирование новым председателем ревизионистской позиции, 14 апреля 1860 г. 19 членов Редакционных комиссий подали В. Н. Панину «особую записку», в которой отстаивали идею бессрочного пользования крестьян землей и другие ранее согласованные либеральные предложения. На этот документ Александр II наложил резолюцию: «Вопрос этот предоставляю себе решить, когда он будет обсужден в Главном комитете»²³. После того как разочарованные депутаты второго созыва покинули столицу, Редакционные комиссии стали рассматривать предложения о механизме реализации реформы на местах. Итоги дискуссий с депутатами провинциального дворянства убедили как членов комиссий, так и представителей МВД в том, что претворять в жизнь реформу через структуры на основе губернских комитетов и существовавших окружных начальников государственной деревни невозможно.

Работа Редакционных комиссий завершилась 10 октября 1860 г., когда на очередном заседании было объявлено об их закрытии. Выработанные проекты были переданы в Главный комитет по крестьянскому делу, где бурно обсуждались (с 10 октября 1860 г. по 14 января 1861 г. состоялось 45 заседаний) под председательством великого князя Константина Николаевича. Столкнувшись с организованной оппозицией членов комитета, пытавшихся предложить альтернативные варианты реформы, председательствовавший настоял на обсуждении не концепции проекта Редакционных комиссий, а подготовленных проектов решений по параграфам, начав с положений о мировых посредниках и крестьянских учреждениях. При этом наиболее спорный земельный вопрос был отложен для рассмотрения на конец заседаний. Крепостническое большинство навязало дискуссию, выдвинув постатейные возражения, но откладывать кардинальные реформы было уже поздно. На местах назревала революционная ситуация.

Остроту момента понимал и император, который 28 января 1861 г. на заседании Государственного совета, куда для окончательного решения были переданы проекты реформы, заявил следующее: «...приступ к делу сделан был по вызову самого дворянства... вот уже четыре года, как оно длится и возбуждает различные опасения и ожидания, как в помещиках, так и в крестьянах... все, что можно было сделать для ограждения выгод помещиков — сделано. Всякое дальнейшее промедление может быть пагубно для государства»²⁴. Несмотря на то что крепостническое большинство Государственного совета снова пыталось внести ревизионистские поправки, Александр II утвердил мнение меньшинства по всем спорным вопросам, имевшим программный характер. Все 17 документов, связанных с реформой, были подписаны, обращение императора по случаю дарования свободы помещичьим крестьянам, написанное Ю. Ф. Самариным и отредактированное митрополитом Филаретом, Александр II лично зачитал на Дворцовой площади 19 февраля 1861 г.

Таким образом, правительство, взяв на себя инициативу отмены крепостного права, не допускало общественного вмешательства в принятие решений. Однако, желая обеспечить лояльность дворянства к реформам, власть призвала его, а до некоторой степени и общественность, к обсуждению предстоявших перемен. В итоге правительство спровоцировало вызов, стремясь к недостижимому: согласию и сотрудничеству со стороны общества без предоставления ему доли ответственности, как следствие — половинчатость принятых решений. Это позволило России войти в капиталистические отношения, избежав пугачевщины и дворцовых переворотов. Однако, в связи с тем, что через полстолетия страна все-таки расплатилась большой кровью за окончательный слом самодержавия, окончательная оценка реформаторов неоднозначна и до настоящего времени дискуссионна.

Что же касается русского помещичьего дворянства, то для него отмена крепостного права стала решающим моментом в истории. За короткий промежуток времени произошли рождение и смерть провинциального дворянства как политической силы в государстве.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Семевский В. И.** Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1888. Т. 1. С. 3.
- ² **Шильдер Н. К.** Император Николай I, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 143.
- ³ См.: **Семевский В. И.** Указ. соч. С. 351.
- ⁴ Там же. Т. 2. С. 128.
- ⁵ **Шильдер Н. К.** Указ. соч. С. 263.
- ⁶ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 230. Л. 3 об., 4, 230.
- ⁷ См.: **Корнилов А. А.** Основные течения правительственной и общественной мысли во время разработки крестьянской реформы // Освобождение крестьян : Деятели реформы : сб. ст. С. 16 — 17.
- ⁸ **Заблоцкий-Десятовский А. П.** Граф П. Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 2. С. 332.
- ⁹ См.: Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Берлин, 1860. Т. 1. С. 129 — 130.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ См.: Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. С. 428.
- ¹² ГАРФ. Секретный архив 3-го отделения. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1926, 1931, 1935.
- ¹³ Крестьянское дело в царствование Александра II : материалы для истории освобождения крестьян. Бонн-на Рейне, 1862. Т. 1. С. 908.
- ¹⁴ **Семенов Тян-Шанский П. П.** Мемуары. Т. 3 : Эпоха освобождения крестьян в России (1857 — 1861 гг.) в воспоминаниях. Пг., 1915. С. 196 — 197.
- ¹⁵ **Семенов-Н. П.** Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу. СПб., 1889. Т. 1. С. 77.
- ¹⁶ **Семенов-Тян-Шанский П. П.** Мемуары. С. 283, 285.
- ¹⁷ Материалы для истории упразднения крепостного состояния... Т. 2. С. 97 — 110.
- ¹⁸ Отзывы членов губернских комитетов. СПб., 1860. Т. 2. С. 343, 353.
- ¹⁹ Там же. Т. 1. С. 722, 735.
- ²⁰ Русская старина. 1899. Кн. 4. С. 116.
- ²¹ Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи). М., 1994. С. 166 — 170.
- ²² ЦГА ОР СССР. Ф. 109. Оп. 2. Д. 2034. Л. 27 об., 28.
- ²³ См.: **Семенов Н. П.** Указ. соч. 1891. Т. 3, ч. 1. С. 493 — 494.
- ²⁴ Журналы и мемории Общего собрания Государственного совета по крестьянскому делу с 28 января по 14 марта 1861 г. Пг., 1915. С. 3 — 5.

Поступила 26.03.2013 г.

УДК 351.745 (470.345)

А. А. Попанов

A. A. Potapov

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВСКОГО КРАЯ В 1917 — 1918 гг.

FORMATION OF THE SOVIET MILITIA IN THE TERRITORY OF THE MORDOVIAN REGION IN 1917 — 1918

Ключевые слова: мордовский край, революция, правоохранительные органы, советская власть, милиция, НКВД, Красная армия.

В статье рассматривается процесс формирования рабоче-крестьянской милиции в мордовском крае; анализируются факторы, предшествовавшие правовому оформлению данной структуры.

Key words: Mordovian region, revolution, law enforcement bodies, the Soviet authorities, the militia, the NKVD, the Red Army.

The process of organization of the worker-peasant militia in the Mordovian region is considered in the article, as well as the factors that preceded the legal formation of this agency are analyzed.

Современная правоохранительная структура состоит из судебной системы, прокуратуры, органов внутренних дел, контрразведки, таможенного контроля, налоговой полиции и юстиции. Основными функциями органов правопорядка являются охрана законности, защита прав и свобод человека, борьба с преступностью¹.

Правоохранительные органы играют одну из главных ролей в системе управления государством, в проведении уголовно-правовой политики. Их значение закономерно возрастает в чрезвычайных ситуациях, когда необходима мобилизация всех средств и сил государства для предотвращения угрозы уничтожения всей социальной системы.

Милиция (от лат. militia — «войско»), являясь составной частью органов внутренних дел, представляет собой административно-исполнительный орган государства, «призванный обеспечивать охрану общественного порядка, прав и законных интересов граждан, предприятий, учреждений от преступных посягательств и других антиобщественных действий»². Милицией (эквивалент полиции в царской России) органы правопорядка стали называться после Февральской революции. В настоящее время это название сохраняется во многих постсоветских странах и регионах — Абхазии, Белоруссии, Киргизии, Приднестровье, Таджикистане, Узбекистане, Украине и Южной Осетии³. С вступлением в силу нового Федерального закона от 1 марта 2011 г. № ОЗ-ФЗ «О полиции» милиция была официально переименована в полицию.

После Февральской революции с ликвидацией корпуса жандармов и Департамента полиции (согласно постановлениям Временного правительства от

6 и 10 марта 1917 г.) полиция была провозглашена «народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления» (постановления «Об утверждении милиции» и «Временное положение о милиции» от 17 апреля 1917 г.)⁴. Однако вновь созданная правоохранительная система на деле оказалась разновидностью полиции. Изменения коснулись только наименования, которое подчеркивало близость к интересам народа и не ассоциировалось с полицией и жандармерией — символами старого порядка. Параллельно с государственной народной милицией организовывались отряды рабочей милиции, создаваемые местными Советами для поддержания порядка при массовых мероприятиях и организации охраны предприятий. Октябрьская революция отменила всю систему государственных учреждений, в том числе народную милицию Временного правительства.

В Мордовии процесс становления милиции неразрывно связан с общероссийской и национальной историей. Общественно-политическая обстановка в уездах мордовского края в 1917 г., основные тенденции их социально-экономического развития не могли не отразиться на процессах становления организационно-правовых основ милиции, ее кадровом комплектовании, основных направлениях деятельности. Во-первых, к 1917 г. Мордовия не являлась административно-территориальной единицей. В ее состав входил ряд уездов Пензенской губернии (Краснослободский, Саранский, Инсарский и часть Наровчатского уездов); Тамбовской (Темниковский и часть Спасского уезда); Симбирской (Ардатовский уезд, волости с мордовским населением Алатырского и Карсунского уездов) и Нижегородской (часть мордовских волостей Лукояновского и Сергачского уездов)⁵. Во-вторых, Первая мировая война была весьма разрушительной для экономики Мордовии с ее слабо развитой промышленностью и отсталым сельским хозяйством. Большинство предприятий, вынужденных работать на нужды фронта, к концу войны из-за острого недостатка рабочей силы (52 % мужчин Мордовии было мобилизовано) и сырья закрывалось или сокращало объемы производства⁶. Сельское хозяйство Мордовии в годы войны пришло в упадок. Посевные площади сократились на 7,8 %, поголовье скота в Инсарском, Краснослободском, Наровчатском и Саранском уездах — на 44,3 %, снизилась урожайность сельскохозяйственных культур. Положение осложнялось острым продовольственным кризисом, отсутствием товаров первой необходимости⁷.

Общая неграмотность мордовского населения дополнялась традиционной для России того периода низкой политической культурой. Отсутствие у мордовского народа способности отстаивать свои права, умения ориентироваться в политической обстановке, опыта организованных выступлений обусловили не только быстрый захват власти большевиками, использовавшими наиболее понятные для народа лозунги, но и несопротивление основной массы населения административно-командным методам управления, насаждению силовых структур. Культурная отсталость мордвы, отсутствие доступа образованной ее части к управлению предопределили низкий уровень компетентности сотрудников новых органов власти, в частности милиции.

28 октября (10 ноября) 1917 г. Народный комиссариат по внутренним делам издал постановление «О рабочей милиции»⁸, в котором содержались основные принципы организации правоохранительной структуры. На территории уездов

мордовского края постановление было введено в действие по телеграфу. В телеграмме говорилось следующее: «Саранскому Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов:

1. Все Советы рабочих и солдатских депутатов учреждают рабочую милицию.

2. Рабочая милиция находится всецело и исключительно в ведении Совета рабочих и солдатских депутатов.

3. Военные и гражданские власти обязаны содействовать вооружению рабочей милиции и снабжению ее техническими силами, вплоть до снабжения ее казенным оружием»⁹.

Постановление «О рабочей милиции», ставшее юридической основой для создания органов правопорядка на территории Мордовии, не разрешало вопросов о составе и структуре милиции, ее функциях взаимодействия с другими органами власти. На основании этого документа милиция всецело переходила в ведение Советов. Отсутствие центрального руководства милицией привело к многообразию ее форм на местах. Неорганизованности милиции способствовала знаменитая идея В. И. Ленина о «всеобщем вооружении народа», воплощение которой он видел именно в создании пролетарской милиции. Поэтому охрана правопорядка в Мордовии в первые месяцы после создания советского государства осуществлялась различными вооруженными формированиями трудящихся: отрядами милиции, красногвардейцами, чрезвычайными комиссиями, дружинами и другими службами. Так, например, на территории Симбирской губернии «в одних городах пошли по ликвидации милиции Временного правительства и введения института комиссаров; в других — местные советы создавали комитеты самообороны, дружины и отряды Красной гвардии; третьи вводили всеобщую милиционную повинность для отбывания ее поочередно всеми гражданами в возрасте от 18 до 40 лет»¹⁰.

Первым правовым документом, в котором говорилось о функции милиции, был декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР от 24 ноября 1917 г. о взимании прямых налогов, подписанный В. И. Лениным¹¹. Документ был направлен на ослабление материальной базы буржуазии и укрепление социалистического сектора народного хозяйства. Он возлагал на Советы обязанность контролировать взимание налогов и принимать меры принуждения, или, согласно терминологии декрета, — «понуждения». При взыскании налогов Советы имели право «пользоваться Красной гвардией и милицией». Последние были обязаны «исполнять все предписания Советов, до взимания налогов относящиеся»¹².

Охрана экономической основы Советского государства в деятельности милиции тесно сочеталась с защитой прав и интересов трудящихся. «Положение о земельных комитетах» возлагало на милицию обязанность оказывать земельным комитетам и их исполнительным органам «содействие в осуществлении возложенных на них обязанностей»¹³.

Сложилась и получила правовую регламентацию такая функция милиции, как борьба с преступностью путем участия в расследовании уголовных дел. Не проводя самостоятельно следствия по уголовным делам, милиция тем не менее участвовала в арестах, обысках, выемках и т. д.

Особенностью становления милиции в Мордовии являлось то, что в первые дни революции ее кадры комплектовались из солдат и рабочих. В первую очередь это было обусловлено недостатком кадрового состава милиции. Так, например, в Саранске революционный штаб от имени исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Совдеп) 21 ноября 1917 г. принял следующее постановление: «Настоящий Саранский Революционный Штаб имеет честь просить командира пехотного запасного полка разрешить начальнику Саранской милиции гражданину Волкову непосредственно в ротах вверенного Вам полка выбрать людей, могущих и желающих взять на себя обязанности городских милиционеров. Для борьбы с погромами и для защиты личной безопасности граждан г. Саранска объединенный Совет солдатских и рабочих депутатов вынес постановление о необходимости организовать милицию из состава кадровых солдат»¹⁴. Однако поддерживать должный общественный порядок только силами новой милиции было трудно, поэтому исполнительные комитеты совдепов одновременно с формированием подразделений милиции создавали отряды Красной гвардии, причем их функции нередко совпадали.

С самого начала советская милиция создавалась на основе двойного подчинения: Совдепу и Народному комиссариату внутренних дел (НКВД) РСФСР. Штаты центрального аппарата НКВД формировались на основе структуры дореволюционного Министерства внутренних дел Временного правительства. В него входили: секретариат, коллегия НКВД, отдел местного управления, центральный статистический отдел, финансовый отдел, контрольно-ревизионная комиссия, отдел управления медицинской частью, ветеринарный отдел, отдел местного хозяйства, беженский отдел, иностранный отдел и бюро печати. Коллегию НКВД составляли Г. И. Петровский, Ф. Э. Дзержинский, М. Я. Лацис, И. С. Уншлихт и М. С. Урицкий.

Основными направлениями деятельности НКВД в первые годы советской власти стали организация, подбор кадров и контроль за деятельностью местных Советов; контроль за исполнением распоряжений центральной власти на местах; охрана «революционного порядка» и обеспечение безопасности граждан; общее руководство профессиональной и финансово-хозяйственной деятельностью органов милиции, исполнения наказаний, противопожарной охраны; руководство коммунальным хозяйством.

В апреле 1918 г. НКВД РСФСР направил всем губернским Советам директиву с требованием отделить советскую народную охрану от военного дела: «Дело милиции должно всецело находиться в ведении отдела управления при Совете (отдела по внутренним делам). Смешивание и того, и другого вредит как организации новой армии, так и правильной постановке дела народной охраны»¹⁵. Одновременно началась подготовка к разработке проекта нормативного акта, который юридически закрепил бы организацию штатного аппарата охраны общественного порядка. 5 июня 1918 г. коллегия НКВД рассмотрела проект декрета СНК «О народной рабоче-крестьянской охране». В проекте положения говорилось о необходимости создания рабоче-крестьянской охраны (советской милиции) как постоянного штата лиц, не связанного с военным делом: «вся существующая ныне милиция и постановка дела охраны революционного порядка должна быть реорганизована и изменена»¹⁶.

Важнейшим этапом правового оформления организации штатного аппарата советской милиции явился I Всероссийский съезд представителей губисполкомов и заведующих отделами управления, проходивший в Москве с 30 июля по 1 августа 1918 г.¹⁷ Съезд принял резолюцию «Об организации Советской Рабоче-крестьянской милиции», в которой говорилось следующее: «Признавая невозможным всеобщее вооружение всего населения в настоящий момент крайнего обострения классовой борьбы как в городе, так и в деревне и ощущая острую нужду на местах в постоянном аппарате для поддержания революционного порядка, охраны Советской власти и отстояния дорогих завоеваний революции, съезд признает необходимым организацию Советской Рабоче-крестьянской милиции»¹⁸.

В соответствии с решением съезда 6 августа 1918 г. Саранский совдеп постановил: «Предоставить комиссару внутренних дел право реорганизовать всю милицию и увеличить ее до потребного количества»¹⁹. На основании этого постановления в августе 1918 г. за подписью комиссара внутренних дел Саранского уезда товарища Каплева был подготовлен проект реорганизации как уездной, так и городской милиции. В нем говорилось: «Назвать милицию как уездную, так и городскую — советской милицией, причем городская милиция находится в непосредственном ведении советской уездной милиции»²⁰.

12 октября 1918 г. проект положения о рабоче-крестьянской охране был утвержден НКВД и Народным комиссариатом юстиции (НКЮ) РСФСР как «Инструкция об организации советской рабоче-крестьянской милиции»²¹. Инструкция закрепила правовые основы деятельности советской милиции как штатного государственного органа охраны общественного порядка. В ней четко обозначился классовый характер советской милиции («рабоче-крестьянская») и круг поставленных задач: «советская милиция стоит на страже интересов рабочего класса и беднейшего крестьянства. Главной ее обязанностью является охрана революционного порядка и гражданской безопасности». В инструкции также указывалось, что милиция является исполнительным органом рабоче-крестьянской центральной власти на местах и функционирует на основе принципа двойного подчинения, т. е. правоохранительные органы находились в непосредственном ведении местных Советов и одновременно подчинялись общему руководству НКВД²².

В годы Гражданской войны советская милиция совместно с частями Красной армии вела борьбу с белогвардейцами и интервентами, участвовала в подавлении контрреволюционных мятежей, боролась со спекулянтами, мародерами и другими преступными элементами. В частности, территория современной Мордовии была одним из важных опорных пунктов Красной армии в противостоянии белочехам и внутренней контрреволюции. Во время мятежа чехословацкого корпуса в мае 1918 г. станция Рузаевка стала штабом красногвардейских отрядов в борьбе за освобождение г. Пензы. В. И. Ленин лично интересовался операцией по разгрому чехословаков и держал связь с Рузаевкой. Так, в телеграмме В. В. Кураеву вождем пролетариата сделал запрос: «Во сколько часов вы имели последние сведения и от кого из Пензы? Сколько тысяч чехов там, и когда они выехали в Самару?»²³.

На разгром белочехов были брошены силы Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), милиции, отрядов вооруженных рабочих: «Как только вспыхнул мятеж белочехов, во всех уездах, за исключением Темниковского

и Спасского, было объявлено военное положение. Из числа опытных большевиков и советских работников были избраны военно-революционные комитеты, которым передавалась вся полнота власти»²⁴. Согласно телеграмме Пензенского губернского исполнительного комитета, 25 мая 1918 г. уездный Совет принял меры к организации добровольческого отряда на защиту советской власти: «Из рабочих и прибывших из сел добровольцев был организован отряд в 300 человек и отправлен в Пензу. Вместе с отрядом выехала и большая часть членов Совета»²⁵.

Одновременно сотрудники милиции продолжали ликвидацию спекуляции и самогонарения, проводили разъяснительную работу по предупреждению преступности среди несовершеннолетних, выполняли административные (надзорные) обязанности, оказывали содействие должностным лицам всех ведомств в случаях, когда отдельные граждане отказывались подчиняться их законным требованиям. Органы милиции проводили значительную работу по осуществлению всеобщей трудовой повинности и продрозверстки.

Таким образом, несмотря на все трудности (отсутствие подготовленных кадров, достаточного количества оружия и обмундирования), формирование органов милиции как по всей стране, так и на территории Мордовии завершилось к середине 1918 г. Вновь созданные подразделения милиции являлись исполнительными органами народной власти. Они принимали активное участие в борьбе с внутренней контрреволюцией, обеспечивали общественный порядок, оказывали действенную помощь в сборе продовольствия для рабочих промышленных центров, способствовали становлению и укреплению народной власти на местах.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Большой юридический словарь. М., 1997. С. 526.
- ² Большая советская энциклопедия : в 30 т. М., 1974. Т. 16. С. 258.
- ³ URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Милиция/html> (дата обращения 07.12.12).
- ⁴ См.: Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995. С. 95.
- ⁵ См.: Очерки истории Мордовской АССР : в 2 т. Саранск, 1961. Т. 2. С. 23.
- ⁶ Там же. Т. 1. С. 466.
- ⁷ См.: Пензенский край. 1917 — 1977 : док. и материалы. Саратов, 1982. С. 76.
- ⁸ См.: О рабочей милиции : постановление НКВД РСФСР от 28 окт. 1917 г. // Собрание узаконений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1917. № 31. Ст. 15.
- ⁹ ЦГА РМ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 7-а. Л. 41.
- ¹⁰ **Безбородов Г. Н.** В те далекие годы. Ульяновск, 1971. С. 20.
- ¹¹ См.: О взимании прямых налогов : декрет СНК РСФСР от 24 нояб. 1917 г. // Собрание узаконений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1917. № 5. Ст. 71.
- ¹² **Даюнов Я. М., Пылев С. С., Васильев Б. А.** Всегда на чеку. М., 1982. С. 40.
- ¹³ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 218.
- ¹⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-37. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.
- ¹⁵ Полиция и милиция России... С. 99.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: **Бычков В. Ф.** Закона и порядка верный щит. Саранск, 1982. С. 18.
- ¹⁸ **Даюнов Я. М., Пылев С. С., Васильев Б. А.** Указ. соч. С. 48.
- ¹⁹ ЦГА РМ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 15. Л. 99.
- ²⁰ Там же. Л. 11.

²¹ Собрание узаконений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 75. Ст. 813.

²² Там же.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 50. С. 85.

²⁴ Очерки истории мордовской организации КПСС. Саранск, 1979. С. 124.

²⁵ В братском содружестве народов СССР : док. и материалы. Саранск, 1985. С. 22.

Поступила 01.03.2013 г.

УДК 323.17 (=511.152)

Е. К. Минеева

E. K. Mineeva

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ МОРДВЫ

PECULIARITIES OF FORMATION OF THE NATIONAL-TERRITORIAL AUTONOMY OF THE MORDVINS

Ключевые слова: регион, автономия, мордва, этнос, государство, территория.

В статье на основе привлечения специальной литературы и неопубликованных архивных документов рассматриваются вопросы формирования национально-территориальной автономии мордвы, особенности возникновения государственности титульного этноса в сравнении с другими народами многонационального региона Среднего Поволжья.

Key words: region, autonomy, the Mordvins, ethnoes, state, territory.

The problems of formation of national-territorial autonomy of the Mordvins, peculiarities of the titular ethnic group statehood in comparison with other peoples of the multinational Middle Volga region are considered in this article on basis of specialized literature and unpublished archival documents.

Среднее Поволжье является одним из крупнейших многонациональных регионов страны, население которого в прошлом входило в состав Казанской, Нижегородской, Пензенской, Самарской и Симбирской губерний. В настоящее время регион представляют такие национальные республики, как Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия и Чувашия, каждая из которых в отдельности полиэтнична.

Мордва является титульным этносом Республики Мордовия, отличающимся дисперсностью расселения: всего около 32 % населения республики по этническому происхождению относятся к мордве. Территориальная неравномерность, четкое разделение на два субэтноса тормозили процесс становления государственности мордвы. Только в 1928 г. в рамках РСФСР был создан Мордовский национальный округ (МО), преобразованный в 1930 г. в Мордовскую автономную область (МАО), а в 1934 г. — в Мордовскую АССР.

РСФСР, образованная на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г., формировалась как многонациональная республика. В 1914 г. к русским относилось 43 % от всех жителей страны, 57 % приходилось на ее многоэтничное

население, говорившее на более чем 150 языках¹. Многочисленность народов, кроме того, срединность положения многих из них, ориентировали советскую власть на формирование в РСФСР автономных образований, по советской терминологии, коренных национальностей. Совокупность более 170 этносов стала объективной предпосылкой образования в России именно такого типа государственного устройства. Низкий уровень государственности, политической, социально-экономической и культурной зрелости абсолютного большинства российских этносов также способствовал формированию федерации, основанной на автономии. Отметим и чересполосное проживание народов внутри России, что значительно затрудняло выделение суверенной национально-территориальной единицы, в которой основная часть населения относилась бы к титульному этносу. Это качество, складывавшееся в течение длительного времени, значительно усложняло процесс формирования национально-автономных образований.

В целях претворения в жизнь национальной политики государства советская власть создала специальный орган — Народный комиссариат по делам национальностей (НКН) РСФСР, главной целью которого являлось формирование национально-территориальной автономии нерусских этносов. Решающую роль в реализации основных задач НКН сыграли национальные комиссариаты и отделы наркомата. Мордовский отдел при НКН официально был создан в феврале 1919 г. Так, в протоколе № 45 заседания коллегии наркомата от 20 февраля 1919 г. записано следующее: «...утвердить временно заведующим Мордовским отделом т. Федора Павловича Нестерова»². Однако фактически деятельность отдела началась с февраля 1921 г. До этого времени представители отдела никак не проявляли свою работу. Протоколы заседаний большой коллегии НКН, Совета национальностей (Совнаца) демонстрируют, что фамилии П. П. Башаева и С. К. Марасанова от мордовского отдела появились лишь с февраля 1921 г.

Трудности в становлении государственности мордвы в целом (территориальная разобщенность народа по ряду губерний, его ассимиляция с русским этносом, двуязычие) осложняли работу мордовского отдела при НКН. Как отмечает С. М. Букин, движение за выделение автономии, поддержанное мордвой Симбирской, а затем Саратовской и Самарской губерний, тормозило мордовское население Пензенской и Тамбовской губерний, которое не достигло в 1920-е гг. степени зрелости, позволившей бы решить вопрос о создании автономии этноса³. Работе мордовского отдела НКН существенно мешало и отсутствие необходимых национальных кадров, о чем отдельно отмечалось на проходившем в Самаре в июне 1921 г. I Всероссийском съезде коммунистов ВКП(б) мордвы⁴.

С другой стороны, объективные трудности, вставшие перед отделом НКН, не снимали ответственности с его работников, проявивших безынициативность и незаинтересованность в предоставленном им деле. «По замечанию историка В. К. Абрамова, сам факт подготовки проекта Мордовского отдела Наркомнаца лишь через полгода после назначения его руководителей и к тому же сотрудниками Наркомпроса говорит о несостоятельности первых»⁵. По предположению ученого, именно этот факт стал причиной преобразования отдела 26 апреля 1921 г. в подотдел национальных меньшинств⁶.

Источники убеждают в том, что менявшаяся структура НКН стала главной причиной смены статуса мордовского отдела. После того, как в мае 1920 г. «для народностей, вкрапленных в иные национальные большинства в виде национальных меньшинств», был создан отдел национальных меньшинств (ОНМ)⁷, все территориальные подразделения НКН постепенно были переведены в ранг его подотделов. Возникавшие представительства уточняли Положение о структурных единицах комиссариата. На заседании Совнаца 25 апреля 1921 г. нарком И. В. Сталин, говоря о поправках в Положение о Совете национальностей, отметил, что «исключено представительство мордвцев (мордвы. — *Е. М.*), как не имеющих определенной территории и которые могут быть обслуживаемы отделом национальных меньшинств»⁸. Несмотря на то что мордовская секция при ЦК РКП(б) обратилась к НКН с просьбой о преобразовании мордовского подотдела в отдел НКН, 12 сентября 1921 г. коллегия наркомата постановила «считать мотивы, выдвигаемые докладной запиской, неосновательными и ходатайство Центрального Бюро Мордовских секций отклонить»⁹. При этом неорганизованность работников отдела нельзя не учитывать. Исключительным случаем, о чем свидетельствуют протоколы заседаний коллегии НКН, стало их отсутствие на заседании 16 апреля 1921 г., на котором должен был рассматриваться вопрос мордвы. В протоколе записано следующее: «Рассмотрение указанных в докладной записке Мордовского отдела вопросов ввиду отсутствия представителя из отдела отложить до следующего заседания коллегии»¹⁰.

Лишь после того, как Центральное бюро (ЦБ) мордовских секций при ЦК РКП(б) направило в качестве заведующего в мордовский подотдел ОНМ при НКН Д. С. Желтова, работа здесь начала налаживаться¹¹. Следовательно, не столько мордовский отдел Наркомнаца, сколько I Всероссийский съезд коммунистов активизировал деятельность по созданию мордовской автономии. Именно на нем был поставлен вопрос о территориальном выделении мордовского этноса.

Деятельность отделов НКН и их представительств на местах особенно усилилась после VIII съезда РКП(б). В условиях Гражданской войны большевики активизировали контроль национальных районов страны, сознавая важность укрепления советской власти на местах при помощи национальной политики государства. При партийных комитетах они начали образовывать отделы в тех районах, где население состояло «из двух или нескольких групп различных национальностей для более успешной среди них пропаганды на их родном языке»¹². Съезды коммунистов марийцев, мордвы и чувашей в 1920 г. дали толчок к избранию национальных бюро при агитационно-пропагандистском отделе ЦК РКП(б). Затем были созданы национальные секции при губернских и уездных комитетах коммунистической партии. ЦБ мордвы ведет свое начало с 18 июня 1921 г.¹³

Проблема кадров в это время была одной из основных. Из отчета ЦБ мордовских секций за октябрь 1921 г. было выявлено, что в бюро числились 3 служащих и 1 инструктор. Стремясь разрешить данную проблему, национальные секции устанавливали тесные контакты не только с центральными и местными организациями, но и с отдельными лицами об их переводе и устройстве на работу

среди национального населения. Установление связей на местах, культурно-просветительная и агитационная работа, издательское дело, сбор необходимых статистических данных об этносе стали распространенными сферами деятельности партийных организаций¹⁴. Главным же направлением являлась борьба за формирование и развитие национальной автономии.

В отличие от марийцев, удмуртов и чувашей мордва сравнительно долгое время отстаивала право на создание национально-территориальной автономии. Серьезное рассмотрение данного вопроса началось с I Всероссийского съезда коммунистов мордвы, проходившего 10 — 14 июня 1921 г. в Самаре. Предложенное на съезде мордовским подотделом НКН создание национальной автономии было единогласно поддержано всеми представителями от мордовского народа. Однако из-за того, что подотдел по тем или иным причинам не собрал необходимые для конкретного рассмотрения вопроса данные, общенациональный форум вынужденно ограничился принятием резолюции общего характера. В связи с тем, что территориально мордва была рассеяна между несколькими губерниями, при обсуждении вопроса среди делегатов съезда разгорелась дискуссия по поводу местонахождения и формы будущей автономии. Так, делегаты из Самары настаивали на территории Самарской губернии, саратовцы — Саратовской, а мордовский подотдел — на коренных землях мордвы, входивших в состав Нижегородской, Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний¹⁵. На этой территории, по переписи 1920 г., численность мордвы составляла 589 754 чел., или 51,3 %¹⁶. Большинство мордовского этноса было сосредоточено в Инсарском, Краснослободском, Наровчатском, Саранском и Рузаевском уездах Пензенской губернии; Спасском и Темниковском — Тамбовской; Ардатовском, Алатырском и Карсунском — Симбирской; Лукояновском и Сергачском уездах Нижегородской губернии¹⁷.

Созданная по решению съезда комиссия в составе Д. С. Желтова, М. Е. Евсевьева, Ф. И. Завалишина, Т. В. Васильева, И. И. Московкина, Г. К. Ульянова и Е. С. Окина приступила к подготовке проекта автономии и к сбору необходимого материала¹⁸. По замечанию В. К. Абрамова, созданный в 1922 г. проект «Мордовская автономная единица» незначительно отличался от утвержденного впоследствии¹⁹. Согласно проекту, территория автономии должна была включать Спасский и Темниковский уезды Тамбовской губернии; Краснослободский, Инсарский и Алатырский (без северных районов) уезды Симбирской губернии²⁰. На выделенной территории проживало более 1 млн чел., из которых мордва составляла свыше 50 %. Однако предложенному на рассмотрение НКН проекту не доставало подтверждающих документов и информации. Для выделения автономии существовала необходимость в изучении мнения местного населения, отличавшегося разнообразием этнического состава. Границы необходимо было согласовать не только с органами местной власти, но и с наркоматом внутренних дел. В связи с этим коллегия НКН в своем постановлении высказала нецелесообразность образования на данном этапе МАО.

Ученые Республики Мордовия, занимающиеся национально-государственным строительством своего народа, признают тот факт, что комиссия, созданная для подготовки проекта образования автономии, не справилась с поставлен-

ной задачей, в результате чего вопрос так и не был решен. Кроме того, собранные ею данные, например, о процентном соотношении этноса на предлагавшейся к выделению территории, не подтвердились имевшейся о мордве информацией. Комиссия искусственно увеличила процент мордвы. Документальные материалы и специальная литература свидетельствуют о том, что в целом движение мордвы за национальную автономию в 1918 — 1922 гг. отличалось некоторой пассивностью в сравнении, например, с марийским и чувашским этносами. Отсталость народа, проживание в среде русского населения, разноязычие, а также противоречия между губернским руководством оказали существенное влияние на затяжной характер государственно-образовательных процессов мордовских субэтносов.

В 1924 г. активизированный мордовскими коммунистами вопрос формирования автономии дошел до Президиума ВЦИК, который для его рассмотрения образовал комиссию во главе с Г. К. Клингером. Возникла необходимость в тщательном изучении мнения местного населения, в первую очередь Пензенской губернии, отличавшейся максимальным количеством проживания в ней мордвы (50 %). В 1924 — 1925 гг. местные органы власти значительно продвинулись в составлении проектов по образованию автономии. Архивные материалы доказывают, что в это время регулярно на заседаниях исполкомов рассматривались вопросы о численности мордвы, состоянии школьного дела, здравоохранении среди мокшан и эрзян²¹. Политические структуры губернского и уездного уровней прямо отмечали в своих отчетах, что «такое изучение мордвы началось подробно и систематически только с 1925 г.»²².

Собранная информация убедительно демонстрирует высокую экономическую и культурную отсталость мордовского народа. Документы Пензенского губернского исполкома подтверждают наличие разнообразных заболеваний среди мордовского населения, особенно туберкулеза и венерических болезней. В частности, наибольший показатель заболеваемости сифилисом был отмечен в Саранском уезде Пензенской губернии²³. По итогам аккумулированной с мест информации, в 1925 — 1926 гг. началась активная просветительская работа среди мордвы по преодолению ее отсталости и неразвитости. Органы власти, заинтересованные в образовании национально-территориальной государственности этноса, активизировали подготовку населения к формированию автономии.

Местные активисты разработали несколько вариантов проекта выделения мокшан и эрзян со своим взглядом на столицу автономной единицы. По этому поводу на местах вновь не было единства и согласия. Документы свидетельствуют, что с 1922 — 1923 гг. началась оживленная дискуссия между сторонниками узловой станции Рузаевка, и теми, кто выдвигал старинный город Саранск в качестве столицы автономной единицы²⁴. Дискуссия коснулась и самой идеи национальной государственности, которую приходилось отстаивать не только перед центром, что усложняло продвижение вопроса. Так, проходивший 27 апреля — 1 мая 1925 г. XII съезд Советов Пензенской губернии, поддержавший создание мордовской автономной единицы, наряду со сторонниками имел и противников (в частности, делегаты Мангутов и Борисова выступили против выделения мордвы)²⁵.

Комиссия ВЦИК отклонила все проекты, как не соответствовавшие этническому признаку. При собранных комиссией показателях этнос не мог претендовать на автономию, так как оргкомитет ЦК партии большевиков высказался за образование мордовской автономной единицы при условии проживания на выделяемой территории до 60 — 70 % этноса. Местных активистов обвинили в национализме, возникло и понятие «автономист» — человек, любыми методами и способами добивавшийся национальной автономии. К лидерам «автономистов» отнесли инструктора отдела национальностей при Президиуме ВЦИК Т. В. Васильева, уполномоченного подотдела нацменьшинств при пензенском губисполкоме С. С. Шишканова, члена пензенского губкома Г. Н. Миронова²⁶ и др.

После того, как последний проект был отклонен, председатель комиссии Президиума ВЦИК высказал предложение о выделении мордвы внутри губернии, в местах ее компактного проживания. Следовательно, возник новый вариант разрешения проблемы мордовского этноса, поддержанный И. В. Сталиным. Предложение Генерального секретаря ЦК РКП(б) о территориальном выделении мордовского населения в административные районы сыграло решающую роль на данном этапе²⁷. Данное решение соответствовало «Положению о сельских советах» (1924 г.), постановлению III съезда Советов (1925 г.) и Конституции РСФСР 1925 г. Так, в Ульяновской губернии было выделено 90 сельских Советов и 4 национальных волости мордвы. Аналогичный процесс проходил и в других губерниях. В 1925 — 1928 гг. всего по РСФСР было создано более 600 сельсоветов и 17 волостей с мордовским населением²⁸. Образование национальных Советов способствовало повышению национального самосознания мордовского народа.

Несмотря на сложности, местным работникам, инициировавшим образование автономной единицы, в 1925 г. несколько раз удавалось добиться создания комиссии Президиума ВЦИК. Так, например, в ноябре 1925 г. Президиум ВЦИК принял решение о создании новой комиссии, при которой действовала специальная подкомиссия для рассмотрения вопроса о мордве в составе представителей от НКВД, отдела национальностей ВЦИК и Народного комиссариата финансов РСФСР. Подкомиссия тщательно изучила варианты проектировавшейся МАО, предложенные местными губернскими исполкомами. Вновь было выявлено, что они по-прежнему не удовлетворяли предъявляемым к выделению особой национально-территориальной единицы требованиям в отношении этнического и экономического признаков. В итоге подкомиссия составила третий проект с выделением территории, на которой проживало 45,8 % мордвы²⁹. Данный процент не соответствовал 50-процентному рубежу, но он был предельно максимальным. Тем не менее комиссия ВЦИК, на рассмотрение которой 7 июня 1926 г. выносился проект, приняла решение о нецелесообразности организации МАО. Формальной причиной отказа являлся все тот же аргумент — менее 50 % мордовского населения на выделяемой территориальной единице³⁰.

Неубедительным представляется мнение некоторых исследователей, утверждающих, что ломка административных границ, без которой было невозможно создание мордовской автономии с самодостаточной экономикой, стала причиной отказа в образовании автономии на данном этапе. Более убедительной является

точка зрения М. С. Букина, согласно которой советская власть при создании национально-территориальных единиц созначала необходимость помощи отсталым этносам. По его мнению, «национально-государственное строительство рассматривалось как одно из важнейших средств ликвидации экономической и культурной отсталости народа»³¹. Фактическим основанием для отказа, скорее, служили разногласия во мнениях о выделении конкретной для новой единицы территории. Представители нескольких губерний «тянули одеяло» на себя. Соответственно, они имели своих сторонников и в центре. Кроме того, как уже отмечалось, в центральных партийно-государственных структурах власти распространенным являлось мнение об ассимиляции мордвы русскими. На этом основании, например, «всероссийский староста» М. И. Калинин не считал возможным национально-территориальное выделение мордвы.

В 1928 г. начался последний этап в формировании автономии мордвы. Процессы индустриализации, потребность значительного усиления промышленного потенциала всей страны с учетом ее слаборазвитых национальных районов требовали совместных усилий всех народов. Без помощи русской нации и более выделявшихся в промышленном отношении районов отсталые, с экономической точки зрения, автономии не могли выйти на высокие индустриальные рубежи. В итоге это определило принцип экономического районирования на данном этапе.

В 1928 г. Президиум ВЦИК для обеспечения культурно-хозяйственного роста автономных единиц утвердил специально разработанные условия добровольного их вхождения в краевые (областные) формирования³². В течение 1928 — 1929 гг. в Поволжье были образованы: Нижегородская область, включившая в свой состав Вятскую и Нижегородскую губернии, Чувашскую АССР, Марийскую и Удмуртскую АО; Нижневолжскую — с центром в Саратове; Средневолжскую — с центром в Самарской области. Административная комиссия ВЦИК, обсудив вопрос о разделении Средневолжской области с заинтересованными сторонами и выявив мнение мордовского населения, составила его проект. В развитие постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 14 мая 1928 г. об образовании Средневолжской области Президиум ВЦИК постановил утвердить ее разделение на девять округов: Мордовский, Самарский, Бугурусланский, Бузулукский, Пензенский, Сызранский, Ульяновский, Оренбургский и Кузнецкий³³. Поскольку к моменту образования области не было окончательного решения по поводу образования национального округа в ее составе, организовали не Мордовский, а Саранский округ, ставший основой формирования мордовской национальной единицы. В численном отношении население Средневолжской области составило около 7 млн чел.³⁴ Районирование области осуществлялось практически на протяжении всего времени ее существования. Одной из причин этого процесса являлось выделение и территориальное уточнение границ мордовской автономной единицы внутри области.

Заседание бюро ЦК Средневолжской области 20 июня 1928 г. решило «считать необходимым выделение в пределах Средневолжской области Мордовской автономной области даже при наличии в пределах этой области не свыше 40 — 45 %»³⁵. Внимательно рассматривался здесь национальный и территориальный состав будущей мордовской единицы. Так, основной докладчик по вопросу

выделения автономии этноса Аболин раздосадованно констатировал вынужденное сокращение районов в предлагаемом проекте. Чтобы обеспечить максимальный процент мордвы, мордовская секция агитационно-пропагандистского отдела ЦК партии, занимавшаяся вопросами составления данного проекта, должна была пойти на искусственное отсечение ряда районов с преимущественно русским населением, расположенных непосредственно вблизи Саранска и Московской Казанской железной дороги и имевших к ним экономическое тяготение³⁶. При оставлении в пределах автономии этих районов, что являлось, по мнению участников заседания, необходимым, процент мордовского населения еще более мог снизиться.

Для образования же национально-территориальной единицы именно процентное соотношение мордвы долгие годы являлось «камнем преткновения». В результате, при проектировании автономии этноса решение данного вопроса напрашивалось в первую очередь, несмотря на очевидную экономическую целесообразность иного варианта территориального размежевания. Особого изучения из предлагавшихся к включению в состав автономии требовали те районы, которые занимали пограничную зону. В частности, 20 июня на заседании бюро единогласно было принято «считать невозможным ввиду явного их экономического и территориального тяготения к центрам Средневолжской области отделение от нее и передачу к соседним губерниям и к Чувашской республике Ельниковского, Новотроицкого, Ромодановского, Чамзинского районов, оставив их в пределах Мордовской административной единицы»³⁷.

Нередко решения по отдельным пограничным землям подвергались изменению. Например, если заседание от 20 июня в отношении части Ардатовского уезда вместе с г. Ардатом, заселенным преимущественно русским населением, постановило оставить ее в Ульяновском округе, то 25 июня бюро отвергло утвержденное ранее решение. Учитывая экономическое тяготение Ардатовского района к Саранскому округу, бюро ЦК Средневолжской области постановило передать Ардатовский район в мордовскую автономную единицу³⁸.

Самым большим по численности населения и количеству районов в составе Средневолжской области стал МО, сформированный по решению комиссии от 7 июля 1928 г. Данные стенограммы 1-й окружной партийной конференции, проходившей 1 — 3 августа 1928 г., свидетельствуют о том, что национальная единица в составе Средневолжской области включала 1 млн 300 тыс. чел.³⁹ Вместе с тем участники конференции отдельно остановились на существенной отсталости мордвы среди населения округа. Неслучайно в числе приоритетных задач называлась необходимость обеспечения хозяйственно-культурного подъема этноса, большие надежды по реализации которой возлагались на русский народ⁴⁰. Неоднозначно складывалась ситуация по поводу столицы национальной единицы. Начавшийся еще в 1922 — 1923 гг. и долгое время продолжавшийся между Рузаевкой и Саранском спор, наконец, завершился в пользу г. Саранска, хотя разногласия продолжали возникать и в период преобразования округа в область.

Далеко не сразу появилась ясность в отношении районов внутри формировавшейся национальной автономии. До образования МО распределение районов в

составе Средневолжской области выглядело следующим образом: Самарский округ — 11 районов, Бугурусланский — 12, Бузулукский — 7, Оренбургский — 15, Ульяновский — 15, Сызранский — 8 и Пензенский — 19⁴¹. Процесс формирования национально-территориальной единицы мордвы изменил ситуацию. Количество районов Саранского, затем МО варьировалось от 21 до 29. В Саранском округе их насчитывалось 21. В состав национального округа вошли следующие районы: Большевьясский, Иссинский, Инсарский, Наровчатский, Ковылкинский, Рыбкинский, Торбеевский, Ачадовский, Беднодемьяновский, Зубово-Полянский, Теньгушевский, Стрельниковский, Краснослободский, Старошайговский, Новотроицкий, Ромодановский, Саранский, Рузаевский, Урейский, Ельниковский, Темниковский, Кочкуровский, Ардатовский, Талызинский, Дубенский, Атяшевский, Козловский, Чамзинский, Большеберезниковский — всего 29⁴².

Уточнения касались пограничной зоны с Нижним Поволжьем. Не сразу окончательно решился поставленный мордвой вопрос о Хвалынском, Кузнецком и Пугачевском уездах. Кроме того, изменяли свою границу и определившиеся внутри округа местности с целью учета их близости к районным центрам. Организационная комиссия округа, проведя укрупнение районов, упразднила Урейскую, Стрельниковскую, Новотроицкую и Большеберезниковскую территориально-административные единицы, оставив 25 районов⁴³. Менялась ситуация с Иссинским, Беднодемьяновским, Наровчатским и Большевьясским районами, которые в связи с решением пленума областного оргкомитета были переданы в Пензенский округ, в итоге в Мордовии остался 21 район. Согласно постановлению Президиума ВЦИК о районировании Средневолжской области, они вновь вернулись в состав мордовской территориальной единицы⁴⁴.

В соответствии с территориальным размежеванием к концу июля 1928 г. в МО существовало 22 района с численностью населения 1 млн 338 тыс. 162 чел.⁴⁵ План хлебозаготовок МО, составленный в октябре 1928 г., содержит 23 района⁴⁶. К 1934 г. число территориальных единиц внутри области сократилось до 21 района. После преобразования МАО в республику число районов вновь увеличилось. Так, Президиум ЦИК Мордовской АССР, «учитывая отдаленность селений от районных центров, вследствие чего затруднено регулярное живое руководство работой сельских советов...», 28 сентября 1936 г. постановило образовать 7 новых районов⁴⁷.

Несмотря на неоднократное внутреннее районирование с момента возникновения национального округа, главным стало то, что мордовское население ранее разрозненное и принадлежавшее к различным губерниям, теперь приобрело единые территорию и управление. В статье местной газеты «Завод и пашня» по поводу формирования МО говорилось, что территория и районы, «до сих пор не связанные между собой, с этого момента объединяются единым хозяйственно-политическим руководством»⁴⁸. С этого времени можно вести речь о едином национально-территориальном формировании, которое в процессе развития меняло свой статус.

Уже в 1928 г. был создан проект организации МАО⁴⁹. В нем дана краткая история народа, приведены аргументы в пользу автономии при помощи

собранных к этому времени цифровых данных о численном составе мордвы, его административно-хозяйственных возможностях. Выделявшимся в автономную область 23 районам в проекте дана подробная характеристика с указанием их плотности населения, возможных центров, особенностей промышленного и сельскохозяйственного развития. Поскольку к формированию автономной области практически все было подготовлено, уже в 1930 г. на основе постановления ВЦИК округ был преобразован в МАО. Площадь МАО составляла 24,9 тыс. км² с населением 1 млн 386 тыс. чел., 39,6 % мордвы по-прежнему не соответствовало национальному признаку выделения в автономную единицу. Неслучайно в числе главных проблем властных структур области было введение родного языка в делопроизводство учреждений автономии, проблема коренизации. Вопрос осложнялся и разноязычием субэтносов мордвы. Однако подобное решение вписывалось в партийно-государственную идеологию, изменявшуюся со второй половины 1920-х гг. в сторону поддержки русской нации и единого советского народа. Создание национальной автономии, в которой преобладала не титульная, а русская нация, не противоречило указанным установкам, да и настоятельные требования со стороны мордвы также сказались на результатах национально-территориальных образовательных процессов. В составе Средневожского края максимально сосредоточились основные районы с проживанием мордовского населения. Постановлением ВЦИК от 20 декабря 1934 г. МАО была преобразована в Мордовскую АССР.

На I республиканском съезде советов Мордовской АССР в декабре 1934 г. была дана краткая история народа, подведены итоги, которых мордва добилась за годы социалистического строительства⁵⁰. Съезд принял герб и флаг МАССР. Ни одна из автономий не обладала такой специфической особенностью политических символов республики, какая существовала у мордвы. На гербе МАССР лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был написан на трех языках: русском, мокшанском и эрзянском. В спорах по названию автономной республики рассматривались предложения ее мокша-эрзянского и эрзя-мокшанского наименований. Съезд наметил программу деятельности новой республики на будущее⁵¹. Стенограмма I республиканского съезда мордвы подтверждает и то, что между органами власти на местах явно заметны разногласия, а видение дальнейшей работы в области сельского хозяйства, промышленности, здравоохранения и культуры МАССР отличалось неуверенностью и неопределенностью⁵². Об этом откровенно высказывались районные руководители.

Таким образом, формирование автономии мордвы проходило в несколько этапов. В это время преодолевались не только объективные, но и субъективные трудности. У движения за национально-территориальное выделение были свои противники, в первую очередь, в лице тех, кто считал, что мордва как нация не существует, что она ассимилирована русскими. Несмотря на многочисленные сложности, в соответствии с национальной политикой советской власти стремление большого в численном отношении этноса (около 2 млн чел.) к выделению было осуществлено.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Баграмов Э. А.** Ленинская национальная политика: достижения и перспективы. М., 1977. С. 20.
- ² ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 2. Л. 91, об.
- ³ См.: **Букин С. М.** Образование мордовского государства: основные этапы, главные события, особенности // Финно-угорский мир: история и современность : материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Саранск, 2000. С. 179.
- ⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 69. Л. 4.
- ⁵ **Абрамов В. К.** Мордвины вчера и сегодня. Саранск, 2002. С. 68.
- ⁶ Там же.
- ⁷ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 3. Л. 19 (а).
- ⁸ Там же. Д. 5. Л. 60.
- ⁹ Там же. Л. 126.
- ¹⁰ Там же. Д. 6. Л. 13.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 61. Д. 76. Л. 1.
- ¹² Работа на местах // Изв. ЦК РКП(б). 22 окт. 1919.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 61. Д. 76. Л. 1.
- ¹⁴ Там же. Д. 196. Л. 1 — 13.
- ¹⁵ См.: **Абрамов В. К.** Указ. соч. С. 69.
- ¹⁶ См.: **Букин М. С.** Указ. соч. С. 30.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: **Абрамов В. К.** Указ. соч. С. 69.
- ¹⁹ Там же. С. 71 — 72.
- ²⁰ Там же. С. 71.
- ²¹ ЦГА РМ. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 100. Л. 2 — 21 ; Д. 102. Л. 196 ; Д. 103. Л. 23.
- ²² Там же. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 105. Л. 1.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. Ф.-37. Оп. 1. Д. 257. Л. 23 — 25, об., 30, 59, 83.
- ²⁵ См.: **Букин М. С.** Указ. соч. С. 39.
- ²⁶ См.: **Абрамов В. К.** Указ. соч. С. 75.
- ²⁷ Там же. С. 74.
- ²⁸ См.: **Букин М. С.** Указ. соч. С. 49.
- ²⁹ См.: **Абрамов В. К.** Указ. соч. С. 46 — 47.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 48.
- ³² См.: **Никитин Н. П.** Борьба КПСС за ликвидацию фактического неравенства народов СССР : На примере автоном. респ. Поволжья и Приуралья (1917 — 1937 гг.). Л., 1979. С. 49.
- ³³ ЦГА РМ. Ф. П-326. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.
- ³⁴ Там же. Д. 11. Л. 14.
- ³⁵ Там же. Д. 3. Л. 45.
- ³⁶ Там же. Л. 44.
- ³⁷ Там же. Л. 45.
- ³⁸ Там же. Л. 67.
- ³⁹ Там же. Д. 11. Л. 12.
- ⁴⁰ Там же. Л. 11.
- ⁴¹ Там же. Д. 3. Л. 64 — 65.
- ⁴² Там же. Ф. Р-149. Оп. 1. Д. 86. Л. 29.
- ⁴³ Там же. Ф. П-326. Оп. 1. Д. 52. Л. 14 — 14 (а).
- ⁴⁴ Там же. Л. 14 (а), 16.
- ⁴⁵ Там же. Л. 16.
- ⁴⁶ Там же. Д. 20. Л. 22.

⁴⁷ Там же. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 224. Л. 1 — 1, об.

⁴⁸ Там же. Ф. Р-149. Оп. 1. Д. 86. Л. 20, об.

⁴⁹ Там же. Ф. П-326. Оп. 1. Д. 37. Л. 1 — 13.

⁵⁰ Там же. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 2. Л. 8 — 69.

⁵¹ Там же. Д. 2. Л. 177 ; Д. 4. Л. 1 — 2.

⁵² Там же. Д. 2. Л. 63, 65, 149, 329, 699.

Поступила 16.09.2013 г.

УДК 352.075.1 (470.345)

П. С. Учватов

P. S. Uchvatov

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ МАССР
С ВЕРХОВНЫМ СОВЕТОМ МАССР И ДЕПУТАТАМИ
(На примере сессий второго и третьего созыва
Верховного Совета)**

**INTERACTION OF THE COUNCIL OF MINISTERS
OF THE MORDOVIAN ASSR WITH THE SUPREME SOVIET
OF THE MORDOVIAN ASSR AND DEPUTIES
(By the example of sessions of the second and third convocations
of the Supreme Soviet)**

Ключевые слова: Совет министров Мордовской АССР, Верховный Совет Мордовской АССР, исполнительный государственный орган, сессия Верховного Совета, депутат Верховного Совета.

В статье рассматриваются основные формы взаимодействия между Верховным Советом Мордовской АССР и Советом министров Мордовской АССР на сессиях Верховного Совета.

Key words: Council of Ministers of the Mordovian ASSR, the Supreme Soviet of the Mordovian ASSR, executive state body, session of the Supreme Soviet, member of the Supreme Soviet.

The basic forms of interaction of the Supreme Soviet of the Mordovian ASSR and the Council of Ministers of the Mordovian ASSR at sessions of the Supreme Soviet is considered in the article.

Для получения целостного представления о деятельности того или иного государственного органа необходимо рассмотреть его положение в системе других органов и их взаимодействие друг с другом. Деятельность высшего исполнительного и распорядительного органа Мордовской АССР — Совета министров Мордовской АССР (далее — Совет министров) затрагивала практически все сферы жизни автономной республики: он объединял и направлял работу министерств, управлений и других учреждений, принимал меры по выполнению народно-хозяйственного плана и бюджета Мордовской АССР, по обеспечению общественного порядка, руководил работой исполкомов районных и городских Советов депутатов. Это свидетельствует о тесной взаимосвязи правительства республики с Советами

разных уровней и, в первую очередь, с Верховным Советом Мордовской АССР (далее — Верховный Совет). Верховный Совет как высший орган государственной власти в республике занимал центральное положение среди других государственных органов и, обладая широкими полномочиями, решал различные вопросы. В stenographic отчетах его сессий сохранились материалы о проблемах, поднимавшихся депутатами, в том числе касавшихся Совета министров.

В ходе анализа докладов депутатов и иных материалов сессий Верховного Совета прослеживается ряд вопросов:

1. Образование Совета министров.

Как отмечается в источниках, Конституция СССР 1936 г. исходила из принципа верховенства представительных органов автономной республики, которые образовывали подотчетные и подконтрольные им органы государственного управления¹. В соответствии с этим принципом выстраивалась система государственных органов и в Мордовской АССР. Совет министров формировался Верховным Советом и был непосредственно подотчетен ему, а в перерывах между сессиями нес ответственность перед Президиумом Верховного Совета МАССР.

Процедура формирования правительства республики складывалась следующим образом. По специальному заявлению председателя Совета министров, поступавшего на имя председателя Верховного Совета, правительство слагало свои полномочия перед вновь избранным Верховным Советом: «В связи с тем, что вопрос об образовании Правительства Мордовской АССР поставлен на рассмотрение Верховного Совета Мордовской АССР, Совет Министров Мордовской АССР считает свои обязанности исчерпанными и слагает свои полномочия перед Верховным Советом Мордовской АССР. Совет Министров Мордовской АССР просит Вас донести в настоящем до сведения Верховного Совета Мордовской АССР»². После этого Верховный Совет своим постановлением поручал председателю Совета министров озвучить предложения о новом составе правительства. Председатель Верховного Совета предлагал депутатам взять слово по данному вопросу, выдвинуть собственные предложения. Процедура утверждения нового состава Совета министров носила формальный характер, поскольку все кандидатуры членов Совета министров были согласованы заранее.

Практика была такова, что состав Совета министров не был постоянным и Президиум Верховного Совета часто пользовался своим правом назначать и освобождать от должности его членов в промежутках между сессиями. В этом случае соответствующие указы президиума утверждались на следующей сессии Верховного Совета. Например, 27 апреля 1948 г. Президиум Верховного Совета издал указ о назначении министром местной промышленности МАССР Ф. С. Мищенко, 11 мая этого же года Указом Президиума Верховного Совета начальником Управления промышленности строительных материалов при Совете министров был назначен М. Т. Мурюмин; 12 июня 1948 г. оба указа были утверждены на сессии Верховного Совета³. 12 июня 1954 г. Президиум Верховного Совета принял указы о назначении А. И. Князькина министром внутренних дел МАССР и К. Ф. Клименко — министром промышленности продовольственных товаров МАССР, и 17 июня этого же года Верховный Совет утвердил их⁴. Подобные указы президиума выносились на утверждение Верховного Совета почти на каждой его сессии. Что касается досрочного освобождения министров и начальников

управлений от их обязанностей Президиумом Верховного Совета, то указывались разные причины — в связи с переходом на другую работу, по состоянию здоровья и др.

Иногда назначение Верховным Советом новых членов Совета министров вызывалось постоянным реформированием структуры исполнительных государственных органов, когда в текст Конституции Мордовской АССР вносились изменения и создавались новые органы. В связи с этим следует отметить, что в Конституции Мордовской АССР 1937 г. необходимость сложения полномочий Совета министров перед вновь избранным Верховным Советом не прописывалась. Формально это положение было закреплено только с 1978 г., когда стала действовать новая Конституция Мордовской АССР, на основании которой статус Совета министров регулировался более детально.

2. Обсуждение деятельности и организации работы Совета министров в целом.

В рамках данного вопроса большой интерес представляет пятая сессия Верховного Совета МАССР второго созыва, на которую был вынесен отчет о работе Совета министров МАССР за 1949 г. Его анализ позволяет получить представление о деятельности правительства республики в то время и об основных существовавших недостатках. В постановлении, принятом по итогам проводившегося обсуждения, Верховный Совет отметил, что в целом «Совет Министров, министерства и ведомства, исполкомы местных Советов проделали значительную работу»⁵; сообщается об улучшении в работе по развитию экономики Мордовской АССР. Однако далее Верховный Совет перешел к констатации недостатков в работе Совета министров: «сессия отмечает, что наряду с некоторыми положительными результатами, в работе Совета Министров имеют место крупные недостатки, особенно в руководстве сельским хозяйством и организационно-массовой работой местных Советов»⁶. При этом критике подверглись различные области: сельское хозяйство; жилищный фонд в Саранске и Рузаевке; деятельность торговых организаций, культурно-просветительных учреждений и органов здравоохранения; выполнение производственно-финансового плана.

Критический уклон в анализе работы Совета министров частично объясняется принятым 22 декабря 1948 г. Постановлением Совета министров РСФСР, в котором вскрывались «крупные недостатки в руководстве Советом Министров Мордовской АССР сельским хозяйством»⁷.

Представляют интерес выступления депутатов во время обсуждения отчета о деятельности Совета министров. В большинстве случаев депутаты останавливались на проблемах в работе Совета министров, его министерств и управлений. Основными недостатками в работе правительства назывались излишняя бюрократия и формализм. Так, например, в выступлении депутата от Жегаловского избирательного округа П. И. Куколина говорилось, что «одним из больших недостатков в работе Совета Министров, его министерств и управлений является то, что зачастую решение очень важных, серьезных вопросов, требующих оперативного вмешательства тех или иных ответственных исполнителей, сводится к принятию соответствующего узаконенного документа..., который потом забывается, а если иной раз и берется на контроль, то только для того, чтобы собрать

сведения, но практически сравнительно мало делается для выполнения принимаемых постановлений». Далее депутат продолжил: «В самом деле, товарищи депутаты, может ли Совет Министров и его рабочий аппарат проверить выполнение своих собственных постановлений и распоряжений, если в основном их ежедневно принимается не менее 5?»⁸. На то, что Совет министров принимает слишком большое количество решений, выполнение которых часто не проверялось, обратил внимание и депутат от Оброчинского избирательного округа П. П. Жичкин. Поддержал его в этом вопросе и депутат от Новотроицкого избирательного округа И. Я. Киселев, по мнению которого Совет министров, министерства и управления «...вместо оперативного руководства и быстрого практического решения всех вопросов развития промышленности и сельского хозяйства больше всего занимаются принятием многочисленных решений и изданием распоряжений, приказов и директив... Действительного же контроля за исполнением принятых решений и изданных директив не установлено, да и трудно его установить при таком большом количестве указаний»⁹.

Нередко обращение выступавших депутатов содержало критику в адрес председателя Совета министров и его заместителей. Так, депутат В. И. Дуденков (Зубово-Полянский избирательный округ) критиковал руководство Совета министров в лице первого заместителя председателя И. И. Белобородова, советуя ему «как можно быстрее изменить метод и стиль работы в руководстве сельским хозяйством»¹⁰. П. А. Зайцев, начальник «Главнефтесбыта», подверг резкой критике стиль руководства заместителя председателя Совета министров И. М. Дорофеева: «когда тов. Дорофеев вызывает, то толком ничего не решает, за все берется, но ничего не доводит до конца. Что это за избранник народа, который выгоняет из своего кабинета?»¹¹. Вышеупомянутый депутат П. И. Куколин считал, что «...Совет Министров и его рабочая часть — Председатель и его заместители оторвались от живой практической оперативной деятельности и все свое руководство районами свели к обильному принятию решений и телефонным разговорам»¹².

Естественно возникал вопрос, как реагировал на критику в свой адрес Совет министров? В большинстве случаев члены правительства, выступая на сессиях Верховного Совета, соглашались с докладами депутатов, признавая критику обоснованной. В частности, председатель Совета министров Н. Я. Тингаев при обсуждении отчета о работе правительства в 1949 г. отмечал, что «эта критика вскрыла серьезные недостатки... и поможет Совету Министров МАССР улучшить работу своего аппарата...»¹³. Однако, отвечая на вопрос об издании правительством чрезмерного количества постановлений и директив, председатель правительства заметил, что «Совет Министров является руководящим органом, все директивы Совету Министров исходят от Совета Министров СССР и РСФСР, поэтому директивы и постановления всегда были и будут, и не правы те, кто говорит, что директива — это бумажная волокита»¹⁴.

3. Предложения, замечания и просьбы отдельных депутатов к Совету министров по различным вопросам.

Одним из главных вопросов, решавшихся на сессиях Верховного Совета, было принятие республиканского бюджета, проект которого составлялся и выносился на очередную сессию правительством. Голосованию по бюджету предшествовало

его обсуждение, в ходе которого проявлялось взаимодействие Совета министров с депутатами на сессиях Верховного Совета. Это, однако, не означало, что депутаты не обращались к Совету министров или не выступали с его критикой при обсуждении на сессиях других вопросов, но во время прений по бюджету такие обращения случались, как правило, чаще, чем в большинстве других случаев. Депутаты, избранные от разных избирательных округов, поднимали отдельные проблемы, существовавшие в их районах, требовали от Совета министров их решения, просили выделения дополнительных средств из бюджета. Так, например, депутат от Zubovo-Polyanskogo избирательного округа К. А. Козьякин, говоря в своем докладе о плохом состоянии дорог на территории Zubovo-Polyanskogo района, отметил, что несмотря на неоднократные обращения к Совету министров с просьбой вмешаться в это дело, «положительного разрешения вопроса мы не добились»¹⁵; депутат от Пичпандинского избирательного округа П. В. Горбатов в своем докладе указал на то, что в республике неудовлетворительно происходит жилищное строительство: «Совету Министров надлежит обратить особое внимание на строительство жилых домов для учителей и принять срочные меры по усилению строительства»¹⁶; депутат от Новлейского избирательного округа А. Н. Воробьев обратился к правительству с просьбой урегулировать вопрос по снабжению колхозов железом, запчастями к автомашинам и т. д.: «в этих вопросах много путаницы, и требуется серьезное вмешательство Совета Министров»¹⁷; депутат от Шугуровского избирательного округа В. Г. Вдовин просил Совет министров предусмотреть постройку кирпичного завода в подчинении Министерства местной промышленности¹⁸; депутат от Инсарского избирательного округа И. А. Динов, поднимая вопрос о здравоохранении в Инсарском районе, жаловался на отсутствие мер со стороны Совета министров, в частности Минздрава; депутат П. П. Жичкин, говоря о развитии в республике сельского хозяйства, указывал на недостатки в руководстве Советом министров этой отрасли. По его мнению, Совет министров недостаточно прикладывал усилий к повышению производительности труда, координации работы районных исполкомов, созданию обстановки нетерпимости к нарушениям устава сельхозартели; депутат от Троицкого избирательного округа П. А. Кокорев серьезным недостатком в работе правительства называл отсутствие обобщающей работы¹⁹.

Как правило, Совет министров признавал критику справедливой либо реагировал достаточно мягко, даже если не соглашался с ней. В заключительном слове, касаясь прозвучавших докладов депутатов, министр финансов С. Г. Шацкий сказал следующее: «депутаты Тюрин, Козьякин, Сумина, Бардин, Лазарев высказали критические замечания в адрес отдельных министерств и ведомств. Руководители министерств, в адрес которых были критические замечания, обязаны сделать надлежащие выводы и принять практические меры к устранению недостатков. Совет Министров Мордовской АССР рассмотрит предложения этих депутатов по улучшению работы министерств и примет необходимые меры»²⁰. Этот ответ может считаться весьма характерным примером. Иногда, если депутат просил выделить дополнительные денежные средства, Совет министров предоставлял необходимые ассигнования.

Однако реакция правительства могла быть и другой. Так, в обращении к Совету министров с просьбой решить проблему со школами в Ковылкинском

районе депутат от Ардатовского избирательного округа С. Г. Николаев заметил, что уже выступал с этим вопросом на предыдущих сессиях Верховного Совета, однако какой-либо помощи ни от Верховного Совета, ни от правительства не последовало. Далее Николаевым было сказано, что «Совет Министров не выполняет постановление бюро обкома партии и по вопросу оказания помощи Ковылкинскому району. В своем сообщении Совет Министров МАССР поставил в известность район, что разрешить целого ряда вопросов практически не может. Так нельзя относиться к запросам райкомов партии и исполкомов райсоветов»²¹. Совет министров счел критику необоснованной: «небольшая справка по выступлению товарища Николаева. Считаю несправедливо, когда тов. Николаев заявляет, что Совет Министров по просьбам района ничего не сделал, что Совет Министров дал ответ и указал, что „того-то и того-то“ сделать невозможно, что де Совет Министров по существу отделался формальной отпиской. Если прочитать этот ответ, то т. Николаев окажется в невыгодном положении... Поэтому нам не хотелось бы слышать от столь уважаемого и серьезного товарища несправедливой информации Верховному Совету»²². Однако просьбу Николаева о помощи коммунальному хозяйству Ковылкинского района Совет министров удовлетворил, выделив району дополнительные 79 тыс. руб.²³

4. Директивные указания Верховного Совета Совету министров.

Иногда по итогам сессии Верховный Совет по одному из выносившихся вопросов принимал специальное постановление, в котором делались выводы по прошедшим прениям и возлагались обязанности на органы исполнительной власти, в том числе на Совет министров. Так, например, постановлением Верховного Совета «О работе Совета Министров Мордовской АССР за 1948 год» правительство и иные органы исполнительной власти обязывались «...обеспечить повседневное выполнение постановления Совета Министров РСФСР от 22 декабря 1948 года „О работе Совета Министров Мордовской АССР“ и принять конкретные меры, обеспечивающие выполнение задач, поставленных народно-хозяйственным планом на 1949 год»²⁴. Далее постановление содержало требования к Совету министров по конкретным отраслям (сельское хозяйство, промышленность, торговля и т. д.); в постановлении «О состоянии и мерах по улучшению работы культурно-просветительских учреждений Мордовской АССР» Верховный Совет обязывал Совет министров, ряд управлений и исполкомов районных и городских Советов депутатов устранить отмеченные на прошедшей сессии недостатки в работе культурно-просветительных учреждений, приняв для этого конкретные меры: привлечь интеллигенцию для широкой пропаганды среди населения решений XIX съезда КПСС, организовать социалистическое соревнование за перевыполнение пятилетнего плана и др.²⁵; постановление «О состоянии и задачах по дальнейшему улучшению торговли в Мордовской АССР» обязывало Совет министров принять ряд мер по улучшению состояния торговли, в частности, выделять торговавшим организациям строительные материалы для ремонта торгово-складских помещений, передать до 1 мая 1954 г. организациям Министерства торговли МАССР и Мордпотребсоюза помещения магазинов и прочих торговых организаций, которые использовались не по назначению, устранить имевшиеся недостатки в организации колхозных рынков²⁶.

Указания Совету министров содержались и в соответствующем законе, принимаемом по итогам рассмотрения и обсуждения пятилетнего плана развития Мордовской АССР. Так, в законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства Мордовской АССР на 1946 — 1950 гг. Верховный Совет поручил Совету министров рассмотреть и утвердить пятилетние хозяйственные планы по отдельным министерствам, управлениям и районам республики, организовать систематическую проверку выполнения пятилетнего плана, обеспечить социалистическое соревнование для его перевыполнения²⁷.

Таким образом, между Советом министров, Верховным Советом и депутатами существовали различные формы взаимодействия, проявлявшиеся на сессиях Верховного Совета, а именно:

- формирование Совета министров, утверждение указов Президиума Верховного Совета о назначении членов Совета министров;
- обсуждение Верховным Советом вопросов организации и деятельности Совета министров;
- обращения депутатов к Совету министров по отдельным вопросам;
- указания Верховного Совета Совету министров.

Таким образом, определение состава Совета министров хотя и было основной формой, закрепленной на уровне конституции, но не единственной. На сессиях Верховного Совета рассматривались различные вопросы из жизни республики, в том числе касавшиеся деятельности Совета министров. В большинстве случаев Совет министров признавал критику, звучавшую на сессиях Верховного Совета, справедливой. Она была безусловным плюсом и признавалась полезной в том числе самими членами Совета министров. Вместе с тем не следует забывать, что сессии проходили по заранее спланированному сценарию и все решения на них принимались единогласно.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Букин М. С.** Становление мордовской советской национальной государственности (1917 — 1941 гг.). Саранск, 1990. С. 203.

² Первая сессия второго созыва Верховного Совета Мордовской АССР : стеногр. отчет. Саранск, 1947. С. 19.

³ См.: Четвертая сессия второго созыва Верховного Совета Мордовской АССР : стеногр. отчет. Саранск, 1948. С. 108 — 125.

⁴ См.: Седьмая сессия третьего созыва Верховного Совета Мордовской АССР : стеногр. отчет. Саранск, 1954. С. 104.

⁵ Пятая сессия второго созыва Верховного Совета Мордовской АССР : стеногр. отчет. Саранск, 1949. С. 187.

⁶ Там же. С. 188.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 54.

⁹ Там же. С. 86 — 87.

¹⁰ Там же. С. 61 — 62.

¹¹ Там же. С. 100.

¹² Там же. С. 54.

¹³ Там же. С. 101.

¹⁴ Там же. С. 104.

¹⁵ Первая сессия третьего созыва Верховного Совета Мордовской АССР : стеногр. отчет. Саранск, 1951. С. 44.

¹⁶ Седьмая сессия второго созыва Верховного Совета Мордовской АССР : стеногр. отчет. Саранск, 1950. С. 31.

¹⁷ Первая сессия третьего созыва... С. 69.

¹⁸ Третья сессия второго созыва Верховного Совета Мордовской АССР : стеногр. отчет. Саранск, 1948. С. 57.

¹⁹ См.: Пятая сессия второго созыва... С. 66 — 88.

²⁰ Первая сессия третьего созыва... С. 110 — 112.

²¹ Четвертая сессия третьего созыва Верховного Совета Мордовской АССР : стеногр. отчет. Саранск, 1953. С. 47.

²² Там же. С. 112 — 113.

²³ Седьмая сессия третьего созыва... С. 84.

²⁴ Пятая сессия второго созыва... С. 192.

²⁵ Третья сессия третьего созыва Верховного Совета Мордовской АССР : стеногр. отчет. Саранск, 1953. С. 136 — 144.

²⁶ Пятая сессия третьего созыва Верховного Совета Мордовской АССР : стеногр. отчет. Саранск, 1954. С. 111 — 119.

²⁷ Третья сессия второго созыва... С. 129 — 149.

Поступила 19.02.2013 г.

УДК 316.343 (470.345)

Г. В. Огрин

G. V. Ogrina

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
СОВЕТСКОГО СОЦИУМА В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
(На примере Мордовии)**

**SOCIAL AND POLITICAL TRANSFORMATIONS
OF SOVIET SOCIETY DURING THE PERESTROIKA
PERIOD: REGIONAL ASPECT
(By the example of Mordovia)**

Ключевые слова: перестройка, Мордовия, общественно-политическая ситуация, гласность, партийные и государственные органы, региональная бюрократия, демократическая оппозиция.

В статье анализируется общественно-политическая ситуация в Мордовии в период перестройки; приводится фактический материал, на основании которого демонстрируется, что перестройка была очередной попыткой исторического рывка, призванного привести в советский социум демократию западного типа при сохранении социалистического базиса.

Key words: the perestroika, Mordovia, social and political situation, publicity, party and government bodies, regional bureaucracy, democratic opposition.

The social and political situation in Mordovia in the perestroika period is analyzed in the article; factual data is given to demonstrate that the perestroika was another attempt of historic breakthrough for introducing democracy of western type to the Soviet society, while maintaining the socialist basis.

Период второй половины 1980-х — начала 1990-х гг. для Советского Союза ознаменовался коренными переменами, войдя в историю страны как эпоха перестройки. Основной целью проводимых реформ было создание правового социалистического государства, демократизация существовавшего строя и совершенствование экономических отношений.

Остановимся на некоторых общетеоретических аспектах периода перестройки, на общественно-политической ситуации в стране. Данная проблема становится более очевидной при рассмотрении социально-классовой и политической структуры, сложившейся к началу перестроечного периода, состояния интересов различных социальных слоев и политических групп, их взаимовлияния.

Советская социальная структура к началу перестройки включала в себя характерные для индустриального общества слои: рабочий класс, колхозное крестьянство, незначительный маргинальный слой (теневые предприниматели, торговцы-спекулянты, тунеядцы-безработные, «жалобщики»), средний класс (интеллигенция, служащие, менеджеры — хозяйственный директорат, правящая бюрократия — номенклатура). По мере обострения кризиса системы политического и государственного управления СССР росли противоречия между этими слоями. Рабочие и интеллигенция стремились к росту качества жизни, близкого к уровню жизни правящей элиты (тем более, что социальное равенство было декларировано официальной идеологией). Всеобщее возмущение вызывали номенклатурные привилегии, неэффективность работы бюрократического аппарата, произвол и безответственность в государственно-политических и управленческих структурах, коррупция, нарастающая преступность. В то же время основные социальные слои привыкли к преимуществам развитого социального государства — доступному образованию, жилищному и медицинскому обеспечению, возможности трудоустройства, отсутствию заметного социального расслоения. При этом практически все ставили вопрос о значительном увеличении качества обслуживания людей во всех сферах советского общества. Интеллигенция была готова вступить в борьбу с номенклатурой как за места в государственном аппарате, так и за свободный доступ к информации — основному ресурсу интеллигенции, который контролировался номенклатурой. Противоречие между частью общества и управленческой номенклатурой сочеталось с возраставшими противоречиями также внутри правящей элиты¹.

Советская система, пока ей хватало ресурсов, обеспечивала экономический рост и социальную стабильность. Однако, когда общество в своем развитии подошло к барьеру новой научно-технической революции, к решению задач постиндустриальной эпохи, правящая элита не решилась сделать следующий шаг, так

как любые подвижки к новым постиндустриальным отношениям были губительны для «государственного социализма». Причины этого заключались в жесткости, негибкости социально-экономической и политической модели СССР, что практически исключало возможность плавных перемен. Важным результатом централизации общества — наследия 1930-х гг. — был эффект резонанса кризисов, когда управлявший центр, одновременно воздействуя на все стороны жизни, во все вмешивался. В результате в 1980-х гг. все кризисы усиливались одновременно, резонируя и катализируя друг друга.

Однако основным кризисом стал кризис «государственного социализма»: система социально-экономических отношений, основанных на массовом стандартизированном производстве, лишении работников инициативы, бюрократическом управлении, уже не могла обеспечить роста эффективности производства. Как следствие — развивался кризис авторитарной политической системы. Советские люди уже не хотели мириться с ролью бессловесных объектов управления.

Таким образом, дальнейшее развитие советского общества с неизбежностью требовало отказа от жесткой модели «государственного социализма». Однако успешное реформирование сложившейся системы могло начаться только изнутри правящего класса, так как легальной оппозиции не существовало. В связи с этим реформистская группировка в высшем руководстве страны могла усиливать свои позиции только при условии крайне осторожных действий при окружавших ее бюрократических консервативных управленческих структурах.

При этом правящая элита все больше стремилась к окончательному преодолению отчуждения от собственности. Это выражалось в усилении коррупции, в «ведомственности» и «местничестве», усиливавших противоречия в среде правящего слоя. Одна часть управленцев отдавала приоритет отраслевым интересам в ущерб обществу в целом, другая — территориальным интересам. Значительная часть управленческой бюрократии стремилась капитализироваться, но психологические стереотипы и боязнь «опоздать к столу», на котором будут делить собственность, заставляли чиновничьи кланы временно выступать против такого раздела².

Показательно также, что к началу перестройки советское общество уже не было идейно монолитным. Наряду с официальным марксизмом-ленинизмом в среде интеллигенции были распространены либеральное западничество, идеи державности и неортодоксальный демократический социализм. Эти направления вступали друг с другом в разнообразные альянсы и конфликты. Официальная идеология вела борьбу против всех видов неортодоксальности, но это уже не была борьба на уничтожение. Появившиеся либеральные коммунисты выступили за демократический социализм. В 1985 — 1986 гг. приход к власти коалиции «реформистов» и «модернистов» дал старт борьбе идей, определивших направление выхода из кризиса советского общества.

Можно сказать, что уровень внутриэлитного противостояния в стране во второй половине 80-х — начале 90-х гг. XX в. превысил критическое значение. Противостояния внутри правящего слоя превзошли все ранее имевшее место показатели³. Наиболее отчетливо в годы перестройки проявили себя следующие политические и государственно-управленческие структуры:

— *ультраконсервативные прокоммунистические силы*, представленные той частью номенклатуры и бюрократии, которая была настроена против любых реформ (лидером группы был Е. К. Лигачев);

— *номенклатурно-модернизаторские, или умеренно реформаторские силы*, возглавлявшиеся М. С. Горбачевым. Эта группа была заинтересована в развитии рыночных отношений, ослаблении партийно-государственного контроля экономической деятельности, преодолении политической и экономической изоляции. Двойственность их интересов проявлялась в стремлении легализовать корпоративный и частный бизнес, при этом демократизировать институт власти, не затрагивая основ советской системы, которая в целом их устраивала;

— *националистические и национально-демократические силы*, представленные национальными и региональными элитами, заинтересованными в усилении независимости от центра. Их опорой служила национальная интеллигенция. В советское время они боролись за культурную автономию и равноправие национальных культур;

— *либерально-консервативные силы*, представленные преимущественно собственниками частного капитала, заинтересованные в ослаблении государственного контроля над экономикой. Эта группа объединяла, во-первых, коррумпированных хозяйственных руководителей, во-вторых, «теневиков», экономическая деятельность которых находилась в явном противоречии с законом. Эти силы выступали за легализацию частной собственности и предпринимательства;

— *социал-демократические силы* представляли интеллигенция и, отчасти, квалифицированные рабочие. На съездах народных депутатов интересы этой части общества выражала Межрегиональная депутатская группа во главе с Б. Н. Ельциным и др. Большинство демократов составляла социально-гуманитарная и научно-техническая интеллигенция, приверженная к ценностям свободы и справедливости. Эта группа занимала наиболее радикальную и последовательную позицию по отношению к демократизации политической власти, выступая за создание правового государства, разделение трех ветвей власти, а также федерализацию управления страной. По экономическим взглядам демократы были близки к либералам: они поддерживали легализацию мелкого и среднего предпринимательства при приоритете государственной собственности и необходимости государственного контроля частного сектора⁴.

Главным ресурсом трех первых общественно-политических сил было обладание политической властью и право управления государственной собственностью. Четвертая сила опиралась на капитал, в период необходимости и возможности обмениваемый на властные решения. Пятая, социал-демократическая сила, не располагавшая ни властными, ни экономическими ресурсами, значительно превосходила всех остальных своей массовостью, легитимностью статуса, привлекательностью выдвигаемых целей, политической активностью и сложностью. В первые годы перестройки ее представители выступали достаточно согласованно.

В Мордовии все вышеназванные группы были представлены в той или иной степени, но демократические силы находились в начальной стадии формирования. Недовольство населения республики властью не было ярко выражено

и на начальном этапе перестройки обуславливалось некоторыми недостатками в работе государственных органов, их коррумпированностью и оторванностью от народа. Плохо, например, обстояло дело с выполнением наказов избирателей. Так, по выполнению данных наказов депутатами Верховных Советов СССР, РСФСР и Мордовской МАССР одиннадцатого созыва было принято постановление Совета министров республики в декабре 1986 г., в котором было сказано, что из 279 наказов избирателей выполнено только 140 (50,2 %). Самый низкий уровень выполнения наказов был по строительству объектов ЖКХ (19,5 %) и культуры (30,0 %)⁵. Как видно, здесь необходимо было ускорение и перестройка управления с целью более быстрого реагирования на запросы населения.

Масштабные перемены в общественно-политической сфере Мордовии начались с проведения политики гласности, которая стала серьезным достижением как по демократизации общества, так и по перестройке системы политического и государственного управления. В средствах массовой информации республики появились новые рубрики: «Пресс-центр МВД сообщает», «Школа перестройки» и др.⁶ Все прочитанное, увиденное и осмысленное переносилось в трудовые коллективы, выплескивалось на собраниях и в горячих дискуссиях в «рабочий полдень».

В результате демократизации социально-политической жизни общество постепенно втягивалось в ожесточенные дискуссии, в ходе которых ставились вопросы исторической ответственности руководителей государства и партии за самые тяжелые и мрачные страницы в его истории. Тогда же впервые за много десятилетий в советский социум начали проникать элементы рыночных отношений: в 1987 г. было узаконено частное предпринимательство в форме кооперативов.

Показательно, что Мордовия в этих условиях до определенного момента продолжала оставаться «очагом стабильности». К началу перестройки (1985 г.) в республике проживало 966 тыс. чел., в том числе 527 тыс. городского и 439 тыс. сельского населения⁷. Во второй половине 1980-х гг. общественно-политическая жизнь республики отличалась предсказуемостью. Отсутствие в Мордовской АССР этнических конфликтов, движений экстремистского и сепаратистского характера придавали политической стабильности устойчивый характер. Тем более в экономике республики кризисные явления не привели к децентрализации ее управления. Административно-командный стиль руководства, плановый характер производства в МАССР позволяли хозяйству региона еще некоторое время стабильно функционировать, а в ряде отраслей наращивать производственные показатели. Именно эти обстоятельства, по мнению В. В. Маресьева, до некоторых пор удерживали политическую ситуацию в Мордовии и давали ей шанс избежать нараставшего по всей стране противостояния общества и власти⁸.

Первые сигналы проявления свободомыслия и недоверия к партийным и советским органам появились в МАССР во время кампании по выдвижению делегатов на XIX Всесоюзную партийную конференцию в июне 1988 г. Делегирование на конференцию заранее отобранных делегатов, а также развернувшаяся во время нее острая борьба мнений между сторонниками и противниками перестройки по вопросу о задачах развития страны, способствовали созданию первых

дискуссионных политических клубов приверженцев реформ на промышленных предприятиях, в университете, в республиканском доме политпросвещения, при райкомах комсомола⁹. Несмотря на свою малочисленность, члены данных объединений первыми предприняли попытку сплотить и организовать вокруг себя самостоятельно мыслящих людей. Однако при полном отсутствии гласности в республиканской прессе их деятельность осталась незамеченной. В то же время, в своей совокупности эти клубы явились своеобразной «предтечей» демократического движения в Мордовии.

Событием, с которого принято отсчитывать начало данного движения, стало выдвижение кандидатов в депутаты СССР в Неправительственную правозащитную организацию (НПО) «Силовая электроника» в феврале 1989 г. НПО «Силовая электроника» на некоторое время являлась школой демократического и общественного обучения. Еще одним влиятельным штабом демократического движения в регионе стал клуб избирателей НИИ «Электровыпрямитель»¹⁰. В это же время четко обозначилась тенденция усиления влияния Советов, все более игравших роль институтов гражданского общества¹¹.

В дальнейшем демократическое движение в Мордовии развивалось по нарастающей. В конце 1989 г. в Саранске был создан клуб избирателей «Демократическая инициатива», лидерами которого являлись народные депутаты СССР Т. Тюрина, В. Гуслияников, А. Новиков и др. Данный клуб сыграл важную роль не только в выдвижении демократически настроенных кандидатов, проведении предвыборных кампаний, но и в организации митингов, направленных против консервативной системы политического и государственного управления.

Впрочем, несмотря на определенные достижения в расширении гласности, бюрократизированность партийных и государственных органов оставалась неизбежной, о чем свидетельствовали определенные злоупотребления со стороны высшей партийной и государственной элиты республики. Насколько они были серьезными, и насколько эффективно протекал процесс перестройки системы политического и государственного управления, особенно отчетливо показала избирательная кампания 1988 г., когда были проведены выборы на XIX Всесоюзную партконференцию. Они прошли без гласного предварительного обсуждения кандидатур, и большинство рядовых коммунистов никакого участия в избрании делегатов не принимало. 14 мая 1988 г. на состоявшемся Пленуме Мордовского обкома КПСС делегаты были избраны по традиционному «старому образцу», вопреки всякой гласности. Эти выборы были признаны недемократическими во многих парторганизациях¹².

Таким образом, консервативное крыло управленцев в Мордовии значительно преобладало. Что же касается последовательно демократически настроенных управленцев (Б. Савельев, Н. Тарасов, Н. Медведев и др.), то их было меньшинство и многие из них были уволены, «выброшены» из номенклатурной обоймы. Из них сформировалась демократическая оппозиция, которая все настойчивее заявляла о себе.

Определенным шансом прорваться к власти для этой оппозиции стало появление в 1989 г. в стране нового государственного института — Съезда народных депутатов Советского Союза. Данный съезд в представительной системе выступал

как высший орган государственной власти СССР. Он наделялся правом принять к своему рассмотрению и решению любой вопрос, отнесенный к ведению Союза ССР. В его исключительную компетенцию входили решения важнейших конституционных вопросов, определение основных направлений внутренней и внешней политики СССР, утверждение перспективных государственных планов и важнейших общесоюзных программ экономического и социального развития страны. Съезд избирал председателя Верховного Совета СССР, его первого заместителя, Комитет конституционного надзора, Верховный Совет СССР¹³. Так, в ходе избрания народных депутатов Советского Союза в Мордовии в марте 1989 г. из 14 округов выборы были альтернативными только в 3, выдвинутые не по «плану» аппарата кандидаты, несмотря на сопротивление, стали народными депутатами (А. К. Осимова и Т. В. Тюрина)¹⁴.

Вскоре представители «демократического крыла» республики стали проникать и в другие органы государственного управления. Как отмечают Д. В. Доленко и В. А. Юрченков, в 1990 г. почти 90 % избирателей на выборах депутатов Саранского горсовета отдали предпочтение Б. Савельеву, уволенному с работы за свои демократические взгляды. В этом же году состоялись выборы в Верховный Совет РСФСР. Из сформированных 10 округов кандидаты от «демократов» прошли как безальтернативные в четырех. Из 175 округов по выборам в народные депутаты МАССР безальтернативными были в 130. В Саранский горсовет — на 200 округов — 127 кандидатов безальтернативны¹⁵. Приведенные данные свидетельствуют о том, насколько трудным был процесс демократизации органов государственного управления в ходе перестройки.

В 1990 г. гласность и митинговая демократия резко политизировали население региона и накалили общественно-политическую ситуацию. Выступавшие на митингах возмущались недемократическим выдвижением кандидатов в депутаты разных уровней государственной власти, требовали ухода в отставку работников партийно-государственных структур.

В этой связи приведем резолюцию участников первого митинга в Саранске (25 февраля 1990 г.):

1. Немедленная отставка бюро обкома партии;
2. Требование ко всем безальтернативным кандидатам — снять свои кандидатуры;
3. Провести референдум по поводу использования здания обкома КПСС;
4. Ликвидировать все привилегии номенклатуры; привлечь к ответственности коммунистов-руководителей, дискредитировавших себя;
5. 3 марта 1990 г. провести митинг трудящихся города в поддержку перестройки и демократии на Советской площади в г. Саранске. Трудовым коллективам прислать своих представителей¹⁶.

В то же время часть митинговавших еще доверяла партийно-государственному руководству и не призывала к отставке местного правительства. Налицо была половинчатость оппозиции. Так, З. Михайлова в статье «Диалог или конфронтация» отмечала: «Перестройка в Мордовии не пойдет лучше, если в каком-то городе люди потребуют отставки местного правительства. Наши проблемы — нам и решать... Даже весь обкомовский аппарат — это еще не партия, в которую мы верим, от которой ждем веского и слова, и дела»¹⁷.

Половинчатость демократической оппозиции заключалась также в том, что она, вместе с требованием к партчиновникам уйти в отставку, тем не менее ратовала за демократические выборы в партийно-государственные управленческие структуры. Это отчасти способствовало тому, что высшее руководство республики просто перераспределяло посты, пытаясь успокоить оппозицию. Например, на 1-й сессии Верховного Совета МАССР председателем Верховного Совета был избран бывший ранее первым секретарем обкома КПСС А. И. Березин, а все его приближенные получили затем высокие государственные должности¹⁸. Однако следует отметить, что через полгода, под давлением демократической общественности, А. И. Березин вынужден был покинуть свой пост.

С появлением и развитием в СССР многопартийности, демократическое движение Мордовии завоевывало все новые позиции. Так, в республике в августе 1990 г. было создано региональное отделение движения «Демократическая Россия» (председатель — депутат МАССР В. Д. Гусянников) «Демократический союз», появились конституционные демократы. Отмена 6-й статьи в Конституции СССР о руководящей и направляющей роли КПСС поставила точку в гегемонии коммунистической партии. Однако при этом оставалась государственно-бюрократическая система: всевластие консервативного государственного управленческого аппарата удалось лишь ограничить, но не ликвидировать¹⁹.

Однако при этом налицо был факт, что гласность из инструмента критики и улучшения социалистического строя стала превращаться в инструмент его разрушения, приводить к резкой поляризации общества.

С ухудшением в начале 1990-х гг. общественно-политической ситуации падал уровень жизни населения Мордовии, шло обнищание народа, сокращалось количество сельских жителей. Стремительно увеличивалось число убыточных предприятий в промышленности и сельском хозяйстве.

Перестроечная эйфория в обществе сменялась разочарованием, неуверенностью в завтрашнем дне и массовыми антикоммунистическими настроениями. С 1990 г. основной идеей стало уже не «совершенствование социализма», а построение демократии и рыночной экономики капиталистического типа. «Новое мышление» на международной арене сводилось к односторонним уступкам Западу, в итоге чего СССР утратил многие свои позиции. В России и других республиках Союза к власти пришли сепаратистски настроенные силы — начал «парад суверенитетов».

Этот парад, вначале коснувшийся союзных республик СССР, очень скоро затронул и автономии. В РСФСР о своем суверенитете заявили Татарстан, Башкирия, Чувашия и др. Мордовия, более других автономий экономически зависимая от федерального центра, на провозглашение суверенитета не решилась. Однако стараниями народных депутатов СССР от республики Н. П. Медведева и Т. В. Тюриной, а также регионального депутата В. Д. Гусянникова (все они представляли партию «Демократическая Россия») в декабре 1990 г. Верховным Советом МАССР была принята декларация о государственном-правовом статусе республики: Мордовская Автономная Советская Социалистическая Республика (МАССР) в связи с несоответствием статуса автономной республики была преобразована в Мордовскую Советскую Социалистическую

Республику (МССР)²⁰. В принятой Декларации о государственно-правовом статусе МССР было записано: «Мордовская Советская Социалистическая Республика создает правовое, демократическое государство в составе РСФСР и Союза ССР»²¹. Фактически это означало повышение статуса мордовской государственности, ее переход от формальной автономии к реальной самостоятельности при сохранении должной лояльности федеральному центру. При этом обращает на себя внимание двойная подчиненность республики: являясь, с одной стороны, частью РСФСР, она одновременно провозглашалась и равноправным субъектом СССР, что, кроме этого, давало руководству региона дополнительные выгодные возможности лавирования между двумя центрами власти, и, как следствие — извлечения из этого факта определенных преференций для себя. Наименование же Мордовии в вышецитируемом документе «государством», было, скорее, данью времени и политической моде: полностью зависимая от федерального центра республика, географически расположенная в середине европейской части России, не имела ни возможности, ни желания к каким-либо заметным сепаратистским подвижкам.

Вместе с тем в первой половине — середине 1991 г., при сохранении мощи региональной бюрократии, мордовская организация КПСС все более теряла свое влияние: от нее стали отделяться группы коммунистов, создавая новые движения и партии. Среди них выделялась активностью «Социалистическая партия трудящихся Мордовии»²². Приблизительно такая же ситуация складывалась в ряде других субъектов страны.

Однако, после запрета КПСС, последовавшего как результат поражения августовского путча в Москве (1991 г.), активность на левом фланге заметно снизилась. Консерваторы были лишены возможности сопротивляться, итогом чего стал распад СССР. Большинство населения республики он был воспринят болезненно, так как автоматически означал ухудшение и без того бедственного экономического положения, а на психологическом уровне — еще и унижение (потерю) Отечества. Однако после августа 1991 г. этот распад оказался неизбежен. Он явно свидетельствовал о том, что перестройка зашла в тупик: в ходе нее при сохранении основ старой системы, демократизация старых властных институтов сводилась лишь к замене внешне новыми, но авторитарными институтами²³.

Интересно, что распад СССР, ставший последним аккордом перестройки, на региональном уровне совпал по времени с выборами президента Мордовии, фактически приведшими к образованию двоевластия в республике, в условиях которого она и вышла из бурной перестроечной эпохи. Поскольку это событие имело огромное значение для будущего Мордовии (именно с ним оказались связаны «разброд и шатание» последующих 1992 — 1995 гг.), то остановимся на нем подробнее.

Необходимо подчеркнуть, что в условиях начала 1990-х гг. решение о введении поста президента МССР было оправданным, так как принцип разделения властей фактически прямо диктовал это решение²⁴. 5 — 6 ноября региональная ЦИК зарегистрировала инициативные группы по сбору подписей в поддержку кандидатов в президенты МССР: Н. И. Меркушкина, Н. В. Бирюкова, Н. П. Мед-

ведева, В. Д. Гусянникова, Н. П. Макаркина, М. Ф. Ковшова и С. Ф. Сорокина, а 9 ноября — П. Д. Грузнова и 11 ноября — Ш. З. Бикмаева (позднее Ш. З. Бикмаев снял свою кандидатуру)²⁵. Сбор подписей проходил с 5 по 20 ноября 1991 г. Так, на выборах Президента МССР в поддержку за Н. И. Меркушкина собирали подписи 430 чел., проживавших во всех районах республики²⁶, за В. Д. Гусянникова — 455²⁷, за Н. П. Медведева — 397²⁸.

Победа представителя демократических сил (партия «Демократическая Россия»), депутата Верховного Совета В. Д. Гусянникова была неожиданной. Среди ее причин следует выделить несколько факторов: во-первых, определяющую роль сыграла демократическая платформа кандидата; во-вторых, его заявление о борьбе с мафиозными кланами республики, вселившее веру в избирателей, что в этом направлении произойдут какие-то сдвиги; в-третьих, выступление В. Д. Гусянникова против суверенитета республики в условиях активности радикально-национальных движений, чьей победы опасалась значительная часть населения Мордовии.

Верховный Совет республики, представлявший собой к исходу 1991 г. своеобразный «штаб» консервативных сил, в котором были сосредоточены по-прежнему влиятельные представители бывшей партийной элиты, с первых же дней правления В. Д. Гусянникова перешел в оппозицию к президенту. Такое положение обусловило появление своеобразного двоевластия в республике, которым и закончилась перестроечная эпоха. Показательно, что ситуация в Мордовии зеркально повторила ситуацию в России, где «демократическому» президенту Б. Н. Ельцину противостоял консервативный Верховный Совет, и где также прослеживалось двоевластие (преодоленное только осенью 1993 г. после известных октябрьских событий в Москве).

Таким образом, как для страны в целом, так и для Мордовии в частности, конец перестройки означал, что демократический горбачевский режим так и не смог преодолеть внутренний конфликт с сохранявшимися основами прежней политической системы. Перестройка выявила неготовность государственных структур власти и ее лидеров к эффективному решению основных проблем, поставленных жизнью. М. С. Горбачев данную ситуацию выразил в краткой формуле — «...проблемы нарастали быстрее, чем решались»²⁹.

Все сказанное не умаляет значения произошедшей перестройки. Ее величие и одновременно трагизм будут со временем оценены и изучены. В итоге, это была очередная попытка исторического рывка, осуществлявшаяся необычными, а поэтому неэффективными, методами. Пороком этих методов была попытка сочетать несочетаемые элементы: привнести в советский социум демократию западного типа при сохранении социалистического базиса. Данное обстоятельство оказалось особенно заметным на уровне российской провинции, в частности, в таком регионе, как Мордовия. Кроме того, спецификой развития отечественной провинции в перестроечный период было некоторое «запаздывание» региональных событий по сравнению с трансформациями, происходившими в центре страны, что в целом имело положительное значение для общественно-политического состояния регионального социума, так как уберегло его от радикальных подвижек.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Шубин А. В.** Парадоксы перестройки. М., 2005. С. 10.
- ² Там же. С. 12.
- ³ См.: **Заславская Т. И.** Современное Российское общество : Соц. механизм трансформации. М., 2004. С. 327.
- ⁴ См.: **Заславская Т. И.** Указ. соч. С. 328 — 330 ; **Толстых В. И.** Перестройка: двадцать лет спустя. М., 2005. С. 131.
- ⁵ ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 10. Д. 1370. Л. 10.
- ⁶ См.: **Доленко Д., Юрченков В.** Перестройка: демонтаж системы? // Бюрократия и общество: история и современность. Ковылкино, 1991. С. 29.
- ⁷ См.: Народное хозяйство Мордовской АССР за годы одиннадцатой пятилетки 1981 — 1985 гг. : стат. сб. Саранск, 1986. С. 4.
- ⁸ См.: **Маресьев В. В.** Общественные движения в Мордовии. М., 1993. С. 21.
- ⁹ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 64. Д. 123. Л. 8.
- ¹⁰ Там же. С. 22.
- ¹¹ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР одиннадцатого созыва. Внеочередная 12-я сессия. Саранск, 1990. С. 88.
- ¹² ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 10. Д. 1371. Л. 9.
- ¹³ См.: **Шубин А. В.** Указ. соч. С. 12.
- ¹⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 10. Д. 1367. Л. 18 — 19.
- ¹⁵ См.: **Доленко Д., Юрченков В.** Указ. соч. С. 31.
- ¹⁶ Там же. С. 32.
- ¹⁷ Совет. Мордовия. 1990. 6 марта.
- ¹⁸ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР двенадцатого созыва. Первая сессия : стеногр. отчет. Саранск, 1990. С. 44.
- ¹⁹ См.: **Доленко Д., Юрченков В.** Указ. соч. С. 39.
- ²⁰ См.: **Конищенко Ж. Д., Юрченков В. А.** На пороге реформ : Обществ.-полит. жизнь Мордовии в первой половине 1990-х гг. Саранск, 2006. С. 165.
- ²¹ Заседания Верховного Совета Мордовской АССР двенадцатого созыва. Четвертая сессия: стеногр. отчет. Саранск. 1990. С. 226.
- ²² См.: **Маресьев В. В.** Указ. соч. С. 45.
- ²³ См.: **Горбачев М. С.** Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1989. С. 18.
- ²⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 10. Д. 1370. Л. 13.
- ²⁵ См.: Президентская пробежка // Совет. Мордовия. 1991. 7 нояб. С. 1 ; Сообщение ЦИК по выборам Президента МССР // Там же. 14 нояб.
- ²⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 10. Д. 1367. Л. 34, 50, 56, 62 — 69, 81 — 84, 86 — 87, 93, 95 — 101.
- ²⁷ Там же. Д. 1363. Л. 2 — 33.
- ²⁸ Там же. Д. 1367. Л. 3 — 17, 20 — 40.
- ²⁹ **Горбачев М. С.** Указ. соч. С. 18.

Поступила 02.09.2013 г.

УДК 332.2.021(470.345)

Е. Н. Бикейкин, Г. В. Огрин

E. N. Bikeykin, G. V. Ogrina

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА И РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА МОРДОВИИ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ (1985 — 1991 гг.)

AGRARIAN POLICY AND THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE OF MORDOVIA DURING THE PERESTROIKA (1985 — 1991)

Ключевые слова: аграрная политика, сельское хозяйство, колхоз, совхоз, трудовые ресурсы, АПК.

В статье рассматриваются особенности развития сельскохозяйственного производства в 1980-х гг.; анализируются достижения и просчеты в аграрной политике советского государства.

Key words: agrarian policy, agriculture, collective farm, soviet farm, labour resources, agricultural sector.

The peculiarities of the development of agricultural production in the 1980s are considered in the article; achievements and failures in the agrarian policy of the Soviet state are analyzed as well.

К середине 1980-х гг. главными производителями в сельском хозяйстве республики оставались колхозы и совхозы. По мнению историков, главной причиной тяжелого положения колхозов и совхозов в период перестройки была их экономическая дискриминация, выражавшаяся в диспаритете цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, в необоснованно низких закупочных ценах на продукты сельского хозяйства при явно завышенных ценах на сельхозтехнику, горюче-смазочные материалы, удобрения. В официальных источниках рассматриваемого периода главной причиной кризиса в сельском хозяйстве выступал характер сложившихся отношений собственности и тесно связанных с этим форм хозяйствования.

В ноябре 1985 г. постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР «О дальнейшем совершенствовании управления агропромышленным комплексом» были созданы единые органы управления АПК: Госагропром СССР, государственные агропромышленные комитеты союзных и автономных республик, краев и областей, районные (окружные) агропромышленные объединения. 20 марта 1986 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О дальнейшем совершенствовании экономического механизма хозяйствования в агропромышленном комплексе страны», в декабре 1986 г. — постановление ЦК КПСС «О неотложных мерах по повышению производительности труда в сельском хозяйстве на основе внедрения рациональных форм его организации и хозрасчета». В постановлении Политбюро ЦК «О неотложных мерах по ускорению решения продовольственного вопроса в соответствии с установками июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС» отмечалась необходимость увеличения продоволь-

ственных товаров. В 1987 г. после принятия закона об индивидуальной трудовой деятельности развернулась дискуссия, суть которой выражалась в стремлении вернуть сельского рабочего к земле, дать ему возможность непосредственно пользоваться плодами своего труда. В центре внимания оказались семейный подряд, семейные фермы, личные подворья. Настойчиво проводилась идея интеграции личного и общественного хозяйства. В марте 1989 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором обсуждались вопросы аграрной политики партии. Впервые официально был объявлен курс на перестройку экономических отношений на селе.

Пытаясь выйти из кризисной ситуации в сельском хозяйстве, правительство поставило на обсуждение вопрос о частной собственности на землю. Среди населения Мордовии, чьи указы и отклики пришли в местные Советы и газеты, почти 80 % выступали за передачу земли крестьянам в наследственное пользование, около 10 % видели возможность введения частной собственности на землю, но без права свободной продажи земли. В то же время 98 % поддерживали идею упрочения колхозов и совхозов с условием расширения их хозяйственной самостоятельности. Многие решительно осудили попытку принудительной приватизации земли, оказания материальной и финансовой помощи только фермерским хозяйствам. Опрос секретарей партийных организаций и работников аппарата райкомов Ичалковского, Ельниковского и Большеберезниковского районов показал, что передачу земли в частную собственность допускали 69 %, не допускали — 31 %. В то же время понятие «частная собственность» было довольно «размытым». Оказалось, что 82 % считали, что частная собственность должна быть ограничена в разумных пределах¹. «Не знаю, кому в наше время пришлось в голову раздавать землю в частное владение», — писал крестьянин Е. Кидямкин. — «Пусть полноправными хозяевами своего труда станут колхозы, совхозы, арендаторы, кооператоры. Только чтобы ими никто не командовал сверху, не навязывал непосильных планов. Я потомственный крестьянин, но землицы не возьму ни гектара»². Для того, чтобы обрабатывать землю, требовалось иметь стартовые возможности — капитал, рабочую силу. У большинства же крестьян таких условий не было. Эти данные свидетельствуют о том, что основная часть крестьянства республики не была готова к коренной реорганизации сельского хозяйства путем ликвидации колхозов и совхозов, а партийное руководство занимало осторожную позицию. Однако, в ходе реформирования аграрного сектора мнением крестьянства пренебрегли в угоду перестройки всей системы народного хозяйства по рыночным образцам. Развитие фермерского сектора в России началось с принятием в декабре 1990 г. закона Российской Федерации «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»³. В октябре 1991 г. была начата приватизация собственности убыточных колхозов и совхозов⁴. 27 декабря 1991 г. президент Российской Федерации издал указ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», в соответствии с которым закреплялось безусловное право всех граждан на получение земли в собственность⁵. В конце декабря 1991 г. Правительство Российской Федерации приняло постановления о реорганизации колхозов и совхозов и порядке приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий⁶. Таким образом, коллективные хозяйства, составлявшие основу сельского хозяйства республики, в

ходе перестройки подверглись серьезному реформированию и, не выдержав перехода к рыночной экономике, были реорганизованы.

Сельское хозяйство республики в рассматриваемое время было отягощено многочисленными проблемами: оно по-прежнему оставалось убыточным, росла задолженность хозяйств государству (в некоторых из них задолженность по кредитам значительно превышала стоимость их основных и оборотных фондов). Реальной возможностью выхода из создавшегося положения должна была стать реализация Продовольственной программы СССР на период до 1990 г. Эта программа, принятая решением майского Пленума ЦК КПСС в 1982 г., была скорректирована под местные условия и предусматривала существенное увеличение производства и закупок всех видов продуктов сельскохозяйственного производства и мероприятия по сокращению их потерь, планировалось также провести мероприятия по улучшению сенокосов, химизации и мелиорации земель. По этой программе сельское хозяйство республики должно было получить около 2 600 тракторов, свыше 1 330 автомобилей, более 700 зерноуборочных комбайнов. На развитие АПК предполагалось направить 240 млн руб. капитальных вложений⁷. В целях совершенствования управления АПК Мордовской АССР Президиум Верховного Совета указом от 18 декабря 1985 г. образовал Агропромышленный комитет МАССР на базе Министерства сельского хозяйства МАССР, Министерства пищевой промышленности МАССР и Государственного комитета МАССР по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства⁸. Агропром МАССР являлся центральным органом управления АПК республики, на который возлагалась вся полнота ответственности за производство продовольствия, сельскохозяйственного сырья, его переработку и сохранность⁹.

К 1985 г. в МАССР насчитывалось 289 колхозов, в них 17,2 тыс. тракторов, 5,4 тыс. зерноуборочных комбайнов, 9,1 тыс. автомобилей. Посевная площадь всех категорий хозяйств равнялась 1 158,1 тыс. га, из которых 1 125 тыс. га принадлежала колхозам и совхозам¹⁰. В то же время за период с 1985 г. по 1991 г. посевная площадь республики уменьшилась почти на 64,9 тыс. га. В процентном соотношении к 1991 г. ненамного увеличилась посевная площадь кормовых культур: если в 1985 г. она составляла 31,1 % ко всей посевной площади, то в 1991 г. — 35,9 %; на том же уровне остались посевы овощей — 0,5 %. Посевы зерна и зернобобовых сократились соответственно с 59,6 до 57,1 %. В ходе рассматриваемого периода уменьшились также посевы картофеля, конопли и сахарной свеклы (табл. 1).

Согласно табл. 1, в республике в рассматриваемый период происходило сокращение посевных площадей. В РСФСР в годы перестройки посевные площади сельскохозяйственных культур сократились в 1990 г. на 1,4 млн га по сравнению с 1985 г. В то же время посевные площади возросли на 6,1 тыс. га в Чувашии, на 19,4 тыс. га в Марийской и на 37,1 тыс. га в Татарской республиках¹¹.

Несмотря на то что за весь период перестройки валовое производство основных сельскохозяйственных культур в МАССР имело скачкообразный характер, к 1991 г. этот показатель существенно снизился по сравнению с 1985 г. (табл. 2).

Таблица 1

Посевные площади в МАССР в 1981, 1985 — 1991 гг.,
в хоз-х всех категорий, тыс. га

Показатель	1981	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
Вся посевная площадь	1 141,4	1 158,1	1 152,7	1 161,5	1 153,7	1 151,0	1 136,9	1 093,2
В том числе:								
Зерновые и зернобобовые	747,2	691,1	688,9	688,2	687,8	674,4	657,4	624,4
Сахарная свекла (фабричная)	14,5	14,5	14,1	14,1	13,8	13,0	12,6	11,0
Конопля	9,8	12,0	10,2	10,1	9,8	9,0	7,4	4,5
Картофель	69,4	68,4	68,3	68,2	61,2	60,3	59,7	50,1
Овощи	7,4	6,2	6,4	6,6	6,4	6,5	6,4	6,5
Кормовые культуры	343,1	362,8	362,0	371,9	370,9	382,9	387,8	393,5

Составлена по: Народное хозяйство МАССР за годы одиннадцатой пятилетки (1981 — 1985 гг.) : стат. сб. Саранск, 1986. С. 65 — 66 ; Народное хозяйство МАССР за годы двенадцатой пятилетки (1986 — 1990 гг.) : стат. сб. Саранск, 1991. С. 28 ; Народное хозяйство республики Мордовия в 1993 г. : стат. сб. Саранск, 1994. С. 91.

Таблица 2

Валовое производство основных сельскохозяйственных культур
в колхозах и совхозах в МАССР в 1981, 1985 — 1991 гг., тыс. т

Показатель	1981	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991*
Зерно	—	973,1	872,0	1 245,9	903,0	1 121,4	1 074,8	776,6
Сахарная свекла	115,0	233,0	254,1	284,3	237,4	226,8	114,9	146,8
Картофель	122,0	137,0	293,2	315,3	184,9	116,5	94,0	70,6
Овощи	28,5	34,8	38,8	40,5	45,4	46,0	34,4	19,7

* В колхозах, совхозах и других хозяйствах.

Составлена по: Народное хозяйство МАССР за годы одиннадцатой пятилетки. С.101 — 102 ; Народное хозяйство МАССР за годы двенадцатой пятилетки. С. 38 — 43 ; Народное хозяйство республики Мордовия в 1993 г. С. 100 — 103.

Нужно отметить, что значительное влияние на производительность сельского хозяйства республики оказывали природные условия. Мордовия находится в зоне так называемого рискованного земледелия, кроме того, здесь не редки различные климатические аномалии. Так, например, 19 июня 1991 г. по республике прошел сильный ураган с градом, причинивший значительный ущерб сельскому хозяйству. Ураган сильно повредил посевы сельскохозяйственных культур, здания, сооружения, жилые дома. Ущерб оценивался в сумме 11,7 млн руб.¹² В этом же году в связи с засухой в республике создались неблагоприятные условия для формирования урожая, правительством был поставлен вопрос перед центральной властью об освобождении республики от продажи зерна в счет продналога и госзаказа¹³. В 1990 — 1991 гг. животноводство МССР было поставлено в затруднительное положение в результате затяжных ливневых дождей, прошедших в республике во второй половине 1990 г. Вследствие этого не удалось в полной мере убрать урожай и заготовить корма. Недостаток кормов привел к снижению производства мяса и молока. В 1990 г. по сравнению с 1989 г. сократилось производство мяса на

4,9 тыс. т и молока на 19 тыс. т. План 1990 г. по выходному поголовью скота остался невыполненным, сократилось поголовье КРС и свиней¹⁴.

Урожайность также не была стабильной в течение рассматриваемого периода. Наиболее удачными в этом плане были 1987 и 1989 гг. Если же сравнить показатели урожайности основных сельскохозяйственных культур 1991 г. со средним показателем за 1985 — 1990 гг., то окажется, что в 1991 г. урожайность зерновых культур в общем была ниже, но урожаи озимой ржи и пшеницы — выше. Низким был урожай яровой пшеницы, сахарной свеклы, силосной кукурузы, сена, при этом более высоким — картофеля и овощей (табл. 3).

Таблица 3

**Урожайность сельскохозяйственных культур в МАССР в 1985 — 1991 гг.,
в хоз-х всех категорий, ц/га**

Показатель	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
Зерновые культуры	14,4	13,0	18,3	13,3	16,9	16,6	12,7
Озимая рожь	13,2	11,9	18,5	13,9	17,2	18,9	17,2
Озимая пшеница	15,0	17,1	21,1	14,5	23,8	26,8	22,2
Яровая пшеница	17,3	15,8	18,4	10,9	14,1	17,0	11,4
Сахарная свекла (фабричная)	161,0	179,9	201,8	172,3	174,7	91,5	134,1
Картофель	63,0	96,0	104,0	85,0	64,0	82,9	85,4
Овощи	98,0	78,0	85,0	137,0	118,3	79,9	107,1
Кукуруза на силос	219,0	175,0	316,0	297,0	355,5	151,6	163,4
Сено однолетних трав	29,9	17,6	23,5	20,1	25,3	21,4	17,4

Составлена по: Народное хозяйство МАССР за годы одиннадцатой пятилетки. С. 67 ; Народное хозяйство МАССР за годы двенадцатой пятилетки. С. 29 ; Народное хозяйство республики Мордовия в 1993 г. С. 93.

В среднем за 1985 — 1991 гг. в республике получали зерна с 1 га по 15 ц. В хозяйствах Старошайговского, Теньгушевского, Атюрьевского, Ельниковского и Зубово-Полянского районов — по 9 — 11 ц. В благоприятном 1987 г. шесть хозяйств в республике собрали зерновых с 1 га менее 7 ц. По данным на 1990 г., урожай зерновых по РСФСР составлял в среднем 19,5 % ц/га, в Чувашии — 24,1, в Марийской республике — 20,1, в Татарстане — 19,1 % ц/га. Таким образом, урожайность хлеба в МАССР была ниже общероссийского показателя и отставала от показателей соседних поволжских республик¹⁵. Причин было достаточно: не были отработаны технологические и организационные системы, гарантировавшие рост продуктивности каждого поля, на низком уровне велось семеноводство, допускались грубые нарушения технологической дисциплины, плохо сохранялось естественное плодородие пашни, некомпетентно применялись средства интенсификации, имели место большие потери урожая при уборке и хранении. Существовали проблемы и с удобрением почвы. Если для поддержания почвы необходимо было вносить не менее 8 — 10 т органических удобрений на гектар, то в республике эта цифра составляла 4 — 5 т, а в некоторых районах еще меньше. Впрочем, общероссийский показатель удобрения полей органическими удобрениями так же был невысоким — 3,5 т на 1 га. В Марийской республике в 1990 г. вносили до 10,4 га органических удобрений на 1 га посева¹⁶. Низкая урожайность

сельскохозяйственных культур была обусловлена также сильной засоренностью пашни сорняками, запущенностью семеноводства, неправильным использованием мелиорированных земель¹⁷.

От урожая кормов во многом зависело развитие животноводства. Поголовье скота в рассматриваемый период колебалось незначительно. При этом общая динамика поголовья КРС во всех хозяйствах показывает, что явное сокращение пришлось на 1990 г. (в колхозах и совхозах сокращение началось с 1988 г.). Явно просматривается сокращение числа коров в личных подсобных хозяйствах в течение всего периода. К 1991 г. во всех категориях хозяйств численность коров, свиней, овец и коз была меньше, чем в 1985 г. (табл. 4). В 1991 г. по отношению к 1985 г. количество КРС во всех хозяйствах сократилось на 3,1 %, коров — 6,9, свиней — 6,2, овец и коз — на 15,6 %. «Ножницы цен» между промышленной и сельскохозяйственной продукцией, отход государства от финансовой поддержки регионального животноводства привели к сокращению в целом поголовья скота в республике.

Таблица 4

Поголовье скота в МАССР в 1981, 1985 — 1991 гг., тыс. голов

Показатель	1981	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
В хоз-х всех категорий:								
КРС	632,8	677,3	676,9	679,0	674,9	670,4	669,6	656,8
Коровы	239,6	235,1	232,7	227,4	228,1	226,2	223,4	219,1
Свиньи	318,2	346,2	332,7	330,4	334,8	343,1	353,2	325,0
Овцы и козы	429,1	413,7	421,7	417,7	428,6	420,1	405,3	349,4
В колхозах и совхозах:								
КРС	491,9	553,5	553,2	571,1	563,9	556,9	554,7	552,1
Коровы	157,5	159,6	158,9	159,9	159,9	158,1	157,2	156,1
Свиньи	252,5	277,8	270,1	271,2	266,7	269,5	276,2	250,2
Овцы	270,4	280,9	290,1	299,5	307,2	302,7	292,9	248,6
В личных подсобных хоз-х:								
КРС	128,1	115,8	116,9	104,9	107,4	108,0	108,2	99,2
Коровы	80,3	73,4	71,7	66,8	67,4	66,6	64,6	61,5
Свиньи	55,1	49,0	45,1	41,5	49,4	53,0	54,5	52,3
Овцы	146,1	120,1	119,4	118,1*	121,3*	117,2*	112,3*	100,6*

* Учтены овцы и козы.

Составлена по: Народное хозяйство МАССР за годы одиннадцатой пятилетки. С. 78 — 79, 106 — 109; Народное хозяйство МАССР за годы двенадцатой пятилетки. С. 34, 73 — 76.

Поголовье продуктивного скота в РСФСР начало падать с 1987 г. и к 1991 г. составило 94,2 % от уровня 1987 г. В Чувашской, Марийской и Татарской республиках также произошло снижение поголовья скота, причем в Татарстане в большей степени, чем в остальных перечисленных республиках. Здесь по сравнению с 1985 г. количество скота к 1990 г. уменьшилось на 107,7 тыс. голов¹⁸.

В ситуации постепенного сокращения поголовья скота для республики становились обременительными поставки в общесоюзный фонд, которые к тому же были выше, чем, например, у Чувашской или Марийской АССР. В 1984 г.

удельный вес поставок в общесоюзный фонд по мясу составлял 60,9 %, в Чувашской АССР этот показатель составил 51,8 %, в Марийской АССР — 51,7 %. При этом потребление мяса на душу населения в МАССР составляло 17,4 кг, в Чувашской АССР — 19,8 кг (данные на 1985 г.), в Марийской АССР — 24,6 кг. Удельный вес поставок молока в общесоюзный фонд для МАССР составлял 54,5 %, Чувашской АССР — 29,7, для Марийской АССР — 41,2 %¹⁹.

Такие нагрузки на животноводческий комплекс республики в ходе рассматриваемого периода становились все более ощутимыми. «В Мордовской АССР сложилось напряженное положение с обеспечением населения мясными продуктами», — писал в октябре 1985 г. председатель Совета министров МАССР В. С. Учайкин председателю Совета министров РСФСР В. И. Воротникову. — «В 1984 и 1985 годах фактическое потребление мясных продуктов на одного жителя республики из государственных ресурсов, несмотря на дополнительное выделение мяса, оставалось ниже других соседних областей и автономных республик. <...> Школьники в группах продленного дня, учащиеся профтехучилищ и техникумов обеспечены ими лишь на 50 процентов. Участники Великой Отечественной войны в сельской местности мясными продуктами не обеспечиваются. <...> Ежегодные темпы роста поставок в союзно-республиканский фонд опережают темпы роста заготовок мяса. Поэтому улучшения снабжения населения Мордовской АССР мясными продуктами не ожидается и в 1986 — 1990 годах. Такое же положение складывается и по молокопродуктам, особенно по маслу животному»²⁰. Таким образом, существенная часть производимой продукции поставлялась республикой в союзно-республиканский фонд, а обеспечение собственного населения мясом и молоком снижалось.

В то же время производство основных продуктов животноводства стабильно росло с 1985 по 1990 г., но в 1990 г. стало наблюдаться падение количества производимой продукции (табл. 5).

Таблица 5

**Производство продуктов животноводства
в колхозах и совхозах МАССР в 1985 — 1991 гг., тыс. т**

Показатель	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991*
Скот и птица (в живой массе)	79,4	88,5	94,7	102,3	109,3	104,6	83,2
Молоко	376,6	405,3	417,8	435,8	458,5	440,8	354,5
Яйцо, млн шт.	199,0	204,9	206,8	220,6	216,5	202,2	200,0
Шерсть	803,0	768,7	840,6	875,6	860,3	797,1	636,9

* В колхозах, совхозах и других хозяйствах.

Составлена по: Народное хозяйство МАССР за годы одиннадцатой пятилетки. С. 118 — 121 ; Народное хозяйство МАССР за годы двенадцатой пятилетки. С. 45 — 51 ; Народное хозяйство республики Мордовия в 1993 г. С. 104 — 106.

Аналогичная ситуация с продуктивностью скота и птицы складывалась в колхозах и совхозах МАССР в 1985 — 1991 гг. Показатели 1991 г. по среднему годовому удою молока и средней годовой яйценоскости кур-несушек были ниже, чем средние цифры за весь период (табл. 6).

Таблица 6

**Продуктивность скота и птицы
в колхозах и совхозах МАССР в 1985 — 1991 гг.**

Показатель	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991*
Средний годовой удой молока от одной коровы, кг	2 313	2 465	2 530	2 637	2 765	2 668	2 225
Средняя годовая яйценоскость кур-несушек, шт.	232,0	235,0	232,0	237,0	234,0	231,0	228,0
Средний годовой настриг шерсти с одной овцы, кг	2,9	2,7	2,8	2,8	2,8	2,7	2,7

* В колхозах, совхозах и других хозяйствах.

Составлена по: Народное хозяйство МАССР за годы одиннадцатой пятилетки. С. 85 ; Народное хозяйство МАССР за годы двенадцатой пятилетки. С. 35 ; Народное хозяйство республики Мордовия в 1993 г. С. 98.

К 1988 г. в колхозах и совхозах возросли темпы производства мяса и молока, но интенсификация животноводства оставалась по-прежнему на низком уровне. Каждая тринадцатая голова молодняка КРС поступала на мясокомбинаты ниже средней упитанности и тощей. Серьезные недостатки наблюдались в селекционно-племенной работе, недостаточным признавался уровень комплексной механизации. Классный состав коров в 1987 г. в хозяйствах республики был низким: 49,8 % поголовья составляли коровы II класса и неклассные, 11,4 % — коровы класса «элита-рекорд» и «элита». Имелись проблемы в развитии сельской инфраструктуры: отсутствие общей сети дорог между колхозами и совхозами, крайне слабая база здравоохранения, торговли, бытового обслуживания и культуры. Убыточность производства сельскохозяйственной продукции во многом обуславливалась низкой материально-технической базой перерабатывающих отраслей производства²¹.

С началом перестройки проблемы, существовавшие в сельском хозяйстве республики, активно обсуждались на партийных пленумах и конференциях. В докладе о задачах партийных, советских и хозяйственных органов республики по реализации постановления ЦК КПСС «О ходе выполнения принятых решений по развитию агропромышленного комплекса Нечерноземной зоны РСФСР» на X Пленуме Мордовского обкома КПСС (май 1988 г.) подробно освещалось положение в сельском хозяйстве республики. В докладе отмечалось, что реализация принятых специальных решений по развитию Нечерноземья «позволила придать определенный динамизм хозяйственным процессам в регионе, оказать положительное влияние на развитие агропромышленного комплекса республики. Приостановлен имевший место спад производства сельскохозяйственной продукции»²². За 1986 — 1987 гг. среднегодовое производство зерна увеличилось на 15 %, сахарной свеклы — 31, мяса — 17, молока — 16, яиц — на 6 %. В 2 раза возросли основные производственные фонды колхозов и совхозов, увеличились поставки минеральных удобрений и сельскохозяйственной техники. В широких масштабах осуществлялась мелиорация земель. Однако в селе по-прежнему оставалось много проблем, многие колхозы и совхозы тяготели к экстенсивным

методам развития. Серьезной критике подвергалась работа обкома партии и правительства республики, в том числе отмечалась недобросовестная организаторская работа горкомов, райкомов партии и хозяйственных органов на местах, отсутствие комплексного подхода к решению вопросов социально-экономического развития села²³.

Продолжалось финансирование материально-технической базы села. В 12-й пятилетке на ее развитие в республике было ассигновано свыше 2 млрд руб. В большинстве хозяйств шло строительство новых животноводческих помещений для содержания КРС на 14,0 тыс., овец — 2,3 тыс. скотомест, хранения картофеля, овощей, фруктов — на 6,2 тыс. т²⁴. Однако удовлетворить все потребности села полностью не удалось. Так, в письме (1991 г.) председателя Верховного Совета МССР Н. В. Бирюкова министру сельского хозяйства и продовольствия РСФСР Г. В. Кулику констатируется серьезный недостаток сельскохозяйственной техники: «Обеспеченность автомобилями на 100 га пашни (этот показатель в Мордовии почти наполовину меньше, чем в среднем по Нечерноземной зоне РСФСР), тракторами типа МТЗ-0,4, а также устаревшее состояние всего автомобильного парка, ежегодное удовлетворение заявок по автотракторному парку только на 40 — 60 процентов, а на землеройную технику лишь на 15 — 20 процентов не позволяет республике своевременно производить сельскохозяйственные работы». В 1991 г. республике требовалось 600 грузовых автомобилей, 500 тракторов, 100 бульдозеров, 80 экскаваторов²⁵.

С 1985 г. в Мордовии получила распространение подрядная форма организации труда в растениеводстве и животноводстве. В 1986 г. подрядными коллективами обрабатывалось 11,4 % площади, занятой под овощами, 0,02 % — под картофелем, 0,8 % — под зерновыми, 1,2 % площади ягодников. В животноводстве за подрядными коллективами было закреплено 9 тыс. голов КРС. В 1986 г. коллективами произведено валовой продукции в растениеводстве 81,4 %, в животноводстве — 65,0 %²⁶. Подрядная форма организации труда показала более высокую производительность труда, исключая те коллективы, где руководство формально подходило к организации таких подразделений.

В числе главных проблем сельского хозяйства рассматриваемого периода была кадровая проблема, прежде всего текучесть кадров, что обуславливалось возросшей миграцией людей из села в город. В 1986 г. городское население составляло 55,8 % от общего числа населения республики²⁷. Происходила постоянная миграция трудоспособного населения из села в город. Во второй половине 1980-х гг. сельское хозяйство МАСССР постоянно испытывало дефицит в рабочей силе. За период перестройки доля занятого в сельском хозяйстве населения сократилась на 0,6 %, при этом число специалистов со средним и высшим образованием увеличивалось (табл. 7).

К середине 1980-х гг. из 80 совхозов 62 испытывали недостаток в кадрах в размере 16,2 % к плановой численности, а 18 — свыше 20,0 %. Из 274 колхозов трудообеспеченными были 63, остальные испытывали недостаток в рабочей силе свыше 18 тыс. чел.²⁸ Об обстановке с кадрами на X Пленуме Мордовского обкома КПСС в мае 1988 г. говорилось следующее: «Надо изжить кадровую чехарду. Разве можно смириться с тем, что руководство одним хозяйством через год-два переходит в новые руки? <...> Ежегодно учебными заведениями республики

Таблица 7

Трудовые ресурсы МАССР в 1980, 1985 — 1991 гг.

Показатель	1980	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
<i>Распределение населения, занятого в народном хозяйстве по отраслям (без учащихся), %</i>								
Всего по республике	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Промышленность	37,7	37,8	37,7	37,6	37,5	36,7	37,7	31,1
Сельское хоз-во	8,5	8,5	8,3	8,4	8,2	7,9	7,9	—
<i>Среднегодовая численность рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства, тыс. чел.</i>								
Всего по республике	394,6	406,3	408,1	407,0	405,3	403,6	398,4	—
Промышленность	148,6	153,4	154,0	152,9	151,6	148,0	146,3	—
Сельское хоз-во	34,0	34,7	34,1	34,4	33,4	31,9	31,5	—
Выпущено рабочих из проф.-тех. училищ системы народного образования, чел.	12 257	14 038	14 110	12 556	12 478	11 187	10 425	8 336
<i>Численность специалистов с высшим образованием, занятых в народном хозяйстве, тыс. чел.</i>								
Всего	37,7	45,9	—	50,3	—	51,3	—	—
Промышленность	8,9	12,2	—	13,0	—	12,8	—	—
Сельское хоз-во	2,6	3,6	—	4,0	—	4,2	—	—
<i>Численность специалистов со средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве, тыс. чел.</i>								
Всего	55,2	62,0	—	66,2	—	66,0	—	—
Промышленность	15,9	18,9	—	21,2	—	19,3	—	—
Сельское хоз-во	5,4	7,6	—	7,6	—	8,0	—	—

Составлена по: Народное хозяйство МАССР за годы двенадцатой пятилетки. С. 121 — 126; Народное хозяйство республики Мордовия в 1993 г. С. 26 — 30.

выпускается для села более тысячи специалистов сельского хозяйства высшей и средней квалификации, 1,5 тысячи педагогов и медицинских работников, 1,5 — 2,0 тысячи рабочих кадров массовых профессий. К сожалению, качество их подготовки нас зачастую не удовлетворяет. Выпускники вузов и техникумов недостаточно разбираются в экономике современного сельскохозяйственного производства, в ведении интенсивных технологий в земледелии и животноводстве»²⁹.

В 1991 г. кадровый вопрос в сельском хозяйстве достиг критического состояния. В письме председателя Верховного Совета МССР Н. В. Бирюкова к министру сельского хозяйства и продовольствия РСФСР Г. В. Кулику трудное положение с кадрами объяснялось недостаточным финансированием сельского хозяйства: «В Мордовской ССР за последние годы сложилось крайне тяжелое положение с обеспечением кадрами сельскохозяйственного производства. Из-за низкой социальной обустроенности сельских населенных пунктов, фондовооруженности и фондообеспеченности производственных процессов ежегодный отток сельского населения составляет более 8 тыс. человек. По этим показателям республика значительно отстала от соседей. Так, фондообеспеченность основными производственными фондами на 100 га сельхозугодий в Мордовской ССР составляет 120 тыс. рублей, Чувашской ССР — 174 тыс. рублей, Марийской АССР — 202 тыс. рублей...»³⁰.

Замечания, высказанные на XXIX (1990 г.) Мордовской республиканской партийной конференции по поводу АПК, характеризуют лишь малую долю накопившихся проблем: запутанность форм собственности в АПК; разрушение основы сектора — общественного производства; отсутствие внедрений в производство новых форм хозяйствования; неэффективность экономических рычагов управления производством; низкий уровень кооперации и агропромышленной интеграции; подорванность роли партийных органов в управлении³¹. Вследствие углубления кризиса в экономике страны и субъектов Российской Федерации (снижение инвестиционной активности, слабая государственная поддержка, инфляция) усугубилось положение сельского хозяйства, особенно в части его технической оснащенности. В Мордовии в годы реформ поставки сельскому хозяйству тракторов сократились в 5 — 6 раз, грузовых автомобилей — 4 — 5 раз, зерноуборочных комбайнов — 6 — 7 раз, сеялок — в 10 — 12 раз и т. д. Уничтожался генофонд высокопродуктивного скота и птицы, свертывалась селекция и семеноводство. В результате недостатка элитных семян, минеральных удобрений и средств защиты растений, старения и выхода из строя техники практически прекратились возделывание и уборка культур по интенсивным технологиям³².

Особенности аграрного производства в годы перестройки лучше всего характеризуют слова первого секретаря горкома партии А. Ф. Занькина, произнесенные им на 39-й городской партконференции 19 октября 1990 г.: «Переход к рынку — никто не знает, что это такое. Ни руководители, ни трудовые коллективы не представляют, что это такое»³³.

Таким образом, динамика развития основных экономических показателей в республике в 1985 — 1990 гг. свидетельствует о том, что большинство отраслей сельского хозяйства развивалось стабильно, но к началу 1990-х гг. кризисные тенденции, проявившиеся в системе управления, начали стремительно нарастать, приведя к потере контроля над рычагами регулирования аграрным производством. Формирование новых субъектов хозяйствования в АПК Мордовии не решило появившихся проблем. Суммарные негативные потери республики оказались намного выше положительных результатов.

Библиографические ссылки

- ¹ ЦГА РМ Ф. 269-П. Оп. 64. Д. 310. Л. 46, 50.
- ² Совет. Мордовия. 1991. 16 янв.
- ³ О крестьянском (фермерском) хозяйстве : закон РФ // Как получить землю? : сб. основных докл. по земельной реформе в России. М., 1992.
- ⁴ См.: Правда. 1991. 29 окт.
- ⁵ См.: Указ Президента Российской Федерации от 27 декабря. 1991 г. // АПК: экономика, управление. 1992. № 3. С. 4 — 6.
- ⁶ См.: О порядке реорганизации колхозов и совхозов : собр. постановлений Правительства РФ. 1992. № 102. Ст. 9.
- ⁷ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР десятого созыва. Шестая сессия. (7 дек. 1982 г.) : стеногр. отчет. Саранск, 1983. С. 16 — 17.
- ⁸ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР одиннадцатого созыва. Вторая сессия. (20 дек. 1985 г.) : стеногр. отчет. Саранск, 1986. С. 84.
- ⁹ Там же. С. 12.

¹⁰ См.: Народное хозяйство Мордовской АССР за годы одиннадцатой пятилетки. 1981 — 1985. Саранск, 1986. С. 50 — 53, 67, 95 — 96 ; **Сальников Ю. И., Сурков В. М.** Послевоенное развитие народного хозяйства Мордовии (1946 — 1985 гг.) // Экономика Мордовии: история и современность. Саранск, 1997. С. 122. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 113).

¹¹ См.: Регионы России : Основные характеристики субъектов Рос. Федерации. 2003 : стат. сб. М., 2003. С. 399 — 400, 408 — 409, 417 — 418, 435 — 436 ; Регионы России : Социально-экон. показатели. 2003 : стат. сб. М., 2003. С. 510 ; РСФСР в цифрах в 1990 г. : крат. стат. сб. М., 1991. С. 194.

¹² ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 1471. Л. 37.

¹³ Там же. Л. 156.

¹⁴ Там же. Д. 1470. Л. 8.

¹⁵ См.: Регионы России : Социально-экон. показатели. С. 523.

¹⁶ Там же. С. 543 — 54.

¹⁷ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 62. Д. 19. Л. 10 — 36.

¹⁸ См.: Регионы России : Основные характеристики... С. 399 — 400, 408 — 409, 417 — 418, 435 — 436 ; РСФСР в цифрах в 1990 г. С. 201.

¹⁹ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 1058. Л. 136 — 137.

²⁰ Там же. Л. 134 — 135.

²¹ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 62. Д. 19. Л. 10 — 36 ; **Юркин А. В.** Повышение эффективности молочного скотоводства в Мордовской АССР // Пути повышения эффективности использования ресурсного потенциала села. Саранск, 1989. С. 41. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 97).

²² ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 62. Д. 19. Л. 7.

²³ Там же. Л. 10 — 36.

²⁴ См.: Совет. Мордовия. 1986. 26 окт.

²⁵ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 1470. Л. 174.

²⁶ См.: **Безубов А. И.** Совершенствование организации и оплаты труда в специализированных плодоовощных хозяйствах МАССР // Пути совершенствования организации производства, труда и управления. Саранск, 1988. С. 63. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 92) ; Народное хозяйство МАССР за годы двенадцатой пятилетки (1986 — 1990 гг.) : стат. сб. Саранск, 1991. С. 28.

²⁷ См.: Народное хозяйство СССР в 1985 г. М., 1986. С. 12.

²⁸ См.: **Имяреков С. М.** Особенности миграционных процессов сельского населения Мордовской АССР // Использование трудовых ресурсов в отраслях и сферах АПК Мордовской АССР. Саранск, 1986. С. 50 — 51. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 78).

²⁹ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 62. Д. 19. Л. 30, 31.

³⁰ Там же. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 1470. Л. 173.

³¹ Там же. Ф. 269-П. Оп. 64. Д. 62. Л. 11.

³² См.: **Васильева Е. А.** Проблемы развития рыночных отношений в АПК России // Экономика Мордовии... С. 165 — 177.

³³ ЦГА РМ. Ф. 333-П Оп. 52. Д. 1. Л. 6.

Поступила 21.08.2013 г.

В № 2 (26) за 2013 г. была опубликована статья «Отношение населения мордовского края к вопросу об устройстве народных библиотек» Л. М. Жарковой, В. Л. Житаева, подготовленная в рамках проекта 2.1.1 «Решение комплексных проблем по разработке и внедрению гуманитарных технологий в образовательную практику на базе научно-образовательных центров и научно-исследовательских лабораторий» Программы стратегического развития МордГПИ на 2012 — 2016 гг.

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

УДК 903.5 (470.345)

В. В. Гришаков, Е. А. Пузаткина, В. А. Афонина
V. V. Grishakov, E. A. Puzatkina, V. A. Afonina

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ПОГРЕБЕНИЙ ДРЕВНЕМОРДОВСКОГО УСТЬ-УЗИНСКОГО 2 МОГИЛЬНИКА В ВЕРХНЕМ ПОСУРЬЕ

ANTHROPOLOGICAL STUDIES OF BURIAL MATERIALS OF THE OLD-MORDOVIAN UST-UZINSKY 2 BURIAL GROUND IN THE UPPER SURА REGION

Ключевые слова: древнемордовская культура, погребальный обряд, материальная культура, антропологические исследования, расово-диагностические показатели, этнокультурные процессы.

В статье на основе антропологических исследований впервые прослежены процессы на начальном этапе формирования древнемордовского этнокультурного пространства местного населения Окско-Сурского междуречья. Продемонстрирован классический анализ одонтологического материала десяти погребений Усть-Узинского могильника, который показал преобладание у населения «западных» признаков при слабовыраженном «восточном» компоненте. Химический анализ костной ткани позволил предположить, что население, оставившее памятник, успешно занималось охотой, рыболовством и зоособирательством.

Key words: old-Mordovian culture, funeral rite, material culture, anthropological studies, racial and diagnostic indicators, ethnocultural processes.

For the first time the early stage processes of formation of the old-Mordovian ethnocultural space among the local population of the Oka-Sura interfluvial region are considered in the article on basis of anthropological studies. Classical analysis of dental material from ten burials of the Ust-Uzinsky burial ground, which proved the prevalence of “western” features over weakly expressed “eastern” component among the population, is demonstrated as well. Chemical analysis of bone tissue made it possible to suggest that a population, the monument belonged to, succeeded in hunting, fishing and gathering of animals.

Финал раннего железного века культур Окско-Сурского междуречья является эпохальным этапом в развитии поволжско-финских культур, когда на их основе зародились субстраты материальных и духовных ценностей таких народов, как мордва, муромы, марийцев, мещеры, мери и др. К сожалению, памятники древней мордвы, исследованные на данной территории, относятся к тому периоду, когда археология располагала ограниченными средствами для комплексного

исследования артефактами, полученными в ходе раскопок. Однако в последнее время это положение изменилось. Научные исследования археологов стали включать данные смежных наук, которые дополняют наши представления о развитии древних обществ, их хозяйственной, социальной и духовной эволюции. Не стал исключением в этом отношении и древнемордовский могильник у с. Усть-Уза III — IV вв. н. э.

Усть-Узинский 2 могильник располагается в Шемышейском районе Пензенской области при впадении в Суру ее левого притока Узы. Некрополь исследовался в 2001 — 2011 гг. экспедицией Мордовского пединститута под руководством В. В. Гришакова. На исследованной части Усть-Узинского 2 могильника общей площадью 2 424,85 м² вскрыты 95 погребений. Все они индивидуальные. Из них мужских захоронений — 23 (погребения 6, 17 — 19, 22, 23, 33, 36, 38, 42, 46, 55, 58, 61, 67, 71, 72, 79, 84 — 86, 89, 94), что составляет 24,3 % от общего количества погребенных; женских — 26 (погребения 2, 4, 5, 7, 11 — 13, 15, 20, 24, 26, 27, 35, 39, 43 — 45, 48, 52, 53, 60, 68, 75, 81, 88, 93), что составляет 27,4 %; неопределенных — 36 (погребения 1, 3, 8 — 10, 14, 16, 25, 28, 32, 34, 37, 40, 41, 47, 50, 54, 56, 59, 62, 63, 65, 66, 69, 70, 73, 74, 76, 77, 78, 80, 82, 83, 90 — 92), что составляет 37,8 % и детских — 10 (погребения 21, 29 — 31, 49, 51, 57, 64, 87, 95), что составляет 10,5 % соответственно.

Необходимо отметить, что сохранность антропологического материала на памятнике крайне неудовлетворительная, поэтому половозрастная принадлежность между мужскими и женскими погребениями определялась на основании различия погребального инвентаря (для женских захоронений характерны налобные венчики, височные привески, наконечники, бусы; для мужских — предметы вооружения, конского снаряжения, поясной гарнитуры; ряд предметов являются общими для тех и других — глиняная посуда, предметы обихода, сюзгамы и т. д.). Различия между неопределенными и детскими погребениями, которые характеризуются невыразительностью погребального инвентаря, устанавливалось по размерам могильных ям (длина детских погребений не превышала 150 см).

Для биоархеологического исследования был предоставлен антропологический материал из 12 погребений могильника. К сожалению, их сохранность не дает возможности в полной мере определить этническую приуроченность данной группы населения. Однако изучение имеющихся останков зубов и костей различными методами (классическим и химическим) в совокупности позволило сделать некоторые общие заключения (табл. 1).

Таблица 1

Возрастной состав погребенных Усть-Узинского 2 могильника

Погребение, №	11	12	13	20	23	43	44	55	67	85	86	90
Возраст	18	30	27 — 30	18 — 20	25 — 30	—	18	18 — 25	25 — 30	25 — 30	—	18 — 20

Одонтологический анализ материала из 10 погребений могильника (в погребениях 43 и 86 зубной материал отсутствовал), проведенный с использованием классической методики, основанной на морфологическом изучении зубного

материала, описанной в отечественной литературе¹, показал, что все они принадлежали людям от 18 до 30 лет, среди них лица зрелого возраста (старше 25 лет) составляют 50 %.

Кроме того, такой метод исследования позволяет выявить некоторые специфические черты, присущие различным этническим группам. В данном случае предлагается ввести более общие понятия — «восточный» и «западный» компоненты. Наименьший процент встречаемости исследуемого признака отмечается в Европе, однако он увеличивается в регионах Урала, Казахстана и Средней Азии и достигает максимума в Центральной и Восточной Азии (Монголия, Китай, коренные народности Сибири и Дальнего Востока), в связи с чем такой признак называют «восточный». При обратном направлении частоты встречаемости — «западный». В промежуточных зонах, где постоянно происходила метисация, частоты расово-диагностических показателей имеют среднее значение².

В одонтологической серии из Усть-Узинского 2 могильника (табл. 2) в двух погребениях выявлены верхние резцы. В обоих случаях лопатообразная форма лингвальной поверхности резцов оценена на 0 баллов, т. е. отсутствует, что свидетельствует о наличии ярко выраженного «западного» компонента в строении этих зубов. В рассматриваемой нами группе зубов в 11 % случаев отмечено наличие шестибугоркового первого нижнего моляра, при этом частота встречаемости пятибугоркового второго нижнего моляра снижена до 33 %. Этот показатель напротив, позволяет говорить о «восточном» компоненте. Кроме того, для рассматриваемой серии одонтологических материалов характерны низкие частоты встречаемости дистального гребня тригонида на нижних молярах (до 11 %), тогда как коленчатая складка метаконида этих зубов встречается в 40 % случаев, что также указывает на наличие слабо выраженного «восточного» компонента. Наличие достаточно выраженного «западного» компонента подтверждается высокими процентами встречаемости таких одонтологических критериев, как четырехбугорковые первые (44 %) и вторые нижние (67 %) моляры, а также впадение второй бугорковой борозды метаконида в фиссуру II на первом нижнем моляре (40 %).

Характерными чертами изученной одонтологической серии является отсутствие дистального гребня тригонида на первом нижнем моляре в сочетании со слабой выраженностью «восточных» признаков. Здесь же следует отметить и хорошо выраженную грацилизацию нижних моляров.

Таким образом, серия одонтологических материалов Усть-Узинского 2 могильника характеризуется наличием слабо выраженного «восточного» компонента с преобладанием «западных» признаков. Следует обратить внимание, что из общей картины выбивается индивид из погребения 23, которому свойственны выраженные «восточные» признаки, в том числе отсутствие грацилизации нижних моляров.

Особое внимание мы уделили исследованию минеральной части скелета человека, что позволяет решить ряд проблем, связанных с многообразием функций костной ткани³. Процесс ее минерализации является составной частью роста, созревания и старения организма. Нормальное или патологическое изменение минерального обмена приводит к изменению состава и количества минерального

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Дистальный гребень	M ₁	0	1	0	0	0	—	0	0	0	1	9	11%
тригониды	M ₂	—	—	0	—	—	—	0	0	—	0	3	0%
	M ₃	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Коленчатая складка	M ₁	0	—	0	0	1	—	—	—	1	2	5	40%
метаконида	M ₂	—	—	0	—	—	—	—	1	—	1	2	50%
	M ₃	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ход второй борозды													
метаконида на M ₁ (2 мед (II))	1	—	—	1	fc	III	—	—	—	III	2	5	40%
Положение гипоконулида на M ₁	—	1	—	0	1	0	—	0	0	1	3	7	43%
Число бугорков на первом	6	0	0	0	1	0	—	0	0	0	1	9	11%
моляре	5	0	0	1	0	1	—	1	1	0	4	9	44%
	4	1	1	0	0	0	—	0	0	1	4	9	44%
	3	0	0	0	0	0	—	0	0	0	0	9	0%
Число бугорков на втором	5	—	—	0	—	—	—	1	0	—	1	3	33%
моляре	4	—	—	1	—	—	—	0	1	—	2	3	67%
	3	—	—	0	—	—	—	0	0	—	0	3	0%
Число бугорков на третьем	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
моляре	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Узор коронки M ₁	Y	0	0	0	0	1	—	1	1	0	3	9	33%
	X	0	0	0	1	0	—	0	0	0	1	9	11%
	*	1	1	1	0	0	—	0	0	1	5	9	56%
Узор коронки M ₂	Y	—	—	0	—	—	—	1	0	—	1	3	33%
	X	—	—	0	—	—	—	0	1	—	1	3	33%
	*	—	—	1	—	—	—	0	0	—	1	3	33%
Узор коронки M ₃	Y	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	X	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Межкорневой затек	M ₁	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
эмали (4-6)	M ₂	—	—	—	—	—	—	—	0	—	1	4	25%
	M ₃	—	—	—	—	—	—	—	0	—	0	1	0%

Примечание: «←» — отсутствие зуба, «0» — отсутствие признака; «1» — присутствие признака. В скобках указаны баллы, при которых ставится «1» — присутствие признака.

вещества скелета. Таким образом, костная ткань хорошей сохранности может быть использована для изучения прижизненных концентраций элементов. Значительно измененный минеральный состав кости может стать своеобразным источником сведений о тех событиях, которые происходили непосредственно с погребением (изменение влажности, доступа кислорода и др.), что само по себе часто представляет интерес для интерпретации археологического памятника.

Мы использовали метод атомной абсорбции. В основу атомно-абсорбционного анализа положено физическое явление способности атомов поглощать квант света определенной длины волны. Чувствительность определения $0,1 \times 10^{-4}$ г в 1 мл испытуемого раствора. Ошибка метода составляет $0,05 \times 10^{-4}$ г.⁴ Конечной информацией, получаемой из лаборатории, являются концентрации микроэлементов в растворе, которые затем пересчитываются в концентрацию в костной ткани (исследование проводил инженер лаборатории химического и технического анализа Поволжского государственного технологического университета В. И. Таланцев).

Полученные данные показывают, что общая минерализация костной ткани практически всех погребений имеет высокие значения (табл. 3). Исключение составляет погребение 43, в котором минерализация может быть оценена как низкая. По мнению ряда исследователей, высокий уровень минерализации скелета характерен для популяций, живших либо в условиях геохимического оптимума, либо на северных территориях.

Таблица 3

Общая минерализация костной ткани, % к общей массе навески

Погребение	11	12	13	20	23	43	44	55	67	85	86	90
Пол*	Жен	Жен	Жен	Жен	Муж	Жен	Жен	Муж	Муж	Муж	Муж	Жен
%	88,09	94,08	98,60	97,46	81,90	31,12	94,49	91,68	98,49	84,96	84,57	62,99

* При анализе использовалась половая принадлежность погребенных, сделанная в результате археологического анализа В. В. Гришаковым.

На микроэлементный состав костной ткани влияют пища, вода, воздух и активные вещества из непосредственного окружения человека (некоторые активные металлы: ртуть, свинец, мышьяк и стронций). Поэтому соотношения концентраций макро- и микроэлементов могут быть использованы для реконструкции типа питания древнего населения и некоторых видов профессиональной деятельности (кузнечное или литейное дело)⁵.

Результаты, полученные в ходе исследований, мы свели в таблице 4. Содержание кальция, одного из основных костеобразующих элементов, находится ниже границ индивидуальной изменчивости его концентраций в костной ткани⁶. Во всех изученных погребениях они колеблются от 180 000 до 480 000 ppm. Возможно, это связано с пониженным количеством растворимых доступных форм кальция в почве и воде⁷.

Обращают на себя внимание чрезвычайно высокие концентрации цинка более 200×10^{-4} ppm⁸ в костях почти половины изученных захоронений, за исключением погребений 12, 23, 44, 55 и 86. Большое содержание цинка, как известно, указывает на употребление в пищу значительного количества белков животного проис-

Таблица 4

Содержание химических элементов в костном материале Усть-Узинского 2 могильника ($X \times 10^{-4}$, ppm)

Погребение	Ag	Ca	K	Zn	Cu	Ni	Mn	Fe	Sr	Co	Cd	Pb
11	0,01	82 022,95	112,81	6 008,86	11 737,12	5,36	336,14	39,01	11,98	6,05	0,91	31,82
12	0,01	99 413,49	127,77	146,78	123,07	12,93	27,67	321,23	19,66	4,81	0,53	22,97
13	0,08	97 339,53	167,44	3 516,28	1 909,85	2,13	85,95	91,13	8,73	4,77	1,01	26,89
20	0,01	93 571,52	184,28	2 432,48	6 114,18	0,20	35,38	57,56	9,29	5,20	0,50	19,09
23	0,02	97 493,98	76,87	156,51	63,49	18,31	343,98	148,55	18,55	5,06	0,24	20,36
43	75,95	86 373,23	406,76	2 544,16	143 637,59	18,43	147,13	2 185,07	91,84	1,59	0,04	109,00
44	0,01	94 048,79	158,96	179,45	510,96	3,71	17,81	42,01	8,44	4,63	0,21	20,38
55	0,02	92 240,00	154,63	196,04	291,08	13,69	292,43	800,42	17,39	5,72	0,22	58,13
67	0,03	99 193,69	94,05	1 854,52	33,00	1,87	47,63	1 066,95	6,71	4,84	173,87	22,55
85	0,03	91 171,47	95,78	752,64	1 248,75	27,19	1 702,62	450,50	19,37	4,93	74,69	243,90
86	0,03	86 545,21	426,08	173,25	1 412,84	27,74	130,94	1 926,49	22,92	5,17	12 480,42	35,85
90	0,03	61 465,44	55,26	1 912,56	27 707,37	8,09	377,42	3 405,76	22,17	3,29	4 441,71	3 983,87

хождения, так как концентрации цинка значительно выше в тканях животных, чем в растениях⁹. Следует отметить, что цинк отличается высокой биогенностью и степенью биологического поглощения¹⁰.

Общий уровень содержания меди также высок, значительно больше референтных значений 20×10^{-4} ppm¹¹. Как правило, большее содержание меди характерно для женских скелетов, что возможно обусловлено не только физиологическими причинами, но и частыми контактами с медными предметами (украшения, посуда и т. п.). Однако в нашем случае отмечается и повышение концентрации элемента в костях мужских погребений. Высокое содержание меди является подтверждением мясного рациона древнего населения¹². Следует отметить, что внутригрупповая изменчивость признака значительна.

В 3 погребениях Усть-Узинского 2 могильника (погребения 43, 85, 90) замечено достаточно высокое содержание свинца, которое обычно свидетельствует о длительных контактах с предметами, изготовленными или с добавлением свинца, или с технологическим процессом, требующим его наличия.

Информация об уровне содержания марганца может быть использована для реконструкций экологических связей, оценки степени давления геохимического фактора, а также способности популяции противостоять ему¹³. Марганец является структурным компонентом и кофактором ферментативных систем и необходим организму во многих биохимических процессах организма. Следует отметить достаточно высокие концентрации марганца в тканях большинства костяков (погребения 11, 23, 43, 55, 85, 86, 90). Средние значения его содержания в костях составляют около 30×10^{-4} ppm¹⁴. Однако имеются и погребения, в костяках которых содержание марганца достаточно низкое. Возможно,

различный уровень марганца в тканях характеризует изученную группу как неоднородную по отношению к способности противостоять различным видам физиологического или экологического стресса.

Изучение содержания стронция показало, что концентрации этого элемента находятся в диапазоне малых и средних значений, за исключением погребения 43, где количество этого элемента близится к высокому (не более 100×10^{-4} ppm). Низкие концентрации стронция являются подтверждением животного рациона питания, так как его повышение может быть связано только с включением значительного количества продуктов растительного происхождения¹⁵. Кроме того, наличие высокого содержания цинка при низком содержании стронция в тканях костного материала позволяет предполагать, что в рационе питания большую долю составляла рыба.

Следует отметить, что данная группа населения не зависимо от полового и возрастного состава характеризуется высоким содержанием меди, цинка, кальция и низким содержанием стронция в костных тканях, что свидетельствует о преобладании в рационе их питания продуктов животного происхождения.

Таким образом, классический анализ одонтологического материала 10 погребений Усть-Узинского 2 могильника показал преобладание у населения «западных» признаков при слабовыраженном «восточном» компоненте. Химический анализ костной ткани позволил предположить, что население, оставившее могильник, могло успешно заниматься охотой, рыболовством и зоосбирательством.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Зубов А. А.** Одонтология : Методика антропол. исслед. М., 1968. 199 с. ; **Его же.** Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М., 2006. 72 с.

² См.: **Зубов А. А.** Методическое пособие по антропологическому анализу... С. 5 — 6.

³ См.: **Козловская М. В.** Минеральная часть костной ткани: общие параметры и количественный анализ некоторых химических элементов // Историческая экология человека : Методика биол. исслед. М., 1998. С. 220 — 243.

⁴ См.: **Козловская М. В.** Экология древних племен лесной полосы Восточной Европы. М., 1996. 244 с.

⁵ См.: **Добровольская М. В.** Опыт количественного определения микроэлементов в скелете человека : (По материалам древних погребений) // Вопр. антропологии. 1984. Вып. 74. С. 101 — 109.

⁶ См.: **Armelagos G. J.** Factors affecting elemental and isotopic variation in prehistoric bone // The chemistry of prehistoric human bone. Cambridge, 1989.

⁷ Ранние этапы освоения русского севера: история, антропология, экология // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения восточной Европы / Т. И. Алексеева [и др.]. М., 1993. С. 3 — 78.

⁸ См.: **Козловская М. В.** Минеральная часть костной ткани... С. 230 — 231.

⁹ См.: Ранние этапы освоения русского севера... С. 3 — 18 ; **Добровольская М. В.** Человек и его пища. М., 2005. 368 с.

¹⁰ См.: **Добровольская М. В.** Опыт количественного определения микроорганизмов в скелете человека... С. 107 — 108.

¹¹ См.: **Козловская М. В.** Минеральная часть костной ткани... С. 230 — 231.

¹² См.: Ранние этапы освоения русского севера... С. 61.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Добровольская М. В. Опыт количественного определения микроэлементов... С. 107 — 108.

¹⁵ См.: Козловская М. В. Экология древних племен... С. 175 — 176 ; Ранние этапы освоения русского севера... С. 62 — 63.

Поступила 07.05.2013 г.

УДК 7.067.4 : 81' 271 (470.4)

Н. В. Рябов

N. V. Ryabov

САМОБЫТНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ПОВОЛЖЬЯ

IDENTITIES OF THE ARTISTIC LANGUAGE OF DECORATIVE AND APPLIED ARTS IN THE VOLGA REGION

Ключевые слова: народное искусство, скульптурная символическая форма, традиция, пластика, архаический образ, финно-угорский народ.

В статье рассмотрены ценности декоративно-прикладного искусства в этнической культуре Поволжья и трансформация отдельных компонентов в разные исторические периоды; дан художественный анализ этносимволическим формам резной деревянной скульптуры мордвы.

Key words: folk art, sculpture symbolic form, tradition, plastic, archaic image, the Finno-Ugric people.

The values of decorative and applied arts in the ethnic culture of the Volga Region and the transformation of some components in different historical periods are considered in the article. Artistic analysis of ethnosymbolic forms of carved wooden sculpture of the Mordvins is made.

В эпоху глобализации ценность ручного труда утрачивает свою актуальность в сфере духовной народной культуры, его идейно-эмоциональное содержание в предметно-пространственной среде приобретает новый художественный оттенок. Процессы развития народного искусства в силу богатства приобретенных традиций, определяемого родовой спецификой и коллективностного творчества, становятся на иную плоскость своего развития. Разные аспекты народного прикладного творчества позволяют раскрыть в исследовательских работах те трансформационные процессы, которые повлияли на изменчивость художественных форм и пластики, технику и технологию обработки материала и последовательность соблюдения традиций.

Особенность среды современного быта, инновационные технологии ослабили образность и тематику, упростили сюжетные построения, иногда и язык прикладного искусства, но вместе с тем расширили технические возможности и обострили значение информационного поля, содержание которого приняло вид «символов» — обрело форму свернутых информационных единиц, психопрограмм и культурных

кодов. В теории художественной культуры возник интерес к семиотическому многообразию народного искусства. Причин этому немало, как немало и примеров, которые нуждаются в переосмыслении имеющегося потенциала. Одним из главных направлений является народное наследие, которое актуально в сфере культуры и образования, где есть общая потребность изучения архетипов искусства, а также ряда других устойчивых и воспроизводимых связей. Оно специфично в силу национальных, географических и других особенностей его существования, что обогащает историю народной культуры.

Декоративно-прикладное искусство, аккумулирующее в себе многообразие древних традиций и разнообразие форм художественного воплощения, предоставляет исследователям богатый материал для изучения мифологических и религиозных представлений о мире. Предметы традиционной культуры содержат закодированные сведения о духовной культуре народа, поскольку с помощью художественных форм древний человек отображал все, что его окружало, и что было для него значимым. Этот аспект декоративно-прикладного искусства и его семантика привлекают внимание как отечественных, так и зарубежных ученых современности. Многообразие свойств материалов, техники, смыслов предметного мира народной культуры, а также их символические свойства являются сферой пристального внимания самых разных специалистов, изучающих этническую культуру: археологов, этнографов, искусствоведов, современное обоснование вопросов общей идеологии и методологии исследования изучается культурологами. При изучении любого социокультурного явления неизбежно встает вопрос о его происхождении. Этот вопрос тем более правомерен, что изучаемое нами народное искусство Поволжья является одним из древнейших очагов развития этнической культуры. Вопрос о происхождении разных по богатству и уникальности народных культур все еще является предметом дискуссий и нередко получает противоречивое освещение в различных научных трудах.

С древних времен у народов Поволжья прослеживается особый художественно-эстетический вкус к предметно-вещевому комплексу, вместе с тем выработывался сложный синкретизм духовно-нравственных основ этносимволического воплощения, который выразился в художественных формах. Исходя из накопленных знаний и веками сложившегося в этнической культуре опыта, нельзя не учитывать и тот факт, что, развиваясь и обогащаясь внутри этнической общности, культурные процессы повлияли на развитие материальных ценностей в целом. Потребовалось углубленное осмысление многих аспектов этнической культуры, касающихся использования ценностей декоративно-прикладного искусства и их влияния на его отдельные компоненты (резьба по дереву, керамика, выкладка бисером и вышивка) для последующего развития как вида искусства.

В разные исторические периоды вещевой комплекс и предметный мир, созданные многими поколениями наших предков, так или иначе, оставляя след, насыщались и видоизменялись, перерабатывались и дополнялись новыми элементами. Такие параллели не случайны и они есть у многих народов. Есть свидетельства зарождения мелкой пластики времен неолита-энеолита, охватывая ареал Центральной Русской равнины в период становления волосовской культурно-исто-

рической общности. Они оставили массу разнообразных предметов искусства как образцы скульптурных форм, среди них особый интерес представляют зооморфные и антропоморфные деревянные скульптуры¹.

Такие факты говорят о том, что в ареале среднего Поволжья уже с тех времен финно-угорские народы выражали свои космогонические представления в скульптурах малых форм. Мы считаем, что тотемные черты прапредков, символизирующие покровителей рода, дали основу антропоморфным и зооморфным формам. В эпоху родоплеменных взаимоотношений ремесла достигли высокого уровня развития, что подтверждают многие археологические предметы могильников, найденные на территории расселения мордвы. Когда речь идет о предметах, выполненных из дерева, то исследователи прежде всего отдают предпочтение художественным свойствам резных изделий. Дерево — самый востребованный материал для бытовых предметов с художественно-обработанными формами, известный в культуре мордовского народа и других народов лесной зоны. Податливость в обработке форм позволяла трансформировать деревянные изделия в новые формы и приспособить их к разным условиям быта, наполнять их смысловым содержанием. Не только скульптурные формы отражают символы духовной культуры Поволжья, но и простые, утилитарные предметы насыщены смыслами, связанными со многими обрядами, отражающими быт простого народа. В. М. Василенко отмечает, что «в вышивках и резьбе по дереву XIX в. живут совершенно языческие образы, почти не видоизмененные, сохранившие все черты древнейших „идолищ“. Нельзя не считаться с древностью этих изображений»².

До христианизации весь славянский языческий пантеон был представлен культовыми идолами в священных капищах и вполне вероятно, что на изображения культовых предметов финно-угорского народа оказывали влияние древние славяне. По многим свидетельствам удмурдских историков, на священных капищах удмуртов также стояли скульптурные изображения богов «Идны», «Губера», «Булды» и др.³ Были ли у мордвы деревянные скульптурные изваяния в язычестве пытаются утвердительно доказать многие исследователи, хотя вопрос о бытовании идолопоклонничества у финно-угров остается неизученным и очень спорным. Имеются лишь косвенные свидетельства, указывающие на возможность существования у мордвы этого явления, а значит, и древних антропоморфных изображений идолов. Об этом писали Р. Барберини, С. фон Герберштейн, французский иезуит Филипп д'Авриль⁴. Если к этому вопросу подойти с практической точки зрения, учитывая тот факт, что «идолы» сделаны из дерева (вероятно, из местных пород: дуб, сосна, береза и липа; время сохранности дерева на открытом воздухе без специальных покрытий до 10 — 15 лет), то доказательством их отсутствия как артефакта является исторический разрыв во времени. В этом случае утверждения исследователей (П. С. Паллас и Н. Ф. Мокшин) об отсутствии у мордвы в местах моления скульптурных «идолов» требуют уточнения в том плане, что они не смогли сохраниться как памятники истории из-за их недолговечности⁵.

Небезосновательны утверждения Н. И. Шibaкова о том, что «идолы» у мордовского народа существовали и были весьма оригинальны. Иначе, зачем бы тогда христианской церкви разрешать создание деревянной скульптуры, «ведь

она ее запретила еще в 1722 году. Не указывает ли этот компромисс на то, что идолаы были необходимы, поэтому решено было их заменить тоже — „идолами“, но уже христианского направления»⁶. Другое дело, что вкладывали в понятие «идол» символический смысл церковного содержания или же выразительность пластической деревянной скульптуры народного творчества. Современное восприятие придает скульптурным фигуркам-идолам не божественный смысл или культовое значение, а лишь фиксирует отголосок древних форм тотемной символики. Широкого распространения такое явление не получило из-за принятия мордвой христианства, хотя традиционные языческие формы религии и обряды сохранялись у нее долгое время. Ни один народ в своей истории не прошел мимо такого периода, как контаминация божеств, их воплощение в культовые предметы поклонения.

Когда в обществе господствовали политеизм (многобожие) и поклонение животным, их обожествление стало высшей идеей, обуславливающей явление контаминации, когда фигура божества или тотемного существа отождествляется с образом животного, птицы, человека или неземного фантастического существа. Идеи обожествления в мордовской мифологии отразились во многих сторонах предметной культуры, в местах поклонения, святилищах и праздничных обрядовых действиях, центральными фигурами в которых являются богиня леса (э. Вирява), леший (э. Вирятя), богиня воды (э. Ведява), богиня урожая (э. Норовава). По утверждению исследователя Н. И. Аношкина, директора Лукояновского музейного комплекса, куда входит также восстановленное обрядовое место древней мордвы — э. кереметь — вблизи с. Березовка, бытование у эрзи скульптурных изображений было обязательным не в качестве идолов для поклонения, а как охранных скульптурных ворот при входе на территорию керемети (материалы экспедиции в г. Лукоянов Нижегородской области). У древних славян было немало особо почитаемых богов, которые были выражены в скульптурных изваяниях. Видное место среди них занимали Перун — бог грозы и войны, покровительствующий воинам-витязям, он же символ справедливости, Сварог — владыка вселенной и родоначальник славянских богов, Велес — бог мудрости, покровитель волхвов, мудрецов и поэтов, который несет в себе функции и черты греческого Пегаса⁷.

Проявление ремесленного реализма в скульптурных формах мордвы — явление не случайное, а глубоко закономерное, появившееся под давлением тысячелетней культуры, тесно связанной мифологической мировоззренческой концепцией объяснения жизни. Мифология — наиболее удобная форма трактовки мироустройства, тесно связанная с этнической символикой. Так, задолго до принятия православия мордва имела небесных и земных богов. Данный пантеон божеств обладал системностью и имел вполне законченный вид. В представлениях людей Верховный бог (э. Нишкепаз) был ликом антропоморфным, его символические изображения в виде масок навешивались на борти, на колодные ульи языческой мордвы, а также на деревья в священных рощах. Поэтому столь естественно возникновение деревянных скульптур, изображающих христианских богов, святых, великомучеников, символизирующих основы религиозной идеологии. Реминисценции национальной культуры нашли отражение и резонанс в рамках новой мировой религиозной идеологии в виде скульптур, характерных для христианства.

Рассматривая этапы становления традиций воссоздания мифологических персонажей, мы отмечаем, что изображение человека полностью отсутствует в декоративно-прикладном искусстве древней мордвы в начале становления и оформления материальной культуры. Это объясняется отсутствием в археологических источниках данных о наличии каких-либо человеческих образов в украшениях, застежках и других предметах декоративно-прикладного искусства.

Стилизованный образ человека появился намного позже в процессе расселения славян и их взаимодействия с финно-угорскими племенами, которое определило значительное изменение в этнокультурной ситуации мордовского народа. В I тыс. н. э. в Волго-Окском междуречье и области Прикамья происходили сложные процессы, определившие исторические судьбы многих племен. В силу своей географической близости они явились контактными зонами, где соприкасались различные племена и взаимодействовали сопредельные археологические культуры. Ассимиляция порождала в местной среде благоприятную обстановку и открывала широкие возможности для взаимопроникновения культурных элементов, создавая условия к появлению смешанных антропологических типов, общих материально-бытовых комплексов, предметов домашней утвари и орудий труда. Совершенно очевидно, что близость этнокультурных областей содержала в себе предпосылки культурного сближения населения, взаимного проникновения традиций и обычаев, нашедших свое выражение в погребальном обряде и в быте. В процессе изучения этой сложной, исключительно актуальной проблемы, как справедливо заметил А. П. Смирнов, «нужно отделить вещи, широко распространенные в данную эпоху и нехарактерные для какой-либо отдельной культуры»⁸.

Анализируя исследования этнографов и археологов (У. Харва, В. Н. Майнов, П. Д. Степанов и В. Н. Мартьянов), можно предположить, что скульптура и скульптурное изображение человека — явление более позднее. Найденные памятники деревянной скульптуры конца XVII — XVIII вв. на территории Мордовии, о которых упоминает автор книги «Деревянная скульптура мордвы» Н. И. Шibaков, являются, как назвал их автор, скульптурами церковных персонажей (Распятие, Иисус опечаленный, Дева Мария) и представляют собой «ремесленный реализм». Нельзя не согласиться с его утверждением, что в скульптурах появляется влияние, в нашем случае мордовской мифологии⁹. Церковь, приспособиваясь к местным условиям и учитывая факторы контаминации, шла на разрешение «идолов»¹⁰.

Особенности появления церковных скульптур являются католическим влиянием западной части России, в церковном убранстве (Белоруссии, Украины, Литвы) религиозные скульптурные композиции «Христос опечаленный», «Христос перед Пилатом» имели повсеместное распространение. Церковная скульптура не получила большого распространения, но она сохранилась на западе России в готических традициях и по сей день¹¹. Такие скульптурные памятники не только отражали церковные образы, но и имели много общего с народной скульптурой и ее символикой, так как, по всей вероятности, авторами являлись местные мастера. Возможно, в некоторых случаях с таким явлением, как скульптурное изображение человека, наряду с церковной скульптурой могли возникать и образы национального характера. В Пензенской губернии (с. Кардофлей Городищенского

уезда) мокшане на поминках молились перед портретами предков или перед фигурками, вырезанными из дерева и облаченными в одежду, которые олицетворяли предков¹².

Такая форма почитания предков выражена в современных скульптурных произведениях, в частности у мастера А. А. Жочкина (с. Ардатов Ардатовского района РМ). Своеобразие скульптурных форм, выполненных из отрезанного куска дерева (липа) в высоту от 30 до 70 см разного диаметра с обработанными очертаниями головы и обилием орнаментации, включает в себе не только художественный образ, но и глубокий символический смысл, отражающий образ предков. Это особенно выражено в лицевой части скульптуры, написанной в старых традициях иконописи. Мастер, не подозревая о глубокой связи отображения древних традиций почитания предков, воссоздает в них архаические образы давно ушедшей старины. Синкретический симбиоз иконописной школы старых мастеров и скульптурные силуэты стилизованной скульптуры органически переплетаются в общем контексте задуманного произведения. Обилие орнаментаций, выполненных контурной резьбой трехгранными выемками и разными вариантами геометрических узоров, сделанных, вероятно, на основе узорного оформления **паря** (свадебного сундука), относится к семантическому дополнению скульптуры. Явных признаков распространения таких скульптур-образов нет, это индивидуальная версия автора, которая является отголоском этнических верований. Малые и большие деревянные скульптурные формы, как наиболее ярко выполненные художественные изделия прикладного искусства, есть явление нашего времени, в них отразилась этническая символика в своей многогранности и многообразии внутреннего содержания. Однако в них прослеживаются древние связи. Скульптурные формы детских игрушек присутствуют в археологических находках X — XII вв. В Новгородских древностях некоторые скульптуры малой пластики имели необычную конструктивную форму. Их оригинальность была в том, что на длинной палочке до 6,5 см вырезана только верхняя лицевая часть — 2,5 см, а всю остальную часть занимает сама фигура¹³. Б. А. Колчин ссылается на арабские источники, в частности на Ибн-Фадлана, и по всем признакам, как утверждает автор, такие игрушки являлись образами домовых и относились к числу языческих богов. Он предполагает, что такие скульптуры с обработанным верхом могли быть детскими игрушками и дети могли их наряжать в разную одежду¹⁴.

Исследователь культуры славян В. М. Василенко выделяет основы зарождения преемственности и взаимообогащения народного искусства, в особенности он акцентирует свое внимание на тесных связях деревенского и городского сотрудничества. Среди ее истоков он традиционно отмечает хозяйственные потребности, трудовые процессы, зачатки зарождения художественных предметных форм, что позволяют выделить особый исторический процесс становления и развития декоративно-прикладного искусства в целом¹⁵.

В современных условиях бытовая и общественная потребность в изделиях самого разного назначения вызвала к жизни зарождение всевозможных ремесел, а вместе с ними и художественную обработку деревянных изделий. Феномен такого явления в народном искусстве, как деревянная резная игрушка, связывает прошлое с настоящим и уходит корнями в древние традиции. В настоящее время он активно

функционирует на территории проживания эрзи и мокши, имеет развитие и в городской среде, являясь дополнительным заработком для семьи. Сегодня такие игрушки не случайно трансформировались в сувенирные изделия — в них по-новому зазвучало образно-символическое содержание как новая форма народной художественной культуры.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Искусство каменного века : (Лесная зона Восточной Европы). М., 1992. С. 83.
- ² **Василенко В. М.** Русское народное искусство: содержание, стиль, развитие. М., 2011. С. 28.
- ³ См.: **Куликов К. И.** Связь времен или возрожденная древность. Ижевск ; Глазов, 2004. С. 8.
- ⁴ См.: **Юрченкова Н. Г.** Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002. С. 127.
- ⁵ См.: **Мокшин Н. Ф.** Религиозные верования мордвы. Саранск, 1998. С. 26 ; **Паллас П. С.** Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809. Ч. 1. С. 127.
- ⁶ **Шобаков Н. И.** Деревянная скульптура мордвы. Саранск, 1980. С. 26.
- ⁷ См.: Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 450.
- ⁸ **Смирнов А. П.** Об археологических культурах Среднего Поволжья // Совет. археология. 1968. № 2. С. 63.
- ⁹ См.: **Вагнер Г. К.** Скульптура Древней Руси. М., 1969. С. 37.
- ¹⁰ См.: **Шобаков Н. И.** Указ. соч. С. 18.
- ¹¹ См.: **Леонова А. К.** Деревянная скульптура Белоруссии // Дерево в архитектуре и скульптуре славян : сб. ст. М., 1987. 272 с.
- ¹² См.: **Narva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952. S. 81.
- ¹³ См.: **Колчин Б. А.** Новгородские древности. Резное дерево // Археология СССР : свод археол. источников. М., 1791. Вып. Е1-55. С. 33 — 35.
- ¹⁴ Там же. С. 18.
- ¹⁵ См.: **Василенко В. М.** Указ. соч. С. 30.

Поступила 09.07.2013 г.

УДК 392.1 (=512.111)

О. В. Егорова

O. V. Egorova

ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА В РОДИЛЬНО-КРЕСТИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЧУВАШЕЙ

NUMERICAL SYMBOLISM IN MATERNITY-BAPTISMAL RITUALISM OF THE CHUVASH PEOPLE

Ключевые слова: удвоение, парность, обряд, традиция.

В статье на основе анализа архивных, полевых источников и опубликованной литературы определяется символическое значение цифры «два» в родильно-крестильной обрядности чувашей.

Key words: doubling, pairing, rite, tradition.

The symbolic value of number “two” in the maternity-baptismal ritualism of the Chuvashs is determined in the article on basis of the analysis of archive, field sources and published literature.

Некоторые числа у чувашей имели особый символический смысл и были связаны с мифологическими представлениями о Вселенной. Цифра «два» — элемент числового кода, символизирующий парность, четность, удвоение и раздвоение, а также двойничество. В народных верованиях она получает противоречивую оценку: считается опасным и дьявольским числом, ассоциирующимся со смертью, но может иметь и положительное значение единения, удвоения блага и т. д.¹

В период беременности внешнее телесное изменение женщины обозначали разными словами (*сире пур, йывӑр сын, йывӑрӑй*). В основном все слова означали появление некоего груза в теле женщины и переводились как «тяжелая» или «с грузом». О первороженице говорили, что она стала двойкой (*иккеле, иккен*). Это означало, что в ней теперь не одна душа, а две, которые пока неотделимы друг от друга. По мнению чувашей, в здоровом теле ребенка должна быть только одна душа. Наличие нескольких душ являлось признаком нездоровья (*ача виç чон полнӑ*). Основными симптомами были: опухание живота, его волнообразное поднятие и опускание во время дыхания. Для изгнания лишних душ знахарь совершал обряд: ребенка окуривали дымом от бересты и прочих древесных трутовиков². Семантика ритуальных диалогов разнообразна. В основном они призваны были уберечь ребенка от воздействия нечистой силы, способствовали его долголетию и здоровью. У башкир этот обряд имел несколько вариантов. При лечении всегда приговаривали: «Две души убиваю, одну оставляю» или «Три души, откуда вошли, оттуда выйдите»³. Подобный обряд совершали и куединские удмурты⁴. Таким образом, при рождении ребенка душа, пребывающая в ином мире, снова переходила границу миров и вновь, пройдя превращения, трансформировалась в земного жителя. Так до бесконечности: смерть и рождение ребенка являлись границами пересечения двух миров — реального и воображаемого. Исключение составляли души брошенных детей, которые не могли пройти заданный круговорот своей жизни.

Два одинаковых предмета, двойные или сдвоенные предметы могли, по народным поверьям, принести несчастье и смерть. Чуваши считали, что до рождения ребенка не следует заранее готовить детские вещи, в том числе и колыбель, поскольку это предвещало смерть новорожденного. Особенно боялись нарушить это правило в ожидании первенца. Частично это можно объяснить верой в «двойников». При трудных родах в с. Микушкино Бугурусланского уезда повивальная бабка выходила из дома и громко звала будущего отца на помощь⁵. На самом деле это была имитация. Основным смысл традиционного набора превентивных родооблегчающих приемов заключался не только в мифологизации границ для переходных обрядов в целом, но и в лишении женщины всех культурно-социальных характеристик, превращении ее в лиминальное существо, освобождении продуцирующих сил, присущих природе. Эти действия, исходя из принципов имитативной магии, должны были вызвать аналогичную реакцию в теле роженицы, устанавливая параллель между телом и микрокосмосом жилища⁶. Женщина при родах становилась бессловесным пассивным телом, распадаясь на неживые детали окружающего мира: родовые пути = «путь, дорога, поход»; «влагалище, промежность» = «ворота»; околоплодный пузырь = «запорище» (запор, замок), что в сочетании с ее ненормативной внешностью являло образ порождающего хаоса⁷. Этнограф А. К. Байбурун утверждает, что символическая двойственность такого рода границ, как окна, двери, дымоходы и т. п., обусловлена тем, что они, подобно всем маргинальным объектам, принадлежали сразу двум мирам, а также призваны запирать и открывать границу в случае необходимости, т. е. быть одновременно запором и каналом связи между двумя мирами в зависимости от типа ритуала⁸.

Некоторые запреты были направлены на предотвращение рождения близнецов. В народных представлениях они являлись носителями одной судьбы, воплощением двойничества, связанного с отрицательной семантикой числа «два»⁹. Грядущее рождение двойни распознавали по следующим признакам: живот раздваивался; скатерть ложилась вдвое, когда накрывали стол; женщина съедала орех или подсолнух с двумя ядрышками. Боясь родить близнецов, чувашки остерегались грызть парные орехи, поэтому они служили игрушками для девочек. Их нанизывали на нить и носили как ожерелье. По чувашскому поверью, если колдунья напоит беременную водой, собранной после мытья ануса плодового домашнего животного (обычно кошка или свинья), приговаривая при этом, чтобы та рожала, как кошка или свинья, то в результате родится двойня или тройня¹⁰. Чуваши стыдились рождения двойни, особенно если дети были разного пола. Их обвиняли в инцесте, совершенном еще в чреве матери, а рождение тройни предвещало несчастье в доме. Появление двойни чувашки иногда объясняли тем, что женщина имела внебрачные связи (идея двойного отцовства). Про крестьянку из д. Самсоновка Самарской губернии, в первый раз родившую двойню, во второй — тройню, в третий — четверых детей, односельчане говорили, что она пила молоко свиньи, потому рожала детей в большом количестве, подобно свинье¹¹.

Проклиная девушку, чувашки желали ей не остаться бесплодной, а родить двойню, чтобы она не знала покоя. Предвестием несчастья считалось и появление двойни у некоторых домашних животных, например у лошадей и коров¹². Число

ожидаемых детей чуваша пытались определить по количеству морщин на лбу у рассердившегося мужа и количеству шишек и бородавок на грудях вокруг сосков у женщины¹³. По статистическим данным Чебоксарского уезда, за 1885 г. на 2 927 родов были зафиксированы 27 случаев двойни¹⁴. В Малокарачкинском приходе за 1899 — 1907 гг. родились 1 243 ребенка, из них 24 случая — двойни¹⁵. Чуваша отмечали, что женщина-близнец тоже будет рожать двойню¹⁶. Неестественное рождение близнецов вызывало поверье о том, что они сами и их родители опасны¹⁷. В основном близнецы были слабы с рождения. Так, в 1907 г. в Малокарачкинском приходе было зарегистрировано 8 случаев двойни, из них 5 умерли на первом году жизни¹⁸. Таким образом, в чувашской общине осуждалось рождение более чем одного ребенка, поэтому чуваша разными способами пытались предупредить рождение близнецов. Постепенно демографическая политика менялась. Эти запреты и приемы, потеряв практическую значимость, остались лишь в народной памяти.

Нередко чуваша совершали обряды на сохранение жизни близнецов. Так, в с. Альшеево Буинского района Республики Татарстан, чтобы никто из близнецов не умер, приглашали родственницу и шили рубашку за один день. Одевая ее на младенца, желали: «Кёпи сётелтёр, хай ёстер» («Пусть платье изнашивается, а ребенок вырастет»). Если один из близнецов умирал, ему в гроб клали куклу, чтобы другой ребенок был здоров [ПМА: Лашкова].

В ряде случаев повторение какого-либо действия применялось как способ нейтрализовать нежелательные последствия: при нечаянном столкновении головами, нужно было обязательно повторить (избежать ссоры); случайно наступив на ногу, необходимо обратно наступить (избежать смерти матери) и т. д. Отрицательное отношение к подобным действиям, лицам и ситуациям объясняется страхом перед всяким «удвоением», трактуемым в свете кардинальной оппозиции земного и загробного мира как опасная неопределенность, существование одновременно в обоих мирах, непризнание границы, разделяющей эти миры и гарантирующей их устойчивость¹⁹.

Опасными и принадлежащими к миру нечистой силы считались деревья с раздвоенными стволами или деревья, выросшие из одного корня. Однако, чтобы ребенок не умирал, в Спасском районе Республики Татарстан после крещения ребенка проносили через ветку растущего дерева. Ветку разделяли на две части и на месте раздвоения вбивали клин. Чтобы бесплодная женщина могла стать матерью, ее проводили между двумя ветвями дерева. Стюхинские чуваша дерево такого рода пересадили ближе к дороге, чтобы все, кто верили в его помощь, могли им воспользоваться. К сожалению, дерево на новом месте не прижилось, но женщины продолжали совершать обряд²⁰.

У чувашей была традиция с рождением ребенка сажать дерево. По их представлению, одновременно с рождением расцветают или сохнут деревья, посаженные в их честь. В с. Шатракасы Моргаушского района Чувашской Республики по случаю рождения девочки сажали березу, а мальчика — клен. Эти деревья не рекомендовалось рубить, иначе жизнь ребенка будет короткой. Есть мнение, что в день Троицы на листьях деревьев, посаженных на могиле умершего, можно увидеть отражение лица покойного [ПМА: Константинова]. Многие считали, что каждый мужчина должен посадить сосну для того, чтобы после его кончины из

нее сколотили гроб. Дуб не принято было сажать, так как это могло привести к смерти отца или того, кто посадил это дерево. Чуваши так же, как и многие народы, не сажали осину²¹. Например, в народных представлениях восточных и отчасти западных славян она рассматривалась «нечистым» и проклятым деревом, но в обрядах и магии использовалась как универсальный оберег. Филолог Т. А. Агапкина считает, что в редких случаях осина могла выступать в роли «двойника» человека, но с обратным знаком. Так, русские имели обычай при болезни ребенка сажать около дома молодую осину: если она погибала, то ребенок должен был выжить, и наоборот²².

Центральное место в родильно-магических действиях занимал и обряд захоронения плаценты. Он представлял собой сложную систему и имел вариации. В одной из них детский послед клали в лапти и прятали в конюшне под яслями. Лапти с плацентой в конюшню несли скрытно, считали, что если кто-либо увидит и перевернет лапоть, то ребенок может умереть и последующие дети также не будут жить²³. В другом случае повитуха складывала послед в лапоть, накрывала вторым лаптем и завязывала, приговаривая: «Пусть будет большим, как изба», бросала сверток на подволоку. Это делалось для того, чтобы в будущем ребенок оказался хорошим хозяином и был склонен ухаживать за лошадьми. Если ребенок был женского пола, то послед прятали на чердаке²⁴. Существовало и множество других вариантов: лапоть с последом ставили на загиб трубы печи на чердаке, на столб, забор, возле ограды, в стоге соломы, на чердаке дома или бани, закапывали в подполе около первого венца или возле красного угла. Саратовско-пензенские чуваши уточняли, что в послевоенное время лапти вышли из употребления и послед заворачивали в льняную тряпку или платок. У мордвы, если родители хотели в будущем появления сына, то послед в старом лапте зарывали под передним углом дома, если желали рождения дочери — то в чужом поле²⁵. У башкир послед уносили на задворки и закапывали пуповиной вверх, поглубже в землю, чтобы собаки не отыскали его и не тронули²⁶. Татары с. Трехбалтаево Буинского уезда высушенную плаценту зашивали в треугольный амулет и носили на груди²⁷. Д. К. Зеленин считал, что старая обувь, выполняя архаические функции, служила для перехода в «иной» мир²⁸. В старом лапте послед отправляли в мир мертвых, через него осуществлялась связь предков и живых людей. Старые лапти также ассоциировались с представлением о плодородии. По мнению А. К. Байбурина, в контексте родильного обряда совершался и похоронный: выход плаценты рассматривался как вторые роды, причем ребенок был предназначен для людей, а послед — иному миру; захоронение последа — это отправление его «назад». Совершался обряд по схеме погребального, т. е. послед обмывали, «одевали», снабжали продуктами и закапывали в том месте, где произошли роды. Далее А. К. Байбурин констатирует, что «захоронение необходимо для того, чтобы обеспечить новое рождение, сохранить отношения непрерывного обмена между предками и потомками, людьми и не людьми, жизнью и смертью»²⁹. Этот комплекс обрядов, прослеживаемый у чувашей, архаичен по своему характеру и связан с анимистическими представлениями о симпатической связи, якобы существующей между ребенком, последом и пуповиной. Захоронение «последа» — аналог «строительной жертвы»³⁰, которая влияла не только

на состоявшийся акт рождения, но и на будущий период жизни, на «жизненность» самого новорожденного. Вместе с выходом последа «умирала» и беременная женщина, давая жизнь матери и ребенку. Подобный процесс женщина могла пережить неоднократно. Плацента воспринималась как двойник матери и ребенка. Плаценту чаще всего хоронили на территории дома и это закрепляло включение ребенка в его культурное пространство.

По внешним приметам ребенка могли определить его будущую судьбу. Если на голове ребенка две макушки, то женится дважды. Задержку речи могли объяснить тем, что в свое время были нарушены соответствующие предписания или запреты: до года нельзя при стирке выворачивать вещи и показывать ребенку зеркало. В связи с нарушением речи предпринимались следующие обрядовые действия: съедание птички, сделанной из теста¹, обращение трижды к ласточке с просьбой дать ребенку речь: «Пусть ласточка принесет язык» или «Ласточка, ласточка, ласточка, моему ребенку дай свою речь». Хваля лепечущего ребенка, произносили: «Говорит, будто язычком ласточек»². Для «освобождения» языка давали что-нибудь поесть или выпить, эта еда или питье должны были отличаться от повседневных. А. К. Байбурин отмечает, «что слову приписывалась двойственная природа. С одной стороны, слово слышится, оно звучит и проявляет себя именно в звуках. С другой стороны, оно рождается во рту, с помощью языка и уже поэтому соотносится с едой. Обретение дара речи может произойти как через уши, так и через рот. Отсюда, вероятно, и двойная стратегия в тех случаях, когда ребенок долго не говорил. Ему можно помочь либо особым звуком (колокольным звоном), либо особой пищей»³.

Если в семье умирали дети, новорожденному чуваша давали два имени или дважды крестили его. С укреплением позиций христианства в чувашской среде народные традиции трансформируются, именем ребенка нарекают в церкви при крещении. Тем не менее для введения в заблуждение злых духов чуваша продолжают давать вторые охранные имена. Носители таких имен имеют и настоящие, но ими не пользуются, держат их в тайне до совершеннолетия. Считается, что таким образом можно запутать духа, приходящего за душой младенца.

Таким образом, цифра «два», с одной стороны, считается дьявольским и опасным числом, с другой — символизирует парность и удвоение благ. Чуваша считали, что два одинаковых предмета, двойные или сдвоенные предметы приносят несчастье и смерть, при этом многие обряды с их участием служат орудием против злых сил. Нередко повторение какого-либо действия применялось как способ нейтрализации от нежелательных последствий.

Библиографические ссылки

¹ См.: Агапкина Т. А., Виноградова Л. Н. Два // Славянские древности : этнолингвист. слов : в 5 т. М., 1999. Т. 2. С. 21.

² См.: Месарош Д. Памятники старой чувашской веры. Чебоксары, 2000. С. 300.

³ Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ф. Ф. Семейный быт башкир XIX — XX вв. М., 1991. С. 112.

⁴ См.: Черных А. В. Обряды и поверья, связанные с рождением ребенка у куединских удмуртов // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. С. 291 — 296.

- ⁵ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 182. Л. 187.
- ⁶ См.: **Власкина Т. Ю.** Мифологический текст родин // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001. С. 67 — 68.
- ⁷ Там же. С. 68.
- ⁸ См.: **Байбурин А. К.** Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография : Проблемы реконструкции фактов традиц. культуры. СПб., 1990. С. 11.
- ⁹ См.: **Толстой Н. И.** Близнецы // Славянские древности. М., 1995. Т. 1. С. 191.
- ¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 159. Инв. № 4731. С. 394 — 395.
- ¹¹ См.: **Егорова О. В.** Традиционная родильная обрядность чувашей Волго-Камья. Чебоксары, 2010. С. 52.
- ¹² НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 572. Инв. № 3656. Л. 16.
- ¹³ См.: **Магницкий В. К.** Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде : этногр. сб. Казань, 1888. С. 9.
- ¹⁴ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 607. Л. 6.
- ¹⁵ Там же. Ф. 557. Оп. 4. Д. 52. Л. 418 об. ; Д. 55. Л. 235 об. ; Д. 56. Л. 192, 288, 354 об.
- ¹⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 177. Л. 434.
- ¹⁷ См.: **Денисова Н. П.** Человек в традиционных религиозно-мифических представлениях чувашей // Вопросы традиционной духовной культуры чувашей. Чебоксары, 1989. С. 52.
- ¹⁸ ГИА ЧР. Ф. 557. Оп. 4. Д. 56. Л. 299 об., 305 об., 307 об., 323 об., 354 об., 360 об., 362 об., 368 об.
- ¹⁹ См.: **Агапкина Т. А., Виноградова Л. Н.** Указ. соч. С. 22.
- ²⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 243. Инв. № 5862. Л. 19 — 20.
- ²¹ См.: **Сурский И. Г.** Чуваши / ПФА РАН. Фонд 800. Оп. 6. Ед. хр. 449. Л. 2.
- ²² См.: **Агапкина Т. А.** Осина // Славянские древности. М., 2004. Т. 3. С. 570.
- ²³ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 31. Инв. № 3076. Л. 4.
- ²⁴ Там же. Т. 174. Л. 111.
- ²⁵ См.: **Корнишина Г. А.** Традиционные обряды детского цикла у мордвы // Родины, дети, повитухи... С. 79 — 92.
- ²⁶ См.: **Руденко С. И.** Башкиры : историко-этногр. очерки. Уфа, 2006. С. 227.
- ²⁷ См.: **Егорова О. В.** Традиционная родильная обрядность... С. 87.
- ²⁸ См.: **Зеленин Д. К.** Русские народные обряды со старой обувью // **Зеленин Д. К.** Избранные труды : ст. по духов. культуре. 1901 — 1913. М., 1994. С. 223 — 224.
- ²⁹ **Байбурин А. К.** Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 42 — 43.
- ³⁰ См.: **Головин В. В.** Организация пространства новорожденного // Родины, дети, повитухи... С. 33 — 36.
- ³¹ См.: **Егорова О. В.** Физическое развитие ребенка и охрана здоровья детей в традиционной культуре чувашей Волго-Уралья. Чебоксары, 2010. С. 26.
- ³² **Месарош Д.** Указ. соч. С. 91.
- ³³ **Байбурин А. К.** Заметки к теме «Слово и тело» // Тело в русской культуре. М., 2005. С. 102.

Полевой материал автора

Константинова Евдокия Архиповна, 1929 года рождения, с. Шатракасы Моргаушского района Чувашской Республики, запись 2006 г.

Лашкова Инна Игнатьевна, 1929 года рождения, с. Альшеево Буинского района Республики Татарстан, запись 2008 г.

Поступила 01.07.2013 г.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'367.626.1 = 511.152.2.

И. Я. Жебраткина

I. Ya. Zhebratkina

МОРФОЛОГИЯ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕННИЙ В ГЛУШКОВСКОМ ГОВОРЕ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА

MORPHOLOGY OF PERSONAL PRONOUNS IN GLUSHKOVSKY DIALECT OF THE MOKSHA LANGUAGE

Ключевые слова: мокшанский язык, говор, местоимение, морфология, парадигма.

В статье рассматриваются морфологические особенности личных местоимений в глушковском говоре мокшанского языка, позволяющие определить их парадигматические возможности.

Key words: the Moksha language, dialect, pronoun, morphology, paradigm.

The morphological features of personal pronouns in glushkovsky dialect of the Moksha language, which make it possible to determine their paradigmatic possibilities, are considered in the article.

Говор с. Глушкова впервые упоминается в работе А. П. Феоктистова¹, где он по фонетическим признакам был включен в состав юго-восточного (традиционно: инсарского) диалекта. Согласно диалектной классификации Г. С. Ивановой, рассматриваемый говор относится к говорам икающего типа², в котором произошло сужение исторических гласных *д > е, *е > і. Особенности личных местоимений в вышеназванном говоре до сих пор не рассматривались.

В глушковском говоре мокшанского языка местоимения подразделяются на две группы: личные и неличные. Разряд личных местоимений представлен собственно-личными (**mon** «я», **ton** «ты», **son** «он», **min'** «мы», **t'in'** «вы», **s'in'** «они»), усилительно-личными (**momon'c'** «я сам», **todon'c'** «ты сам», **sozon'c'** «он сам», **mimin'c'** «мы сами», **t'id'in'c'** «вы сами», **s'iz'in'c'** «они сами»), счетно-личными (**skamən** «я один», **skamət** «ты один», **skaməndza** «он один», **skamənək** «мы одни», **skamənənt** «вы одни», **skaməst** «они одни»), взаимно-личным (**fke-fken'** «друг друга»), послеложными местоимениями (**ftalə-n** «за мной», **laŋsə-t** «на тебе», **alə-ndza** «под ним», **iŋəl'ə-nək** «перед нами» и др.).

Парадигма собственно-личных местоимений состоит из восьми падежей. В косвенных падежах, за исключением генитива, к основе местоимения присоединяются лично-притяжательные суффиксы (табл. 1).

Таблица 1

Падеж	Склонение собственно-личных местоимений					
	1 лицо		2 лицо		3 лицо	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
Номинатив	mon 'əx	min 'əmy	ton 'əty	t'in 'əvy	son 'əon	s'in 'əoni
Генитив	mon 'mon'n'e	min 'min'n'e	ton 'ton'n'e	t'in 't'in'n'e	son 'son'n'e	s'in 's'in'n'e
Датив	mon 'd'i-n'e	min 'd'i-n'ək	ton 'd'i-t'	t'in 'd'i-jə-n't'	son 'd'i-jə-ndza	s'in 'd'i-jə-st
Аблатив	mon 'd'də-n	min 'd'də-nək	ton 'd'də-t	t'in 'd'də-nənt	son 'd'də-ndza	s'in 'd'də-st
Инессив	mon 'cə-n	min 'cə-nək	ton 'cə-t	tin 'cə-nənt	son 'cə-ndza	sin 'cə-st
Элатив	mon 'ctə-n	min 'ctə-nək	ton 'ctə-t	tin 'ctə-nənt	son 'ctə-ndza	sin 'ctə-st
Латив	—	—	—	—	—	—
Иллатив	—	—	—	—	—	—
Пролатив	—	—	—	—	—	—
Компаратив	mon 'čka-n	min 'čka-nək	ton 'čka-t	tin 'čka-nət	son 'čka-ndza	sin 'čka-st
Абессив	mon 't'femə-n	min 't'femə-nək	ton 't'femə-t	t'in 't'femə-nənt	son 't'femə-ndza	s'in 't'femə-st

Значения остальных падежей передаются формой генитива данного местоимения с прибавлением соответствующего послелога, осложненного посессивными аффиксами: **ton' izət** «в тебя» (иллатив), **mon' izgan** «по мне» (пролатив), **min iksənək** «из-за них», **t'in' iksənənt** «из-за вас» (каузатив).

К собственно-личным местоимениям в номинативе может присоединяться усилительная частица: по закону сингармонизма к основе на гласный заднего ряда и веллярный консонант — **-ga (monga** «и я», **tonga** «и ты», **songa** «и он»), а к основе на гласный переднего ряда и палатальный консонант — **-ge (min'ge** «и мы», **t'in'ge** «и вы», **s'in'ge** «и они»); в форме генитива все шесть местоимений приобретают частицу **-ge (mon'ge** «и меня», **ton'ge** «и тебя», **son'ge** «и его»; **min'ge** «и нас», **t'in'ge** «и вас», **s'in'ge** «и их»).

В глушковском говоре усилительно-личные местоимения образуются по следующей схеме: личное местоимение (**мон, тон, сон, мин', т'ин', с'ин'**) + личное местоимение (**мон, тон, сон, мин', т'ин', с'ин'**) + усилительный суффикс — **-c'**, который, присоединяясь к веллярному консонанту корневой морфемы, в результате контактной регрессивной ассимиляции палатализует его: **momon'c' → mo(n) + mon + c'** «я сам», **todon'c' → to(n) + ton + c'** «ты сам», **sozon'c' → so(n) + son + c'** «он сам», **mimin'c' → mi(n') + min' + c'** «мы сами», **t'id'in'c' → t'i(n') + t'in' + c'** «вы сами», **s'iz'in'c' → s'i(n') + s'in' + c'** «они сами». Усилительно-личные местоимения имеют формы только трех падежей: номинатива, генитива и датива (табл. 2).

К основам усилительно-личных местоимений иногда присоединяется усилительная частица, например: **momon'c'ke** «и я сам», **todon'c'ke** «и ты сам», **sozon'c'ke** «и он сам», **mimin'c'ke** «и мы сами», **t'id'in'c'ke** «и вы сами», **s'iz'in'c'ke** «и они сами». В рассматриваемом говоре при

Таблица 2

Склонение усилительно-личных местоимений

Падеж	1 лицо		2 лицо		3 лицо	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
Номинатив	топон'с' «я сам»	т'имин'с' «мы сами»	тодон'с' «ты сам»	т'ид'ин'с' «вы сами»	sozon'c' «он сам»	s'iz'in'c' «они сами»
Генитив	топон'с' «еп' «меня самого»	т'имин'с' «еп' «нас самих»	тодон'с' «еп' «тебя самого»	т'ид'ин'с' «еп' «вас самих»	sozon'c' «еп' «его самого»	s'iz'in'c' «еп' «их самих»
Датив	топон'с't'in'e «ко мне самому»	т'имин'с't'in'æk «к нам самим»	тодон'с't'it' «к тебе самому»	т'ид'ин'с't'ijep't' «к вам самим»	sozon'c't'ijendza «к нему самому»	s'iz'in'c't'ijest «к ним самим»

словоизменении она выступает в четырех вариантах — **-ke**, **-ka**, **-ge**, **-(n)ga**. Вариант **-ke** выступает после палатального глухого согласного (**todon'c't'it'ke** «даже к тебе самому»), **t'id'in'c't'ijep't'ke** «даже к вам самим» — датив); **-ka** — после велярного глухого согласного (**s'iz'in'c't'ijestka** «даже к ним самим» — датив); **-ge** появляется в результате прогрессивной ассимиляции со стороны палатального сонорного согласного (**momon'c'en'ge** «даже меня самого», **todon'c'en'ge** «даже тебя самого», **sozon'c'en'ge** «даже его самого» и т. д. — генитив); **momon'c't'ijep'ge** «даже ко мне самому» — датив и т. д.); **-(n)ga** присоединяется после гласного не переднего ряда и велярного сонорного согласного (**sozon'c't'ijendzenga** «даже к нему самому» — датив).

Счетно-личные местоимения представляют собой группу слов с собирательно-ограничительным значением: **skamən** «я один», **skamət** «ты один», **skaməndza** «он один», **skamənək** «мы одни», **skamənənt** «вы одни», **skaməst** «они одни». Они идут с посессивными суффиксами и употребляются только в номинативе³. Другая группа слов обозначает количество лиц или предметов в их совокупности, они образуются от количественных числительных при помощи собирательного суффикса **-n'ə** и лично-притяжательных суффиксов, например: **kolmən'ək** «мы троим», **vit'en'əst** «они впятером» и т. д. Иногда к основе числительного прибавляется деминутивный суффикс **-ne**, например: **kotən'en'əst** «они вшестером», **viḡsən'en'əst** «они вдевяти». Все аффиксы присоединяются в строго определенной последовательности: **kolmən'en'ək** «мы троим» → **kolmə-** (основа числительного **kolma** «три») + **-n'e** (деминутивный суффикс) + **-n'ə** (суффикс собирательности) + **-k** (посессивный суффикс); **viḡsən'en'əst** → **viḡsə-** (основа числительного **viḡsa** «девять») + **-n'e** (деминутивный суффикс) + **-n'ə** (суффикс собирательности) + **-st** (посессивный суффикс).

В глушковском говоре разряд взаимно-личных местоимений представлен местоимением **fke-fken'** «друг друга», которое означает, что в действии одновременно участвуют два лица или предмета⁴. Оно образовано путем повтора количественного числительного **fke** «один». Местоимение **fke-fken'** изменяется по восьми падежам неопределенного

склонения — генитива, датива, аблатива, инессива, элатива, иллатива, абессива, каузатива (формы номинатива данное местоимение не имеет). Причем словоизменяемые суффиксы приобретает только второй компонент (табл. 3).

Таблица 3

Склонение взаимно-личного местоимения *fke-fken'*

Падеж	Словоформа
Номинатив	—
Генитив	<i>fke-fken'</i> «друг друга»
Датив	<i>fke-fken'd'i</i> «друг другу»
Аблатив	<i>fke-fkada</i> «друг от друга»
Инессив	<i>fke-fkasa</i> «друг в друге»
Элатив	<i>fke-fkasta</i> «друг у друга»
Иллатив	<i>fke-fkas</i> «друг в друга»
Абессив	<i>fke-fkaftəma</i> «друг без друга»
Каузатив	<i>fke-fkaŋksa/fke-fken'ijksa</i> «друг за друга»

Выступая в роли сказуемого, личные местоимения (за исключением взаимно-личного местоимения *fke-fken'*) приобретают сказуемостные (глагольные) суффиксы, которые, кроме времени, выражают лицо и число субъектов на момент совершения действия.

В говоре более последовательно это явление проявляется в разряде счетно-личных местоимений: настоящее время — *skamənan* «я есть (нахожусь) один», *skamətət* «ты есть (находишься) один», *skaməndza* «он есть (находится) один», *skamənektama* «мы есть (находимся) одни», *skamənenttada* «вы есть (находитесь) одни», *skaməst* «они есть (находятся) одни»; прошедшее время — *skamənəl'en'* «я был один», *skamətəl'ət'* «ты был один», *skaməndzəl'* «он был один», *skamənektəl'əme* «мы были одни», *skamənenttəl'əd'e* «вы были одни», *skaməstəl't'* «они были одни». К усилительно-личным и к собственно-личным местоимениям присоединяются сказуемостные суффиксы 1-го и 2-го лица единственного числа настоящего времени и всех трех лиц единственного и множественного числа прошедшего времени (табл. 4).

В глушковском говоре широко употребляются послеложные местоимения, выступающие в значении личных местоимений. Это самый многочисленный разряд местоимений. Они образованы от послелогов путем присоединения к ним посессивных суффиксов, которым предшествуют застывшие падежные форманты: от послелога *ala* «под» (находиться где?) — *alə-n* «подо мной», *alə-t* «под тобой», *alə-ndza* «под ним», *alə-nək* «под нами», *alə-nənt* «под вами», *alə-st* «под ними»; от послелога *alda* «из-под» (откуда?) — *aldə-n* «из-под меня», *aldə-t* «из-под тебя», *aldə-ndza* «из-под него», *aldə-nək* «из-под нас», *aldə-nənt* «из-под вас», *aldə-st* «из-под них»; от послелога *alga* «под» (передвигаться 'под чем? где?) — *alga-n* «подо мной», *alga-t* «под тобой», *alga-ndza* «под ним», *alga-nək* «под нами», *alga-nənt* «под вами», *alga-st* «под ними»; от послелога *vakska* «около» (по какому месту? где?) — *vakska-n* «около меня», *vakska-t* «около тебя», *vakska-ndza* «около него»; от послелога *ftala* «за» (где?) — *ftalə-n* «за мной», *ftalə-t* «за тобой», *ftalə-ndza* «за ним», *ftalə-nək* «за нами», *ftalə-nənt* «за вами»,

Таблица 4

Сказуемое изменение усилительно-личных и собственно-личных местоимений

Усилительно-личные местоимения	
Настоящее время	Прошедшее время
momon'c'ap «я есть сам»	momon'c'əl'ən' «я был сам»
todon'c'at «ты есть сам»	todon'c'əl'ət' «ты был сам»
sozon'c' «он есть сам»	sozon'c'əl' «он был сам»
mimin'c' «мы есть сами»	mimin'c'əl'əme «мы были сами»
t'id'in'c' «вы есть сами»	t'id'in'c'əl'əd'e «вы были сами»
s'iz'in'c' «они есть сами»	s'iz'in'c'əl't' «они были сами»
Собственно-личные местоимения	
Настоящее время	Прошедшее время
mon-ap «я есть»	monəl'ən' «это был я»
tonat «ты есть»	tonəl'ət' «это был ты»
son «он есть»	sonəl' «это был он»
min' «мы есть»	min'əl'əme «это были мы»
t'in' «вы есть»	t'in'əl'əd'e «это были вы»
s'in' «они есть»	s'in'əl't' «это были они»

ftalə-st «за ними» и др. Часто наряду с послеложными местоимениями используются и собственно-личные местоимения в генитиве, которые тавтологизируют значение лично-притяжательного суффикса, например: **min' alənek** «(нами) под нами», **t'in' ftalənt** «(вами) за вами» и т. д.

Таким образом, в глушковском говоре мокшанского языка личные местоимения подразделяются на пять разрядов. Словоизменительная парадигматика более полно представлена у собственно-личных местоимений. Часто личные местоимения приобретают сказуемые суффиксы. Агглютинация падежных, possessивных и усилительных формантов осуществляется в строго определенной последовательности с соблюдением закона сингармонизма.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Феоктистов А. П.** Мокшанские диалекты // Н. Raasonens Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1990. Bd. 1. S. 83.

² См.: **Иванова Г. С.** Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении. Саранск, 2006. С. 27.

³ См.: Грамматика мордовских языков / под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск, 1980. С. 112.

⁴ См.: **Иванова Г. С.** Указ. соч. С. 117.

Поступила 23.05.2013 г.

УДК 81'282=511.152.1

Н. А. Агафонова

N. A. Agafonova

**ПАДЕЖНЫЕ ФОРМЫ ИМЕН И ИХ ПРОНОМИНАЛИЗАЦИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЭРЗЯНСКИХ ДИАЛЕКТОВ
ЗАВОЛЖЬЯ И ЮЖНОГО УРАЛА)***

**CASE FORMS OF NAMES AND THEIR PRONOMINALIZATION
(ON BASIS OF ERZYA DIALECTS OF THE TRANSVOLGA
REGION AND THE SOUTHERN URALS)***

Ключевые слова: падежная форма имени, лексикализация, прономинализация, эрзянский диалект, полисемантическая конечного дейктического суффикса.

В статье рассматриваются падежные формы имен, которые подвергаются лексикализации. В образованиях такого типа лексем превалирует сема указательной анафоры, которая реализуется через конечный дейкисный суффикс. Этот суффикс полифункционален, где роль деривационной семы сильнее семы детерминативности.

Key words: case form of the name, lexicalization, pronominalization, Erzya dialect, polysemantics of final deictic suffix.

The article considers the case forms of names, which are subject to lexicalization. The seme of demonstrative anaphora, realized by means of a final deictic suffix, prevails in formations of this type of lexemes. This suffix is polyfunctional, where the role of derivative seme is stronger than the seme of determination.

Части речи отражают концептуальную картину мира, все элементы которого диалектически взаимосвязаны и взаимообусловлены. Академик В. В. Виноградов писал: «В живом языке... нет идеальной системы с однообразными, резкими и глубокими гранями между разными типами слов. Грамматические факты двигаются и переходят из одной категории в другую, нередко разными сторонами своими примыкая к разным категориям»¹. Пронаминализация представляет собой очень сложный и не до конца изученный механизм частеречной транспозиции словоформ. Так, А. М. Пешковский, исследуя разные типы перехода слов в системе частей речи, писал: «Процесс этот вечен в языке, и в тех случаях, когда процесс для данного слова закончен, когда оно перешло в новую категорию, мы, конечно, никакой „переходности“ не видим. Но когда переход совершается на наших глазах, когда данный процесс перехода серединой занял как раз переживаемую нами эпоху, тогда мы останавливаемся в недоумении над словом и не знаем, к какой части речи его отнести»². Что касается «категории местоименности», то она, по-мнению А. М. Пешковского, в настоящий момент не имеет четко очерченных границ: «...в языке постоянно происходят переходы отдельных слов из местоименных в неместоименные и обратно... Всегда между той и другой

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Диалектологический атлас мордовских языков (лексика)» № 11-04-00485а.

областью имеется обширная область промежуточных слов, в которой живут „кандидаты“ на ту или другую „должность“»³.

Типологической особенностью мордовских языков является возможность падежных форм имен иметь парадигмы склонений и спряжений. Суть этой специфики состоит в том, что это явление происходит при эллипсисе существительного. Однако, это видимый, или неполный, эллипсис, так как пропущенные слова замещаются в падежных словоформах суффиксами **-s'**, **-t'**, **-s't'/-n't'** и **-(t')n'e**, выступающими со значением дейктического местоимения «тот, который из них», «те, которые из них». В мордовских языках это своеобразное языковое явление разрабатывалось многими учеными-лингвистами. Однако данный вопрос остается актуальным и по сегодняшний день, потому что он решался на ограниченном материале, при этом не учитывался диалектный и фольклорный материал. Одни лингвисты явления такого типа в мордовских языках называют «вторичным склонением»⁴, другие — «частной разновидностью указательного склонения»⁵, третьи — «склонением определенных имен, образованных от падежных форм: местного, превратительного, сравнительного и изменением по суффиксам сказуемости»⁶, четвертые — «временной лексикализацией»⁷.

В образованиях такого типа лексем превалирует сема указательной анафоры, которая реализуется через конечный дейкисный суффикс. Общим для всех разрядов этих словоформ является то, что они представляют собой особые сложные по структуре и по семантике лексико-грамматические единицы. Сложность этих словоформ в том, что в одной и той же словоформе наличествуют два ведущих морфологических ядра и, следовательно, две семантемы. Так, например, слово **kudosos'** «тот, который из них дома» по своей структуре состоит из трех морфем: 1) **kudo** — корневая морфема, 2) **-so-** — суффикс инессива, служебная морфема и 3) **-ś** — служебная морфема, выражающая идею дейктического (указательного) местоимения. Однако это морфемное членение слова. С точки зрения критерия словообразования лексема **kudosos'** только бинарна: производящая основа **kudoso-** (форма инессива) и деривационная морфема **-ś**, т. е. новая лексема образована при помощи суффикса **-ś** не от основы номинатива **kudo** «дом», а от формы инессива **kudoso-** «в доме». В словах такого типа суффикс **-ś** представляет собой второе семантическое ядро, т. е. оно функционально замещает корневую или лексическую морфему. Относительная самостоятельность его в составе слова определяется его значением «тот, который из них», т. е. дейкисной, или выделительно-указательной, функцией. Данный дейктический суффикс синкретичен. Это же подтверждают лексемы разных частей речи с производящими основами косвенных падежей. Суффиксы могут выражать какие-либо значения только в единстве и в связи с производящими основами. Словообразовательный тип суффиксального словообразования — это формально-семантическая схема построения слов, абстрагированная от конкретных лексических единиц, характеризующаяся общностью суффикса, отличающего производные слова от производящих основ.

Лексикализованные падежные формы имеют свою парадигму склонения и изменяются по всем падежам в единственном и множественном числе с суффиксами, которые восходят к дейктическим местоимениям. Иногда эти словоформы содержат в своем составе и посессивные суффиксы, например: **kudosomós** (**kudo**

'дом' + **-so-** (суффикс инессива: 'в доме') + **-m-** (посессивный суффикс 1-го лица единственного числа: 'мой') + **-o-** (интерфикс) + **-s'** (дейктический суффикс, восходящий к указательному местоимению **s'e** 'тот')) 'Тот из моих, который дома (или в доме)'; **kozejkaftimitis** (**koz'ejka-**'жена' + **-ftimi-** (суффикс абессива: 'без жены') + **-t-** (посессивный суффикс 2-го лица единственного числа: 'твой') + **-i-** (интерфикс) + **-s'** (дейктический суффикс, восходящий к указательному местоимению **s'e** 'тот')) 'Тот из твоих, который без жены'; **bañaksinzit'niñ** (**ban'a-** 'баня' + **-ks-** (суффикс транслатива: для 'бани') + **-i-** (интерфикс) + **-nzi-** (посессивный суффикс 3-го лица единственного числа: 'его') + **-t'** (суффикс множественного числа) + **-n'i-** (дейктический суффикс, восходящий к указательному местоимению множественного числа **n'e** 'эти') + **-n'** (суффикс аккузатива)) 'Эти, которые из них (предназначены или приготовлены) для его бани'. В этих словоформах посессивные суффиксы, как и падежные, входят в производящую основу слова. Дейктический суффикс полифункционален: с одной стороны, он детерминативный и выступает в роли определенного артикля, с другой — он деривационный. Роль деривационной семы сильнее семы детерминативности, происходит прономинализация этой падежной формы.

Наш диалектный материал располагает лексикализованными падежными формами, в которых основой образования новых лексем является тот же самый падеж. Такие формы в эрзянском и мокшанском литературных языках не рассматриваются, например, основой образования служит падежная форма инессива: *kodama orčamisa tujat? še plat'ijasisit' il'i tonasisit'* (**plat'ijasisit'**: **plat'ija-** 'платье' + **-si-** (суффикс инессива, входящий в основу слова новообразования) + **-si-** (падежный суффикс инессива) + **-t'** (полифункциональный дейктический суффикс ед. ч., восходящий к указательному местоимению **t'e** 'этот')); (**tonasisit'**: **tona-** 'тот' + **-si-** (суффикс инессива, входящий в основу слова новообразования) + **-si-** (падежный суффикс инессива) + **-t'** (полифункциональный дейктический суффикс, восходящий к указательному местоимению **t'e** 'этот')) 'В каком наряде пойдешь, в том из этих платьев или в том другом'; *konañ lanks vanat — jupk'sisit'* или **ponksk'eñesisit'** (**jupk'in'isisit'**: **jupk(a)-** 'юбка' + **-i-** (интерфикс) + **-n'i-** (деминутивный суффикс) + **-si-** (суффикс инессива, входящий в основу слова новообразования) + **-si-** (падежный суффикс инессива) + **-t'** (полифункциональный дейктический суффикс ед. ч., восходящий к указательному местоимению **t'e** 'этот')); **ponksk'en'esisit'**: **ponks(t)-** 'брюки' + **-k'e-** (деминутивный суффикс) + **-n'e-** (деминутивный суффикс) + **si-** (суффикс инессива, входящий в основу слова новообразования) + **-si-** (суффикс инессива) + **-t'** (полифункциональный дейктический суффикс ед. ч., восходящий к указательному местоимению **t'e** 'этот')) 'На которую ты смотришь, на ту из них, которая в юбке, или, на ту из них, которая в брюках'. В этих лексемах первый суффикс инессива входит в основу слова **plat'ijasi-**; **tonasi-**, **jupk'in'isi-**, **ponksk'en'esi-**, а второй суффикс инессива — это падежный суффикс.

В анализируемых диалектах лексикализация падежных форм возможна и без дейктического суффикса, сравните: *toñe medal', a moñe aras, medal'temeñe peñčiješak v'isk'iñe* (**m'edal't'em'en'e:** **m'edal'-** 'медаль' + **-t'em'e-** (суффикс абессива) + **-n'e** (усеченный суффикс датива)) 'Тебе медаль, а мне нет, тем, у кого нет медали, и пенсия меньше'; *mifd'eft'emeñe vel'ese p'ek staka*

(**m'ir'd'eft'em'en'e: m'ir'd'e-** 'муж' + **-ft'em'e-** (суффикс абессива) + **-n'e** (усеченный суффикс датива)) 'Тем, которые без мужа, в селе очень тяжело'.

Процесс лексикализации падежных форм распространяется и на другие части речи, например:

— прилагательное: *kona k'ivańt' tutam — vala ŋavańt'(valan'avan't': valan'a-* 'гладкий' + **-va-** (суффикс пролатива) + **-n't'** (морфема определенности, состоящая из двух элементов: **-n'** — суффикс генитива (здесь: асемантический морф или строительная прокладка) и **-t'** — полифункциональный дейктический суффикс единственного числа, восходящий к указательному местоимению **t'e** 'этот')) 'По какой дороге поедет? — По той из них, которая гладкая'; *kona kutsit' udid'e — tašisit'(tašisit': tašti-* 'старый' + **-si-** (суффикс инессива) + **-t'** (полифункциональный дейктический суффикс единственного числа, восходящий к указательному местоимению **t'e** 'этот')) 'В каком доме ночевали? — В том из них, который старый?';

— числительное: *ombocesteńt'ak ejińek vasta sonde (omboc'esten't'ak: omboc'e-* 'второй' + **-ste-** (суффикс элатива) + **-n't'** (морфема определенности, состоящая из двух элементов: суффикс генитива (здесь: асемантический морф или строительная прокладка) и **-t'** — полифункциональный дейктический суффикс единственного числа, восходящий к указательному местоимению **t'e** 'этот') + **-ak** (эмфатическая частица)) 'И с того, который из них второй (с автобуса. — *H. A.*), мы не встретили его'; *sin' kavon'est školav jakit', kotoc'eses' par's't'e tonavt'n'i' (kotoc'eses': kotoc'e-* 'шестой' + **-se-** (суффикс инессива) + **-s'** (полифункциональный дейктический суффикс единственного числа, восходящий к указательному местоимению **s'e** 'тот')) 'Они оба ходят в школу, тот из них, который в шестом, хорошо учится';

— местоимение: *is'tatneń prošt'it' (is't'atnen': is't'a(mo)-* 'такой' + **-t-** (суффикс множественного числа) + **-ne-** (полифункциональный дейктический суффикс, восходящий к указательному местоимению множественного числа **n'e** 'эти') + **-n'** (суффикс аккузатива-генитива)) 'Тех, которые из них такие, ты их прости'; *mońet' ħeńe ħemeze maksmons (mon'et'n'en'e: mo(n)-* 'я' + **-n'** (суффикс генитива) + **-e-** (интерфикс) + **-t'** (суффикс множественного числа) + **-n'e-** (полифункциональный дейктический суффикс множественного числа, восходящий к указательному местоимению **n'e** 'эти') + **-n'e** (усеченная форма датива)) 'Тем, которые из них мои, нечего дать'; *takodamosonzot' vešit' mil'icijasta (takodamosonzot': takodamo-* 'какой-то' + **-so-** (суффикс инессива) + **-nzo-** (посессивный суффикс 3-го лица единственного числа) + **-t'** (полифункциональный дейктический суффикс единственного числа, восходящий к указательному местоимению **t'e** 'этот')) 'Ту, которая из них какая-то его, ищут с милиции';

— причастие: *morica'automot'n'ede baška v'es'e scena lanksol't' (morica-* 'поющий' + **-vtomo-** (суффикс абессива) + **-t'** (суффикс множественного числа) + **-n'e-** (полифункциональный дейктический суффикс множественного числа, восходящий к указательному местоимению **n'e(t')** 'эти') + **-de** (суффикс аблатива)) 'Кроме тех, которые из них не поющие, все были на сцене'; *kulica'at'n'ed'e b'er'an'ste a kor't'n'it' (kulica'at'n'ed'e: kulica-* 'умерший' + **-t'** (суффикс множественного числа) + **-n'e-** (полисемантический дейктический суффикс множественного числа, восходящий к указательному местоимению **n'e(t')** 'эти') + **-d'e** (суффикс аблатива)) 'О тех, которые из них покойники (умершие), плохо не говорят';

— наречие: *malasonokos' sval t'en'ek l'ezdi* (**malasonokos'**: **malaso-** 'близко' + **-nok-** (поссесивный суффикс 1-го лица множественного числа 'наш') + **-o-** (интерфикс) + **-s'** (полифункциональный дейктический суффикс, восходящий к указательному местоимению **s'e** 'тог')) 'Тот — наш, который из них близко (живет), всегда нам помогает'; *toson'c'et'n'en' t'ej p'ikscejak a usksit'* (**toson'c'et'n'en'**: **toso-** наречие 'там' + **-n'**- (суффикс генитива) + **-c'e-** (асемантический элемент или строительная прокладка) + **-t'**- (суффикс множественного числа) + **-n'e-** (полифункциональный дейктический суффикс множественного числа, восходящий к указательному местоимению **n'e** 'эти') + **-n'** (суффикс аккумулятива-генитива)) 'Тех из них, которые оттуда, сюда и веревкой не притащишь'; *z'ardojak vasolot'n'ed'e b'er'an' val k'ijak ez' jovta* (**vasolot'n'ed'e**: **vasolo-** 'далеко' + **-t'**- (суффикс множественного числа) + **-n'e-** (полифункциональный дейктический суффикс множественного числа, восходящий к указательному местоимению **n'e** 'эти') + **-d'e** (суффикс аблатива)) 'Никогда о тех из них, которые далеко, плохого слова никто не сказал';

— послелог: *mon v'et'asin' alašät'n'in', vaši martin'c'it'n'in' kacin'ik kardajs* (**vaši martin'c'it'n'in'**: **vaši** 'жеребенок' + **marti-** 'послелог 'c': 'с жеребенком' + **-n'**- (суффикс генитива) + **-c'i-** (асемантический элемент или пустой морф) + **-t'**- (суффикс множественного числа) + **-n'i-** (полифункциональный дейктический суффикс множественного числа, восходящий к указательному местоимению **n'e** 'эти') + **-n'** (суффикс аккумулятива-генитива)) 'Я приведу лошадей. Тех, которые из них с жеребятами, оставим во дворе'; *sir'ec't' umar' undoksne k'er'amat aras' kudo vaksson'ŕ a maksca* (**kudo vaksson't'**: **kudo** 'дом' + **vakso-** послелог 'около' + **-n'**- (суффикс аккумулятива-генитива) + **-t'** (полифункциональный дейктический суффикс единственного числа, восходящий к указательному местоимению **t'e** 'этот')) 'Состарились яблони, надо вырубить. — Нет, ту, которая из них около дома (растет), не дам (вырубить)';

В семантической структуре новообразований значителен элемент атрибутивности, который переходит к ним от исходных форм, употребляемых в таком же значении. Об этом свидетельствует, в частности, возможность отнесения к ним в качестве вопроса как местоимений-существительных, так и местоименных прилагательных: *a ton ejik ŕevt'ŕe šel'mukšoŕt't'e* (**s'el'mukšson't't'e**: **s'el'mukšso** — основа слова, состоящая из морфа **s'el'mukš(t)** 'очки' + **-so-** (суффикс инессива): 'в очках' + **-n't'**- (морфема определенности, состоящая из суффикса генитива **-n'**- (асемантический элемент или пустой морф) + **-t'**- (полифункциональный дейктический суффикс, восходящий к указательному местоимению **t'e** 'этот') + **-t'e-** (суффикс датива, восходящий к послелогу ***t'en**) 'А ты не показывал той из них, которая в очках?'; *k'iŕe konaŕt't'e* (**konan't't'e**: **kona-**' + **-n't'**- (морфема определенности, состоящая из суффикса генитива **-n'**- (асемантический элемент или пустой морф) + **-t'**- (полифункциональный дейктический суффикс, восходящий к указательному местоимению **t'e** 'этот') + **-t'e** (суффикс датива, восходящий к послелогу ***t'en**)) 'К кому? К которой из них?'

Процесс лексикализации не может не отразиться на синтаксической функции той или иной формы: с атрибутивной меняется на субъектную или объектную формы: *mašinaftimit' ŕe tov a mol'it'* (субъект) (**mašinaftimit'n'e**: **mašina-** 'маши-

на' + **-ftimi-** (суффикс абессива) + **-t'** (суффикс множественного числа) + **-n'e** (полифункциональный дейксисный суффикс, восходящий к указательному местоимению *t'e* 'этот') 'Те, которые из них без машины, туда не поедут'; *t'esa alama mar^htink vel'ńicit'ńida* (дополнение) (*v'el'in'c'it'n'ida*: *v'el'i-* 'село' + **-n'** (суффикс генитива) + **-c'i-** (асемантический элемент или пустой морф, который является строительным материалом для этой лексемы) + **-t'** (суффикс множественного числа) + **-n'i-** (полифункциональный дейктический суффикс, восходящий к указательному местоимению *t'e* 'эти') + **-da** (суффикс аблатива)) 'Здесь мало с вами тех из них, которые из сел'; *avan'c'in't'*: *ava-* 'мама' + **-n'** (полифункциональный суффикс, который совмещает в себе суффикс генитива и посессивный суффикс 1-го лица единственного числа) + **-c'i-** (асемантический элемент или пустой морф) + **-n'** (суффикс генитива) + **-t'** (полифункциональный дейктический суффикс, восходящий к указательному местоимению *t'e* 'этот') 'То, которое из них мамино, возьми'.

Итак, в анализируемых смешанных эрзя-мокшанских диалектах процессу лексикализации или прономинализации подвергаются такие падежные формы, как номинатив, генитив, инессив, элатив, пролатив, транслатив, компаратив и абессив, создавая новые парадигмы склонения и спряжения единственного и множественного числа. Лексикализованные падежные формы, имеющие в своей структуре дейксисный суффикс, подвергаются своеобразной прономинализации. Они не полностью переходят в разряд местоимений, однако приобретают определенный оттенок местоименности, теряют значение присущей ей падежности и приобретают новое значение, близкое к словообразовательному. В таких словоформах дейксисные суффиксы бинарны: с одной стороны, это формообразовательный суффикс или морфема определенности, с другой — это деривационный суффикс, который вносит в значение новой лексемы явление дейктической анафоры. Происходит прономинализация этих падежных словоформ. По смыслу оказываются конкретизируемыми, определяемыми морфологическими элементами. Эти морфемы особые. С функциональной и грамматической точки зрения их, несомненно, необходимо отнести к деривационным суффиксам, однако и в системе деривационных суффиксов они также занимают определенное место. Сфера функционирования дейксисных суффиксов в грамматической и в лексической системах мордовских языков весьма широка.

Библиографические ссылки

- ¹ **Виноградов В. В.** Русский язык : Граммат. учение о слове. М., 1986. С. 45 — 46.
- ² **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. М., 1934. С. 128.
- ³ Там же. С. 142 — 143.
- ⁴ **Бубрих Д. В.** Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953. С. 197 ; Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. 1 : Фонетика и морфология / под ред. М. Н. Коляденкова и Р. А. Заводовой. Саранск, 1962. С. 165 — 166 ; **Цыганов Н. Ф.** Вторичное склонение существительного // Учен. зап. Саранск, 1964. № 43. С. 192 — 197.
- ⁵ **Серебренников Б. А.** Историческая морфология мордовских языков. М., 1967. С. 50 ; **Цыганкин Д. В.** Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (определенности — неопределенности и притяжательности). Саранск, 1978. С. 18 ;

Грамматика мордовских языков : Фонетика. Графика. Орфография. Морфология / под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск, 1980. С. 227 — 228.

⁶ **Евсеев М. Е.** Основы мордовской грамматики // Изб. тр. : в 5 т. Саранск, 1963. Т. 4. С. 101 — 103, 118 — 125, 137 — 138, 148 — 149, 292 ; **Колядёнков М. Н.** Грамматика мордовских языков. Ч. 2 : Синтаксис. Саранск, 1954. С. 97 — 109.

⁷ **Имайкина М. Д.** Временная лексикализация в мордовских языках — проявление единства лексического и грамматического значений // Вопросы лексикологии финно-угорских языков. Саранск, 1989. С. 56 — 71.

Поступила 26.08.2013 г.

УДК 81'25=161.1

Н. А. Ручина

N. A. Ruchina

**ПОЭМА Т. ЭЛИОТА «ПЕПЕЛЬНАЯ СРЕДА» В АСПЕКТЕ
ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ТЕКСТА ОРИГИНАЛА И ВАРИАНТОВ
ЕГО ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

**T. S. ELIOT'S POEM „ASH WEDNESDAY“ IN THE ASPECT
OF EQUIVALENCE OF THE ORIGINAL TEXT AND ITS
TRANSLATIONS INTO RUSSIAN**

Ключевые слова: художественный перевод, варианты перевода, оригинал текста, эквивалентность перевода тексту оригинала, поэма, строфа, символ, метафора, рифма.

В статье на основе сравнительного анализа устанавливается степень эквивалентности оригинального текста поэмы «Пепельная среда» Т. Элиота и вариантов его переводов на русский язык, выполненных А. Сергеевым, С. Степановым и И. Полуяхтовым. При этом основное внимание уделяется не только определению адекватности передаваемого содержания, но и выявлению уровня мастерства трансляции ритмико-интонационного своеобразия произведения.

Key words: literary translation, variants of translation, the original text, equivalence of translation and the original text, a poem, strophe, symbol, metaphor, rhyme.

The degree of equivalence of the original text of the poem “Ash Wednesday” by T. S. Eliot and variants of its Russian translations by A. Sergeev, S. Stepanov and I. Poluyahtov is determined in the article on basis of comparative analysis. The main attention is paid to the determination of the adequacy of the content, as well as to the identification of the level of skill in reproducing rhythmic and intonation originality of the work.

В 1930-е гг. в мировоззрении Т. Элиота, одного из лучших представителей англоязычной поэзии XX в., происходят серьезные изменения, которые проявились в его публицистических, литературно-критических работах и в художественных произведениях. Он начинает призывать к вере, активно пропагандировать духовные ценности, принципы и идеи католической церкви, полагая, что спасение чело-

века зависит от сохранения духовно-культурных традиций. Основополагающими причинами такого рода трансформации миропонимания писателя исследователи считают принятие им крещения в англиканство (1927) и смерть матери (1929). Произведением, в котором отчетливо воссозданы взгляды Элиота тех лет, является «Пепельная Среда» («Ash-Wednesday», 1930), самая «личная», по справедливому мнению Г. Ионкис¹, из его поэм, отображающая размышления отчаявшегося человека, ищущего покоя и находящего его в религии, отличающаяся особым пафосом и остротой выраженных чувств.

Основной целью статьи является сравнительный анализ переводов названной поэмы с точки зрения их эквивалентности тексту оригинала, выполненных признанными в академической филологической среде мастерами (А. Сергеевым и С. Степановым) и мало известным на сегодняшний день, редко цитируемым переводчиком (И. Полуяхтовым). В целях достижения объективности оценки рассматриваемых вариантов мы прибегали к их сопоставлению со своим подстрочным переводом и обращались к примечаниям / комментариям к поэме, составленным В. Муравьевым² и И. Полуяхтовым³, выгодно отличающимся от других с точки зрения информативности и глубины раскрытия историко-культурного контекста произведения.

Подтверждение тому, что «У каждого из нас — как и у переводчиков <...> — свой Элиот, не похожий или не слишком похожий на Элиота у остальных»⁴, мы находим уже на этапе знакомства с переводами названия анализируемой поэмы. Кроме общеизвестного («Пепельная Среда»), встречаются такие наименования, как «Великопостная среда»⁵, «Прашное средокрестие»⁶, «Прашная среда»⁷ и др.⁸ Многообразие приведенных вариаций связано с обозначением первого дня великого поста у католиков, когда во время церковной церемонии священник чертит пеплом крест на лбу кающегося, воспроизводя при этом слова из Библии: «Помни, о человек, что прах ты и в прах возвратишься»⁹. На наш взгляд, все приведенные названия имеют право на существование, однако для неподготовленного русскоязычного читателя они непривычны и, за исключением «Великопостной среды», малопонятны. Кроме того, если исходить из практической целесообразности, такое множество вариантов переводов названия одного произведения следует признать избыточным, поскольку оно представляет интерес главным образом для специалистов-переводчиков и филологов-энциклопедистов. В силу сказанного можно вполне ограничиться дословным переводом («Пепельная Среда») и культурологическим комментарием к нему.

Поэма «Пепельная Среда» состоит из шести частей, которые существенно отличаются друг от друга и в содержательном, и в формальном плане. В соответствии с 6-частной архитектурой мы и выстроим анализ вариантов переводов поэмы на русский язык.

В *первой* части особенное внимание необходимо обратить на начальную октаву и заключительную строфу-двустиишие, поскольку они являются самыми значимыми в осмыслении поставленных в произведении проблем. Приведем варианты переводов первой строфы¹⁰:

А. Сергеев	С. Степанов
Ибо я не надеюсь вернуться опять Ибо я не надеюсь Ибо я не надеюсь вернуться Дарованьем и жаром чужим не согреюсь И к высотам стремлюсь не стремиться в бессилье (Разве дряхлый орел распрямляет крылья?) Разве надо роптать Сознавая, что воля и власть не вернуться? (с. 88)	Ибо я не надеюсь вернуться Ибо я Ибо я не надеюсь Я иного ищущ себе жребия Устремления те позабыл я (Что орлу расправлять одряхлевшие крылья?) Что мне идеи И власть которым уже не вернуться? (с. 359)
И. Полуяхтов	Подстрочный перевод
Ведь не надеюсь я вернуться боле Ведь не надеюсь снова Ведь не надеюсь я вернуться впредь Взяв дар одного, уменья у другого Я не сподоблюсь на подобные усилия (К чему же ветхия орел расправил крылья?) Что ж мне скорбеть О прежней силе утраченной воли? (с. 174)	Потому что я не надеюсь вернуться снова, Потому что я не надеюсь, Потому что я не надеюсь вернуться Желая дар этого человека и возможности этого человека Я больше не стремлюсь стремиться к таким вещам (Почему дряхлый орел должен расправить свои крылья?) Почему я должен скорбеть По исчезнувшей власти обычного правления?

Сопоставление представленных вариантов дает основание констатировать, что ближе всех к оригиналу перевод А. Сергеева. Ему удалось не только достоверно передать состояние и размышления лирического героя, но и добиться благозвучия текста путем успешного подбора рифм и использования дактилического размера силлабо-тонического стиха. Приведем основные доводы в пользу сказанного. В комментариях В. Муравьева и И. Полуяхтова подчеркивается, что первая строка поэмы представляет собой реминисценцию из «Баллады, написанной в изгнании в Саранце» Гвидо Кавальканти, друга и современника Данте, переведенной на английский язык Д. Г. Россетти, в которой лирический герой оплакивает изгнание, прощается с возлюбленной, ожидая смерти. В контексте сказанного из всех приведенных вариантов переводов наиболее удачным следует признать выражение «Ибо я не надеюсь вернуться опять». Подлинны и использованные А. Сергеевым в данной части поэмы метафоры: «Дарованьем и жаром чужим не согреюсь / И к высотам стремлюсь не стремиться в бессилье / (Разве дряхлый орел распрямляет крылья?)». Первая из процитированных — аллюзия седьмой строки XXIX сонета Шекспира (ср.: «И завистью нещадною томим / К чужой надежде, участи, друзьям, / К уму, таланту, доблестям чужим, / Себя за это презираю сам»; пер. с англ. А. М. Финкеля¹¹); во второй

сохранен без ущерба уровню художественности присутствующий в оригинале рефрен «strive» («стремиться»); в третьей заслуживает похвалы метафорический эпитет «распрямяющий крылья дряхлый орел», олицетворяющий собой возвышение помыслов.

В других строфах первой части поэмы на первый план выходят рассуждения лирического героя о покаянии и отречении от земных благ: «И молю, чтобы Бог проявил свою милость / И молю, чтобы я позабыл / Все, над чем слишком долго душа моя билась...» (пер. А. Сергеева, с. 89). Как и в предыдущем случае, перевод процитированного отрывка и в художественном плане, и с точки зрения близости к оригиналу более выигрышен в сравнении с другими.

В заключительной строфе предложение «Молись за нас, грешных...» — это реминисценция, заключительная фраза католической молитвы «Аве Мария», поэтому перевод не отличается многообразием:

А. Сергеев	С. Степанов
Молись за нас, грешных, ныне и в час нашей смерти Молись за нас ныне, и в час нашей смерти. (с. 89)	Молись за нас грешных ныне и в час наш последний Молись за нас ныне и в час наш последний. (с. 360)
И. Полуяхтов	Подстрочный перевод
Молись за нас, грешных, ныне и в час нашей смерти. Молись за нас ныне и в час нашей смерти. (с. 175)	Молитесь за нас, грешных, сейчас и в час нашей смерти, Молитесь за нас сейчас и в час нашей смерти.

Как видим, переводы А. Сергеева и И. Полуяхтова идентичны, С. Степанов же заменил выражение «час смерти» на «час последний», что не оказало значимого влияния на содержание и рецепцию всего высказывания.

Вторая часть поэмы значительно отличается от первой своими формально-содержательными признаками, изображенным лирическим персонажам и предметному ряду, лексике и особенностям стихосложения. По своей структуре она неоднородна, состоит из трех различных компонентов. Анализ первой строфы приводит к выводу о том, что ее содержание (в том числе лирические персонажи и предметный ряд, представляющие собой реминисценции из Библии и «Божественной комедии» Данте) переведено близко к оригиналу всеми тремя переводчиками. Вместе с тем по качеству перевода более выигрышен, как и в предыдущем случае, текст А. Сергеева. Исключением можно считать не совсем удачный перевод метафоры «мозг моих костей заверещал» (англ. *chirping*), который точнее у И. Полуяхтова — «и самое содержимое этих костей (уже сухих) *прощебетало*». Наряду со сказанным в первой фразе бросается в глаза обращение «Lady», переведенное на русский язык в двух случаях

как «госпожа» и в одном как «жена». Если исходить из символической идентичности данного образа дантевской Беатриче (на это правомерно указывает комментарий В. Муравьева¹²), олицетворяющей любовь, чистоту и божественную мудрость, то по смыслу ближе к оригиналу вариант перевода А. Сергеева — «жена» (синонимы: женщина, подруга жизни). Госпожа же больше ассоциируется с такими понятиями, как владычица, властительница, повелительница. Вместе с тем в целях достижения эквивалентности оригинала и перевода можно использовать слово «дама», представляющее собой вежливую форму высказывания о женщине, вполне приемлемое в данной ситуации, или стилистически нейтральное слово «женщина».

Во второй строфе на первый план выходит образ Розы, символизирующей сочетание возлюбленной и Девы Марии, основным средством характеристики которой выступают метафоры, метафорические эпитеты (виды тропов) и оксюморон (стилистический прием). Приведем варианты переводов данной части:

А. Сергеев	С. Степанов
Жена безмолвий В покое в терзаннях На части рвущаяся И неделимая Роза памяти И забвения Сил лишенная Животворная Обеспокоенная Успокоительная Единая Роза Ставшая Садам В котором конец Всякой любви Предел томленьям Любви невзаимной И худшим томленьям Любви взаимной Конец бесконечного Путь в никуда Завершенья всего Незавершимого Речь без слов и Слово без речи Осанна Матери За сад в котором Конец любви.	Владычица безмолвия Безмятежная и отчаянная Истерзанная и присноединая Роза памяти Роза забвенья Истощенная и животворящая Тревожная и спокойная Роза единственная Ныне Сад в коем Конец всякой любви Конец мукам Любви неизбытой Мукам горшим Избытой любви Конец бесконечного Пути в бесконечность Исход всего Безысходного Речь без слова И Слово неизреченное Благословенна будь Мать В чьем Саду Конец всякой любви.

(с. 362)

(с. 91 — 92)

И. Полуяхтов	Подстрочный перевод
Госпожа молчания	Дама безмолвия
Безмятежная и безутешная	Спокойная и тревожная
Разорванная и цельная	Разорванная и самая цельная
Роза памяти	Роза памяти
Роза забвения	Роза забвения
Бесплодная и животворящая	Истощенная и животворная,
Взволнованно спокойная	Взволнованная спокойная
Единственной Розой	Одинокая Роза
Создавшая Сад	Теперь Сад
Где кончается любовь	Где все любви кончаются
Прекращается мука	Временное мучение
Любви взаимной	Неудовлетворенной любви
И горшая мука	Большее мучение
Любви взаимной	Удовлетворенной любви
Конец бесконечности	Конец бесконечного
Путь без скончания	Путешествия без конца
Завершение всего	Окончание всего этого
Незавершимого	Бесконечно
Речи без слова и	Речь без слова и
Слова без речи	Слово без речи
Блаженна будь Мать	Изящество Матери
Сущего Сада	Для сада
Где конец всей любви.	Где вся любовь заканчивается.

(с. 176)

Процитированный отрывок, представляющий собой сплошной текст без знаков препинания, построенный на оксюморне (противоречивом единстве, сочетании несочетаемого по смыслу, разновидности парадокса¹³), отличается большим разнообразием вариантов переводов. Именно оксюморон («одинокая Роза, ставшая садом», «конец бесконечного путешествия без конца», «речь без слова и слово без речи» и др.) способствует в большой мере отображению состояния раздвоенности и неопределенности внутреннего мира лирического героя.

Первая строка отрывка («Lady of silences»), представляющая собой метафору, переведена в одном случае как «Жена безмолвий» (А. Сергеев), в другом — «Владычица безмолвия» (С. Степанов), в третьем — «Госпожа молчания» (И. Полуяхтов), подстрочный перевод — «Дама безмолвия». По эквивалентности оригинала и переводов ни один из трех вариантов нельзя признать самым удачным. Перевод следующих строк, представляющих собой эпитеты, еще многообразнее. У А. Сергеева — «В покое в терзанных / На части рвущаяся / И неделимая», у С. Степанова — «Безмятежная и отчаянная / Истерзанная и присноединая», у И. Полуяхтова — «Безмятежная и безутешная / Разорванная и цельная», подстрочный перевод — «Спокойная и тревожная / Разорванная и самая цельная». Как видим, А. Сергеев в первой позиции заменил прилагательные на существительные, что привело к употреблению метафоры вместо эпитетов. С. Степанов заменил эпитет «удрученная» на «отчаянная», «разорванная» — на «истерзанная».

Самым благополучным в аспекте достижения эквивалентности оригинала и его переводов на русский язык в данном случае следует признать вариант И. Полуяхтова.

Далее идущие эпитеты, относящиеся непосредственно к Розе, символизирующей церковь, олицетворяющей единство возлюбленной и Девы Марии, не менее противоречивы, чем образ лирического героя: «Сил лишенная / Животворная / Обеспокоенная / Успокоительная» (А. Сергеев); «Истощенная и животворящая / Тревожная и спокойная» (С. Степанов); «Бесплодная и животворящая / Взволнованно спокойная» (И. Полуяхтов); «Истощенная и животворная / Взволнованная спокойная» (подстрочный перевод). Из представленных вариантов наиболее удачным, на наш взгляд, является перевод С. Степанова как с точки зрения точности передачи смысла, так и достижения благозвучности текста. Перевод далее идущих строк в целом эквивалентен оригиналу, мысли и чувства переданы достаточно полно, да и сами варианты отличаются лишь незначительными нюансами, чего нельзя сказать о последних трех строках, в которых подводится своеобразный итог сказанному. Здесь наиболее точным оказывается перевод С. Степанова, звучащий на русском языке как: «Благословенна будь Мать / В чьем Саду / Конец всякой любви». Данное утверждение вполне соотносится с тем фактом, что в первом варианте публикации анализируемая вторая часть имела название «Восславление». Перевод третьей строфы второй части, малой по объему, состоящей из семи строк, у всех трех рассматриваемых авторов в целом достаточно точен, поэтому сопоставление вариантов считаем нецелесообразным.

Композиция *третьей части* поэмы, первоначально имевшей название «Вершина лестницы», трехчастная, и она соответствует трем ступеням перед вратами Чистилища, представленным в «Божественной комедии» Данте. Кроме того, комментарий В. Муравьева¹⁴ указывает на сходство с мистической лестницей очищения духа в медитациях Сан-Хуана де ла Круса (наст. имя — Хуан де Йеспес Альварес), испанского поэта XVI в. Он описывает, как за актом самоотречения (это же мы видим во второй части «Пепельной среды») следуют искушения, которые побеждаются только при вмешательстве высшей силы. В данном случае восхождение по лестнице символизирует очищение и возвышение духа, расставание с земными страстями, которое дается лирическому герою с большим трудом. Оттого каждый шаг, каждый поворот, каждая ступень преодолеваются им так мучительно и тягостно. С учетом сказанного третья часть едва ли не самая значимая в осмыслении поставленных в произведении проблем.

Проанализируем, при помощи каких языковых средств переводчики пытаются донести до сознания русскоязычного читателя преодоление лирическим героем первой ступени лестницы:

А. Сергеев	С. Степанов
На второй площадке у поворота, Оглянувшись, я увидал, что кто-то, Подобный мне, В зловонной сырости нижнего пролета Корчится, дьяволом припертый к стене, Меж ложью паденья и ложью полета. (с. 92)	При первой перемене второй ступени Обратился назад я и глянул в пучину Там похожего на меня обступали серные тени Корчился он в негасимой геенне И боролся с дьяволом Что имел надежды и отчаянья личину. (с. 363)

И. Полуяхтов	Подстрочный перевод
На первом пролете второй ступени Я углядел внизу — Образ сходный искривился на перилах В чаду зловонных дуновений В борьбе с духами ступеней, что скривили Обманный лик надежды и смятения. (с. 176)	На первом пролете второй ступеньки Я повернулся и увидел внизу Схожий со мной образ, корчившийся на перилах Под паром в зловонном воздухе, В борьбе с дьяволом лестницы, у которого Лживое лицо надежды и отчаяния.

С точки зрения благозвучия текста самым выигрышным является перевод А. Сергеева, в аспекте точности перевода — И. Полуяхтова. Вместе с тем каждым из них допущены вольности в переводе отдельных слов и фраз, что особенно характерно для рифмованного поэтического текста. Так, первая фраза дословно переведена лишь И. Полуяхтовым. В переводе А. Сергеева исчез такой значимый в содержательном плане предмет, как ступенька лестницы, которая оказалась замененной словом «площадка»; С. Степанов подменил слово «пролет» на «перемену», что также не способствовало повышению уровня художественности текста и достижению эквивалентности оригиналу. Необычно представлен во всех переводах и образ дьявола, с которым борется подобный лирическому герою персонаж. У Сергеева дьявол «припер его к стене», отчего тот «скорчился»; у Степанова лирический персонаж боролся с «дьяволом», будучи скорченным «в негасимой геенне» (т. е., в аду), что трудно себе представить, даже обладая хорошо развитым воображением; у И. Полуяхтова дьявол лестницы оказался замененным «духами» ступеней. Приведенные примеры позволяют констатировать отдаление переводчиков от текста оригинала.

Представим описание преодоления лирическим героем второй ступени лестницы:

А. Сергеев	С. Степанов
На третьей площадке у поворота Ни лиц, ни движенья, ни гула В мокром мраке искрошенного пролета, Который похож на беззубый рот старика И зубастую пасть одряхлевшей акулы. (с. 92 — 93)	При второй перемене второй ступени Все размыла мрака река Боле не было лиц все во мгле утонуло Словно слюнявый рот щербатого старика Или глотка дряхлой акулы. (с. 363)

И. Полуяхтов	Подстрочный перевод
На втором пролете второй ступени Я взор отвел, взглянувши вниз; Там ликов не было, тьма лестницу замкнула, Один слюнявый рот беззубой стариковской тени Или же пасть одряхлевшей акулы. (с. 177)	На втором пролете второй ступеньки Я взор отвел, взглянувши вниз; Больше не было лиц, и лестница была темной, Затхлою, зазубренной, как несущий вздор щербатый рот старика Или зубастая глотка старой акулы.

Эмоциональное состояние лирического героя во второй строфе передается в основном при помощи метафор и сравнений с явно выраженным негативным оттенком. У А. Сергеева мы обращаем внимание на «мокрый мрак искрошенного пролета, который похож на *беззубый* рот старика и *зубастую* пасть одряхлевшей акулы», которые как-то плохо сочетаются, учитывая «искрошенность пролета». У С. Степанова бросается в глаза неудачное использование эпитетов: «*щербатый* старик» и «*слонявый* рот» (последний в оригинале текста отсутствует). Неточностью в рассматриваемом отрывке характеризуется и перевод И. Полуяхтова, в котором исчез присутствующий в оригинале и несущий важную смысловую нагрузку объект отображения — источающая зловоние зазубренная (раздробленная) лестница, похожая на несущий вздор щербатый рот старика или зубастую глотку старой акулы.

Отличается многообразием вариантов и перевод третьей строфы анализируемой части поэмы, за исключением заключительных фраз, представляющих собой реминисценцию из Евангелия от Матфея, напоминающих читателю о том, что нет спасения вне церкви: путь к нему идет через церковное причастие¹⁵. В остальном мы видим творческое переложение английского текста на русский язык, иногда весьма отдаленное от оригинала. Для наглядности приведем варианты переводов:

А. Сергеев	С. Степанов
<p>На четвертой площадке у поворота В узком окне за гирляндой хмеля</p> <p>Под буколическим небосклоном Некто плечистый в сине-зеленом Май чаровал игрой на свирели. Нежно дрожат на ветру и касаются губ Гроздь сирени, кудрей позолота; Рассеянье, трели свирели, шаги и круги рассудка у поворота, Тише, тише; сила превыше Отчаянья и надежды, падения и полета Уводит выше нового поворота. Господи, я недостоин Господи, я недостоин но скажи только слово.</p> <p style="text-align: right;">(с. 93)</p>	<p>При первой перемене третьей ступени Было пузатое словно фиговый плод окно из кельи</p> <p>Цвел боярышник буколически чистый В голубом и зеленом некто плечистый Май чаровал античной свирелью. Темные волосы на ветру мелодии томные Волосы темные томные грозди сирени. Смятенье музыка топтанье мысли выше третьей ступени Все тише и тише, сила смиренья Вверх вела по третьей ступени.</p> <p>Господи! я недостоин Господи! я недостоин но скажи только слово.</p> <p style="text-align: right;">(с. 363 — 364)</p>
И. Полуяхтов	Подстрочный перевод
<p>На первом пролете третьей ступени Резной проем на смоковницу вид открывал Средь соцветий боярышника, и над пастбищным склоном Некто широкоплечий в сине-зеленом Своей древней свирелью весну чаровал.</p>	<p>На первом пролете третьей ступеньки Было выдолбленное окно, надугое как фиговый плод, вид открывавшее Средь соцветий боярышника и пастбища Широкая фигура в синем и зеленом Чаровала весну старинной флейтой.</p>

Развеялись кудри, нежные локоны скрыли уста, Букли темной сирени; Отвлечение, трели свирели, остановка рассудка на третьей ступени, Затухание; сила превыше надежд и смятения Над третьей ступенью.	Растрепанные ветром нежные волосы, Темные волосы закрывали уста, Кисти темной сирени; Отвлечение, музыка флейты, остановка рассудка на третьей ступеньке, Затухание; сила превыше надежды и отчаяния
Господи, я не достоин Господи, я не достоин Но скажи только слово.	При подъеме на третью ступеньку. Господи, я не достоин Господи, я не достоин Но скажи только слово.

(с. 177)

В переводе А. Сергеева не оказалось представления такого предметного ряда, как соцветия боярышника и пастбище, напоминающие о свободной мирской жизни. Вместо третьей ступени русскоязычному читателю предложена «четвертая площадка у поворота», с точки зрения логики вполне оправданная, поскольку счет начат со второй, чего нельзя сказать о соответствии оригиналу; взамен выдолбленного круглого, как фиговый плод, окна переводчиком представлено окно узкое, украшенное гирляндой из хмеля; вместо флейты изображена свирель (отметим, что это характерно для всех анализируемых переводов); обычные темные волосы показаны как «кудрей позолота»; а остановка рассудка — как его «шаги и круги». В переводе А. Сергеева обращает на себя внимание изображение отсутствующего в тексте оригинала окна «из кельи», необоснованное употребление слова «голубой» вместо «синий» (цвета синий и зеленый символизируют веру и надежду). В варианте И. Полуяхтова следует отметить неточность в описании окна (в оригинале на смоковницу — фиговое дерево, вернее на плод фигового дерева, похоже само окно, а не открывающийся вид из него), а также обрисовку отсутствующих в английском тексте «кудрей и локонов». В остальном его перевод достаточно точен.

Не менее интересной представляется *четвертая часть* поэмы, первоначально называвшаяся «Облаченная во цвет огня». Основным фоном повествования анализируемого отрывка является лицезрение Беатриче (в образе которой слились черты всех праведниц дантевского Земного Рая), внушающее Данте жгучую скорбь о земных грехах¹⁶, сожаление по поводу отлучения от Божественной истины. Перевод рассматриваемой части осуществлен достаточно точно всеми авторами русскоязычного текста. Например, во всех переводах первой строфы достоверно переданы цвета, значимые в аспекте объективного восприятия содержания текста: лиловый — символ покаяния и заступничества свыше; зеленый — символ надежды; синий (голубой) — символ веры и белый — символ чистоты и света. Что касается вариантов перевода выражения «eternal dolour» (досл. перевод «вечная печаль») как «скорби неземные» (Сергеев), «вечная скорбь» (Степанов), «горести земные» (Полуяхтов), то они не оказывают сильного влияния на рецепцию, точно так же, как и потоки воды, обозначенные в одном случае как «струи в родниках» (Сергеев), в другом — «ключи студеные» (Степанов), в третьем — «истоки и родники» (Полуяхтов). В переводах последней строфы не менее верно представлены все значимые для осмысления содержания поэмы обра-

зы: «сестра безмолвия под покрывалом» (подробность первого появления Беатриче в «Божественной комедии» Данте); дерево тиса (в средние века символизировавшее смерть); «родники и птицы» (образы дантевского Земного Рая), а также слова католической молитвы «*И после нашего здешнего изгнания яви нам благословенный плод чрева твоего, Иисуса*». Имеющиеся нюансы «родники забили» — «родник стал искриться» — ключ ударил» и другие не оказывают существенного влияния на степень адекватности перевода тексту оригинала, поэтому мы их рассматривать не будем.

Пятая часть поэмы (в первом издании озаглавленная как «Покой наш — в его воле») полностью посвящена прославлению Божественного слова. В первой строфе Элиотом, по свидетельству А. Муравьева¹⁷, использован «риторический парадокс» епископа Эндрюса — «слово без слова» — «бессловесный Логос — младенец Христос». Кроме того, обращает на себя внимание поэтическая интерпретация религиозной антиномии — «несовместимость и вечное противостояние Слова и мира, света истины и тьмы земной жизни», а также трактовка «изгнания» как «мучительной безгласности, отторгнутости от Слова». С учетом сказанного самым выигрышным и с точки зрения художественности, и адекватности перевода можно признать приведенный ниже русскоязычный текст А. Сергеева:

А. Сергеев	С. Степанов
Если утраченное слово утрачено Если истраченное слово истрачено Если неслышанное, несказанное Слово не сказано и не услышано, все же Есть слово несказанное, Слово неслышанное, Есть Слово без слова. Слово В мире и ради мира; И свет во тьме светит, и ложью Встал против Слова немирный мир Чья ось вращения и основа — Все то же безмолвное Слово. Народ мой! Тебе ли я сделал зло? (с. 95)	Хоть пропавшее слово пропало, хоть истраченное слово истрачено Хоть неслышанное, неизреченное Слово не изречено, не услышано Есть слово неизречаемое, недоступное слуху Слово Слово вне слов, Слово В миру и для мира. И свет во тьме светил и Против Слова коловращался мир снова и снова Вкруг безмолвного Слова. Народ мой! Что сделал Я тебе. (с. 366)
И. Полуяхтов	Подстрочный перевод
Если слово утраченное утрачено, слово истраченное истрачено Если неслышное, неречимое Слово не услышано, не изречено; Есть неслышимое слово. Слово несказанное, Слово бессловесное, Слово среди Живых и для живого; И свет во тьме светит, и Против слова бурный мир снова	Если потерянное слово потеряно, если потраченное слово потрачено Если неслышанное, невысказанное Слово не высказано, не услышано; Все еще невысказанное слово, Слово, неслышанное, Слово без слова, Слово в пределах Мира и для мира; И свет сиял в темноте и Против слова все еще кружился

Кружит вокруг немого Слова.	неуспокоенный мир
О мой народ, что я сделал тебе?	В центре безмолвного Слова.
(с. 178)	О мой народ, что я сделал тебе?

В *шестой части*, завершающей поэму, подводится итог размышлениям лирического героя, воплощается основная идея, заключающаяся в призыве к вере и оценке своих поступков с точки зрения религиозных представлений о добре и зле. Наряду с этим повторяется мысль о том, насколько сложно человеку в миру отказаться от соблазнов: «И сердце из глубины былого нетерпеливо / Рвется к бывлой сирени, к бывлым голосам прилива / И расслабленный дух распалается в споре / За надломленный лютик и запах былого моря / И требует повторенья / Пенья жаворонка и полета зуйка...» (пер. А. Сергеева). В контексте сказанного вполне закономерно в финале звучит обращение к Богоматери, воплощенное в поэтическую форму в виде молитвы: «Не дай обмануть нам себя / Научи нас участью и безучастью / Научи нас покою / Даже среди этих скал, / Покой наш — в Его воле / И даже среди этих скал / Сестра, мать / Дух реки и дух моря / Не дай мне отпасть / И да будет мой крик услышан Тобою» (пер. А. Сергеева). Мы намеренно процитировали здесь отрывки из заключительной части поэмы в переводе А. Сергеева, поскольку в художественном плане они наиболее удачные.

В заключение следует подчеркнуть, что переводы поэмы «Пепельная среда», осуществленные А. Сергеевым, С. Степановым и И. Полуяхтовым, не лишены недостатков (они указаны в содержании статьи), в силу чего у переводчиков художественных произведений, стремящихся к совершенству, есть все основания для реализации своих творческих способностей.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Ионкис Г. Э.** Английская поэзия XX века (1917 — 1945). М., 1980. С. 118.
- ² См.: **Муравьев В.** Примечания : Пепельная среда // Т. С. Элиот. Бесплодная земля / пер. с англ. А. Сергеева. М., 1971. С. 174 — 178.
- ³ См.: **Полуяхтов И. Б.** Комментарий: Ash-Wednesday // Т. С. Элиот. Поэзия и драма / пер. с англ. И. Полуяхтова. М., 2012. С. 416 — 421.
- ⁴ **Топоров В.** От составителя // Т. С. Элиот. Полые люди. СПб., 2000. С. 10.
- ⁵ Писатели — нобелевские лауреаты // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nobeliat.ru/laureat.php?id=43> (дата обращения 30.09.2013)
- ⁶ **Элиот Т. С.** Поэзия и драма. С. 6.
- ⁷ Там же. С. 25
- ⁸ Там же. С. 94.
- ⁹ **Муравьев В.** Указ. соч. С. 174.
- ¹⁰ **Элиот Т. С.** Полые люди / сост. В. Л. Топоров. СПб., 2000. (Текст поэмы в переводе с англ. А. Сергеева и С. Степанова здесь и далее цитируется по изданию).
- ¹¹ **Шекспир У.** Трагедии. Комедии. Сонеты. М., 2008. С. 1367.
- ¹² См.: **Муравьев В.** Указ. соч. С. 175.
- ¹³ См.: Литературная энциклопедия терминов и понятий / под. ред. А. Н. Николюкина. М., 2003. Стб. 690.
- ¹⁴ См.: **Муравьев В.** Указ. соч. С. 176.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 178.

Поступила 30.09.2013 г.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 82-193.3: 821.511.152

А. М. Каторова
A. M. Katorova

ЖАНР СОНЕТА В МОРДОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX — XXI вв.

GENRE OF SONNET IN MORDOVIAN LITERATURE OF THE XX — XXI CENTURIES

Ключевые слова: жанр, жанровая система, сонет, разновидности сонета, итальянский сонет, французский сонет, английский сонет, метрика, ритмика, строфика, способ рифмовки.

В статье рассматриваются генезис и развитие жанра сонета в мордовской литературе; устанавливаются писатели, разрабатывавшие данный жанр на всем протяжении развития национальной литературы; выявляются разновидности мордовского сонета, их типология и национальное своеобразие, метрика, ритмика и строфика.

Key words: genre, genre system, sonnet, types of sonnet, Italian sonnet, French sonnet, English sonnet, metric, rhythmic, strophics, rhyming method.

The genesis and development of the genre of sonnet in Mordovian literature is considered in the article; writers who developed this genre throughout the development of national literature are named; the varieties of Mordovian sonnet, their typology and national identity, metric, rhythmic and strophics are recognized.

Жанровый подход к изучению закономерностей развития и специфики мордовской литературы в полной мере начал реализовываться в конце XX — начале XXI в., причем преимущественно в отношении прозы, о чем свидетельствуют работы А. И. Брыжинского, О. И. Бирюковой и других исследователей¹. Вместе с тем особенности наиболее распространенных жанров, таких как мордовский роман, рассказ, поэма становились объектом изучения национальных литературоведов во второй половине XX в.² К установлению жанровой системы мордовской поэзии исследователи обратились лишь в последние годы³. Что касается жанра сонета, то некоторые сведения о его особенностях можно почерпнуть из монографии О. И. Налдеевой⁴ и краткой статьи С. Г. Девяткина⁵. Сразу отметим, что в названных работах имеют место недостоверные сведения. Так, О. И. Налдеева создание первых мордовских сонетов связывает с именем А. Моро⁶, что не соответствует действительности, поскольку еще в конце 1940-х гг. П. Гайни и И. Прончатов опубликовали свои сонеты в сборниках стихов. С. Девяткин неправоммерно утверждает, что «относительно свободная интерпретация формы характеризует и сонеты А. Моро конца 1960-х гг. Поэту принадлежит ок. 20 сонетов любовного и нравственно-философского содержания»⁷. Реальность же такова, что первые сонеты А. Моро (тридцать произведений) опубликованы в сборнике «Тундо»

(«Весна») в конце 1950-х гг.⁸ и в некоторых из них обнаруживается относительно свободное обращение поэта с классической формой. Сонеты же, вошедшие в другой сборник, изданный в 1970 г.⁹, сложены А. Моро в полном соответствии с требованиями английского (шекспировского) сонета к делению на строфы (три катрена и одно двустишие) и к способам рифмовки (abab cdcd efef gg), что мы продемонстрируем ниже. Наряду со сказанным подчеркнем и то, что до сегодняшнего дня ни один из ученых не анализировал особенности стихотворной формы мордовских сонетов, в частности их метрику и ритмику.

Таким образом, основной задачей нашего исследования является восполнение имеющихся пробелов в изучении жанра мордовского сонета, установление его художественно-эстетического своеобразия, проявившегося на формально-содержательном уровне, обусловленного влиянием традиций русской, зарубежной литературы и родной словесности.

Итак, первые сонеты в мордовской поэзии появились вскоре после окончания Великой Отечественной войны: три сонета, написанные **П. Гайни** в 1946 г., были опубликованы через год в сборнике стихов «Кочказь стихть»¹⁰ («Избранные стихи»). Приведем сонет под № 1 «Тельня лиясто...» («Зимой иногда...»):

Тельня лиясто вензэ лангс ломань
Сырги тиринь велев чаво паксява.
А фатияк, кода равжо суманькс
Масторонть лангс ацави весь салава.

Зимой иногда человек на ночь
Отправляется в родное село по пустому полю.
И даже не замечает, как черным зипуном
На землю ложится тихо ночь.

Сырги варма, кепети кандылов,
Кона яла виензы ды виензы...
А соды сон: пачтясы ли кудов
Бутрав венть пачк талакадозь оймензэ?

Подует ветер, поднимется метель,
Которая все усиливается и усиливается...
Не знает он: доведет ли до дома
Темной ночью его беспокойная душа?

Но сон моли, хоть сизияк допрок
А максы пря эйжуро пей-даволнэнь.
Ды друк сонзэ икеле, теште прок,
Кивчкади чоподасонть липни толнэ.

Но он идет, хоть сильно устает
Не покоряется ледяной буре.
И вдруг перед ним, словно звезда,
Блеснет в темноте мерцающий огонек.

Седей оям! Тонгак, прок тол сырнень,
Войнань даволонть пачк светить монень.

Сердечный друг! И ты, словно золотой огонь,
Сквозь ураган войны светил мне*.

В данном сонете автором удачно использован прием психологического параллелизма: любовь близкого человека метафорически изображена в качестве спасительного золотого огня, своего рода маяка, помогающего путнику, идущему в зимнюю ночную непогоду, найти дорогу домой и тем самым выжить. В соответствии с законами жанра первое четверостишие задает тему, второе ее развивает, третье образует некий тематический поворот, а двустишие разрешает. Рассмотрение внешней композиции (деление на строфы и способы рифмовки) приведенного

* Здесь и далее подстрочный перевод автора.

произведения дает основание утверждать, что оно построено по правилам английского сонета.

Несколько по-иному сложен сонет «Помнясак тон?...» («Ты помнишь?...»), текст которого не дробится на отдельные строфы, все четырнадцать строк предстают сплошным текстом. Кроме того, две рифмующиеся друг с другом строки, которые обычно завершают созданный по английскому типу сонет, расположены в начале стихотворения, а последующие четыре строки срифмованы по кольцевому (охватному или опоясывающему) типу. Несмотря на это, как и в предыдущем случае, в первых строках задается тема, далее развивается, несколько разворачивается и в конце разрешается. Поэт восклицает: «Ламо вечкемат палсть войнань толгельсэнтъ, / Но тонь седейсэ ялатеке пись. / Истяня эрва чистэ моданть вельксэ / Палы теке жо вандолдыця чись» («Много любви спалил огонь войны, / Но в твоём сердце не угасло пламя. / Так каждый день над землей / Горит ослепительное солнце»).

Третий сонет «Мон тонеть ёвтыя потмо валом...» («Я тебе высказал сокровенное...») написан также на любовную тему, однако его композиция организована по типу градации. Здесь нет тематического поворота, с первых до последних строк звучит признание лирического героя в любви к девушке, уверение ее в том, что ему удалось сохранить глубокое чувство на дорогах войны. В заключительных строках высказан призыв посмотреть в глаза, в которых, как небо в озере, отражается его любовь. Специфика данного сонета заключается и в том, что он написан силлабическим 10-сложником. Это подтверждается не только тем, что в каждой строке присутствует по десять слогов. Ударения в силу их подвижности в эрзянском языке в данном стихотворении можно расставить как на четные, так и на нечетные слоги, и в обоих случаях стих не теряет своего благозвучия. При расстановке ударений на четные слоги выступает силлабо-тонический ямб, при расстановке на нечетные слоги — хорей. Одновременное определение стихотворного размера одного стиха как ямба и как хорей в принципе недопустимо и неверно, что предопределяет другую, в данном случае силлабическую систему стихосложения. Вместе с тем способы рифмовки соответствуют требованиям классического английского сонета: в трех катренах наблюдается перекрестный способ рифмовки, в двустишии — парный, что хорошо видно из приведенных ниже первой и последней строф:

Мон тонеть ёвтыя потмо валом,
 Что вечктян икелень вечкемасо.
 Мейс жо прят истя комавтык алов
 Ды сулей а кемемань чамасот?

Я тебе высказал сокровенное,
 Что люблю тебя прежней любовью.
 Почему же ты опустила голову
 И на лице твоём тень неверия?

Тон нейсак тосто монь седей меленть,
 Кода эрке потмаксто менеленть.

Ты увидишь там мое сердечное желание,
 Как из глубины озера небо.

Изучение сонетов П. Гайни позволяет констатировать, что они, во-первых, обладают определенной художественной ценностью и спецификой; во-вторых, построены преимущественно в форме английского (шекспировского) сонета со схемой рифмовки: abab cdcd efef gg.

Сонеты, созданные **И. Прончатовым** в 1947 г., вошли в сборник «Стройсэ»¹¹ («В строю»). В них лирический герой выражает нежные чувства к возлюбленной и сожалеет по поводу ее раннего ухода из жизни. Основная идея обоих сонетов сводится к тому, что истинную любовь не способна убить даже смерть. Как и сонеты П. Гайни, произведения И. Прончатова построены по английскому типу с присущими ему способами рифмовки, состоят из трех катренов и одного двустишия. Сонет «А ёвтавикс вий вети кудыненк малас...» («Несказанная сила ведет к вашему домику...») написан 6-стопным ямбом, а «Мон эзинь ульнекшне тонтъ ваксо...» («Меня не было рядом с тобой...») — силлабическим 9-сложником.

Говоря о сонетах П. Гайни и И. Прончатова, подчеркнем еще одну особенность: создавая сонеты, оба поэта в заглавие выносили наименование жанра [Гайни, с. 90 — 92 ; Прончатов, с. 64, 67]; в случае же, если формировали циклы, пусть небольшие, сонеты получали цифровое обозначение, как у Шекспира [Гайни, с. 90 — 92].

Самое большое количество сонетов (около 50) написал эрзянский поэт **А. Моро** [Моро, 1959, с. 57 — 87 ; Моро, 1970, с. 127 — 143]. В сборник «Тундо» («Весна») вошли тридцать сонетов, четыре из которых имеют заглавия («Ленин», «Писателень II съездсэ» — «На втором съезде писателей», «Маяковскойнень» — «Маяковскому», «Петрарканень» — «Петрарке»), а один — посвящение («Е. И. Савельеванень» — «Е. И. Савельевой»). Остальные сонеты без заглавий, и в отличие от сонетов П. Гайни, без цифрового обозначения.

По содержанию сонеты А. Моро можно сгруппировать следующим образом: любовный сонет — 17 (56 %); сонет-посвящение — 3 (10 %); сонет — философское размышление — 3 (10 %); сонет-призыв — 2 (7 %); сонет-восхваление — 2 (7 %); сонет — аналог визуальному образу — 2 (7 %); сонет — поэтический манифест — 1 (3 %).

В любовных сонетах передается, как правило, одухотворенное состояние влюбленного лирического героя, а также восхваляются достоинства возлюбленной, чаще всего ее душевные качества, ум и красота («Пингес а стувтса мон тундонь се чинть...» — «Вовек не забуду я тот весенний день ...»; «Иля полавтнев, ульть истямокс свал...» — «Не меняйся, будь такой всегда...» и др.). В сонетах-посвящениях А. Моро восторгается творчеством выдающихся поэтов В. Маяковского и Ф. Петрарки, подчеркивая «бойцовский» характер одного и «медовое сладкозвучие» другого. В сонетах, построенных по типу философского размышления («Салавине пек кол мастер шкась...» — «Потихоньку очень умелый мастер время...»; «Ней монь оймесэ палыть кавто мельть» — «Теперь в моей душе горят два желания...» и др.), автор стремится передать осмысление лирическим героем быстротечности человеческой жизни, предназначения человека, чувств любви и ненависти. Сонеты-призывы и сонеты-восхваления обусловлены идеологией советского времени, первые ориентированы преимущественно на воспитание человека-труженика, заботящегося о всеобщем счастье, вторые — на превозношение социалистического образа жизни. В сонетах — аналогах визуальному образу («Исяк Кремля, течи Колонной зал...» — «Вчера Кремль, сегодня Колонный зал...»; «Писателень II съездсэ» — «На втором съезде писателей») яркими красками изображается Кремль, Колонный зал, встреча с писателями разных стран. Сонет «Казямо Дант эзь безарде сонеттэ...» («Суровый Дант не

презирал сонета...») представляет собой поэтический манифест, в котором излагаются основные принципы создания поэзии на родном языке с учетом традиций русской и мировой классики.

Все сонеты А. Моро, за исключением одного, построены по английскому типу, состоят из трех катренов и одного двустишия. Сонет, составляющий исключение, написан в подражание Пушкину, состоит из двух катренов и двух терцетов, а первые три строки вообще представляют собой реминисценцию, взятую из произведения «Суровый Дант не презирал сонета...», переведенную с русского языка на эрзя-мордовский: «Казямо Дант эзь безарде сонеттэ, / Эйсэст Петрарка валсь вечкема псинть. / Сонетнэнь вечксь, ки сёрмалесь Макбеттэ» («Суровый Дант не презирал сонета; / В нем жар любви Петрарка изливал; / Игру его любил творец Макбета...»). Вместе с тем способы рифмовки в сонете А. Моро имеют специфику: abab cdcd eef fgg (у Пушкина — abab abab ccd ede).

В соответствии с особенностями мордовского стихосложения, представляющего собой синтез силлабической и силлабо-тонической систем, метрика сонетов А. Моро разнится. Его сонеты написаны как в силлабической системе стихосложения, так и в силлабо-тонической (табл. 1).

Таблица 1

Метрика сонетов А. Моро (сб. «Гундо» — «Весна»)

Силлабическая система стихосложения			Силлабо-тоническая система	
9-сложник	10-сложник	11-сложник	ямб	хорей
1	5	14	5	5

Из табл. 1 видно, что третья часть сонетов написана классическими силлабическими размерами, две треть — двусложными силлабо-тоническими, среди которых преобладает 5-стопный ямб. Отметим и то, что длина стихов, написанных ямбом и хореем, характеризуется равномерным чередованием строк, отличающихся количественно на единицу.

Отклонений от способов рифмовки, характерной для английского сонета, немного, всего три, что составляет 10 %, и все они встречаются в последнем (третьем) катрене сонетов. Так, в сонете «Вечкемс, а вечкемс весе вийсэ, мельсэ...» («Любить, не любить всей силой, жаждой...») [Моро, 1959, с. 72] при перекрестном способе рифмовки первая и третья строки третьего катрена имеют холостые рифмы; «Монень вечкеват, но мон а молян мельгат...» («Мне нравишься, но я за тобой не пойду...») — три первые строки рифмуются друг с другом, четвертая — холостая; «Арсян кемевтемс весень седе парсте...» («Стремлюсь уверить всех сильнее...») — рифмуются первая, третья и четвертая строки, вторая — холостая. Других особенностей, связанных с формой, у анализируемых сонетов нет.

В сборник А. Моро «Эрва ломаненть ули морозо» («У каждого человека своя песня») вошли семнадцать сонетов, и все они сложены по английскому типу: состоят из трех катренов перекрестной рифмовки на автономные рифмы и заключительного двустишия коды. Системы стихосложения и стихотворные размеры, как и в предыдущем случае, разнятся (табл. 2).

Таблица 2

**Метрика сонетов А. Моро (сб. «Эрва ломанеть ули морозо» —
«У каждого человека своя песня»)**

Силлабическая система стихосложения			Силлабо-тоническая система	
9-сложник	10-сложник	11-сложник	ямб	хорей
1	5	1	5	5

Содержание табл. 2 наглядно свидетельствует, что семь из семнадцати сонетов (41 %) написаны классическими силлабическими размерами, десять (59 %) — силлабо-тоническими. В силлабической системе явно преобладает 10-сложник, в силлабо-тонической в равных пропорциях употреблены ямб и хорей. Важно подчеркнуть, что в семи случаях употребления ямба и хорей наблюдаются стихи одинаковой длины — 5 стоп, что достаточно четко соотносится с использованием 10-сложных размеров. Лишь в трех случаях (30 %) обнаруживается разностопный ямб или хорей, при этом разброс невелик, в двух случаях от 9 до 11 слогов, в одном — от 10 до 12.

Отметим, что лишь один сонет имеет заглавие («Эрямос совамо» — «Вхождение в жизнь»), которое связано с восхвалением свободы и счастья, приобретенных мордовским народом после революционных событий 1917 г. Все остальные — без названий и без цифрового обозначения. Тематика сонетов самая разнообразная: автор размышляет о быстротечности человеческой жизни, о любви, дружбе народов, человеческих взаимоотношениях, в том числе между руководителями и подчиненными. При этом поэт, о чем бы ни говорил, оценку действиям и поведению лирических персонажей дает с точки зрения морально-нравственных идеалов народа, соотносит с представлениями мордвы о добре и зле.

Анализ сонетов А. Моро приводит к выводу о том, что они (98 %) сложены по английскому типу, состоят из трех катренов и одного двустишия. Схема рифмовки в основном классическая, осуществлена по схеме abab cdcd efef gg, и лишь в трех случаях (6 %) в катрене перед заключительным двустишием-кодой встречаются одна или две холостые рифмы. Поэт прибегает к силлабической (38 %) и силлабо-тонической (62 %) системам стихосложения. В силлабической системе преобладает 10-сложник (56 %), в отличие от итальянской и испанской поэзии, где стих сонета — 11-сложник; на втором месте — 11-сложник (33 %), на последнем — 9-сложник (11 %). При обращении к силлабо-тонической системе стихосложения предпочтение отдается ямбу (66 %), хорей по частоте употребления находится на втором месте (34 %) и обуславливает отличие мордовских сонетов от русской, английской и немецкой поэзии, где стих сонета — 5-стопный и 6-стопный ямб.

Создателем первых сонетов на мокша-мордовском языке является известный писатель **М. А. Бебан**, внесший основной вклад в развитие данного жанра в 70-е гг. XX в. Около двадцати сонетов опубликованы в сборнике М. Бебана «Видептьф боразда» («Выпрямленная борозда»), которые составили раздел «Вень поезтт» («Ночные поезда») ¹² и впоследствии практически в неизменном виде вошли в его двухтомное издание «Избранных произведений» ¹³. Все они посвя-

щены теме любви, в силу чего мы с полным на то основанием отнесем их к разновидности любовного сонета. По справедливому мнению мордовского литературоведа А. В. Алешкина, «Кельгомась поэтть сонетонзон эса ётафтф-арьсеф оцю эряфонь смую опытть пачка, и сяс элегическый синь мотивсна — тя аф кинь-целень юмафтома, кода тя шарьхкодеви ланга ванозь, а мелоланкт — лувись эздонза маряй вешендеви кити-цельти эсь лацонь маладома» [Бebан, 1983, с. 10] («Любовь осмыслена поэтом сквозь призму умудренного жизненным опытом человека, и поэтому присутствующие в сонетах элегические мотивы <...> воспринимаются не как утрата лирическим героем ориентиров, а наоборот, как достижение им определенной цели»). Наряду с этим ученый подчеркивает важную роль использованных в сонетах образов-символов (*шобда ве* «темная ночь», *валда васедема* «светлая встреча», *мазы он* «прекрасный сон» и др.), способствующих глубокому лирико-философскому осмыслению темы.

В отличие от рассмотренных нами выше поэтов, М. Бeбан много экспериментировал с формой сонета, особенно в части способов рифмовки и их причудливого сочетания в одном произведении, что привело в итоге к нарушению внутренней структуры всех известных типов (английского, французского или итальянского) сонетов. От классической формы сонета Бeбан берет лишь количество строк (14) и деление их на строфы: преимущественно три катрена и одно двустишие. Однако двустишие лишь в 9 случаях из 17 (53 %) завершает сонет, подводя своего рода итог размышлениям лирического героя. В 47 % случаев двустишие располагается между вторым и завершающим сонет катреном и в содержательном плане, как правило, не представляет собой ни антитезис, ни синтез (или ни поворот темы, ни итог). В подтверждение приведем сонет под заголовком «Аф максак полакс, эряф, — сюдотя!» («Не выдашь за меня замуж, жизнь, — тебя проклян!»):

Вай, мес ни тяшкава монь лангсон рахсесь эряфсь!
Тонь няфтензе веть пачка шобдавань цельфкакс
Ды кяшензе монь эздон. Вешан эсот фкакс —
ки ланга яксян, лаймова, куляксан, серян —

стак абон! Кули аш! Природась теень пярив.
Вай, кда мулихтень! мон эздот ни фкя вакс,
вакс пеня тялень ту! Пиштиделень тонь ваксказт!
Макс, муфтка паваскязень, милостю ульхть, эряф!

Деряй ни кельгиенди парцень аф тият?
Няфтть лажатф седиенди васьфтемась кит-ятт!

Аф васфтьфтендярясамась, кда ни аф лездат
сонь тиёмс поланякс (аф эряви иля!
Сон! Аньцек сон!), мон эста нильгодян тонь эздот
Да — соньфтомонза — куломозон сюдотя!

[Бeбан, 2009, с. 466]

Ой, почему так надо мной посмеялась жизнь!
Тебя показала ночью утренним силуэтом
и спрятала от меня. Ищу тебя все равно —
брожу по дорогам, оврагам, спрашиваю, кричу —

безуспешно! Никто не слышит! Природа ко мне глуха.
Ой, если бы нашел! я от тебя бы ни на вершок,
ни на хвостик вершка не ушел! Прижался бы к тебе!
Верни потерянное счастье, будь милостивой, жизнь!

Неужели любящему не поможешь?
Покажи томящемуся сердцу путь-дорогу к встрече!

Не будешь способствовать встрече, если не поможешь
сделать моей женой (не нужна другая!
Она! Только она!), я тогда отвернусь от тебя
Да — без нее — до смерти прокляну!

Кроме указанной нами особенности, читатель в данном произведении может наблюдать и оригинальные способы рифмовки: «замкнутая» рифмовка (кольцевой/охватный/опоясывающий способ на две рифмы) первых двух катренов — abba abba; парный (или смежный) способ рифмовки в двустишии — cc; «открытая» рифмовка (перекрестный способ) третьего катрена — dede. Здесь мы видим отклонения от классической схемы рифмовки в самых широких пределах: первые два катрена срифмованы по французско-итальянскому типу, двустишие и последний катрен — по английскому.

Предпримем попытку систематизировать структуру сонетов М. Бебана и полученные результаты представить в виде таблицы (табл. 3). Предварительно констатируем, что в сборниках его стихов опубликовано 18 сонетов, не считая двух произведений: «Фкя-фкянь эзда тумань сельмоветть: сонеттненди валбе» («Слезы расставания: окончание сонетов») [Там же, с. 470 — 471], состоящего из 38 строк, которые сгруппированы в пять разных по объему строф (16, 9, 5 и две по 4 строки); «Ошеряй мокшавати (сонетса анцяй позмаян)» («Городской мокшанке (маленькая поэма в сонетах)») [Там же, с. 453 — 459]. Кроме того, в одном из семнадцати сонетов отдельные строфы не выделяются, все его 14 строк представляют собой сплошной текст, характеризующийся оригинальными способами рифмовки (охватный на две рифмы в первых восьми строках (abba abba) и охватно-парно-перекрестный — на две рифмы — в последующих шести (cdd cdc)), поэтому он также не вписывается в общую схему. В силу сказанного в приведенную ниже табл. 3 включены результаты анализа внешней композиции 17 сонетов. В левом столбце наглядно представлены способы деления на строфы и их разновидности, в четырех правых — результаты систематизации использованных поэтом способов рифмовки.

Прокомментируем количественные данные. Итак, деление на строфы осуществлено поэтом по английскому типу, поскольку в любом из его сонетов мы обнаруживаем наличие трех катренов и одного двустишия. Вместе с тем расположение

Таблица 3

Структура сонетов М. Бебана

Название строфы	Перекрестный способ (с автономными рифмами / на две рифмы)	Парный способ (с автономными рифмами / на две рифмы)	Охватный способ (с автономными рифмами / на две рифмы)	Холостые рифмы
1-я и 2-я: катрен	1/2	0/0	2/12	0
3-я: <u>катрен</u> двустиишие	<u>5/0</u> 0/1	5/0	<u>3/0</u>	2
4-я: <u>катрен</u> двустиишие	<u>3/0</u> 0/1	3/0	<u>1+4/0</u> 0/4	1

почти в половине случаев (47 %) двустиишия между второй и четвертой строфой, а не в конце произведения, свидетельствует о явных отклонениях от схемы английского сонета. Анализ использованных способов рифмовки позволяет еще в большей мере констатировать отличия структуры сонетов М. Бебана от общепринятых. Так, первые два катрена срифмованы в 14 случаях (82 %) из 17 по итальянско-французскому типу, поскольку в них использован охватный способ рифмовки на две рифмы (12 случаев — 70,5 %) и перекрестный на две рифмы (2 случая — 11,7 %). Отклонения от итальянско-французского типа (охватный способ рифмовки с автономными рифмами) отмечаются в двух случаях (11,7 %). Лишь в одном случае из семнадцати (6 %) поэт прибегает к перекрестному способу рифмовки с автономными рифмами (это характерный признак английского сонета), что должно было быть во всех сонетах при соблюдении поэтом установленных правил.

Оригинальными представляются и способы рифмовки третьих катренов. По правилам, если предыдущие два катрена срифмованы по охватному способу рифмовки, то последующий должен иметь перекрестные рифмы. У М. Бебана в двух случаях из трех (67 %) наблюдается нарушение данного правила. Кроме того, в одном из сонетов («Мекольдень онць» — «Последний сон») [Там же, с. 470] во всех трех катренах наблюдается перекрестный способ рифмовки на две рифмы, а не на автономные, как этого требуют правила английского сонета. Следует подчеркнуть еще одно отступление от правил, имеющее место в последней строфе сонета «Кяль юроц коськоль лангозт шотнайть» («Да отсохнет язык наговаривающего на тебя»). В строфе, представляющей собой катрен, наблюдается охватный способ рифмовки с холостыми рифмами во второй и третьей строке.

Имеют свою специфику и способы рифмовки двустииший. Если они завершают сонет, то рифмуются преимущественно со строками предыдущего катрена (в 4 случаях из 9, что составляет 44 %) или попарно (в 3 случаях из 9 — 33 %). Наряду с этим в двустиишиях встречаются холостые рифмы («Тят корхта ни стак абон» — «Не говори ни о чем») и перекрестный способ рифмовки на автономные рифмы.

Таким образом, М. Бебан создал на мокша-мордовском языке свой сонет, характеризующийся нарушением общепринятой внутренней структуры итальянского, французского и английского сонета, что наиболее зримо проявилось в соединении большинства известных способов рифмовки в одном произведении.

Практически одновременно с М. Бебаном жанр сонета в мордовской литературе успешно осваивал **Д. Т. Надькин**. В его сборник «Кустемат»¹⁴ («Ступени») вошли девять сонетов, разных по содержанию и архитектонике. Подчеркнем, что три сонета построены по английскому (шекспировскому) типу, пять — по французско-итальянскому, определить разновидность одного («Помня: вейке лезгин монень коротакшнось...») — «Помню, один лезгин мне говорил...») не представляется возможным, поскольку в двух его терцетах присутствуют неточные и холостые рифмы. Заглавия имеют лишь те сонеты, которые построены по английскому типу.

В сонете «Видечи» («Правда»), созданном по английскому типу, поэтом соблюдены не только требования к способам рифмовки, но и «правило» для содержания: тезис — развитие — антитезис — синтез. Здесь Д. Надькин выступает как поэт-философ. Если в первой части сонета он утверждает мысль о том, что в ряду однокоренных слов «вий, вить, витькстамс, витемс, виде, видечи — сила, правый, упомянуть, выправить, прямой, правда» слово «правда» — «детеныш слова сильный», то в конце приходит к более верному выводу: «Эсь ютковаст сюлмавозь валтнэ течис. / Но лувсо, юрсо ней ашти видечись» [Надькин, 1977, с. 11] («Друг с другом связаны слова до сих пор. / Но в их основе, корне теперь расположена правда»). Не менее удачным в художественном плане является сонет под названием «Янксема» («Сожаление»), в котором лирический герой осуждает людей, вечно сомневающих и сожалеющих о совершенных поступках. Он призывает их жить полноценной жизнью, не бояться действовать и в конце заключает: «Кармить ильведевкст. Вейкеяк — янксема: / Сон лавшочи. Ильведевкэсь — вешнема» («Будут ошибки. Ни одного — сожаления: / Оно слабость. Ошибка — поиск»).

Тематика сонетов, созданных по французско-итальянскому типу, весьма разнообразна: воспитание молодого поколения («Недлячи. Маней. А покшке якшамне...») — «Воскресенье. Солнечно. Небольшой холодок...»), взаимоотношения мордовских этносов эрзи и мокши («Эрзят, мокшот. Эрзя-мокшот. Мокшэрзят...») — «Эрзяне, мокшане. Эрзя-мокша. Мокша-эрзя...»), назначение поэта и поэзии и др. Их проблематика актуальна, достаточно высок и художественный уровень.

В последний сборник Д. Надькина¹⁵ «Пинкст» («Круги», 1993), который издан после его смерти, вошли два сонета, из которых особый интерес вызывает «Тердема» («Призыв»), состоящий из двух катренов и двух терцетов со способами рифмовки abab cdcd eef ggf. В данном сонете деление на строфы осуществлено по французско-итальянскому типу, способы рифмовки в катренах — по английскому, в терцетах — по французскому типу, стихотворный размер — пятистопный ямб. Таким образом, форма сонета основана на синтезе разных традиций, чего нельзя сказать о содержании, поскольку в нем соблюдена свойственная данному жанру логика движения поэтической мысли (декларация темы — ее развитие — поворот — логический вывод). В первом катрене лирический герой говорит о необходимости зорко смотреть вокруг в силу того, что неподалеку свер-

кают молнии войны; во втором — о наличии врага в образе нечистого со сжатым в руке кинжалом. В одном терцете звучит призыв «сбросить с глаз вековую пелену и увидеть, что земля, плывущая в темной вселенной, не что иное, как синеватая колыбель»; в заключительном — в форме риторического вопроса высказывается утверждение, что земле не нужна война и «пусть, как песня матери, на колыбель опустятся достаток и спокойствие» («Кадык, прок авань моро, валгить течи / Уличи ды сэтьмечи лавсенть лангс») [Надькин, 1993, с. 12]. Следовательно, в сонете раскрывается актуальная во все времена тема войны и мира, высказывается злободневная идея сохранения планеты Земля.

Таким образом, специфика сонетов Д. Надькина проявляется в синтезе традиций итальянско-французской и английской литератур. При этом в 36 % случаев поэт прибегает к способам деления на строфы, принятым в английской поэзии, в 64 % случаев — во французско-итальянской. При обращении к форме английского сонета в основном соблюдаются все установленные правила, в других случаях отмечается синтез разных литературных традиций.

В конце 1980-х гг. к жанру сонета обращался **А. Кадоркин**. В его сборнике «Терди чачома мастором»¹⁶ («Зовут родные места») опубликованы три сонета под общим названием «Пушкин». Первое стихотворение в определенной мере имеет сходство с «половинчатым» сонетом (4+3 строки), поскольку состоит из двух строф — катренов. В нем автор рассказывает о поре рождения великого поэта, о выпавших на его долю тяжелых жизненных испытаниях и о трагедии на Черной речке.

Сонет, обозначенный цифрой 2, близок к французскому типу, поскольку делится на два катрена и два терцета со способами рифмовки последних *ccd ede*. Вместе с тем в двух катренах прослеживается перекрестный способ рифмовки, свойственный английскому типу. В сонете явно просматривается тема поэта и поэзии. В первых строфах автор выражает восхищение талантом выдающегося поэта: «Эрва валозо прок кенерезь кстый» («Каждое его слово, точно спелая земляника»), далее призывает поэтов «писать вслед за Пушкиным о своем времени», «тогда, быть может, удастся оставить после себя небольшую тропу», а в заключительной части делает философское заключение о том, что «узкие тропинки всегда выводят на большую дорогу» [Кадоркин, с. 8]. Таким образом, во втором сонете А. Кадоркину удалось соблюсти одно из важных «правил» для содержания рассматриваемого жанра: соотношение четырех строф сонета как «тезиса — развития — антитезиса — синтеза»¹⁷.

Третий сонет А. Кадоркина по своей тематике и структуре сходен с предыдущим, отличается лишь схемой рифмовки заключительного терцета: *eed*, таким образом еще более приближаясь к классическому французскому сонету. В первых строфах мордовский поэт высказывает мысль, что «читая Пушкина, ощущаешь себя заново рожденным», что «после него было много поэтов», но они воспринимаются «как братья», «а он всем отец». В терцетах автор сопоставляет зарубежных поэтов с русскими: Р. Бернса с Есениным, Гейне с Блоком и Фетом, рассказывает о том, что «у них есть Байрон и Шекспир», а в заключении приходит к выводу, что «до сих пор, пока стоит мир, нигде не рождался поэт такой величины, как Пушкин» [Кадоркин, с. 9]. Говоря об особенностях стихосложения, следует отметить, что все три сонета написаны А. Кадоркиным пятистопным

ямбом, созданы в силлабо-тонической системе стихосложения, как и большинство русских сонетов.

В заключение подчеркнем, что проанализированные произведения А. Кадоркина представляют собой сонеты-посвящения, своеобразие которых заключается в том, что деление на строфы осуществлено по французскому типу, а способы рифмовки в катренах соответствуют английскому типу.

Сонеты создавал и заслуженный поэт Мордовии **И. А. Калинин**. В отличие от других авторов, первоначально он обратился не к жанру сонета, а к венку сонетов, подтверждением чему служат произведения «Ине Эрзяненъ пшкадема» («Обращение к великому Эрзе», 1976) и «Ояксчинь цецят» («Цветы дружбы», 1979). Четыре сонета под общим названием «Аванень» («Матери»), составившие цикл, впервые были опубликованы в 1980 г. в журнале «Сятко» («Искра»)¹⁸. Тот факт, что поэт сначала освоил жанровую разновидность венка сонетов, в определенной мере обусловил специфику указанных сонетов-посвящений И. А. Калинкина. Так, каждая первая строка последующего сонета повторяет последнюю строку предыдущего, образуя своего рода «гирлянду». Бросается в глаза еще одна особенность: заключительные строки первого сонета перекликаются по звучанию и высказанным мыслям с двестишием-кодой четвертого сонета, определяя тем самым кольцевую композицию всего цикла:

Бути молят стакасто кияват,	Если идешь тяжело по пути,
Сехте пек мелявты кисэть ават	Больше всех переживает за тебя мама.
[Калинкин, 1980, с. 163]	
Бути молят кеместэ кияват,	Если идешь твердо по пути,
Сехте пек кенярды тиринь ават	Больше всех радуется родная мама.
[Там же, с. 164]	

В сонетах на первом плане отображение в духе народных идеалов духовной близости повествователя и лирического персонажа, обрисовка материнской любви, ориентированной на воспитание в сыне уважительного и бережного отношения к окружающим. Анализируемые сонеты созданы в целом в соответствии с традициями английской поэзии: состоят из трех катренов и одного двестишия; в катренах наблюдается перекрестный способ рифмовки на автономные рифмы; строки двестишия-коды рифмуются между собой. Отличительной особенностью является то, что произведения написаны пятистопным хореем, а не ямбом, как принято в английской и русской литературе.

Из других сонетов И. Калинкина можно отметить «Сэрейстэ стясь уцяскань пандо текш...»¹⁹ («Высоко расположилась вершина счастья...»), в котором автор ставит одну из важных проблем философского плана — проблему счастья. Основная идея произведения заключается в утверждении мысли, что если довольствоваться малым, незначительным, то до вершины счастья дойти невозможно. Данный сонет сложен по английскому типу, имеет такую же структуру и способы рифмовки, как и предыдущие. Отличие от предыдущих сонетов заключается в использовании в качестве стихотворного размера пятистопного ямба.

Таким образом, произведения И. Калинкина созданы в соответствии с традициями английского сонета и по выделению строф (три катрена и одно

двустопные), и по способам рифмовки (abab cdcd efef gg). Вместе с тем в качестве стихотворного размера поэт использует преимущественно пятистопный хорей, а не ямб, что отличает мордовский сонет от английского и русского.

К сожалению, в последнее десятилетие к жанру сонета не обращался ни один из мордовских поэтов (в 2006 г. опубликован лишь венок сонетов Р. К. Орловой «...Инксот эрян» — «...Тобой живу»), что можно рассматривать как свидетельство кризиса данного жанра на современном этапе развития национальной литературы.

В заключение отметим, что мордовские сонеты разнообразны по содержанию, среди них преобладают любовные сонеты и сонеты-посвящения, распространены сонеты — философские размышления, наряду с этим имеют место сонеты-призывы, сонеты-восхваления, встречаются даже сонеты — аналоги визуальному образу и сонет — поэтический манифест. Сонеты созданы главным образом по английскому типу: состоят из трех катренов и одного двустопия. В катренах наблюдается преимущественно перекрестный способ рифмовки, в двустопиях — парный. В качестве стихотворного размера избирается в случае обращения поэтов к силлабо-тонической системе стихосложения, как правило, пяти- или шестистопный ямб, в случае использования силлабической системы стихосложения — чаще всего 10- или 11-сложник, реже 9-сложник.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Брыжинский А. И.** Процессы жанрового развития мордовской прозы (50 — 90-е годы). Саранск, 1995 ; **Его же.** Современная мордовская проза (движение жанра). Саранск, 1995 ; **Бирюкова О. И.** Жанровая парадигма мордовской художественной прозы: генезис, межлитературный и межкультурный контексты. Саранск, 2011 ; **Карabanова Н. В.** Художественно-эстетическое своеобразие повести в русскоязычной прозе Мордовии 80 — 90-х годов XX века : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 2001.

² См.: **Алешкин А. В.** Эпос дружбы: Типология жанра поэмы в литературе народов Поволжья. Саранск, 1985 ; **Девяткин Г. С.** Мордовский рассказ. Саранск, 1987 ; **Кирюшкин Б. Е.** Мордовский советский роман. Саранск, 1965.

³ См.: **Каторова А. М.** Родовое и жанровое деление художественной литературы // **Каторова А. М.** Введение в литературоведение: курс лекций для студентов нац. отделений вузов. Саранск, 2006. С. 140 — 168 ; **Налдеева О. И.** Жанровая система поэзии Мордовии: генезис, эволюция, поэтика. Саранск, 2012.

⁴ См.: **Налдеева О. И.** Указ. соч. С. 36 — 43.

⁵ См.: **Девяткин С. Г.** Сонет // Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2004. Т. 2. С. 348.

⁶ См.: **Налдеева О. И.** Указ. соч. С. 37.

⁷ **Девяткин С. Г.** Указ. соч. С. 348.

⁸ См.: **Моро А.** Тундо : стихт ды поэма. Саранск, 1959. С. 127 — 143 [Весна : стихи и поэма]. Далее ссылки в тексте: [Моро, 1970, с.].

⁹ **Моро А.** Эрья ломанеть ули морозо : стихть. Саранск, 1970. [У каждого человека своя песня]. Далее ссылки в тексте: [Моро, 1970, с.].

¹⁰ **Гайни П.** Кочказь стихть (1932 — 1946). Саранск, 1947. С. 90 — 92. [Избранные стихи]. Далее ссылки в тексте: [Гайни, с.].

¹¹ **Прончатов И.** Стройсэ. Саранск, 1950. С. 64, 67. [В строю]. Далее ссылки в тексте: [Прончатов, с.].

¹² См.: **Бebан М. А.** Видептѣф борозда : Кочкаф стихтвореният, сонетт ды анцяй поэманият. Саранск, 1983. С. 184 — 205. [Выпрямленная борозда : Избранные стихтворения, сонеты и маленькие поэмы]. Далее ссылки в тексте: [Бebан, 1983, с.].

¹³ **Бебан М. А.** Кочкаф произведеният : калфа томса. 1 томсь : стихт, баснят, сингорямат, лия кьялста ётафтфонза, поэмат и анцяй поэмаят, сонетт. Саранск, 2009. [Избранные произведения : в 2 т. Т. 1 : стихи, басни, шутки, переводы с других языков, поэмы и маленькие поэмы, сонеты].

¹⁴ См.: **Надькин Д. Т.** Кустемат : стихть ды поэмат. Саранск, 1977. С. 3 — 13. [Ступени: стихи и поэмы]. Далее ссылки в тексте: [Надькин, 1977, с.].

¹⁵ См.: **Надькин Д. Т.** Пинкст : Кочказь произведеният. Саранск, 1993. [Круги: Избранные произведения]. Далее ссылки в тексте: [Надькин, 1993, с.].

¹⁶ **Кадоркин А.** Терди чачома мастором : стихотвореният ды поэма. Саранск, 1987. С. 8 — 9. [Зовут родные места: стихотворения и поэма]. Далее ссылки в тексте: [Кадоркин, с.].

¹⁷ См.: Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М., 2003. С. 1008.

¹⁸ См.: **Калинкин И. А.** Аванень : сонетт // Сятко. 1980. № 6. С. 59. [Матери : сонеты]. Далее ссылки в тексте: [Калинкин, 1980, с.].

¹⁹ **Калинкин И. А.** Кочказь произведениях : колмо томсо. 1 томось : стихотвореният, повесть, очерк. Саранск, 2003. С. 178 — 179. [Избранные произведения в трех томах. Т. 1: стихотворения, повесть, очерк].

Поступила 03.07.2013 г.

УДК 82-22

А. П. Склизкова
A. P. Sklizkova

МОДИФИКАЦИЯ РОМАНТИЧЕСКОЙ ИРОНИИ И ЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В КОМЕДИИ «БОБРОВАЯ ШУБА» Г. ГАУПТМАНА

MODIFICATION AND ARTISTIC EMBODIMENT OF ROMANTIC IRONY IN G. HAUPTMANN'S COMEDY „THE BEAVER COAT“

Ключевые слова: патленизирование, романтическая ирония, вселенская игра, дух комбинирования, веселое искусство, серьезная шутка.

В комедии Г. Гауптмана «Бобровая шуба» трансформируется принцип романтической иронии. Драматург выдвигает концепцию «веселого искусства», в котором главным становится отражение глубокой серьезности жизни. Принимая основные романтические установки, Гауптман в то же время расширяет концепцию искусства Ф. Шиллера как игрового порыва. Под пером Гауптмана возникает комедия эпохи модернизма, в которой гетерогенный синтез обоснован философским феноменом игры, посредством которого драматург представляет свои размышления о человеке и мире.

Key words: romantic irony, cosmic play, spirit of combination, cheerful art, serious joke.

The principle of romantic irony is transformed in G. Hauptmann's comedy „The Beaver Coat“. The playwright proposes a concept of „cheerful art“, which becomes the main reflection of deep seriousness of life. Taking into consideration the basic romantic aims, Hauptmann at the same time

extends F. Schiller's concept of art as a game impulse. A comedy of the Modernist Era came from the pen of Hauptmann, which based the heterogeneous synthesis on philosophical phenomenon of game whereby the playwright represented his thoughts on man and the world.

На немецкой сцене примерно до 1880 г. господствовало три вида развлекательных пьес. Это в первую очередь фарсы, получившие наибольшее распространение в Германии в 1871 г. Благодаря Калишу и его последователям (А. Верауху, Г. Райдеру) фарс приобретал характер моментальной сценки, инсценировки, своего рода экспромта.

В народной драме, как явствует из определения, главными героями являются люди из народа. Авторы комедий ставят их в смешные и нелепые ситуации, из которых они далеко не всегда выходят победителями. Стремления персонажей связаны в основном с бюргерским достатком, уютом и комфортом¹. Среди писателей следует выделить творчество Анценгрюбера, который оказал сильное влияние на немецкую народную драму. Он поднял ее на высокую ступень, создал образ думающего крестьянина, заложил основы новой драмы².

Цель так называемых легких комедий — доставить удовольствие публике. В связи с этим в финале комедий происходило сглаживание всех противоречий. Подобные комедии достаточно долго держались на сцене: зрителя привлекала атмосфера радости и веселья. При внутренней пустоте содержания внешний комизм в них играл весьма существенную роль³, например в произведениях Р. Бенедера, Ж. Швайцера и Ю. Росена.

Что касается Г. Гауптмана, то его драматическая интенция направлена на философское обоснование жанра комедии. Три вида развлекательных пьес (фарс, народная драма и легкая комедия) синтезируются драматургом в единое целое, в результате чего, как писал М. Каган, «возникает не присоединение А к В, но сцепление их воедино, образуется целое, система, а не составные части соединения»⁴. Так, в легких комедиях Гауптмана привлекает царящее в них безудержное веселье и радость. Драматург выдвигает концепцию веселого искусства, утверждает его доминанту в противовес серьезности жизни, «благодаря веселому искусству мы не тонем в море серьезности, не затягиваемся тinou повседневности»⁵.

Размышления драматурга об оппозициях (жизнь — искусство, радость — серьезность) приводят к мысли об их нерушимых связях, к тому духу комбинирования, который был столь близок романтикам. Ф. Шлегель, например, определял дух комбинирования как провиденческую полноту, которая расширяет круг достоверного знания⁶. Подобно романтикам, которые принимали шутку всерьез, а серьезность в шутку, Гауптман считал, что веселое искусство призвано превратить серьезную жизнь в нескончаемый праздник, а жизнь должна внести долю серьезности в веселое искусство. Обоюдная коррекция жизни и искусства, синтетическое их объединение приводит Гауптмана к восприятию всеобщего бытия как непрерывной смены оппозиционных противоположностей. Подобная смена сама по себе спонтанна, свободна, творчески значима и имеет давнюю художественную традицию.

Концепция веселого искусства, с точки зрения драматурга, уходит своими корнями в Средние века, «слуга его — актер — находился в опале, хотя без него не проходило ни одно городское празднество, невозможны были радостные

ярмарки»⁷. Гауптман снимает «опалу» с актера — героя современной народной драмы, считая, что насмешка над ним неуместна, «надо любить всех своих героев, они являются созданием драматурга, его плотью и кровью, его детьми»⁸. Гауптману близки в этом плане творения Анценгрюбера, которые он определяет как «знак немецкой весны, немецкого цветения, открытие немецкой души»⁹. Драматург приветствует возрождающуюся средневековую фарсовую традицию, но, в противовес своим собратьям по перу, не причисляет фарс, как и народную драму, к низкой комедии. Царящее в фарсе веселье Гауптман связывает с искусством, воссоздающим радостную жизнь, полную глубокой серьезности: «только понятие радости придает значимость жизни, в ней сквозит особая точка зрения на вечность — она в нескончаемой радости»¹⁰. На основании подобной философской установки Гауптман отказывается от традиционного комедийного финала, согласно которому порок должен наказываться, а добродетель торжествовать. По Гауптману, человеческая личность многогранна, ее нельзя рассматривать с точки зрения определенных моральных сентенций¹¹. Людей нет смысла исправлять, их надо жалеть, вина и грех — это только слова, не более того¹². Характер юмора Гауптмана светлый и беззаботный. Драматург не преследует дидактических целей и вводит его в текст ради наслаждения и удовольствия.

Как видно, своим понятием юмора Гауптман связан с основными философскими установками романтиков, их осознанием иронии, царящей в мире. Романтики, ведя речь о чистой комедии, какую они находили в творениях греческого Аристофана, отмечали в ней стихию смеха, поэзию остроумия, игру мыслей, отличающихся бесконечным разнообразием¹³. Не случайно Гауптман отмечал, что нашел у Ф. Шлегеля девиз, представленный им в «Речи о мифологии»: «Вся святая игра искусства есть только подражание бесконечной игре мира»¹⁴. При этом романтическое понятие игры как апофеоза свободы человеческого духа, как действующее в мире игровое начало оценивается Гауптманом сквозь призму концепции Шиллера. Гауптман неоднократно упоминает его работы «О наивной и сентиментальной поэзии» и «Письма об эстетическом воспитании человека». Немецкому драматургу рубежа веков близка мысль Шиллера об искусстве как игровом порыве, о побуждении к игре, которая возможна тогда, когда человек возвышается до зренья и становится эстетически свободным¹⁵. Гауптман связывает понятие игрового порыва, почерпнутого им у Шиллера, с романтической концепцией игры «как бесконечной игры мира». Драматург уверен, что «бог играет с нами, как отец с детьми, пространство и миры его игровое дело. Мы не должны из игры выступать и возвращаться вновь к обнаженной серьезности, надо постоянно находиться в лучах игрового, божественного света»¹⁶. Гауптман определяет писателя как художника медиума. Такой писатель является творцом вселенной, вносит в нее игровое начало и создает веселое искусство, в котором главным становится метафизическая деятельность¹⁷. Следует отметить, что данную мысль Гауптман почерпнул у Ницше, драматург привел в дневнике цитату из «Рождения трагедии» и «Казус Вагнера», где говорится об искусстве как о метафизической деятельности. Однако с точки зрения Гауптмана, Ницше не является художником, который может играть, он излишне серьезен, не наделен сердечной теплотой и добротой, не в состоянии «наивно» следовать игровому порыву и получать истинное удовольствие от игры.

Гауптман склоняется к романтической мысли об игре как о вечной форме свободы, «самой свободной из всех вольностей»¹⁸. Однако осознание романтической иронии как возвышения над собой, «над своим собственным стремлением к абсолюту»¹⁹, чуждо Гауптману. Немецкого драматурга рубежа веков привлекает романтическая установка на игровое мышление и воображение. Под пером Гауптмана возникает комедия эпохи модернизма, в которой гетерогенный синтез обоснован философским феноменом игры, позволяющим драматургу представить свои размышления о человеке, о его восприятии мира.

В «Бобровой шубе» прачка мамаша Вольф на протяжении четырех действий всех обманывает: и рантье Крюгера (ворует у него дрова, затем шубу), начальника волости фон Вергана (он не подозревает ее, считает честной женщиной), своего мужа Юлиуса (не говорит ему правду о своих планах), отчасти дочерей (Леоantina и Адегельда лишь догадываются о действиях матери, но ничего не знают наверняка).

В комедии весьма ощутимы как средневековая фарсовая традиция, так и «фарсовый опыт» писателей XIX в. В связи с этим можно говорить об особой поэтике «Бобровой шубы». Исследователь творчества Гауптмана Е. Лемке определяет ее как нанизывание событий друг на друга²⁰. Однако о событиях речь трудно вести, в комедии крайне мало внешнего действия, зато много различных фарсовых инсценировок. Данные инсценировки могут быть осмыслены по принципу романтического игрового фрагмента, в котором наиболее полно проявляется «остроумие как высшее начало человеческого сознания, как взрыв скованного духа, как логическая общительность»²¹. Во фрагментарных инсценировках наиболее заметен отказ Гауптмана от нормативной поэтики, что, как известно, является одним из принципов «новой драмы». У драматурга данный отказ связан с подтекстом особого рода — с введением принципа патленизирования. Данный термин истоком имеет средневековый фарс об адвокате Патлене, который умел ловко обманывать глупцов. Патленизирование Гауптман связывает с романтической мыслью об игре, в которой велика доля притворства. Оно «одновременно произвольное и вместе с тем обдуманное, <...> в ней великолепное лукавство, подсмеивание над всем миром»²².

Мамаша Вольф в «Бобровой шубе» патленизирует виртуозно. Так, она делает вид, что не в силах устоять против делового напора лодочника Вулькова. Оппонент Вольфихи начинает торг, от которого каждый получает огромное удовольствие. Оба включаются в игру, в которой каждый стремится выиграть. Первая цена за тушу козла — тринадцать марок, ее определяет Вульков, подчеркивая, что больше дать не может. Довольно быстро он соглашается заплатить четырнадцать, Фрау Вольф просит восемнадцать марок, ссылаясь на якобы строгий наказ мужа, в итоге они остановились на семнадцати. Подобный фарсовый игровой диалог свидетельствует о равном положении противников — они оба свободны в игре, наделены игровым мышлением, принимают правила игры, наконец, способны поощрять скрытую иронию друг друга. Доказательством является и достаточно быстрая договоренность, и предполагаемая будущая совместная деятельность, которая, они не сомневаются в этом, станет столь же успешной и плодотворной. Фрау Вольф и лодочник Вульков могут быть названы поэтами, в речах которых, что явствует из характера торга, сквозит «логическая красота» иронии²³.

Она проявляется в игровой активности героев, в отсутствии у них серьезности, в восприятии игры как необходимой жизненной установки, в той импровизации, в рамках которой и ведется патленизирование.

Иное дело беседа Вольфиhi с начальником волости Верганом. Патленизирование происходит лишь со стороны прачки. Верган глуп, полон самовосхваления и самовозвеличивания. Он не может патленизировать, подобный процесс требует переключения внимания на другого человека, способности видеть сильные и слабые стороны противника, а Верган заиклен исключительно на себе. У Вергана полностью отсутствуют необходимые игровые качества — воображение, фантазия и дух комбинирования. Фарсовая изворотливость, игровое начало присуще лишь проницательному человеку, такому как Вольфиha. Не случайно она с легкостью обманывает Вергана. Разбор дела о краже дров становится апофеозом фарсовой ситуации. Начальника волости не интересует, кто украл дрова, ему важно выяснить, где господин Крюгер их покупает. При этом возмущается, что тот не слушает его мудрых советов (на лесном складе дешевле, считает Верган). Вольфиha присутствует на суде в качестве свидетельницы — та, что украли и дрова, и шубу, пытается вместе со всеми отыскать вора, говорит, что страшно стало жить, везде воруют.

Немецкий литературовед П. Штонди называет госпожу Вольф творческой натурой²⁴. Подобное творчество наиболее проявляется в той сцене, в которой Гауптман рисует в высшей степени курьезную ситуацию — господин Крюгер является к Вольфиhe в тот момент, когда она собралась топить печь украденными у него дровами. Крюгер считает, что напрасно обидел ее, называет честной и порядочной женщиной. Фарсовый экспромт приобретает в этой сцене поистине раблезианский размах. Крюгер, пробуждая в Вольфиhe благородное негодование, кричит, что не оставит этого дела — у него украли шубу через восемь дней после пропажи дров. Госпожа Вольф соглашается с ним, говорит, что нужно произвести настоящую чистку. Крюгер, окрыленный, как он считает пониманием и поддержкой мудрой прачки, упоенный собственным красноречием, бешено размахивает поленом тех самых дров, которые у него украли Вольфиha. Он с пафосом утверждает, что нападет на след вора. Мамаша Вольф с радостью в очередной раз соглашается с ним, подчеркивая, что тогда наступила бы всеобщая благодать.

Как видно, смеховой эффект построен на несоответствии характера и ситуации — главная зачинщица и организатор воровских действий называется достойнейшей. Это несоответствие взрывает филистерскую мораль изнутри. Гауптман считал, что главное в филистере — внутренняя остановка, внутренняя гибель²⁵. Таковы практически все герои в комедии Гауптмана, но госпожа Вольф — натура мыслящая, готовая в любой момент включиться в игру, поскольку знает, что любой неверный шаг ее погубит. Внешне госпожа Вольф, как правило, выглядит спокойной, однако благодаря подтексту (которому, начиная с Клейста, большое внимание стали уделять драматурги) становится понятно, что спокойствие это напускное. В подтексте раскрывается тайна действующих лиц, т. е. то, что хотят скрыть от других. Подтекст — это не подлежащее огласке состояние, особое движение души²⁶. Он тесно связан с пантомимой, с особыми жестами и движениями. Гауптман писал, что в комедии он

следовал мимическому народному юмору, в котором мимические действия передаются через особую пантомиму²⁷. Так, в тот момент, когда Адельгейда сообщает матери о приходе Крюгера, первое восклицание («Это невозможно!») выдает растерянность госпожи Вольф из-за неожиданной, катастрофической для нее ситуации: дрова Крюгера лежат на самом видном месте. Сейчас ей сложно включиться в игровое действие, ситуация в какой-то степени вышла из-под контроля, Вольфихе приходится принимать навязанные ей игровые условия, а не диктовать их самой, как она привыкла. Игра приобретает серьезный характер, перестает походить на искусство, становится суровой действительностью. Однако госпожа Вольф немедленно берет себя в руки, спонтанно обдумывает возможные игровые ходы, сама жизнь становится для нее веселой игрой, в которой Вольфиха намерена одержать победу. За несколько секунд она внутренне собралась и обдумала ситуацию, поэтому при входе в дом Крюгера была способна вполне естественно изобразить, что она в выходной день начала уборку (складывает дрова в одно место), в связи с этим просит его не смотреть по сторонам, так как ей стыдно за беспорядок в комнате. В ходе беседы с ним госпожа Вольф все время вытирает концом передника глаза, Гауптман в ремарках подчеркивает, что она растрогана. В данном случае можно вести речь о примере так называемого бессознательного подтекста, когда проявляются неясные порывы души, то, что для самого человека составляет тайну. Вольфиха действительно растрогана, удивлена своей реакцией на предложение Крюгера о примирении, потрясена тем, что тот, у кого она украла дрова, называет ее порядочной женщиной. Данная пантомима в высшей степени комична — слез нет, хитрая прачка вытирает сухие глаза. Внутренне она торжествует: для нее много значит мнение окружающих, она не может позволить осуждение со стороны кого-либо, иначе многие ее действия получат неблагоприятное толкование.

Иной характер подтекста, непосредственно связанного с пантомимой, в первом действии: Вольфиха входит в дом с мешком за плечами, долго не снимает его, лишь спустя некоторое время позволяет дочери помочь ей. В мешке туша козла, об этом никто не должен знать, но Леонтина она доверяет, обе вешают тушу на дверной косяк. Ни дочь, ни мать не комментируют ситуацию. Леонтина сообщает матери, что не вернется к Крюгерам (она у них в услужении), так как ее заставили поздно вечером перетаскивать дрова с улицы в дом, а она отказалась. Так Вольфиха узнает, что прекрасные сухие дрова лежат прямо на улице, надо только пойти и «взять» их. Леонтина невольно становится сообщницей и доверенным лицом матери. Они без слов заключают своеобразный союз, проявляющийся в особых действиях, представленных в форме пантомимы, — Вольфиха дает Леонтине кастрюлю с мясом козла и велит поставить ее на огонь.

Творческая модификация романтической иронии проявляется у Гауптана благодаря введению в драму диалекта. Диалект фигурировал в народной драме, вводился иногда в фарс, но применялся в основном для осмеяния персонажей, подчеркивая их невежество. У Гаупмана диалект имеет иное значение, «является основой писательского языка, в диалекте прослеживается ритм, особая музыкальность художественного слова»²⁸. Игровое сознание персонажей подчеркивается Гауптманом с помощью диалекта, благодаря которому возникает

особая магия языка, которую Шлегель называл остроумием, представляющим особое смешение сознательного и бессознательного. Диалект у Гауптмана придает речам действующих лиц, в первую очередь госпоже Вольф, неповторимое своеобразие, заставляет их в полной мере ощутить неповторимую стихию жизни, мыслимую как веселое искусство. Так, в разговоре с мужем, считая, что он не должен вмешиваться в ее отношения с дочерьми, госпожа Вольф употребляет слово «конференция» вместо «компетенция». (В русском переводе, данного на литературном языке, подобного слова нет, смеховой эффект затемнен — «Das schlägt nich in deine Konferenz. In meine Konferenz geheert das»). Мамаша Вольф, включенная, в отличие от своего мужа, в жизненное игровое пространство, не столь неправа в выборе слова, как может показаться. Конференция — это в первую очередь союз, собрание единомышленников, обсуждающих вопросы, интересные им. Такой союз заключен у прачки с дочерьми, они ее понимают и поддерживают, однако с мужем у Вольфиhi сложные отношения. Гауптман подчеркивает в ремарках, что он вялый, часто не говорит, а бормочет, жена им руководит, сам он мало на что способен. Они оба говорят на диалекте, но это лишь внешний разговор, внутренний язык — «конференция» — у них разный.

С лодочником Вульковым, для кого крадется бобровая шуба, Вольфиhi, напротив, говорит просто и непосредственно, хотя беседа их полна скрытых намеков, более понятных именно на диалекте, а не на литературном языке. Их диалектная беседа представляет собой виртуозную «музыку созвучий». Диалектный «запев» начинает Вульков, который хочет обзавестись бобровой шубой: «Wenn ick so wat mal hebben könnnte». Предложение построено неправильно и лексически, и грамматически, но звучит, «тянется» музыкально. Вольфиhi «подпевает» ему, она сама не возражает против такой шубы: «I ja, so' n Pelz mecht ich ooch mal haben». В отличие от собеседника она правильно употребляет личное местоимение **ich**, а не **ick**, но другие «ошибки» — обилие гласных — заставляют речь мелодично звучать (**I, ja, ooch**). Завершает столь увлекательную беседу предложение Вулькова заплатить за шубу 60 — 70 талеров, если Вольфиhi услышит о шубе. Столь «конкретная» формулировка передана певуче-диалектно, через обилие тянущихся гласных и дифтонгов, через двойное употребление слова «например», в котором сочетание **ei** заставляет слово тянуться, как в песне: «ick meen all beispielesweise so'n Pelz zum Beispiel». Столь же ритмически-музыкальны слова госпожи Вольф, когда она получила деньги за шубу. О технике кражи шубы, в отличие от похищения дров, в комедии не сказано ни слова, дана лишь констатация факта. Вольфиhi считает деньги и при этом так довольна, что начинает говорить почти в рифму: «Du soll mich in Ruh lassen. Las du doch den dämlichen Motes blasen».

Итак, финала как такового нет. Суть дела не забыта, но поисками преступника так никто и не занимался. Игра, которую ведет госпожа Вольф, вырывает ее из сферы обыденной жизни, но одновременно неразрывно и связывает с нею. Виртуозная игра героини ведется с позиции материального расчета, играть ее заставляют обстоятельства, которыми она, бесспорно, руководит, но и марионеткой которых является. Игра ведется по правилам видимого, реального мира, свобода от которого лишь кажущаяся.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Szondi P.** Theorie des modernen Dramas 1880 — 1950. Berlin, 1963. S. 51.
- ² См.: **Mayer S.** Hauptmann und die Mitte. Berlin, 1962. S. 56.
- ³ См.: **Hoefert S. G.** Hauptmann. München, 1982. S. 76.
- ⁴ **Каган М.** Метаморфозы бытия и небытия. СПб., 2006. С. 155.
- ⁵ **Hauptmann G.** Die Kunst des Dramas. Berlin, 1963. S. 11.
- ⁶ См.: **Шлегель Ф.** Критические фрагменты // Философия. Эстетика. Критика. М., 1983. Т. 1. С. 1 — 177.
- ⁷ **Hauptmann G.** Die Kunst des Dramas. S. 12.
- ⁸ Ibid. S. 13. 59.
- ⁹ Ibid. S. 89.
- ¹⁰ Ibid. S. 18.
- ¹¹ См.: **Hauptmann G.** Tagebücher 1897 bis 1905. Frankfurt am Main, 1987. S. 56.
- ¹² Ibid. S. 216.
- ¹³ См.: **Шлегель Ф.** История европейской литературы // Философия. Эстетика. Критика. М., 1983. Т. 2. С. 85, 86.
- ¹⁴ **Hauptmann G.** Tagebücher 1897 bis 1905. S. 201.
- ¹⁵ См.: **Шиллер Ф.** Письма об эстетическом воспитании // Статьи по эстетике. М., 1957. С. 345.
- ¹⁶ **Hauptmann G.** Tagebücher 1897 bis 1905. S. 28.
- ¹⁷ Ibid. S. 31.
- ¹⁸ **Шлегель Ф.** Критические фрагменты. С. 287.
- ¹⁹ **Карельский А. В.** Немецкий Орфей. М., 2007. С. 163.
- ²⁰ См.: **Lemke E. G.** Hauptmann. Leipzig, 1923. S. 205.
- ²¹ **Шлегель Ф.** Критические фрагменты. С. 283, 285.
- ²² **Шлегель Ф.** О греческой и римской литературе // Философия. Эстетика. Критика. 1983. Т. 1. С. 286.
- ²³ **Шлегель Ф.** Критические фрагменты. С. 282.
- ²⁴ См.: **Szondi P.** Op. cit. S. 38.
- ²⁵ См.: **Hauptmann G.** Tagebücher 1897 bis 1905. S. 25.
- ²⁶ См.: **Берковский Н. Я.** Статьи и лекции по зарубежной литературе // Философия. Эстетика. Критика. СПб., 2002. С. 83.
- ²⁷ См.: **Hauptmann G.** Die Kunst des Dramas. S. 65.
- ²⁸ **Vab J.** Die Chronik des deutschen Dramas. Berlin. 1980. S. 49.

Поступила 15.07.2013 г.

УДК 82-21

О. М. Зайфридсбергер (Мартынова)

O. M. Seifriedsberger (Martynova)

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В ТРАГЕДИИ И. В. ГЕТЕ «КЛАВИГО»

EVOLUTION OF IMAGE OF THE MAIN CHARACTER IN J. W. GOETHE'S TRAGEDY „CLAVIGO“

Ключевые слова: трагедия, драматургия, театр, жанр, творчество, традиция.

В статье на примере развернутого анализа ранней пьесы Гете «Клавиго» доказывается, что, несмотря на следование основной сюжетной линии «Мемуаров» Бомарше, подтолкнувших поэта к написанию пьесы, трагедия Гете — оригинальное произведение, в котором детально разработан тип карьериста; отмечается, что сила и незаурядная твердость характера Клавиго связана с достижением им карьерных целей; доказывается, что пьеса Гете имеет национальные черты, несмотря на утверждение некоторых литературоведов о заимствовании Гете финала своей пьесы из драмы Шекспира «Гамлет».

Key words: tragedy, drama, theater, genre, creativity, tradition.

On basis of comprehensive analysis of Goethe's early play „Clavigo“ it is proved in the paper that this tragedy is an original work, in which the type of careerist was developed in detail, in spite of following the storyline of Beaumarchais's „Memories“ that prompted the poet to write plays; it is noted that the strength and extraordinary firmness of Clavigo's character was related to the achievement of his career goals; it is proved as well that Goethe's play has national traits, despite the claim of some literary scholars that Goethe borrowed the finale of his play from Shakespeare's „Hamlet“.

Трагедия И. В. Гете «Клавиго», написанная в 1774 г., была первой пьесой, вышедшей под настоящим именем автора. В пятнадцатой главе книги «Из моей жизни. Поэзия и правда» поэт рассказывал о том, как он пришел к идее создания произведения: тесному кругу друзей он прочел новинку — «непереведенные мемуары Бомарше»¹ и решил сделать из них пьесу. Таким образом, в основе трагедии Гете лежат подлинные события из жизни французского комедиографа, сестра которого, жившая в Мадриде, была обманута придворным журналистом Клавиго, не выполнившим брачного обязательства. Под угрозой дуэли Бомарше вынудил лжеца написать признание в бесчестности своего поступка и довел этот документ до сведения высокопоставленных особ государства. В результате разразившегося скандала Клавиго был лишен должности и удален от двора.

При создании пьесы Гете оставил действующим лицам их подлинные имена и, в основном, следовал сюжетной линии «Мемуаров» французского писателя. Вместе с тем его трагедия — оригинальное произведение, в котором детально разработан тип карьериста. По справедливому замечанию В. Лепмана, «...в немецкой литературе нет, вероятно, другой драмы, в которой был бы дан такой краткий и одновременно тонкий самоанализ героя»². Действительно, с первых страниц пьесы Гете вводит самохарактеристику Клавиго, которая отчетливо про-

сматривается в его высокомерном хвастовстве: «Этот журнал будет пользоваться доброй славой... Скажи мне, Карлос, ты не считаешь, что мой еженедельник — из первых в Европе?»³.

Клавиго самодовольно рассчитывает «привить народу хороший вкус» своей издательской деятельностью [Гете, т. 4, с. 116]. Впрочем, автор отдает дань незаурядным качествам героя: разнообразию его интересов, безудержной фантазии, силе мысли и легкому стилю одаренного журналиста.

В критической литературе распространено мнение о безволии и нерешительности центрального персонажа этой юношеской трагедии Гете. Так, исследователь Х. Линдер назвал Клавиго «мягкотелым, одержимым неистовым честолюбием слабым человеком»⁴. Слабость характера Клавиго также отмечали Р. Отто⁵ и И. Штрошнейдер-Корс⁶. Однако детальное рассмотрение образа Клавиго позволяет сделать вывод о том, что он вовсе не так слаб и нерешителен, как кажется на первый взгляд. Клавиго отчетливо представляет себе цель, к которой стремится: продвижение по службе, повышение социального статуса и достижение славы. Он слишком многое поставил на карту, чтобы пожертвовать всем во имя пусть даже такой прекрасной девушки, как Мари Бомарше. Некогда явившийся в Мадрид в «серой курточке» провинциал, человек без положения, имени и средств, Клавиго не может отказаться от своих тщеславных устремлений, им владеют честолюбивые мечты: «Если я останусь тем, что я есть, значит, я ничтожество! Выше! Выше!» [Гете, т. 4, с. 117]. Освоившись в придворных кругах, Клавиго трезво оценивает свои силы. Он отчетливо понимает, что его писательского таланта уже недостаточно, и для дальнейшего продвижения ему необходимы не честный упорный труд и прилежание, а «усилие и хитроумие». Произведениям, создаваемым когда-то «с открытым сердцем», амбициозный Клавиго предпочитает сочинения, написанные с расчетом на «всех женщин», которые придут «в восторг» от его журнала [Там же, с. 116].

Вместе с тем при столкновении с братом Мари и во время дружеской беседы с другом Карлосом Клавиго оказывается под влиянием сильных и незаурядных личностей. Так, в разговоре с Бомарше, требовавшего от него письменного признания в низости совершенного поступка, Клавиго проникается благородством души и справедливостью притязаний брата бывшей возлюбленной, растроганно заявляя: «Я имею дело с оскорбленным, но благородным человеком» [Там же, с. 132]. Впрочем, замороженность Клавиго мощной натурой Бомарше немедленно рассеивается, как только он остается один. Клавиго осознает, что поддался настроению минуты и с досадой констатирует: «Не надо мне было давать ему эту бумагу» [Там же, с. 132]. Совершенно иными чувствами переполнена его душа во время беседы с Карлосом. Еще недавно убежденный в правоте страстных речей Бомарше, Клавиго соглашается с доводами друга, уверяющего его в неразумности женитьбы на безвестной чужестранке, когда сотни богатых и знатных соотечественниц «с утра до вечера только и думают» о том, как бы заполучить такого завидного жениха. Поэтому совестливое признание Клавиго, о том, что «он бросил Мари, обманул ее» вовсе не является показателем переживаний раскаявшегося человека. В глубине души он ждет от Карлоса слов поддержки и одобрения своим действиям.

Карлос — это своеобразный искуситель Мефистофель. Разобравшись в сути характера Клавиго, он вливает яд честолюбия в его душу, подогревает стремление к более высокому положению, распалает в сердце Клавиго жажду славы и любовь к почестям. С тем, чтобы оправдать неблагоприятный поступок Клавиго, Карлос прерывает его размышления о переменчивости природы человека циничным восклицанием: «Удивляться надо бы постоянству! Приглядишься, разве не все в мире меняется? Почему же страсть должна быть постоянной?» [Там же, с. 118].

Мотив виновности главного героя, по той или иной причине охладевшего к бывшей невесте, разрабатывался в ряде ранних пьес Гете («Гец фон Берлихинген», «Совиновники», «Прафауст» и др.). Подобного рода истории часто затрагивались и в современной поэту литературе. На первый взгляд отношение Клавиго к Мари, как Вейслингена к сестре Геца фон Берлихингена Марии и Фауста к Гретхен, представлено в ранней пьесе поэта в традиционном ключе мещанской трагедии. Однако мотивировка поступков центрального персонажа, а также линия развития банального конфликта между мужчиной и женщиной идет у Гете по несколько иному пути. По мнению драматурга, долг для мужчины — это этическая категория, которая имеет две неразрешимые системы отношений: с одной стороны, моральное обязательство перед самим собой и необходимость проявить свои внутренние возможности; с другой — нравственный долг, ответственность перед девушкой, которая, к сожалению, стала помехой для его дальнейших тщеславных устремлений. Клавиго нуждается в высшей протекции, как, впрочем, и во вдохновении любви; и то и другое не может уже ему дать небогатая чужестранка из мещан.

Пути выхода из сложившейся ситуации, предложенные Бомарше, оказываются для Клавиго тупиковыми, любой исход для него одинаково губителен: Бомарше требует дуэли или восстановления доброго имени сестры и публичного признания Клавиго в собственной низости. Карлос тоже выдвигает две версии развития событий: женитьба на Мари, равносильная смерти, или блестящая карьера в ближайшем будущем.

Оба варианта требуют решения за или против Мари, разумеется, речь идет не о личности девушки, а лишь о ее общественном статусе. Требования Бомарше и устремления Карлоса соотнесены с точкой зрения окружающих. Ради общественного мнения брат Мари бросается на защиту чести семьи. В угоду ему же Карлос отговаривает Клавиго от женитьбы. Наиболее убедителен Карлос, когда мастерски, в лицах изображает сцену ажиотажа, который поднимется в свете, при известии о бракосочетании Клавиго. Это своего рода пьеса в пьесе, которую он разыгрывает перед впечатлительным другом: «Как это могло произойти? — будут спрашивать друг у друга мадридцы. Как это могло произойти? — станут удивляться при дворе. Скажите, ради Бога, как это могло произойти? Она бедна, без всякого положения в обществе. Если бы не ее интрижка с Клавиго, никто бы о ней и слыхом не слыхал. Возможно, она мила, приятна в обхождении, неглупа, но разве из-за этого женятся?» [Там же, с. 143].

Параллельно этой выразительной тираде Карлоса Гете вводит ремарки, которые позволяют отчетливо представить, что происходит в смятенной душе Клавиго. На протяжении страстной речи Карлоса, рисующей безрадостные перспективы его дальнейшей судьбы в случае этой невыгодной женитьбы, Клавиго то

«стоит, погруженный в раздумье», то «в страхе, обливаясь слезами, бросается в объятия Карлоса», то безмолвно «опускается в кресло» [Там же, с. 144 — 145] и из его груди вырывается «глубокий вздох» [Там же, с. 143]. Ярко проиллюстрированная другом реакция светского общества на сообщение о бракосочетании архивариуса короля с нищей и больной иностранкой настолько впечатляет Клавиго, что он готов пойти на шантаж и подлость. Карлос — это персонаж, являющийся плодом вымысла автора. В подлинной истории Бомарше о таком человеке, имевшем на Клавиго гипнотическое влияние, не упоминается.

Карлос изображается не только как интриган, но и как умелый режиссер, по своему усмотрению манипулирующий действиями впечатлительного друга. Колкая насмешка Карлоса, которой он встретил вернувшегося от Мари Клавиго («Уж не от невесты ли ты возвращаешься в таком расположении духа?» [Там же, с. 140]), становится еще одной каплей сомнения, подтачивающей душу героя. Действительно, вид Клавиго в эти минуты вовсе не соответствовал облику влюбленного, счастливого ожиданием скорой свадьбы. В душе Клавиго царит смятение, причину которого он тут же объясняет Карлосу — Мари смертельно больна: «Не буду скрывать от тебя и притворяться — я испугался, снова увидев Мари! Как она изменилась, как исхудала...» [Там же, с. 144].

Карлос видит единственную для Клавиго возможность уберечься от «величайшего несчастья», которое до времени «сведет его в могилу» — это полный разрыв с девушкой. Он рисует блестящую перспективу дальнейшего продвижения Клавиго по служебной лестнице: «Мало на свете людей, столь предприимчивых и гибких, столь умных и трудолюбивых. Ему любое дело по плечу. Как архивариус он быстро приобретет важные знания, сумеет сделаться необходимым при дворе, а в случае каких-либо перемен — и министром» [Там же, с. 141 — 142]. В представлении Карлоса связь с женщиной должна стать апогеем пути к успеху, к высокому положению в обществе: «Многие знатные семьи закроют глаза на твое происхождение, а богачи рады будут тряхнуть мощной для поддержки твоего высокого сана...» [Там же, с. 142].

Карлос не бескорыстен, он осознает, что и прошлые и последующие заслуги Клавиго непосредственно связаны с его собственной карьерой, а архивариус короля, который в ближайшем будущем может получить должность министра — удобный трамплин для завоевания личных высот. Не случайно они очень хорошо понимают друг друга, и их маленький заговор «сделать так, чтобы новый министр не смог без нас обойтись» [Там же, с. 118] — подходящий для обоих повод продвинуться вперед.

Именно Карлос придумывает дьявольский план устранения «препятствия», которое представляет собой брат Мари: «возбудить против него уголовное преследование за то, что он, тайно пробравшись в Мадрид, <...> вынудил написать письменное признание, каковое и унес с собой, чтобы его распространить» [Там же, с. 147]. Карлос — опытный интриган, который уже «двадцать пять лет... принимает живейшее участие в подобных историях» [Там же]. У него всегда есть наготове верный человек и «несколько надежных убежищ», недоступных даже для вездесущей испанской полиции.

Вместе с тем цена успеха при дворе для обоих — это приспособление. Для достижения своей цели Клавиго и Карлос готовы, с одной стороны, «кланяться и

пустословить», с другой — «думать и поступать, как им заблагорассудится» [Там же, с. 118]. Однако их действия не могут выходить за рамки принятых в высшем обществе установок. Не случайно многие вельможи советовали Клавиго «не встречаться более с Мари, порвать с нею» [Там же, с. 142]. Свет, так высоко вознесший Клавиго, терпимый к общепринятому «пустословию» не прощает вольностей, и послушание может стоить герою карьеры. Таким образом, выигранная приспособленчеством независимость действий Клавиго оказывается только видимостью свободы. Клавиго и Карлос вынуждены подчиняться законам среды, в которой они обитают:

Карлос. *Хорошо бы нынче как следует поразвлечься, а до вечера я должен опять писать, писаньям конца не видно.*

Клавиго. *Полно! Не гнули бы мы спину для стольких людей, нам не удалось бы стольких оставить позади* [Там же, с. 119].

Чужестранка Мари вносит диссонанс в удачно складывающуюся карьеру Клавиго. Девушка не может забыть событий шестилетней давности, безоблачные для ее любви времена, когда «он был просто Клавиго, а не архивариусом короля <...> Для меня он хотел завоевать имя, положение, состояние — ему это удалось, а я!» [Там же, с. 121]. Заслуги Мари в своем продвижении по службе признает и Клавиго, говоря, что только ей он обязан «значительной долей успеха, которую сразу завоевал у публики» [Там же, с. 116].

Впрочем, в характере слабой, на первый взгляд, Мари просматриваются черты сильной незаурядной личности. Робкая француженка, на родине которой принято «отпускать изменившего возлюбленного на все четыре стороны», по-иному ведет себя в Испании. Оскорбленная, мучимая ревностью она мечтает о мести: «...я вспомнила <...> его спокойный, холодный взгляд, который он бросил на меня, идя рядом с ослепительно прекрасной дамой... О, тут в душе своей я стала испанкой, схватила кинжал, взяла яд и надела маску» [Там же, с. 120].

Любопытно, что, вводя в пьесу характеристику особенностей темперамента французской и итальянской нации, Гете находится под влиянием сложившихся к XVIII столетию стереотипов о легкомысленности французов и чрезмерном честолюбии испанцев. То, что беззаботной француженкой решается легко и просто, гордую испанку с обостренным чувством чести приводит к кинжалу и яду — самым популярным и действенным орудиям мести.

В пьесе не говорится о том, что Клавиго оставил Мари, увлекшись другой женщиной. Рассказ девушки о бывшем женихе, которого она увидела в сопровождении красавицы-испанки, — это единственная фраза о возможной сопернице. Несчастливая девушка не может предположить, что основной причиной охлаждения любимого стали интересы карьеры.

К сожалению, никто из окружающих Мари близких людей не в состоянии помочь ей: ни Буэнко, который как любовник без шансов, осужден играть незаметную роль наблюдателя происходящего, ни сестра Софи, ни брат Бомарше. Брат как «судья и спаситель» не видит в Мари самоценную личность, главной задачей для него является лишь месть и восстановление семейной чести. Ответное письмо, в котором Бомарше реагирует на несчастье, постигшее Мари, предполагает сочувствие и дружеское участие. Однако ничего этого девушка не получает, послание ее «судьи» звучит как смертный приговор: «Если ты ви-

новата, не жди прощения; горе твое лишь усугубится презрением брата и проклятием отца» [Там же, с. 119]. Поэтому так сильно бьется и трепещет ее сердце при виде брата. Мари невыносима мысль о том, что родной человек смог усомниться в ее порядочности. Никакой сердечной связи с ним, как, впрочем, и с сестрой Софи у нее нет. Таким образом, человек дела Бомарше, с его пафосными тирадами и яростной мезтью представляет собой разительный контраст душевной угнетенности сестры. Мари, некогда «прелестное, веселое создание», буквально раздавлена произошедшим. Не случайно уже в первом акте трагедии возникает мотив удушья главной героини, мы узнаем, что Мари целое утро «задыхается и плачет», а последние слова девушки перед смертью — жалоба на стесненное дыхание и нехватку воздуха: «Ах, мне нечем дышать, дышать!» [Там же, с. 153].

Горестный и, в итоге, смертельный исход жизни предначертан Мари изначально. Она обречена на гибель и общественными установлениями, и несчастной любовью, и своей болезнью, так как уже в разгаре романа с Клавиго постепенно угасает от чахотки. Короткая передышка, связанная с возвращением любимого и повторной помолвкой — всего лишь замедление перед страшной развязкой. Предчувствуя несбыточность своих надежд и неотвратимость того, что должно свершиться, она пророчески говорит: «...я не полно радуюсь его возвращению. Недолго суждено мне наслаждаться счастьем, которое сулят его объятия, а может быть, и вовсе не суждено» [Там же, с. 145].

В развитии сюжета этой трагедии Гете использует старинный народный мотив о соблазненной незнатной девушке, беды которой заканчивались, как правило, тем, что обиженной стороне оставалось «учтиво благодарить» за назначенную «годовую ренту» [Там же, с. 148]. Однако в эпоху Гете уязвленная бюргерская гордость уже не могла мириться только с денежной компенсацией за поруганную честь, и поэтому акценты привычного разрешения конфликта смещаются у писателя в область трагического.

Драматургия последнего акта пьесы Гете построена на примирении враждующих сторон. Вокруг тела умершей Мари группируются все участники трагедии. События первых дней ее знакомства с Клавиго, когда он «припав к стопам» Мари, «клялся ей» [Там же, с. 118], символично копируются в последнем акте, где Клавиго также «падает на колени» у гроба бывшей невесты [Там же, с. 156]. Пронзенный шпагой брата Мари, истекающий кровью, Клавиго, наконец, прозревает и бросает своему другу Карлосу страшное обвинение: «...Карлос, ты видишь перед собою жертвы твоего хитроумия!» [Там же, с. 157]. Однако слишком позднее раскаяние не является результатом длительных тягостных раздумий или мучительного самоанализа Клавиго, оно снова вызвано трагическим стечением обстоятельств.

Некоторые литературоведы⁷ склонны считать финал пьесы Гете калькой эпизода похорон Офелии из шекспировского «Гамлета». Это утверждение справедливо только отчасти. Действительно, ссора Гамлета и Лаэрта у могилы Офелии и столкновение Бомарше и Клавиго у гроба Мари сходны по своей драматической напряженности. У обоих авторов брат и бывший жених противостоят друг другу, считая неверных возлюбленных причиной смерти сестер. Вместе с тем оба финала разительно отличаются. Принц Гамлет не признает свою

вину, ему и в голову не приходит доказывать Лаэрту непричастность к гибели Офелии. Дуэль, произошедшая между ними впоследствии — результат козней короля Клавдия. В трагедии Гете Клавиго, находящийся на более высокой ступеньке общественной лестницы, чем Бомарше, все же должен объясниться с братом несостоявшейся жены. Между ними не может быть другого варианта разрешения конфликта — один из них должен умереть. Если Лаэрт, ослепленный ненавистью, зная о том, что его шпага отравлена, ведет грязную игру, то между братом Мари и ее бывшим женихом происходит честный поединок.

Несомненно, высоко ценивший Шекспира Гете не мог не оказаться под влиянием творчества великого драматурга. Однако говорить о тотальном подражании Гете шекспировским образцам, очевидно, не стоит. В немецкой литературе история обманутой девушки и ее заступника — брата не раз была в центре произведений устного народного творчества. Так, подобного рода сюжет лежал в основе немецкой народной баллады «Песнь о господине и служанке», записанной Гете в Эльзасе⁸. Близок фольклорному и эпизод встречи неверного жениха с прахом покинутой им возлюбленной. В духе народной немецкой баллады решается и заключительная часть произведения: злодей наказан, поруганная честь отомщена, добро побеждает зло. Таким образом, драматургия трагедии Гете «Клавиго» вырастает не только из прославленных классических образцов, но и традиций немецкого устного народного творчества, с которыми начинающий писатель был хорошо знаком.

Библиографические ссылки

¹ Гете И. В. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3 : Из моей жизни. Поэзия и правда. М., 1976. С. 560.

² Leppmann W. Clavigo // Goethes Dramen : neue Interpretationen / Hrsg. von Walter Hinderer. Stuttgart, 1980. S. 85.

³ Гете И. В. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4 : Драммы в прозе. М., 1977. С. 116. Далее ссылка в тексте: [Гете, т. 4, с.]

⁴ Lindner H. G. Dichtung und Wahrheit in Goethes «Clavigo» // Weimarer Blätter. 4. Jahr. Heft 6. Juni 1922. S. 283 — 293.

⁵ См.: Otto R. Clavigo // Goethes Dramen... S. 353.

⁶ См.: Strohschneider-Kohrs I. Goethes «Clavigo» // Goethe-Jahrbuch. 1973. Bd. 90. S. 1 — 25.

⁷ См.: Fehr W. Der junge Goethe : Drama und Dramaturgie — eine analysierende Gesamtdarstellung. Paderborn ; Wiss. 1994. 275 s ; Leppmann W. Op. cit. S. 353.

⁸ См.: Leppmann W. Op. cit. S. 709.

Поступила 08.06.2013 г.

УДК 82-343=511.152

О. Н. Березин

O. N. Berezin

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В МОРДОВСКОЙ МИФОЛОГИИ

ARCHETYPAL IMAGES OF MORDOVIAN MYTHOLOGY

Ключевые слова: архетип, религия, миф, тотем, герой-родоначальник, Демиург-творец, Мировое яйцо, возникновение земли, подобие.

Статья посвящена проблеме архетипов в мордовской мифологии через сравнение общих мифологических образов разных народов.

Key words: archetype, religion, myth, totem, a hero-ancestor, Demiurge-creator, world egg, beginnings of the earth, the likeness.

The article deals with the problem of archetypes in Mordovian mythology through the comparison of common mythological images of different nations.

В религиях и мифах разных народов мира встречаются общие образы и мотивы. В мифологии мордвы, как и у многих других не родственных народов, исследователи находят тождественные представления о возникновении земли из вод Океана, о Мировом яйце, о Демиурге (творце) и о герое-родоначальнике. В глубокой древности разные племена и народы сходно объясняли устройство мироздания. Черты подобия без труда можно обнаружить и в повествованиях о главных богах — будь то Великая мать, древнейшее божество всех религий, или умирающий и воскресающий бог, воплощение животворящей силы.

В XIX — XX вв. большое внимание религиозно-мифологическим совпадениям уделяли такие крупные исследователи и ученые, как Д. Фрезер, Э. Тейлор, К. Юнг, П. Флоренский и др. По Юнгу все мифотворчество есть выражение архетипов, заложенных в человеческом сознании, в конкретных образах мифа. Таким образом, типичное, как и всякий миф, — это изначальный образец, изначальная форма жизни, вневременная схема, издревле заданная формула, в которую укладывается осознающая себя жизнь. О единых схемах человеческого духа, заложенных свыше, писал и русский богослов П. Флоренский.

Общие для всего человечества мифы и верования служат материалом не только для научных, но и для художественных опытов. На таких сходных мотивах в немалой степени построены вторичные миры в произведениях литературных мифотворцев. Такие же образы и сюжеты присутствуют в религиозных представлениях разных народов.

К числу древних относятся мифы о животных. Они были созданы в первобытную эпоху, когда звери — божества воспринимались как неиссякаемый источник жизни и силы, как проявление непостижимого вселенского таинства. Между людьми и животными, иногда растениями и другими природными объектами устанавливались реальные и в то же время совершенно особые мистические отношения, предполагавшие, что их связывает глубокое родство. Это родство обозначают термином тотемизм, а первобытные мифы, о нем повествующие —

тотемическими. В них звери, птицы, рыбы и даже насекомые являются устройствами мироздания. Тотемические предки в основном имели человеческое обличие и жили как люди, но сохраняли звериные повадки.

Важным архетипом, по Юнгу, является Самость. К соответствующим ему архетипическим образам мифологии, или мифологическим архетипам, относятся образы героя-родоначальника, царя и Верховного бога.

В ряде сюжетов мифологий Северо-Западной и Центральной Евразии одним из наиболее архаичных, восходящих к тотемистическим представлениям, является образ героя-родоначальника, вскормленного волком. Так, в древнем общетюркском пласте татарской мифологии имеется генеалогический миф, согласно которому родоначальник племени тюрк (ашина) после уничтожения его сородичей врагами и бегства произвел потомство от спасшей и вырастившей его волчицы. Другой вариант, повествующий о происхождении яглакар — царского племени уйгуров — называет в качестве родоначальников волка и хуннскую царевну¹. Согласно Н. А. Николаевой и В. А. Сафронову, миф о волке — родоначальнике характерен для народов (уральских, алтайских и индоевропейских), генезис которых восходит к так называемой евразийской общности X — IX тыс. до н. э. Все они использовали волчьи обереги от болезней и связывали это животное с деторождением и приплодом скота².

В русской мифологии отголосками общеславянских представлений о волке — родоначальнике являются сюжеты о волкодлаках, о волчице, вскормившей богатыря Вырвидуба (Вертодуба), о князьях-оборотнях Волхе Всеславьевиче и Все-славе Полоцком и др. Согласно Б. А. Рыбакову, волкодлаки — это ритуально преобразующиеся в волков для обеспечения плодородия лидеры, совмещавшие функции жрецов и вождей³, и относящиеся к описанному в «Золотой ветви» Дж. Фрейзера феномену царя-колдуна (жреца). Ш. Отран, Ф. Рэглан и другие исследователи возводят к нему генезис мифологического образа героя. В этом проявляется нерасторжимое единство мифологических архетипов героя и царя, соответствующих общему психологическому архетипу Самости или неразрывно взаимосвязанных Эго и Самости. Данный архетип имеет и еще один чрезвычайно значимый мифологический аспект: согласно Ф. Рэглану, герой выступает в мифологии прежде всего как ритуальная ипостась божества⁴. Реконструкция евразийской мифологии, произведенная Н. А. Николаевой и В. А. Сафроновым, свидетельствует о присвоении в ней божественных функций тотемному Волку, формированию образа бога-Волка. В тюркских героических сказаниях, также как в индоевропейских понятиях о Волчьем пасторе, и в частности о русском Лешем, иногда представлявшемся Белым волком, фигурируют волки-волшебники белого и сивого цвета.

Отчетливые черты архаичного бога-Волка присущи славянскому Велесу, имеющему также змеиные черты, и образу Волха Всеславьевича⁵. Еще в эпоху общеславянского единства зародились представления о князе, у которого в младенчестве как знак магической власти пробивается на голове волчья шерсть — длака. Этим объясняется название оборотня волкодлак. Его наиболее древняя форма, по-видимому, состояла из соединения названий волка и медведя. Сближение волка и медведя обусловлено сакрализацией этих наиболее могущественных животных северной Евразии, представлениями о их связи с магической вла-

стью, что отразилось в сочетании способностей становится волком и медведем в ряду 12 превращений, описанных древнерусской книгой «Чаровник»⁶.

Медведь — сын Верховного бога, спустившийся с неба, считается тотемным героем-первопредком финно-угров, в том числе мордвы. Подобно тому, как у индоевропейцев и тюрков бытует сюжет о браке человека и волка, у финно-угров имеется такой же, но с заменой волка на медведя, от которого рождались богатыри-первопредки. Этот глубоко архаичный сюжет отражен и в мордовском фольклоре.

Культ медведя был распространен повсюду, где водится этот зверь. Поэтому связанные с ним верования, обряды и обычаи разных народов, в частности, восточных славян и финно-угров, легко приходили во взаимодействие и достигали синтеза. Так, на гербе Ярославля запечатлен образ медведя с секирой, отражающий легенду об основании этого города на месте убийства Ярославом Мудрым выпущенного на него язычниками «зверя лютого». В ней соединились и память о славянском язычестве (клятва Волосом, отождествлявшегося, или, по крайней мере, сближавшегося с медведем), и мотивы обрядности и верований финно-угров (жертвоприношения в керемети, вера в божественного медведя и обращение колдуна медведем). Медведь был одним из животных, в обличье которых людям являлись различные боги, в том числе и Верховный бог мордвы-эрзи Нишкепаз. В мифе о женитьбе сына Нишкепаза на земной женщине мордовское божество напоминает жениха-медведя из саамской сказки. В некоторых мордовских сказках повествуется о женитьбе животных на девушках и выходе животных замуж за парней. В мордовских песнях о брачных союзах между людьми и медведями упоминается медвежья страна, находящаяся где-то в лесу, куда не заходят люди и куда медведь уносит похищенную девушку, свою будущую жену. В эрзянской песне «Мишкат-Машкат» — «Мишка с Машенькой» (мокшанский вариант «Тинге фталгане» — «Позади гумен», записанный М. Е. Евсевьевым и являющийся поздней ее версией) сюжет сохранился наиболее полно:

...Ох, атя овто, ней сыре овто
Катянь кундызе.
Беремазонзо мазы Катюшань
Овтось саизе.
Палсь пенькань перька мазы Катюшань
Овтось венчизе.
Берлогазонзо атя овтось
Катянь кандызе.
Ней, каня, ие, каня, кавто
А сынь эрякшность.
Ней Мишкат-Машкат мазы Катюша
Сон добовакшность.
(...Ох, медведь-самец, старый медведь
Катюшу схватил,
На руки красавицу Катюшу
Медведь взял,
Вокруг пенька обгорелого Катюшу

Медведь обвенчал.
 В свою берлогу медведь-самец
 Катюшу отнес.
 То ли год, то ли два они прожили,
 Прожили,
 Мишку с Машенькой красавица
 Катюша прижила⁷.

Братья Кати убивают медведя. Она проклинает их, оставивших ее без мужа, а детей без отца. В одной из мордовских сказок девушка оплакивает своего мужа медведя, которого задавило упавшее дерево.

В этих произведениях проявляется древний культ медведя как тотема-прародителя, подтверждающийся обрядовыми действиями мордвы, в частности свадебными, в которых значительное место отводилось игре медведя, ведущего молодых к водному источнику и в танце имитирующего чадородие. Свадебная обрядность мордвы предполагала встречу молодых одной из родственниц в вывернутой наизнанку шубе, изображавшей медведицу. Пережитки этого мотива сохранились и в русском фольклоре Верхнего Поволжья: ряженые медведями на свадьбах валили на пол девушек, мазали их сажей, а невеста именовалась медведицей.

Мотив убийства медведя родными его жены мог возникнуть значительно позже, во всяком случае, не ранее периода исчезновения медвежьего культа, когда брак с медведем перестал считаться за счастье или за неизбежность, когда человек начинает ощущать себя менее зависимым от воображаемых предков-тотемов. Медведь перестает осознаваться как прародитель людей, убийство его становится обычным бытовым явлением, как убийство всякого другого полезного или вредного зверя. В фольклорных произведениях более позднего времени медведь уже выступает не в качестве тотема, а в виде чудесного противника.

Коряки и чукчи почитали божественного Ворона как создателя вселенной и людей. Верили, что именно он научил их промыслам и дал оленей. Обские ханты, уральские манси и другие сибирские народы вели свою родословную от медведя, зайца, гуся, муравья, кедровки, лягушки и иных представителей животного мира. В древнем мифе о космической погоне, известном у многих сибирских народов, преследовавшие друг друга животные олицетворяли стихии. Практически у всех народов Сибири до недавнего времени сохранились мифы о происхождении этих народов от брака женщины и животного или птицы, почитавшихся как тотем.

Одна из распространенных героинь мордовских песен дикая утка и положительный или отрицательный герой — охотник. Позитивным или негативным он выступает в зависимости от того, убийца он утки, или же избавитель, могущий стать ее женихом или мужем. В ряде песенных мифов утка — девушка, принявшая образ птицы. Неродная или нелюбимая дочь, проклятая мачехой или зачарованная, она до выхода замуж должна иметь птичий облик.

В песнях-мифах об охотнике и утке нашли свое отражение и отношения людей к родовым предкам. Утка представляется как тотем рода, к которому принадлежит охотник. По этой причине она — то человек, то запрещенная для охоты птица, и убивший ее, т. е. нарушитель родового запрета, совершает тяж-

кое преступление. Таким образом, в период перехода к земледельческому хозяйству, более перспективному в сравнении с охотой, песня-миф использует уже сложившиеся образы тотемных животных для утверждения более прогрессивных хозяйственно-культурных направлений.

Отголоски тотемизма сохранялись и позже в период цивилизаций. Так, они усматриваются в образах многих древнеегипетских, древнеиндийских и других богов, сочетающих в своем облике черты человека и животного. Стоит только вспомнить египетскую львиноголовую богиню Сехмет или слоноголового индийского Ганешу. Следы тотемизма обнаруживаются и в мифах о превращениях людей в животных или растения. К ним относится миф о красавце Нарциссе, отвергавшем любовь всех женщин и вспыхнувшем страстью к собственному изображению. На месте гибели умершего от любви к себе юноши вырос цветок, названный его именем.

В мифологии многих народов мира с давних времен бытует представление о том, что весь космос был когда-то сотворен из вод Мирового океана. В мифах о создании мира океан изображен и как первоизначальные воды, заполняющие первобытный Хаос, и как вполне реальные моря, окружающие землю.

В мордовском мифе о сотворении мира говорится: «В начале на свете ничего не было. Только бог и нечистый. Однажды бог сидел-сидел, надоело одному и плюнул. Появилось море, большое море»⁸. Далее бог сотворил сушу и все живое на земле. Нечистый всячески вредил и мешал богу в деле творения, однако бог не противился такому вмешательству, так как все, что портил нечистый, чудесным образом становилось лучше и совершенней. В данном контексте вспоминается Мефистофель в «Фаусте» Гете, который говорит о себе, отвечая на вопрос — «Ты кто?»:

Часть силы той, что без числа
Творит добро, всему желая зла⁹.

Месопотамские мифы описывают Океан извечным и безграничным. В его недрах обитали первые существа, давшие начало миру. В шумерской мифологии это мать земли и неба Намму. У аккадцев — чудовища-прародители Апсу и Тиамат, позднее побежденные молодыми богами. В египетских мифах прослеживается сходный образ извечного Океана-Хаоса. Этот Океан именовался Нун и представлялся как разумное существо, отец богов. Нун и его жена Наунет, олицетворявшая Небо, по которому Солнце плавает ночью, дали жизнь всем богам. Первый из них, Атум, родившись на свет по собственной воле, взял на себя устройство мира и сотворил Небо и Землю, а позднее живых существ. Согласно мифам Ариев Индостана, отобразенным в Ригведе, мир возник из вод изначального, предвечного и безграничного Океана-Хаоса под воздействием воспламенившегося жара. Бог Мирового океана Варуна считался старейшим из богов. Похожие представления имеются и в древнегреческом эпосе «Илиаде» Гомера. Здесь древний Океан — родоначальник всех богов, от которого все родилось.

Миф о воспламенении и иссушении Океана, о возникновении мира в результате борьбы сил воды и огня также нередко встречается у многих народов мира. В индуистской традиции Океан иссыхает во время его пахтанья, т. е. взбалтыва-

ния богами. В мифах некоторых народов Сибири (тунгусы, буряты, кеты) Верховный небесный бог иссушает Океан огнем и таким образом создает землю.

С индийским мифом о пахтанье Океана соотносятся представления народов Восточной Азии о замешивании океанских вод. В японских мифах «Кодзики» чета богов-предков Идзанаги и Идзанами погрузила драгоценное копье в воду, и, вращая его, месила воду. Когда вытащили копье, то вода, капавшая с его кончика, стусившись, стала островом. Так началось сотворение Земли. О замешивании или уплотнении Океана небесными силами говорится и в монгольских мифах.

На небольших островах Океании, разбросанных по просторам Тихого океана, бытовали мифы о вылавливании Земли из морских глубин. Полинезийцы верили, что их острова поднял со дна морского полубог Мауи. Однажды во время рыбной ловли с помощью магического рыболовного крючка он поймал рыбу остров и поселил на нем людей. Затем Мауи дал им множество благ: принес огонь, подарил батат и кокосовую пальму, а также орудие труда и другие полезные вещи. У народов Северной Евразии: тюркских, славянских, финно-угорских, согласно представлениям о сотворении мира, Землю со дна моря подняла водоплавающая птица. Позднее она стала рассматриваться как божество в образе птицы. Эта версия мифа перекликается со сказанием о Мировом яйце, из которого появились Небо и Земля.

Миф о Мировом яйце сохранился в наиболее цельном виде у финно-угорских народов. Н. Г. Юрченкова пишет: «В процессе дальнейшего самостоятельного развития финно-угорских народов культурные контакты и доминирующие религии изменяли мифологическую традицию этносов, уничтожая старое и принося новое»¹⁰. В мордовском мифологическом образе сидящей на яйцах утки прослеживаются реликты древней уральской мифологии. Утка, прежде всего жизнедательница, а потом уже птица. Она отличается необыкновенной красотой оперения, величественным видом, связью с человеческим родом (заколдованная женщина). Иногда она — птица верхнего бога Верепаза или божества леса Виравы. Когда охотник убивает ее, он бывает поражен стоном и количеством крови. Такая гиперболизация призвана подчеркнуть необычность убитой птицы. В свадебном ритуале мордвы образ утки был обязательным элементом обрядовых песен. Так, в свадебных песнях мордвы саратовской губернии бытовал следующий текст:

На синем моречке,
 На том тихом заводе,
 Тут плавали серы утушки;
 Они плавали, сами разговаривали,
 Да все они дивовалися.
 Не дивуйтесь, утушки!
 Не дивуйтесь, серыя!
 Отстаю я, утушка,
 От синя моря;
 Отстаю я, серая,
 От свежей воды¹¹.

В эпосе «Калевала» утка снесла яйцо на единственный выступ посреди Мирового океана — холм, который является коленом божественного героя Вяйнемейнена. Упав, яйцо разбилось, но

«не погибли яйца в тине
И куски во влаге моря,
Но чудесно изменились
И подверглись превращенью:
Из яйца, из нижней части,
Вышла мать-земля сырая;
Из яйца, из верхней части,
Встал высокий свод небесный,
Из желтка, из верхней части,
Солнце светлое явилось;
Из белка, из верхней части,
Ясный месяц появился;
Из яйца, из пестрой части,
Звезды сделались на небе;
Из яйца, из темной части,
Тучи в воздухе явились»¹².

Похожий миф о происхождении Неба из снесенного птицей яйца обнаруживается и далеко от Финляндии на юге — у африканских племен хауса. А в мифах древних египтян из яйца Великой птицы рождается солнце.

В верованиях и сказаниях других народов из Мирового яйца появляется только творец мира, а не весь мир. Так, в греческом мифе из яйца, плавающего по водам Океана, происходит сияющий, как солнце, родоначальник богов Фанес. В индийской мифологии воды изначального Океана порождают пламенеющий золотой зародыш — Мировое яйцо — Хираньягарбху. Согласно упанишатам и брахманам, через год из Хираньягарбху выходит творец мира — Праджапати или Брахма.

Китайские мифы сообщают, что мироздание первоначально являло собой нечто подобное содержимому куриного яйца. Затем родился первопредок Паньгу. От него и произошел нынешний мир. В этом мифе представление о Мировом яйце тесно сплетается с другим — о сотворении мира из тела некоего огромного существа.

Целый ряд тем и образов вошел в мифы многих народов мира. Как возникли эти архетипы, отмеченные и в самых ранних, и в развитых верованиях, проявляющиеся даже в учениях мировых религий, трудно ответить однозначно. Для ученого-материалиста это свидетельства эволюции всеобщих первобытных верований до самых совершенных форм религии и мифологии. Для религиозного человека — доказательство истинности веры: ведь ее суть оказывается сокрыта и в других религиях и верованиях. Некоторые исследователи даже видят в этих архетипах смутные отражения неких реальных событий человеческой истории. Данные образы выражают собой важные архетипы коллективного бессознательного, которые, согласно ряду новейших исследований, связаны не только с

онтологией первобытных, примитивных сообществ, но, в той или иной степени и форме, присущи и современным обществам. Тщательный анализ архаических коллективных представлений, нашедших свое специфическое выражение в символах культуры, их связей и сочетаний может пролить некоторый свет на генезис категорий, логических принципов и поведенческих установок, присущих человеческому сознанию, и проявляющих себя в современной общественной практике.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Мифы народов мира : энциклопедия. : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 537.
- ² См.: **Николаева Н. А., Сафронов В. А.** Истоки славянской и евразийской мифологии. М., 1999. С. 104 — 106.
- ³ См.: **Рыбаков Б. А.** Язычество древней Руси. М., 1987. С. 731.
- ⁴ См.: Мифы народов мира. 1980. Т. 1. С. 296.
- ⁵ Там же. С. 105, 113, 120.
- ⁶ Там же. С. 242 — 243.
- ⁷ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963. С. 80.
- ⁸ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички. Саранск, 1983. С. 28.
- ⁹ **Геге И. В.** Страдания юного Вертера : роман. Фауст : трагедия. М., 2006. С. 167.
- ¹⁰ **Юрченкова Н. Г.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009. С. 172.
- ¹¹ **Терещенко А. В.** История культуры русского народа. М., 2006. С. 242.
- ¹² Калевала : Избр. руны карело-фин. нар. эпоса в композиции О. В. Куусинена. Петрозаводск ; Карелия, 1973. С. 4.

Поступила 23.05.2013 г.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 780.6 (470.345)

А. Ю. Кильдюшкина
A. Yu. Kildyushkina

ВОССОЗДАНИЕ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ПАНОРАМЫ РАЗВИТИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА НА НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТАХ В МОРДОВИИ

RECONSTRUCTION OF RETROSPECTIVE PANORAMA OF THE DEVELOPMENT OF COLLECTIVE PERFORMANCE ON FOLK INSTRUMENTS IN MORDOVIA

Ключевые слова: народный инструмент, исполнительство, музыкальное искусство, оркестр народных инструментов, академическая музыка, самодеятельный коллектив.

В статье дана комплексная оценка становления и развития коллективного народного инструментального музицирования в регионе в контексте общих макроуровневых тенденций развития на основе источников и архивных данных библиотек НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Саранского музыкального училища им. Л. П. Кирюкова и Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина, а также статей периодической печати, интервью с художественными руководителями и дирижерами оркестров.

Key words: folk instrument, performance, musical art, folk orchestra, academic music, amateur team.

The article provides a complex estimation of the formation and development of collective folk instrumental musical performance in the region in the context of overall macrolevel trends of the development, made on basis of historical sources and archive data of libraries of Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Saransk Music School named after L. P. Kiryukov and National Library named after A. S. Pushkin, as well as of articles of periodicals, interviews with artistic directors and orchestra conductors.

Процесс формирования и развития исполнительства на народных инструментах на современном этапе приобретает особую значимость, что связано не только с необходимостью показа богатых музыкальных традиций народов, но и с повышением общего уровня развития музыкальной культуры. Ансамблевое и оркестровое исполнительство является неотъемлемой частью богатого культурного наследия российского социума. За годы советской власти были созданы тысячи оркестров и ансамблей народных инструментов в союзных и автономных образованиях страны. К числу выдающихся коллективов, получивших признание за ее пределами, относятся: Национальный академический оркестр народных инструментов России им. Н. П. Осипова, Академический оркестр русских народных

инструментов ВГТРК, Государственный академический русский оркестр им. В. В. Андреева, Государственный оркестр народных инструментов Республики Татарстан, Нижегородский русский народный оркестр, Уральский государственный оркестр народных инструментов «Звезды Урала» и др.

При весомом теоретическом потенциале, состоящем из научных идей отечественных ученых, музыкантов-исполнителей и дирижеров симфонических оркестров (И. А. Барсова, М. И. Имханицкий, К. П. Кондрашин, Д. Р. Рогаль-Левицкий, Р. И. Рождественский, Л. С. Сидельников и др.), а также трудов, посвященных развитию жанра коллективного исполнительства на народных инструментах (В. Е. Авксентьев, А. А. Агаджанов, П. И. Алексеев, В. В. Андреев, О. А. Блох, Н. И. Бояркин, Л. Б. Бояркина, А. С. Каргин, В. П. Киприянов, Н. А. Князев, Е. И. Максимов, В. Т. Насонов, А. Б. Поздняков, Н. И. Привалов, Б. Д. Тихонов и др.) и подготовке руководителей-дирижеров народных оркестров (А. Я. Винокур, В. Д. Глейхман, И. Д. Дунаева, Н. А. Егорова и др.), интересен опыт становления оркестрового исполнительства на народных инструментах в Мордовии. В историографии недостаточно полно освещены аспекты его целостного восприятия из-за отсутствия значительного информационного пласта музыкально-аналитического характера, представляющего научно-теоретическую и прикладную ценность.

Историко-теоретический анализ, направленный на освещение процессов формирования и развития оркестрового исполнительства на народных инструментах с ретроспективных позиций, а также на изучение деятельности первого в республике самодеятельного коллектива, существенно дополнит и обогатит музыкально-педагогическую науку новыми данными из истории музыкального просвещения мордовского народа. При определении основных научных принципов организации и функционирования такого оркестра на основе традиций народного инструментального музицирования важным этапом представляется исследование предпосылок его создания в Мордовии.

Следует отметить, что в традиционной мордовской культуре музыкальные инструменты как неотъемлемый атрибут народного быта сопровождали вокальные произведения, ритуальные, обрядовые и бытовые пляски. Инструментальной музыке придавался магический, лечебный и воспитательный смысл, а ее исполнители обладали высоким социальным статусом, пользуясь всеобщей любовью и уважением народа. Осознание своей значимости заставляло повышать исполнительское мастерство. Искусство народных певцов и музыкантов-инструменталистов становилось предметом личного увлечения и общественно-необходимым делом, приобретая профессиональные черты.

Эксперименты в области исполнительства привели к объединению музыкантов в разнообразные по составу ансамбли, форсировав зарождение коллективного творчества на территории современной республики¹. На пастушьих продольных флейтах (*сендиень морама*, *сандеень морама*) пастухи импровизировали дуэтом с *нюди* (двойной кларнет), в ансамбле с флейтами (*иятень морама*, *пекшень морама*, *гуень почконь морама*) исполнялись плясовые наигрыши. На свистковой флейте (*вюшкома*, *вешкема*) напевались долгие песни и плясовые наигрыши под *нюди* или *фам* (волынка). Вплоть до 1950-х гг. в ансамбле с *фамом*, *вяхкома*, *пяшень морама* и всевозможными идиофонами совмещались *нюди* в

ритуальных плясовых наигрышах и инструментальных сопровождениях к ритуальным песням на озках, праздниках Рождественского дома и свадьбах. На *нюди* под аккомпанемент с ними исполнялись и пастушьи песни. Широко распространились ансамбли волынщиков, ансамбли с *нюди*, *вешкемой* и вокально-инструментальные коллективы в группе с ними. К духовым и струнным инструментам добавлялись ударные. *Шавома* (*чавома*) отбивал ритм плясок и сторожевые сигналы. Позже плясовые наигрыши на скрипке или гармонии сопровождалась игрой на предметах домашней утвари: ведрах, тазах, сковородах, печных заслонках и ложках (*куцюфт*, *пенчт*). Музицировали на них большей частью женщины и дети.

Пеелем, *пелюму* (косу), *кальдердему* (трещотку) сочетали только с *фамом*, *нюди*, *вешкемой*, впоследствии со скрипкой и гармонью, *кальхциямат* (*кальцаемат*) как сольно, так и с *нюди* и *вешкемой*. *Пайгонят*, *баягинеть* (колокольчики) подвешивались на одежду к женщинам и свахе на свадебных плясках. Когда они пританцовывали, звон колокольчиков, монет и металлических пластинок создавал своеобразную полифонию. Каждый из них имел особый тембровый оттенок. В группе с *вяшкома*, *пяшень морама*, *сандеень морама* и *нюди* для интерпретации плясовых наигрышей применялся зеленый лист березы или липы, прикладываемый к губам и поддерживаемый двумя пальцами (*лопа*)². Кроме мордовских традиционных музыкальных инструментов бытовала балалайка, мандолина, гитара, гусли и два вида гармонии: «саратовская» и «хромка».

Эволюция музыкальных инструментов как необходимых элементов и символов народного быта в традиционной мордовской музыкальной культуре позволила не только заложить фольклорные истоки академической музыки на территории Мордовии от традиционных ансамблей до оркестров народных инструментов и катализировать развитие основных тенденций объединения инструментов в ансамблевые формы исполнительства, но и сформировать систему общего и высшего профессионального музыкального образования в регионе.

Хотя исследователи мордовской культуры концентрировали свое внимание преимущественно на фольклорных истоках академической музыки, формирование целостной системы музыкального образования было бы невозможным без профессионального оркестрового исполнительства на народных инструментах. Мордовские музыкальные инструменты ускорили развитие многих форм профессиональной инструментальной музыки, зарождение которой в эволюционном разрезе прошло путь от традиционных ансамблей до оркестров народных инструментов. Тем не менее многовековая история мордвы в предшествующие XX столетию периоды не дала расцвета профессиональному музыкальному искусству. Появление новых форм творческого самовыражения обуславливалось определенными социально-политическими условиями, изменение которых можно рассмотреть на примере столицы Мордовии.

По облику г. Саранска воссоздавалась картина экономического, социального и культурного развития республики в разные периоды истории. В конце XIX в. он был убогим провинциальным городом, на культурное развитие которого местная дворянская и купеческая знать вместе с губернскими и уездными властями практически не выделяли средств. Благодаря деятельности прогрессивной части городского общества, стремившейся к просвещению населения, в 1904 г. появилось

Общество изящных искусств, в 1915 г. — учительская семинария, к 1917 г. возросло количество школ и учителей в них³.

В это время в Саранске находились крупные тыловые воинские формирования. Город жил в нужде, трудно усваивал порядки советской власти. Музыкальная культура Мордовии представляла собой разноликое явление. Победа Октябрьской революции расширила границы для процветания науки, культуры, литературы и искусства в целом. Однако общие тенденции ее развития корректировались местными особенностями: неразвитость инфраструктуры музыкального искусства города, с одной стороны, задерживала возникновение профессионального инструментального искусства⁴, с другой — оживляла культурно-просветительскую жизнь. По мнению ряда ученых, в 1920-х гг. организации мордовского профессионального музицирования способствовала русская музыкальная культура и создание музыкально-исполнительских коллективов: хоров — в с. Ичалки Ичалковского района (руководитель П. А. Органов) и Анаеве Zubово-Полянского района (руководитель Л. П. Кирюков), а также и Темниковского оркестра русских народных инструментов (руководитель Л. И. Воинов)⁵. К середине 1930-х гг. столица превращается в культурный, научный и учебный центр Среднего Поволжья⁶. Формирование системы музыкального образования и создание концертно-просветительских организаций предопределили появление целой когорты композиторов и стремительный расцвет их творчества. Словно «догоняя» отечественную музыкальную культуру, Мордовия в «ускоренном темпе» прошла исторические этапы, свойственные российской культуре⁷.

Важным событием в этом плане стало открытие в 1932 г. на базе Мордовской музыкально-драматической студии Саранского музыкального училища, в учебный процесс которого входили музыкальное (вокальное), драматическое, хоровое, педагогическое и оркестровое отделения. Становлению оркестрового исполнительства на народных инструментах благоприятствовало несколько фактов, в том числе появление в 1936 г. секции народных инструментов. Великая Отечественная война замедлила развитие мордовской культуры: в 1941 — 1943 гг. училище не работало, а многие его педагоги и студенты были мобилизованы в действующую армию⁸. В 1951 г. по инициативе композитора, хорового дирижера и педагога Л. П. Кирюкова на оркестровом отделении создается один из первых исполнительских коллективов училища — оркестр русских народных инструментов. Его художественным руководителем и дирижером становится П. К. Малов. Совместный творческий союз Л. П. Кирюкова и П. К. Малова внес неоценимый вклад в организацию оркестрового исполнительства, в дальнейшем подхваченную педагогами и выпускниками, которые сегодня составляют костяк концертирующих коллективов — Саранского городского оркестра народных инструментов, оркестра народных инструментов музыкального училища, ансамблей песни и танца «Умари́на», «Разгуляй», «Перезвоны» и др.

В 1970 — 80-е гг. оркестровое и ансамблевое исполнительство развивал в республике баянист и дирижер Г. Ф. Лукьянов — руководитель училищного оркестра русских народных инструментов и основанных им в эти годы Саранского городского оркестра русских народных инструментов и оркестровой группы Государственного ансамбля песни и танца «Умари́на». В настоящее время деятель-

ность названных коллективов связана с этим жанром, уходя глубокими корнями в 1918 г. Именно в это время в г. Темникове появился первый оркестр русских народных инструментов с участием музыкантов-любителей.

Остановимся на основных этапах творческой деятельности первого в Мордовии исполнительского коллектива, организованного виртуозом-балалаечником Л. И. Воиновым, внесшим значительный вклад в сокровищницу национальной культуры Мордовии. При этом о каждом аспекте его многогранной деятельности как требовательного и чуткого дирижера, композитора и интерпретатора многих произведений, убежденного пропагандиста классического музыкального искусства, а также педагога, воспитавшего плеяду последователей, можно говорить отдельно⁹.

Л. И. Воинов родился 12 июня 1898 г. в г. Темникове. От отца, игравшего на скрипке, он перенял любовь к струнным инструментам и к музыке, в которой нашел путь музыканта-просветителя. Позднее он учился игре на гармонии у В. С. Иванова — дирижера-любителя и организатора в 1903 г. ансамбля русских народных инструментов из местной молодежи, на протяжении ряда лет участвовавшего в постановке любительских спектаклей. Во время учебы в Темниковской классической гимназии (1909 — 1917 гг.) сначала благодаря учителю П. Беляеву, а затем самостоятельно Л. И. Воинов освоил скрипку. При этом брал уроки игры на балалайке у студента Петербургской консерватории И. Пономарева, проводившего летние месяцы в Темникове.

Первый эксперимент по организации Л. И. Воиновым ученического оркестра русских народных инструментов не удался — коллектив распался после окончания оркестрантами гимназии¹⁰. В 1918 г. он повторил попытку по созданию подобного оркестра на городском уровне. В суровое революционное время эта идея воплощалась нелегко из-за отсутствия идейных соратников. Однако уважение и авторитет, которыми обладал музыкант, позволили Л. И. Воинову в кратчайшие сроки собрать группу единомышленников, куда вошли А. Бабинков, В., К. и Н. Исаевы, П. Кузнецов, А. Куликов, А. Мельников, В. Немцов, Н. Романов, Б. Рудявский, А. Тимин, А. Туровский и др. Недостаток нотной литературы и домр пришлось компенсировать личным участием в подготовке нот, трех домр, пюпитры, нужной программы и приведением в порядок других инструментов, приобретенных в 1909 г. по инициативе местной интеллигенции.

20 марта 1918 г. Темниковский оркестр русских народных инструментов дебютировал с революционной песней «Смело, товарищи, в ногу». Концерт прошел с огромным успехом, заложив фундамент популяризации исполнительства на народных инструментах, расширения и углубления границ музыкального искусства на периферии. Постепенно коллектив становился составной частью общественной жизни города. Оркестр концертировал в городах, селах, районах и соседних областях. Из-за недостатка денежных средств музыкантам приходилось проходить пешком почти 50-километровый путь от г. Темникова до Краснослободска и обратно. В репертуар ежемесячных концертов входили революционные песни, произведения В. Андреева («Грезы», «Ничто в полюшке не колышется», «Стонет, стонет сизый голубочек»), различные переложения для оркестра («Фантазия на темы оперы Ш. Гуно „Фауст“», антракт к IV действию оперы Ж. Бизе «Кармен», «Марш Черномора» М. Глинки, «Норвежский танец» Э. Грига, «Лебединая

песнь» К. Сен-Санса, «Гопак» М. Мусоргского), обработки русских народных песен для оркестра («Ванюша-ключник», «Как во городе», «Я на камушке сажу», «Говорил ты мне, сердечный друг» и др.)¹¹.

После встречи с профессором Московской консерватории А. Б. Гольденвейзером в 1924 г. Л. И. Воинов приобщился к истокам народной музыки и познакомился с талантливыми исполнителями и лучшими работами русских и зарубежных авторов. В августе 1930 г. в Темникове, анализируя планы подготовки молодых музыкантов, ученый отметил, что «...оркестр полон энергии и увлечения, играет чисто и стройно... Заверяю вас, что вы делаете великое дело, пропагандируя музыкальное искусство в гуще народа»¹². В этом же году Л. И. Воинов написал и поставил оперу «Сказка о попе и работнике его Балде» по одноименному произведению А. С. Пушкина в четырех картинах для солистов, хора и оркестра русских народных инструментов. Знакомство с жанром оперы для самодеятельных музыкантов стало большой школой выступления по столь масштабному сочинению через шесть лет после создания коллектива. В 1926 г. оркестр сыграл программную сюиту Л. И. Воинова «Лесные сцены» для оркестра народных инструментов в пяти частях.

К 10-летию юбилею оркестра кооператив музыкантов приобрел в г. Москве новые музыкальные инструменты, в том числе гусли, стоившие в то время дороже рояля. Повышался и общий уровень пропаганды народной музыки. Так, в газете «Колхозный путь» от 21 декабря 1930 г. говорилось о том, что исполнение революционных и народных песен темниковским коллективом не уступает игре оркестров больших городов. Возросло стремление к обучению детей музыке у педагога Л. И. Воинова. Из-за отсутствия детских музыкальных школ многие специалисты были воспитаны в оркестровой среде. С 1920 г. в нем играл И. Мельников, с 1931 г. — Б. Нестеров, с 1933 г. — А. Холопова, с 1937 г. — В. Васильева, С. Дворников и Н. Исаева. В 1941 г. коллектив обновил личный состав. За 20 лет работы оркестра было подготовлено 200 музыкантов и 8 руководителей.

Важную роль в жизни музыкантов сыграл оркестр В. В. Андреева. Коллегами-музыкантами была прислана нотная литература, вошедшая в золотой музыкальный фонд, даны ценные советы по распределению голосов по инструментам. Связь между ними постоянно поддерживалась как в форме занятий по изучению истории андреевского оркестра и истории народных инструментов, так и чтений музыкальных журналов.

После выступления темниковцев в г. Саранске перед депутатами I съезда Советов Л. П. Кирюков высоко оценил самодеятельных музыкантов, поставив вопрос о финансировании оркестра из республиканского бюджета с рекомендацией использования богатых возможностей народного мелоса¹³. Впоследствии в его репертуаре прочное место заняли мордовские народные песни.

В 1936 г. участие оркестра в районном и республиканском смотрах первой республиканской олимпиады художественной самодеятельности очередной раз продемонстрировало успех коллектива, доказав позитивное развитие музыкальной культуры в Мордовии. Спектр концертной деятельности оркестра, насчитывавшего в то время 20 домр, 17 балалаек и гусли, был обширным и разнообразным. Репертуар 6 марта 1937 г. включал народные песни «Солнце скрылось за

горой», «На Иванушке чепан», интермеццо из оперы П. Масканьи «Сельская честь», «Марш Черномора» М. Глинки, увертюру из оперы «Сказка о попе и работнике его Балде» Л. И. Воинова. Через год коллектив исполнил «Венгерский танец № 2» И. Брамса, «Цыганские мелодии» П. Сарасате, «Русскую фантазию», «Засвистели казаченьки», «Концертный вальс», «Плавал, плавал селезень», а Л. И. Воинов на балалайке «У ворот, ворот». Только в 1937 г. было 50 выступлений и 4 выезда. Глубоким смыслом обладали тематические вечера, посвященные творчеству великих композиторов. На концерте к 100-летию со дня рождения П. Чайковского оркестр сыграл вальс из оперы «Евгений Онегин» и сюиту из балета «Лебединое озеро». В концертной программе, посвященной М. Мусоргскому, звучал гопад из оперы «Сорочинская ярмарка», «Картинки с выставки» и вступление ко второму действию «Хованщины».

При комплексной оценке деятельности Темниковского оркестра русских народных инструментов им. Л. И. Воинова можно выделить следующие основные моменты: повышение показателей общего количества концертных мероприятий с выездами за пределы города, а также числа организованных выступлений, политических кампаний и праздников для населения; увеличение материальных средств, денежных вознаграждений и статей расходов; участие в подготовке достойной смены музыкантов. В 1933 — 1938 гг. представлено 29 концертов с выездами, организовано 33 выступления и проведено 55 политкампаний и праздников. Всего за шесть лет сыграно 152 концерта, на которых побывало около 40 000 слушателей. Деньги с платных выступлений шли в фонд школ и клубов и на приобретение партитур и струн. Музыкальное искусство в оркестре осваивали 117 чел., из них 26 молодых и до 80 начинающих. Среди них были: В. Шикунов (с 1928 г.), А. Холопова (с 1934 г.), Н. Черников (с 1937 г.), В. Петров (с 1938 г.), А. Борисов, В. Зараева и Н. Федоров (с 1939 г.); домристы В. Васильева, Н. Зараев, И. Мельников, И. Морозов и С. Нестеров (домра альтовая, с 1939 г.), С. Дворников (балалайка прима) и Н. Исаев (контрабас).

Высокая требовательность к профессионализму отразилась на качестве кадрового состава. Как свидетельствуют отчеты личного архива Л. И. Воинова, в сентябре — октябре 1940 г. из коллектива выбыло 11 чел., к оставшимся 16 добавились 37 новых учеников (22 домриста и 15 балалаечников), с которыми начались ежедневные многочасовые занятия. В январе — апреле 1941 г. коллектив провел 40 занятий, дал 16 концертов; с 20 июня по 21 июля — 19 занятий, 8 концертов (на призывном пункте и в колхозе). В репертуар вошли боевые песни и походные марши советских композиторов М. Блантера, С. Василенко, И. Дунаевского и братьев Покрасс. С концерта в учительском институте 3 августа 1941 г. весь сбор поступил в Фонд обороны СССР. Во время войны музыканты покидали сцену для участия в военных действиях. К январю 1942 г. в оркестре едва набиралось 30 чел., но работа не прекращалась. В программе концерта в августе 1942 г. значились сюита из балета «Лебединое озеро» П. Чайковского, «Походный марш» С. Василенко и «Весенние голоса» И. Штрауса. Впервые исполнялись сочинения «Фантазия на мордовские темы» Л. Воинова на темы мордовских народных песен «Умарица» и «Косо, косо да Утяша», высоко оцененные Л. П. Кирюковым. В творческую атмосферу оркестра за год влились А. Бабинков, А. Бочкарев, В. Галдин, Т. Козлов и В. Поверинов.

В 1943 г. за большие творческие успехи коллектив приобрел статус государственного с финансированием из бюджета Мордовии. Отныне его состав ограничивался штатным расписанием, репертуар составлялся учреждениями республики, по плану учреждалось количество концертов с увеличением продолжительности летних гастролей. Оркестранты начали гастролировать по стране, выступать в сельских клубах. За заслуги в развитии музыкальной культуры Л. И. Воинову присвоено звание «Заслуженный артист МАССР» (1943), а имя занесено в Книгу Почета Министерства просвещения РСФСР. В 1947 г. он стал народным артистом МАССР, некоторые участники оркестра награждены почетными грамотами Президиума ВС МАССР.

Л. И. Воинов трепетно относился к балалайке. С 1939 г. завязалась дружба композитора с Б. С. Трояновским. Он признавался: «Чувствую в Вас единственного человека, которому я сейчас могу оставить созданное мной дело сольной виртуозной игры на балалайке»¹⁴. Несмотря на серьезное увлечение игрой на этом инструменте и исполнением произведений В. Андреева, И. Брамса и О. Дюрана на нем, выступать как солист-балалаечник он начал с 1948 г. Техническое совершенство игрового аппарата и открытие новых возможностей инструмента позволило Л. И. Воинову достичь высокого уровня игры на балалайке. Его мастерство покоряло публику и профессионалов. По совету Б. С. Трояновского он переложил 24-й каприс Н. Паганини для балалайки. В 1945 г. Л. И. Воинов сочинил концерт для балалайки с оркестром русских народных инструментов, отмеченный на кафедре народных инструментов института им. Гнесиных в г. Москве следующим образом: в нем налицо отличное знание и использование выразительных средств солирующего инструмента, что вносит значительный вклад в концертную и педагогическую литературу для балалайки¹⁵.

Благоприятными для композитора и оркестрантов были 1950-е гг. К 20-летию образования МАССР на фестивалях театрального, музыкального и изобразительного искусства, а также мордовской музыки перед съездом советских композиторов республики коллектив воспроизвел «Мордовский марш», ноктюрн, вальс, скерцо из сюиты «Лесные сцены», увертюру к опере «Сказ о попе и работнике его Балде» Л. И. Воинова и мордовские народные песни в обработке для оркестра (солистка М. Антонова). Второй концерт для балалайки с симфоническим оркестром, написанный Л. И. Воиновым по совету А. Б. Гольденвейзера в 1951 г., сделал его известным. На пленуме Союза композиторов Ленинграда композиторы В. Власов, Г. Тихомиров и Д. Шостакович выставили это сочинение на V пленум советских композиторов, где его приобрело Министерство культуры СССР с рекомендацией к изданию. В дальнейшем это сочинение было выдвинуто на соискание Государственной премии.

В этом же году Л. И. Воинов работал в труппе оркестра русских народных инструментов В. В. Андреева и дважды дирижировал им. С 1952 г. он являлся членом Союза композиторов СССР. В 1958 г. темниковцы с хором и танцевальным коллективом во время участия во Всероссийском смотре народных талантов представили 9 концертов в парках г. Москвы, где «Березонька» Н. Фомина, «Реве та стогне Днипр широкий», фантазия на темы оперы Дж. Верди «Риголетто», «Мордовская рапсодия» Л. И. Воинова получили благодарности министра просвещения и участников смотра. Музыкантов Мордовии наградили кубками,

памятными медалями ВДНХ и грамотами. Сочинения мордовского композитора к этому времени завоевали всеобщее признание и звучали по Всесоюзному радио, были изданы большими тиражами. Заслуженный артист МАССР В. С. Кишкин писал: «Озаренные улыбкой неувядаемой молодости, глубоко лиричные и жизнерадостные, эти произведения вошли в фонд лучших сочинений мордовской музыкальной культуры»¹⁶. За заслуги в развитии музыкальной культуры Л. И. Воинову было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель искусств РСФСР» (1960 г.).

Как музыкант и композитор Л. И. Воинов горячо и принципиально отстаивал свои убеждения в исполнительском деле. Следуя заветам В. В. Андреева, он стремился сохранить домры, балалайки, гусли и отчасти гармоники¹⁷, отмечая, что «оркестр русских народных инструментов — самобытное явление. И в этом его сила, красота и оригинальность... У каждого свои задачи, свои возможности». Ревностно охраняя музыку для них, добавлял, что они «...решительно не терпят искусственности, мудрствований и „новаций“». Музыка, написанная для них, должна быть простой без простоватости, грустной без упадничества, лукавой без пейзажности»¹⁸.

После смерти Л. И. Воинова (29 октября 1967 г.) в г. Темникове установлены мемориальные доски на здании Дома культуры и на доме, где он жил. В этом же доме открыт мемориальный музей. Бывшая улица Коммунальная переименована в улицу Л. И. Воинова. С 1971 г. по ходатайству Совета министров РСФСР музыкальная школа в г. Темникове носит его имя. С 1965 г. оркестром руководит его ученик — заслуженный работник культуры МАССР и РСФСР Ю. Н. Тараканов¹⁹. Под его управлением оркестр в 1967, 1973, 1978 и 1991 гг. стал лауреатом смотров художественной самодеятельности; в 1977 и 1987 гг. — лауреатом 1 и 2-го Всесоюзных фестивалей и самодеятельного народного творчества; в 1982 и 1985 гг. — лауреатом республиканских фестивалей народного творчества; 1987 г. — лауреатом премии Комсомола; в 1993 г. — лауреатом Государственной премии РМ. Награжден Почетной грамотой Президиума ВС РСФСР. С 2002 г. коллектив возглавляет Е. А. Устинова.

К 85-летию юбилею (2003 г.) Правительство РМ презентовало оркестру новые музыкальные инструменты. По решению VI сессии районного Совета народных депутатов с 2004 г. Темниковскому оркестру русских народных инструментов было присвоено имя Л. И. Воинова. В мае 2006 г. коллектив получил диплом лауреата второй степени 1-го Всероссийского фестиваля-конкурса оркестров и ансамблей национальных инструментов народов России (г. Казань), заслужил право называться лучшим и старейшим любительским оркестром страны. Как отметил профессор А. В. Тихонов, «оркестр идет в ногу со временем, ищет интересный репертуар»²⁰. Художественный руководитель и дирижер оркестра русских народных инструментов Саранского музыкального училища им. Л. П. Кирюкова В. М. Криворотова восхищалась красочностью и богатством звучания, увлеченностью и артистизмом, характеризующим его исполнительский стиль²¹. Став визитной карточкой г. Темникова, оркестр радуется прекрасным исполнением музыкальных произведений. От него исходит высокая культура звука и чувств, чистота и неповторимость голосов, виртуозное исполнение и владение инструментами. XIII республиканский фестиваль

народного творчества «Шумбрат, Мордовия!» (декабрь 2009 г.) в очередной раз подтвердил, что дело Л. И. Воинова продолжается в новом поколении музыкантов-исполнителей Мордовии на народных инструментах.

Таким образом, истоки мордовской профессиональной академической музыки уходят в начало XX в. и связаны с выдающимися деятелями национальной культуры Л. П. Кирюковым, Л. И. Воиновым, Г. Ф. Лукьяновым и др. Именно они способствовали развитию самобытной мордовской музыки. Большое значение их деятельность оказала на эволюцию оркестрового исполнительства на народных инструментах, которые заняли прочное место в быту и на концертной эстраде, в музыкальной культуре и художественной самодеятельности. Исполнительство в сольных, ансамблевых и оркестровых формах охватывает все звенья культурно-просветительного и педагогического обучения, а такие оркестры обладают широкими выразительными возможностями, к которым так стремится настоящее искусство. Его диапазон включает в себя профессиональную культуру и совершенство оркестрового ремесла, а вместе с ними — рост исполнительской (оркестровой и ансамблевой) и слушательской культуры, возрождение произведений классической и современной музыки. Традиции, заложенные любительскими и профессиональными коллективами, плодотворно развивают Саранский городской оркестр русских народных инструментов, оркестр русских народных инструментов Саранского музыкального училища им. Л. П. Кирюкова и оркестры детских музыкальных школ Мордовии.

Путь оркестрового исполнительства на народных инструментах в республике отчетливо прослеживается при оценке деятельности Темниковского оркестра русских народных инструментов им. Л. И. Воинова. Становление и развитие коллектива проходило в постоянной напряженной работе, сопровождаемой творческим поиском, успехами и неудачами. Разносторонняя деятельность дирижера стала неотделимой частицей этого процесса и поставила его имя в один ряд с основоположниками мордовской профессиональной музыки. Благодаря творческой самоотдаче Л. И. Воинова произошел колоссальный рост оркестра, который трансформируясь, достиг высших наград на музыкальном олимпе. Появившись из небольшой группы, он постепенно гармонизировался. Умение дирижера оказывать всестороннюю помощь молодежи в понимании музыки воспитало ни одно поколение талантливых и высокопрофессиональных музыкантов, продолживших богатые традиции музыкального искусства.

Выявление и обобщение исторических и социокультурных предпосылок создания первых любительских и профессиональных оркестров народных инструментов в Мордовии позволило обосновать следующие постулаты: коллективная музыкальная деятельность сыграла важную роль в эволюционизации оркестрового исполнительства на народных инструментах в республике; освещение многогранных тенденций, связанных с системным выявлением, выработкой и совершенствованием форм оркестрового исполнительства на региональном уровне, требует более глубокого анализа неизученных аспектов данной проблематики.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Бояркина Л. Б.** Хоровая культура Мордовии: фольклор, традиции, современность : энцикл. справ. Саранск, 2006. 272 с.

- ² См.: **Бояркин Н. И.** Мордовское народное музыкальное искусство. Саранск, 1983. С. 148 — 172.
- ³ См.: Все о Мордовии / сост.: Е. М. Голубчик, В. Д. Еремкин, В. С. Ионова, А. С. Лузгин. Саранск, 1997. С. 96.
- ⁴ См.: **Галкина И. А.** Инструментальная музыка Мордовии: от фольклорных традиций к профессиональному творчеству : дис. на соиск. учен. степ. канд. наук по искусствоведению. Саранск, 2005. 314 с.
- ⁵ См.: Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2003. Т. 1. С. 76.
- ⁶ См.: Все о Мордовии. С. 97 — 98.
- ⁷ **Галкина И. А.** Указ. соч.
- ⁸ См.: Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2004. Т. 2. С. 300 — 301.
- ⁹ См.: **Ситникова Н. М.** Страницы музыкальной истории : статьи, очерки, рецензии. Саранск, 2001. С. 59 — 60.
- ¹⁰ См.: **Бояркин Н. И.** Становление мордовской профессиональной музыки (композитор и фольклор). Саранск, 1986. С. 78 — 93 ; Народные певцы и композиторы Мордовии : сб. ст. / под общ. ред. Я. М. Гиршмана ; сост.: А. И. Макарова. Саранск, 1974. С. 61 — 69.
- ¹¹ URL: <http://tmn13.ucoz.ru/index/0-47> (дата обращения 13.05.2013)
- ¹² Там же.
- ¹³ См.: Крас. Мордовия. 1940. 16 мая.
- ¹⁴ **Шибиков Н. И.** Леонид Воинов — композитор и дирижер. Саранск, 1967. С. 60.
- ¹⁵ Там же. С. 57.
- ¹⁶ Совет. Мордовия. 1958. 31 мая.
- ¹⁷ См.: **Ситникова Н. М.** Указ. соч. С. 59.
- ¹⁸ Совет. культура. 1963. 21 дек.
- ¹⁹ См.: **Ситникова Н. М.** Указ. соч. С. 61.
- ²⁰ URL: http://tmn13.ucoz.ru/blog/Temnikovskij_orkestr_nazvan_luchshim_sredi_ljubitel'skikh_kollektivov_Rossii/2006-05-24-835 (дата обращения 13.05.2013)
- ²¹ См.: **Сазонкин А.** Живая музыка народа // Изв. Мордовии. 2008. 24 июня.

Поступила 13.05.2013 г.

УДК 130.2

В. А. Ульянова
V. A. Ulyanova

ВЛИЯНИЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ШКОЛ НА ТВОРЧЕСТВО М. М. БАХТИНА

INFLUENCE OF WEST EUROPEAN PHILOSOPHICAL AND LEGAL SCHOOLS ON THE WORKS OF M. M. BAKHTIN

Ключевые слова: нравственная философия, философия, западноевропейская школа, немецкая классическая философия, философия жизни, человек, «Я», «Другой».

В статье изучается проблема истоков и влияния западноевропейских философско-правовых школ на творчество известного отечественного философа М. М. Бахтина; анализируется влияние таких видных течений, как немецкая классическая философия в лице ее главного представителя И. Канта, а также «философии жизни», которую представляют А. Шопенгауэр и Ф. Ницше;

проводится параллель с нравственной философией М. М. Бахтина и делается вывод о том, что его творчество тесно связано с западноевропейскими школами и направлениями.

Key words: moral philosophy, philosophy, Western European School, German classical philosophy, philosophy of life, man, „I“, „Other“.

The problem of the origins and influence of Western European philosophical and legal schools on the works of well-known national philosopher M. M. Bakhtin is studied in the article; the influence of such prominent currents as the German classical philosophy, represented by its main scholar I. Kant, and the „philosophy of life“, represented by A. Schopenhauer and F. Nietzsche, is analyzed; a parallel with the moral philosophy of M. M. Bakhtin is drawn and it is concluded that his work is closely connected with Western European schools and trends.

Проблема влияния западноевропейских философско-правовых школ на творчество М. М. Бахтина является недостаточно изученной в современной науке. Лишь некоторые ученые обращаются к темам «Кант — Бахтин», «Бахтин — философия жизни» в философском аспекте. Существует ряд работ, в общем плане анализирующих параллель «западноевропейская философия и М. Бахтин», в которых исследуются в основном общеполитические воззрения.

М. М. Бахтин известен нам, прежде всего, как исследователь проблем нравственной философии, значимость которой он осознал в начале XX в. Этого мыслителя и его наследие мы тесно связываем с «русской идеей», с принадлежностью к русской культуре. Однако в современной бахтинистике сложилось мнение, что его творчество тесно перекликается с западными философскими школами и направлениями. М. Бахтин явно симпатизирует западно-европейской культуре в лице И. Канта, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, Г. Риккерта и других, полемизирует с ними, нередко критикует.

В конце XIX в. в целом ряде западноевропейских философских школ были подняты проблемы человека. Позже М. Бахтин в работах «Искусство и ответственность», «К философии поступка» также осознал значимость данной тематики. Он призывал вернуться к изучению опыта нравственной философии, в центре внимания которой стоит Человек, его «Я». У Сократа, основоположника моральной философии, фундаментальным камнем является знание, у И. Канта — категорический императив, а у М. Бахтина в отличие от них — поступок и ответственность. Русский мыслитель нередко вступал в полемику с западноевропейскими философскими школами в лице немецкой классической философии, «философии жизни», неокантианства, феноменологии и фрейдизма. Автор предпринял попытку проанализировать влияние на творчество М. М. Бахтина таких известных представителей, как И. Кант, А. Шопенгауэр и Ф. Ницше.

Несомненно, наибольшее влияние на раннее творчество М. Бахтина, как и практически на всех западноевропейских философов, оказал И. Кант. Русский ученый В. Соловьев следующим образом проанализировал значение немецкого ученого: «Кант — основатель философского критицизма, представляющего собой отправную точку в истории человеческой мысли, так как все развитие философии... должно быть разделено на два периода: докантовский и послекантовский»¹.

«Звездное небо надо мной и моральный закон во мне» — так Кант выразил два основных направления и источника своей философии, причем моральную философию он считал практической. Если в познании природы источником истины

служит опыт, то законы нравственности не могут быть выведены из существующих отношений между людьми. Поэтому невозможно создать научную теорию морали и права, аналогичную естественным наукам.

Особенность кантовского рационализма связана с тем, что философ отказался выводить нравственность и право из теоретического знания. Источником нравственных и правовых законов у него выступает практический разум, или свободная воля людей. Стать моральной личностью человек способен только в случае, если возвысится до понимания своей ответственности перед человечеством в целом. Поскольку люди равны меж собой как представители рода, каждый индивид обладает для другого абсолютной нравственной ценностью. Этика Канта, таким образом, утверждала постулат господства общечеловеческих устремлений над эгоистическими и подчеркивала моральную ответственность индивида за происходящее в мире.

Опираясь на эти принципы, Кант вывел понятие нравственного закона. Моральная личность, считал философ, не может руководствоваться гипотетическими (условными) правилами, которые зависят от обстоятельств места и времени. В своем поведении она должна следовать требованиям категорического (безусловного) императива, который Кант называл «законом нравственной свободы»². В отличие от гипотетических правил категорический императив не содержит указаний, как нужно поступать в том или ином случае, и, следовательно, является формальным. Он содержит лишь общую идею «долга перед лицом человечества», предоставляя индивиду полную свободу решать самостоятельно, какая линия поведения в наибольшей мере согласуется с моральным законом.

Моральный закон И. Канта, несомненно, нашел отражение в мыслях М. Бахтина. Творчество Канта являлось одним из важных проблемных мест в невельский и витебский периоды жизни русского мыслителя, а также в ленинградский период 1924 г., где он принял активное участие в работе «Кантовского семинара». Именно тогда у М. Бахтина формировались «...начатки нравственной философии»³. Исследователь К. Исупов отмечал: «...для Бахтина и его друзей Кант стал духовной причиной релятивистской картины мира и основой своеобразного этического эмпиризма»⁴.

И. Кант ориентировал свою философию на естествознание и математику, исследовал проблемы трансцендентального. Он являлся создателем этической науки, где акцент сделан на особенностях индивидуального бытия личности. И. Кант полагал, что человек должен быть свободен от чувственного мира, независим от него. С этой идеей свободы у него был связан принцип нравственности — категорический императив: действуй так, чтобы максима твоей воли во всякое время могла бы служить и принципом всеобщего законодательства. Моральный закон у И. Канта проистекал из разума, который являлся условием нравственной свободы. Ф. Диттес отмечал, что у И. Канта «нравственность страдает принуждением, с одними формулами здесь ничего не сделаешь»⁵.

К аналогичному выводу приходит и М. Бахтин, критикуя кантовский примат практического разума. Бахтин полагал, что норма, как специальная форма волеизъявления одного по отношению к другим, свойственна существенно только праву (закон) и религии (заповедь). Как недостаток моральной философии И. Канта М. Бахтин видит теоретизацию категории долженствования, а вследствие этого

потери индивидуального поступка. «Долженствование есть именно категория самой индивидуальности, единственности поступка, его незаменимости и незаменимости... его историчности»⁶. Таким образом, категоричность императива подменяется его общезначимостью, становится мыслимой подобно теоретической истине. М. Бахтин делает вывод, что к живому поступку в реальном мире в философии И. Канта подхода нет.

Немецкий ученый рассматривал и связывал проблемы с априорным знанием, с трансцендентальным сознанием, где моральные установки формируются на основе разумности. Нравственное поведение непременно учитывает доводы рассудка, который обращается к истинам науки. Эти установки философии прослеживаются в творчестве А. Шопенгауэра, основателя течения «философия жизни», которое являлось важным звеном в развитии западной философии. Немецкий философ Г. Риккерт дал определение данного направления: «Под философией жизни не следует разуметь философию жизни, как некоторой части мира, наряду с которой существуют еще другие части... Ей характерно то, что она пытается построить при помощи самого понятия жизни целое миро- и жизнепонимание»⁷. Жизнь в ней поставлена в центр мирового целого; она объявляется собственной «сущностью» мира и органом его познания. «Сама жизнь должна из самой себя философствовать без помощи других понятий, и такая философия будет непосредственно приживаться»⁸.

Важно отметить, что в отношении «философии жизни» М. Бахтин испытывал влияние ее теории, затем критиковал ее и переходил к оппонированию. Он не принимал некоторых положений «философии жизни», потому что они далеки от диалога и полифонизма, в частности, ей чужд «Другой» как реальность, которого Бахтин возвел над «Я», ставил необходимым условием диалога, на чем зиждется все его философское учение.

А. Шопенгауэр является создателем новой традиции, он отверг нормативность в морали, в поведении человека. Нравственный опыт каждого человека настолько уникален и самобытен, что его никак нельзя подвести под общие установления. Здесь А. Шопенгауэр критикует рационалистическую традицию. Индивид, прежде всего, реализует собственные желания. Таким образом, ученый заменил рационалистические элементы культуры другими. Он обращается к человеку, к его неисчерпаемой субъективности, подчеркивая, что именно в индивиде воплощается воля. «Человек становится той осью, вокруг которой вращается макро- и микрокосмос, причем ценностные характеристики последнего... определяются путем соотнесения с человеком: добро это для него или зло»⁹.

Это соучастное мышление А. Шопенгауэр видит в сострадании. В работе «Об основе морали» в качестве таковой он определяет: «... феномен сострадания, то есть совершенно непосредственного, независимого от всяких иных соображений участия прежде всего в страдании другого»¹⁰. Здесь прослеживается диалогизм мировосприятия ученого. Однако на деле философия жизни отстранилась от «Другого», что отмечает М. Бахтин: «Воля описывает круг, замыкает себя, исключая индивидуальную и историческую действительную активность поступка»¹¹. Субъективизм Шопенгауэра отчуждает «Я» от «Другого», личность разъединяется с другим. М. Бахтин задумывался над данной проблемой: что произойдет с личностью, которая изолирует себя? Сможет ли родиться диалог через пос-

ледовательное выстраивание собственного индивидуального мира? Однако вывод прямо противоположен: «человек никогда не найдет всей полноты только в себе самом»¹². Философская антропология М. Бахтина начинается именно с «Другого», а не с «Я». «Я прячется в другого и в других, хочет быть только другим для других, войти до конца в мир других как другой, сбросить с себя бремя единственного в мире я (я-для-себя)»¹³.

Нельзя обойти вниманием еще одного представителя «философии жизни» — Ф. Ницше. Его философия возникла в конце XIX в., когда в западной философии происходил поворот от рационалистических философских систем, утверждавших веру в силу и тождество человеческого разума, возможность познания мира и прогресс человечества, к философским системам, отрицавшим прогресс общества и человека. Выражением такого поворота в философии стала позиция Ф. Ницше. Он является одним из основателей «философии жизни», он оказывал заметное влияние на современников в Европе и за рубежом. По замечанию Г. Ресселя, в России творчество Ф. Ницше оставило глубокий духовный след, что подтверждается примером творчества М. Бахтина.

Ф. Ницше полагал, что спасти человечество может только Сверхчеловек — это законодатель, стоящий выше морали и религии, некий аморальный политический гений, выражающий в себе крайний индивидуализм, избравший своим оружием ложь, насилие и эгоизм. Сверхчеловек мыслится Ф. Ницше как «последнее звено в эволюционной цепи человечества»¹⁴.

По Ф. Ницше, человек знаменует собой предел, поэтому человечество должно постоянно трудиться над выработкой отдельных крупных личностей. Немецкий ученый противопоставляет прежней аскетической морали новую, аристократическую, в центре которой нравственное стремление к жизни и власти. У Ф. Ницше обычай, нравственность, право, государство и религия — не результаты тысячелетней эволюции, а проявление произвола отдельных личностей.

Р. И. Александрова отмечает: «...русскому мыслителю импонировала позиция Ницше, не воспринимавшего методологию рационализма»¹⁵. Близкой для М. Бахтина была позиция Ф. Ницше в его неприятии догматического характера религиозной и общественной морали с их претензией навязывания человеку всех ответов. Однако русский мыслитель не принимал призыва немецкого философа к простому проявлению всех инстинктов, «стихийной воле к жизни», так как для М. Бахтина важна оценка от себя, ответственное решение от себя и от другого, позиция нравственного поступка.

Философия жизни представляет собой направление, объединяющее учения, созданные в различное время, стержневым понятием которых является понятие жизни, которая понимается как «мир в аспекте его данности познающему субъекту, единственная реальность, существующая для конкретного человека»¹⁶.

Жизнь — это процесс, свободное стихийное и инстинктивное творчество, — она не поддается научному анализу, в котором противопоставляется субъект (человек) и собственно жизнь (объект познания). Жизнь нельзя понять, находясь вне ее, ее можно «схватить» интуитивно, «вжиться», «вчувствоваться» и «пережить». Здесь важно провести параллель с совпадающей позицией М. Бахтина.

Таким образом, значительное влияние на формирование философских идей М. Бахтина и его творчество в целом оказали известные западноевропейские

философско-правовые школы: во-первых, немецкая классическая философия в лице И. Канта с его моральным законом — категорическим императивом, протекающим из разума, который М. Бахтин критиковал; во-вторых, «философия жизни» в лице ярких представителей — А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, которым были свойственны критика рационалистических традиций и ориентация на личность, индивида, «я», что нашло отражение в нравственной философии М. Бахтина и в развитии его теории диалогизма «Я — Другой».

Библиографические ссылки

- ¹ Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 441.
- ² Кант И. Сочинения : в 8 т. М., 2005. Т. 6. С. 615.
- ³ Дувакин В. Д. Разговоры с Бахтиным // Человек. 1993. № 6. С. 166.
- ⁴ Исупов К. Г. Бахтинский кризис гуманизма : (материалы к проблеме) // Бахтинский сборник — П. М., 1992. С. 134.
- ⁵ Диттес Ф. Критические этюды нравственной философии Спинозы, Лейбница и Канта. СПб., 1900. С. 42.
- ⁶ Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники : Ежегодник. 1984 — 1985. М., 1986. С. 100.
- ⁷ Риккерт Г. Философия жизни. Изложение и критика модных течений философии нашего времени. Пб., 1922. С. 12.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Шопенгауэр А. Об основе морали // Свобода воли и нравственность. М., 1992. С. 50.
- ¹⁰ Там же. С. 206.
- ¹¹ Бахтин М. М. К философии поступка. С. 101.
- ¹² Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 208.
- ¹³ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 371.
- ¹⁴ Керимов Д. А. История философии права. СПб., 2000. С. 283.
- ¹⁵ Александрова Р. И. Нравственная философия Бахтина и традиции православия // Вест. Мордов. ун-та. 1993. № 4. С. 4.
- ¹⁶ Якушев А. В. Философия. М., 2004. С. 134.

Поступила 09.04.2013 г.

УДК 316.6

Г. И. Щанкина

G. I. Schankina

**ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО РИСКА И ГРУПП «РИСКА» В СВЕТЕ
АКТУАЛИЗАЦИИ ЯВЛЕНИЯ ДЕПРИВАЦИИ**

**INTERNATIONAL EXPERIENCE OF STUDY
OF SOCIAL RISK AND GROUPS OF „RISK“ IN THE LIGHT
OF UPDATING THE PHENOMENON OF DEPRIVATION**

Ключевые слова: риск, группа «риска», «проблемное сообщество», девиация, депривация, благосостояние, удовлетворенность жизнью.

В статье представлен анализ зарубежных эмпирических исследований, посвященных изучению групп «риска», формированию «проблемных сообществ», взаимосвязи показателей депривации, социальной изоляции, благополучия и субъективной оценки удовлетворенности жизнью. В качестве превенции от социального явления депривации предлагается концепция качества жизни.

Key words: risk, the group of „risk“, „distressed community“, deviation, deprivation, well-being, life satisfaction.

The analysis of international empirical researches, devoted to studying the groups of „risk“, the formation of „distressed communities“, the relationship of indicators of deprivation, social exclusion, well-being and subjective evaluation of life satisfaction is made in the article. A concept of quality of life is proposed as the prevention of social phenomena of deprivation.

В России опыт проведения репрезентативных научных исследований по предупреждению формирования групп «риска» накоплен небольшой. Определенная информация о фактах их существования предоставлена в монографиях известных социологов¹.

На государственном уровне способы превенции данного социального явления практически не разработаны. Однако на федеральном и региональном уровнях разрабатываются долгосрочные социальные программы, направленные на устранение или минимизацию различных девиаций современного общества (преступность, наркомания, алкоголизм и т. п.), аккумулируется информация о семьях «группы риска», программными методами принимаются меры по их социальной защищенности, активизации участия в жизни общества и т. д. Организуется межведомственное сотрудничество на уровнях принятия решений и непосредственной помощи депривантам и девиантам, проводится обучение специалистов, работающих с такими людьми, повышается осведомленность общественности о данных проблемах с целью профилактики и информирования о возможных ресурсах помощи.

Деприванты и девианты в рамках новейшей социологической теории «общество риска» отнесены к различным группам «риска». В зарубежных социальных исследованиях конца XX — начала XXI столетия их называют «проблемными

сообществами». Много работ посвящено вычислению индекса неравенства — показателю относительных лишений человека, который интерпретируется как индекс относительной депривации². Целью многочисленных исследований является поиск ответов на следующие вопросы: какие причины аварий и катастроф, а также рисков деятельности общества; в соответствии с чем риски классифицируются на большие и малые, приемлемые и неприемлемые; используемые формы и средства управления опасностями; почему некоторые социальные группы, организации и институты чаще подвержены последствиям риска, чем другие?

Известные ученые Центра общественных наук при колледже Дармут (США) сосредоточили свое внимание на изучении групп риска в Америке в конце XX в. Несмотря на выявленное ими значительное количество этнических, экономических, социальных, политических и других групп с «особыми интересами» они не уверены в их полном охвате. Л. Гордон важной причиной данного социального явления считает недостатки системы социального обеспечения; Р. М. Бланк отмечает, что современная государственная политика способствует росту бедности; Д. Р. Волх выделяет как внешние, так и внутренние причины бездомных; Д. Уилсон девиацию связывает с человеческой природой; Р. Торнтон основной причиной появления групп «риска» называет демографические проблемы³. Коллеги солидарны во мнении, что на основе одной теории бедности исчерпывающего определения понятия «проблемные сообщества» дать не возможно. Например, к ним нельзя отнести бездомных, которые составляют контр-сообщества.

Анализируя историю США XIX в. Ч. Перроу⁴ называет общество данного периода эффективным, децентрализованным и умеренно демократическим гражданским, адаптивным и гибким. Однако постепенно, с середины IX в., с внедрением новой формы правления изменилась гражданская культура. Было создано централизованное, не гибкое общество, нацеленное не на адаптацию, а на устойчивые изменения. В такой системе стали уязвимы скрепляющие ее социальные институты и элементы (семья, соседи, малые относительно автономные религиозные и этнические общины с их церквями, малые предприятия, специализированные образовательные системы, независимые профсоюзы и профессиональные ассоциации и т.д.), которые имеют шансы стать «проблемными сообществами». Общество, где отношения людей, построенные на личной основе, определяли большую часть их жизни было заменено на тот тип, где жизненные шансы стали опосредованы «элит»-руководителями» крупных работодателей. Основными характеристиками нового общества являются: постоянная работа, потребление в экстравагантно расточительном масштабе, незначительный контроль, господство на рынке и развлекательная культура. Ч. Перроу пишет, что в конце второго тысячелетия наметился подъем бесчеловечных и злонамеренных событий (большие и малые войны, попытки использовать оружие массового уничтожения, глобальные и локальные экологические угрозы, ожесточенный национализм, нетерпимость, несправедливость, рост неравенства, постоянно растущая нищета, «процессы-бич» СПИДа и др.). Для понимания первопричин данных проблем, а также привлечения общественности к поиску путей их решения, он считает необходимым постоянное информирование о них общество.

Немецкий социолог У. Бек⁵ определил современное общество как общество производства, распространения и потребления рисков. Ж. Джонс⁶ указывает на острую проблему США на современном этапе — распространение проблемных общин по всей стране. По ее мнению, термин «низший» не позволяет понять глобальные политические и экономические силы, создающие большое количество этнических и расово различных бедных по всей стране, не только «черное гетто» и чернокожих людей. В настоящее время для американцев белая кожа не является гарантией свободы от нищеты и бедности. Ж. Джонс считает, что средний класс Америки едва сохраняет экономическую стабильность. Особенно уязвимы гражданские служащие и молодые люди без стажа работы. В период преобразований во всем мире огромное число людей и даже целых общин становятся экономически лишними. По ее предварительным подсчетам такие люди составляют около 25 % от общей численности населения США, и эта доля, считает она, будет продолжать расти при отсутствии крупных федеральных инициатив в области жилищного строительства, занятости и образования.

Л. Беллани и К. Д'Амброзио⁷ на эмпирическом материале европейских стран проанализировали взаимосвязь между различными показателями экономического благополучия (доход и т. д.), депривацией, социальным отчуждением, социальной изоляцией и субъективной оценкой индивидуального благополучия. Они подтвердили вывод более ранних исследований о том, что индивидуальный доход имеет значение только наряду со многими другими факторами, а будущее человека, находящегося на траектории устойчивой депривации, мало перспективно. Результаты исследования подтверждают то, что деприванты в меньшей степени удовлетворены своей жизнью, а значит, могут составить группы «риска». Для получения результатов исследования были использованы статистические (корреляция, регрессия) и социологические методы. Авторы статьи проводят различия между показателями депривации и социальной изоляции. Депривация определяется ими как состояние, при котором человек лишен необходимого для достижения минимального уровня благосостояния в жизни. Социальная изоляция интерпретируется как неспособность человека к участию в политической, экономической и социальной деятельности общества, в котором он живет из-за устойчивой депривации. Человек испытывает более высокую степень социальной изоляции в ситуациях, когда депривация возникает в последовательных периодах, по сравнению с разными уровнями лишения, которые прерываются периодами без лишений. Депривацию нередко отождествляют с отчуждением. Социальную изоляцию рассматривают как хроническую относительную депривацию.

Концепция депривации обычно трактуется как статическая концепция, социальная изоляция имеет важные динамические аспекты. Человек может стать социально изолированным, если его состояние депривации является постоянным или ухудшается со временем. Поэтому авторами было предложено для измерения социальной изоляции включать время в качестве важной переменной. Они считают верным решение Европейской комиссии о борьбе с социальной изоляцией (Лиссабон, март 2000), признавшей взаимозависимость экономических показателей, занятости и социальных целей и важнейшим

направлением борьбы с бедностью и социальной изоляцией стратегию «Европа — 2020», являющуюся одной из семи флагманских инициатив, стимулирующих прогресс в Европе.

К. Д'Амброзио и Д. Фрик ряд работ посвятили изучению взаимосвязи показателей удовлетворенности доходами и относительной депривацией⁸, где на эмпирическом материале Западной и Восточной Германии за период с 1990 по 2004 г. была выявлена зависимость удовлетворенности людей от того, что они наблюдают вокруг себя. На основе данных был сделан вывод: удовлетворенность действительно является относительным понятием. Предполагаемое благополучие (счастье) зависит не только от богатства. С одной стороны, если люди не имеют никаких шансов ожидать или надеяться на большее, чем они могут достичь, то они будут менее недовольны тем, что у них есть; с другой стороны, если у них есть основания видеть в качестве возможной цели относительное процветание до некоторых более удачливых сообществ, с которыми они могут непосредственно сравнивать себя, то они останутся недовольными своей участью до тех пор, пока «не преуспеют или не догонят». Альтернативные спецификации референтных групп могут быть использованы, по их мнению, при анализе регионального социума, семьи, половозрастного состава населения или состояния рынка.

Таким образом, в многомерном измерении отношения между показателями благополучия человека, понятием счастья (т. е. самооценкой уровня удовлетворенности) и относительным разрывом между доходами человека и доходами людей богаче, чем он, авторы представили эмпирические доказательства большей зависимости субъективного благополучия от относительной депривации, чем от абсолютного уровня дохода.

Вопросы благополучия человека и удовлетворенности его собственной жизнью находятся в центре внимания многих современных зарубежных социологов. Доход рассматривается в качестве «прокси» для экономического благосостояния. Однако отмечается, что увеличение среднего дохода несущественно влияет на удовлетворенность жизнью. Материальные ресурсы (деньги, еда и жилье) непреходящи для социальной оценки, нельзя игнорировать такие «социальные атрибуты», как доступ к образованию и медицинскому обслуживанию, содержательные отношения с друзьями и родственниками и др. В этом контексте лишения и бедность измеряются не просто отсутствием денежных ресурсов, а всеобъемлющей концепцией, изучающей качества жизни человека. Лишения или снижение качества определенных условий проживания человека (экономических, социокультурных, демографических, экологических, духовных и др.), оказывающих непосредственное влияние на его оценку удовлетворенности в основных сферах жизнедеятельности, приводят к развитию такого социального явления, как депривация, что является важным фактором формирования групп «риска» в постиндустриальных обществах.

В зарубежных исследованиях прослеживаются некоторые закономерности. Социальное явление депривации приобретает универсальный характер и является достаточно противоречивым. С одной стороны, накапливается денежная масса, которая должна способствовать снижению числа «проблемных сообществ» и групп «риска». В этом случае социальный прогноз выглядел бы оптимистичным. Однако любое явление состоит из противоположностей, так и

депривация есть единство противоположностей (ожидания и шансы, собственный доход и относительный разрыв между доходами людей и др.). Возникают вопросы: какой характер этого единства, существуют ли противоположности в этом единстве, вступают ли они в противоречие, каким образом происходит развитие депривации, «проблемных сообществ» и групп «риска», какой механизм этого процесса?

Увеличение количества денег у людей посредством рыночных отношений имеет известные количественные предпосылки: возможность приобретения определенных материальных ресурсов и услуг, следовательно — рост благосостояния человека и т. д. Однако количественные изменения всегда влекут за собой изменения качественных показателей, в частности, желание доступности более дорогих и качественных услуг. Здесь проявляется диалектическое отрицание, взаимосвязь и обусловленность количественных и качественных изменений. В результате, получается, что современная система управления риском несовершенна, нестабильна и непредсказуема.

Из приведенного обзора зарубежных социологических исследований конца XX — начала XXI в. по проблемам социального риска различных групп населения можно сделать следующие выводы:

— во-первых, происходит возрастание роли социальных факторов в жизнедеятельности современного общества. При этом социологический анализ выступает одним из ведущих наряду с инженерным и статистическим. Решающее значение имеет своевременное распознавание или идентификация опасностей для прогнозирования последствий рискованных действий групп, а также принятие эффективных мер управления риском;

— во-вторых, «проблемные сообщества» и группы «риска» функционируют под воздействием на них множества факторов, в частности, депривации. При этом часть из них является контролируемой и поддается измерению и оценке, другая — случайной и не поддается измерению.

Современная концепция общества риска предполагает допустимость социального риска и наличие групп «риска». Однако причины и механизмы их формирования остаются недостаточно изученными. Результаты зарубежных исследований представляют большой интерес и для России, которая вступила на путь рыночных преобразований. Значимость использования данного опыта очевидна.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К.** Молодежь в обществе риска. М., 2003. 229 с. ; **Яницкий О. Н.** Социология риска. М., 2003. 191 с. ; **Зубок Ю. А.** Феномен риска в социологии : опыт исследования молодежи. М., 2007. 285 с. ; **Корчагина Ю. В.** Семьи группы риска социального сиротства: характеристика, диагностические критерии, методы профилактики : метод. пособие для специалистов системы профилактики и преодоления соц. сиротства. М., 2008. 105 с. ; **Воронцова М. В., Дубровская Т. А., Пискарева Н. А.** Семьи «группы риска»: проблемы, пути решения. Таганрог, 2009. 194 с. ; **Гриценко Г. Д., Часовская Л. А.** Подрастающее поколение как группа риска в современном российском обществе. Ставрополь, 2009. 144 с. ; **Смакотина Н. Л.** Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты. М., 2009. 241 с. ; **Иванникова Е. Д.** Дети «группы риска» в условиях социокультурного пространства региона. Ставрополь, 2010. 132 с. ;

Фатеев И. В. Групповая делинквентность как источник социальных рисков в трансформирующемся обществе : дис. на соиск. учен. степ. канд. социол. наук. Краснодар, 2011. 186 с. ; **Шапарь В. Б., Бондаренко В. В.** Подростки-неформалы: детские шалости или группа риска? Ростов/Д., 2012. 350 с.

² См.: **Бехманн Г.** Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М., 2010. 247 с. ; **Бернстайн П. Л.** Против богов: укрощение риска. М., 2008. 396 с. ; **Ravallion M., Lokshin M.** Who cares about relative deprivation? Washington, 2005. 46 p. ; **Verheven T.** The deviation and restoration of the human race. Irvington ; N. Y., 2006. 827 p. ; *Toward a Critical Sociology of Risk: Kathleen J. Tierney // Sociological Forum. 1999. № 2, vol. 14. P. 215 — 242 ; Subnational indicators of poverty and deprivation in Europe: methodology and applications / Betti G. [et al.] // Cambridge J. of Regions, Economy and Society. 2012. № 5. P. 129 — 147.*

³ См.: **Gordon L.** Social Security and the Construction of an Underclass in the United States // *Populations at risk in America : Vulnerable groups at the end of the twentieth century / ed. by George J. Demko a. Michael C. Jackson . Boulder (Colo.) ; Oxford, 1995. P. 36 — 60 ; Blank R. M.* Poverty and Public Policy in the 1990 s // *Ibid. P. 60 — 77 ; Wolch J. R.* Inside / Outside; The Dialectics of Homelessness // *Ibid. P. 77 — 91 ; Wilson J. Q.* Deviance and Human Nature // *Ibid. P. 91 — 104 ; Thornton R.* Native Americans and the Demographic Legacy of Contact // *Ibid. P. 91 — 104.*

⁴ См.: **Perrow C. B.** Society at Risk in a Society of Organizations // *Ibid. P. 19 — 36.*

⁵ См.: **Бек У.** Общество риска : На пути к другому модерну. М., 2000.

⁶ См.: **Jones J.** Beyond «Race and Culture»: American Underclasses in the Late Twentieth Century // *Populations at risk in America. P. 1 — 19.*

⁷ См.: **Bellani L., D'Ambrosio C.** Deprivation, Social Exclusion and Subjective Well-Being // *Soc Indic Res. 2011. № 104 . P. 67 — 86.*

⁸ См.: **D'Ambrosio C., Frick. J.** Income satisfaction and relative deprivation: an empirical link // *Social Indicators Research. 2007. № 81. P. 497 — 519.*

Поступила 04.09.2013 г.

УДК 374.7 (470.345)

А. В. Ломшин

A. V. Lomshin

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В МОРДОВИИ 1917 — 1920 гг.

CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITY IN MORDOVIA IN 1917 — 1920

Ключевые слова: просвещение, изба-читальня, народный дом, культурно-просветительское учреждение, кружок, клуб.

В статье анализируется становление культурно-просветительской деятельности в уездах Мордовии; показаны трудности, роль власти и стремление народа к культуре.

Key words: education, reading house, People's house, cultural and educational institution, circle, club.

The development of cultural and educational activities in the uyezds of Mordovia is analyzed in the article; difficulties, the role of authorities and aspiration of the people for culture is described as well.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции начали закладываться идейные и организационные основы культурно-просветительской работы в Мордовии, шли поиски оптимальных типов учреждений культуры, наиболее эффективных методов и форм их деятельности. Этот период необходимо рассматривать как становление социалистической системы культурно-просветительской работы.

В царской России культура, образование и искусство были подвластны богатым людям, простой народ был лишен благ цивилизованной культуры. В советское время государство принимает на себя финансирование учреждений культуры, начинает формировать и готовить кадры для них. Создает новые органы, на которые возлагает задачи руководства учреждениями культуры и их деятельностью — Внешкольный отдел при Наркомате просвещения и подотделы внешкольного образования при губернских и уездных отделах народного образования, сформированные в ноябре 1917 г.

Наиболее массовым видом сельских культурно-просветительных учреждений, возникших после революционных событий 1917 г., были избы-читальни, работа которых развертывалась под руководством партийных организаций и при широком содействии волостных и сельских советов. Культурно-просветительская работа велась даже в условиях Гражданской войны и разрухи. Только за первые три года советской власти сеть учреждений внешкольного образования в России увеличилась в 6 раз¹. Активно велась работа по развертыванию сети культурно-просветительных учреждений и в Мордовии. Так, в первую годовщину Октябрьской революции в г. Саранске в бывшей гарнизонной церкви открылся красноармейский клуб. В Апраксинской волости Ардатовского уезда Симбирской губернии к октябрю 1918 г. были организованы культурно-просветительные кружки и ячейки союза учителей-интернационалистов, открыт народный дом,

где «почти каждое воскресенье устраивались спектакли, организовывались чтения лекций»². Первые кружки явились зародышем всех видов культурно-просветительных учреждений.

Волостные и сельские советы много внимания уделяли открытию учреждений внешкольного образования. На совместном заседании Усть-Рахмановского волостного Совета и комитета бедноты волости Краснослободского уезда Пензенской губернии в декабре 1918 г. постановили: «Открыть по возможности в каждом селении культурно-просветительные учреждения: избу-читальню, народный дом, библиотеку. Для этой цели реквизируют дома местных кулаков и богатеев, а равно и другие необходимые предметы: мебель, книги и пр.»³. Поэтому первые культурно-просветительные учреждения в Мордовском крае размещались в реквизированных у состоятельных людей домах, церквях и зданиях, перешедших в собственность государства, где до этого были земские и другие учреждения. В декабре 1918 г. в Краснослободском уезде было открыто несколько изб-читален и 7 клубов⁴; в Саранском уезде Пензенской губернии — 4 народных дома, 10 театральных кружков, 16 культурно-просветительных организаций и 3 кружка читателей⁵. В бывшем доме купца Цынгватова на заводской улице стал функционировать «Дом мордовки» «как очаг просвещения женщин национального района»⁶.

В мордовских селах Ардатовского уезда работали 8 народных домов и 15 изб-читален. В с. Лобаски при клубе был организован культурно-просветительный кружок, оказывающий «содействие духовному и всестороннему развитию граждан волости посредством совместной организации просветительных мероприятий и устройства различных развлечений. Кружок устраивал чтения, лекции, литературные вечера, спектакли, концерты»⁷. 16 февраля 1919 г. начал действовать культурно-просветительный клуб в с. Мокшалея Саранского уезда Пензенской губернии. На его открытии присутствовали представители коммунистической партии г. Саранска Захаров и Феофанов⁸. В феврале этого же года на II Темниковской уездной конференции было принято решение о создании в волостях сети изб-читален, где устраивались бы чтения и происходил открытый разбор декретов и распоряжений центральной власти, читались лекции на политические и научные темы, а также устраивались митинги, музыкальные вечера, спектакли и т. д.⁹

Придавая важное значение для культурного развития сельского населения библиотекам, на партийном собрании Ладской ячейки РКП(б) Саранского уезда от 18 декабря 1918 г. было принято решение попросить военный комиссариат об имеющейся в его распоряжении библиотеке, «имея целью передачу таковой и перенесение ее в клуб»¹⁰. 1 ноября 1918 г. на партийном собрании коммунистов пос. Кемля Лукояновского уезда Нижегородской губернии приняли решение ходатайствовать перед Лукояновским уездным и губернским земельными отделами о получении разрешения на право пользования библиотекой, находящейся в доме В. П. Философовой, Кемлянскому культурно-просветительному кружку¹¹. Так, в декабре 1918 г. в докладе председателя Пичеурского волостного совета Ардатовского уезда Абрамова отмечалось, что «работа по просвещению идет усиленными темпами. Оборудованы волостные библиотеки и организованы при волости и в селах просветительные кружки, куда вошли учителя и учительницы, и все сознательные товарищи. Работа просветитель-

ных кружков идет в контакте с партийными организациями коммунистов (большевиков), но только большая нужда в литературе»¹².

Вопросы развития просветительной деятельности среди населения были в центре внимания и общего заседания ардатовской организации ВКП(б). Так, на заседании от 23 июня 1928 г. отмечалось, что «необходимо открывать партийные библиотеки, чтобы новые члены могли подробно ознакомиться с программой партии»¹³. Выступая на заседании, Пищальников указал, что для приобретения литературы было выделено 1 300 руб., можно решить вопрос и с помещением для библиотеки. Одновременно ставил он вопрос и об открытии клуба, где можно было бы организовать чтение лекций и проведение других массовых мероприятий. В сентябре 1918 г. на заседании Ардатовского уисполкома, наряду с другими важными вопросами культурного строительства в уезде, был рассмотрен и вопрос по докладу заведующего избы-читальни и центрального музея Дерова о «немедленном их ремонте»¹⁴. Было принято решение о немедленном ремонте указанных помещений.

Коммунисты игнатовской ячейки Ардатовского уезда на заседании от 28 октября 1918 г. приняли решение организовать при ячейке клуб коммунистов. Заведующим была избрана Стелькина, а его помощником Данилов, бывший священник с. Андреевки, которого одновременно привлекли к агитационно-пропагандистской работе при ячейке коммунистов с месячным окладом 500 руб. Под клуб заняли дом бывшего священника¹⁵.

На первой Ардатовской уездной партийной конференции Данилов от Игнатовской волости отметил, что проводится большая работа в сельском клубе. Аriskин от Наченальской волости указал на то, что по инициативе партийной ячейки был организован культурно-просветительный кружок, где оборудована сцена и ставятся спектакли¹⁶. Данчин от Чамзинской волости отметил, что у них открыт народный дом с библиотекой и читальней и успешно проводится культурная работа с населением¹⁷. Представитель Тазинской волости Архангельский указывал на необходимость выдвижения на первый план культурно-просветительской работы. В этой волости существовал народный дом, где ставились спектакли, был организован культурно-просветительный кружок, в котором участвовала местная интеллигенция. Была организована и библиотека, куда вошли все реквизируемые книги у попов¹⁸.

Несколько пассивнее эта работа проводилась в Резоватовской волости, где была открыта районная библиотека, организован культурно-просветительный кружок, читались лекции. Елкин считал, что этого для активизации населения и охвата широких масс было недостаточно.

В целом по Ардатовскому уезду много внимания уделялось организации культурной работы среди населения. Как отмечалось в докладе конференции, с разрешения уездного исполкома партии было предоставлено помещение для клуба и выделены средства в сумме 200 руб. для приобретения политической литературы¹⁹. В с. Наборные Сыреси был построен двухэтажный народный дом, где располагалась библиотека. Однако для более эффективного развертывания культурно-просветительской деятельности среди населения необходимо было проводить работу по распространению литературы. Как отмечалось в выступлении председателя Козловского волостного исполкома И. Госткина, народные массы «рвутся к просвещению, но недостаток является в литературе, которая у нас

отсутствует, на что нам, всем работникам, нужно обратить серьезное внимание и принять все меры к доставке литературы»²⁰.

На III съезде Инсарского уездного Совета также большое значение имела работа со взрослым населением. В ее резолюции было указано, что «для широкого распространения внешкольного образования ввести занятия со взрослым населением в виде чтения и бесед, организовать кадры лекторов, которые совместно с участковыми агрономами подняли культурно-политический уровень населения уезда»²¹. На осуществление указанных мероприятий по внешкольному образованию было выделено 15 000 руб.

На местах коммунистические ячейки, сельские и волостные советы оказывали посильную помощь в развертывании культурной работы среди крестьянства, создавали материальную базу учреждений культуры. Например, в с. Глушково Инсарского уезда Пензенской губернии был открыт народный дом, при котором работали драматический кружок и читальня²². В Наровчатском уезде Пензенской губернии издавалась своя газета, при исполкоме была организована культурно-просветительная комиссия. Из Москвы было завезено 24 пуда литературы, московские рабочие для организации работы с населением и приобретения литературы отпустили 7 000 руб. В Краснослободском уезде в 1918 г. было организовано 12 клубов, при которых имелись библиотеки. В г. Краснослободске активисты и учителя ежедневно читали до 6 лекций, на которых бывало до 200 человек. В Инсарском уезде Пензенской губернии 10 ноября того же года был открыт клуб, а 30 ноября был организован культурно-просветительный кружок, еженедельно читались лекции²³.

В с. Веденяпино Темниковского уезда Тамбовской губернии было создано общество разумных развлечений, которое, «содействуя просвещению и развитию народа, устраивало спектакли, концерты, литературно-музыкально-вокальные вечера, лекции, беседы, чтения и т. д.»²⁴.

Следует отметить и то, что культурно-просветительская работа в рассматриваемый период получила широкий размах и что она проводилась не только в уездных центрах и городах, о чем свидетельствует деятельность Тархановского сельского Совета по постройке электрической станции и кинематографа с культурно-просветительной целью. В частности, в декабре 1918 г. в докладе строительной комиссии указывалось, что членами совета Хныревым и Торгузовым по поручению сельского совета были возбуждены ходатайства перед уездным отделом Совета народного хозяйства об оказании помощи в выделении парового двигателя локомобильного типа и перед Советом по народному образованию об оказании содействия и выделении средств на оборудования кинематографа²⁵. Отдел Совета народного хозяйства на ходатайство комиссии ответил положительно. Отдел Совета по внешкольному образованию дал согласие финансировать «из имеющихся у него средств на кинематографы лишь по предоставлению сметы»²⁶. По предоставлению сметы было выделено 14 000 руб. Одновременно в Тарханове национализированный дом Репина переоборудовали под народный дом и кинематограф, на что было дополнительно израсходовано 759 руб. 58 коп. за работу и 1 236 руб. 38 коп. на приобретение строительных материалов.

Учителя Темниковского уезда также осознавали всю важность просветительской работы среди населения. На проходившем 29 октября 1918 г. съезде учите-

лей говорилось, что надо «признать неотложным устройство библиотек, народных домов, чтение лекций, приобретение подвижных кинематографов, организацию школ для неграмотных, малограмотных и повышенного типа. Для этого от делу народного образования надлежит приступить к составлению общего плана, выработке сети перечисленных учреждений и составлению смет»²⁷.

В культурно-просветительской работе были задействованы все имеющиеся культурные учреждения края и открывались новые. Так, 29 ноября 1918 г. на заседании Саранского уездного отдела народного образования по вопросу школьного строительства и открытия музея в уезде было принято решение «организовать уездный музей... и обратиться к населению с призывом о предоставлении в пользование музея всех вещей и предметов, имеющих историческую ценность»²⁸. Самым важным изменением в политике управления внешкольными организациями следует отметить децентрализацию этого управления. Все учреждения внешкольного образования были переданы в распоряжение уездных отделов народного образования. В марте 1919 г. состоялось открытие клуба им. Шереметьева в с. Порапино Ковылкинской волости²⁹, ставшего не только культурным явлением, но и большим политическим событием. Примерно в эти же годы открываются и начинают вести достаточно плодотворную работу политические клубы ст. Ковылкино, активизируется культурно-просветительская работа в с. Панжа, Воскресенская Лашма, Троицк, Рыбкино и Кочелаево, где долгие годы жил и работал народный художник Мордовии Ф. В. Сычков³⁰.

В 1920 г. в Саранском, Рузаевском и Краснослободском уездах действовали 337 библиотек и изб-читален, около 30 народных домов и 130 культурно-просветительных кружков. Достаточно широко была развита сеть культурно-просветительных учреждений в Рузаевском уезде: здесь функционировали 20 изб-читален, 2 народных дома, 5 клубов и 65 культурно-просветительных кружков³¹.

В ноябре 1920 г. учреждается Главполитпросвет. Подобные комитеты создаются в губерниях, уездах и волостях. В 1920-е гг. ведущее место среди политико-просветительных учреждений принадлежало избам-читальням: в них сельчан знакомили с декретами и постановлениями советской власти, организовывали чтение вслух газет, журналов и книг, проводили лекции и беседы, действовали школы ликвидации неграмотности, создавались кружки, устраивались спектакли и другие мероприятия.

В 1920 г. в 8 уездах, впоследствии входивших в состав Мордовского округа полностью или частично (Ардатовском, Алатырском, Инсарском, Краснослободском, Рузаевском, Саранском, Спасском и Темниковском), числилось 24 клуба, 151 изба-читальня и 47 народных дома. Выборочное исследование 62 изб-читален показало, что действующими из них были лишь 34 (54,8 % от числа проверенных). Отчет Мокшалайского подрайгитпункта Саранского уезда за период с 15 мая по 1 июля 1921 г. наглядно свидетельствует о том, что в организации культпросветработы на местах ощущались большие трудности, связанные, прежде всего, с отсутствием оборудования для помещений, недостатком подготовленных кадров и необходимой литературы. Кроме того, культурно-просветительской деятельности препятствовали и некоторые учителя. Так, учителя Мокшалайской школы А. и М. Лейтины, С. Алексева и сторож школы Атяшкин вели антиправительственную пропаганду. Члены кружка были вынуждены

обратиться к руководству Саранского уполитпросвета с просьбой принять меры по отношению к учителям-саботажникам, «которые подрывают святое дело советской власти в области просвещения деревни, изгнать их и предать революционному суду как врагов деревенских темных масс»³². Не лучше обстояло дело и в с. Дягилевка и Гузынцы этого же уезда.

Таким образом, в впервые годы советской власти в Мордовском крае активно велась работа по открытию культурно-просветительных учреждений и активизации их деятельности. Были заложены организационные основы и определены главные направления деятельности сети культурно-просветительных учреждений. Однако не во всех уездах сеть культурно-просветительных учреждений в рассматриваемые годы развивалась равномерно.

Библиографический ссылки

- ¹ См.: **Житаев В. Л.** Культурно-просветительская деятельность Мордовии (конец XIX — начала XX в.). Саранск, 2003. С. 13.
- ² **Житаев В. Л.** Культурно-просветительская деятельность Мордовии (вторая половина XIX — 80-е гг. XX в.). Саранск, 2006. С. 86.
- ³ Очерки истории Мордовской АССР : в 2 т. Саранск, 1961. Т. 2. С. 82.
- ⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 3. Л. 7 — 9.
- ⁵ Там же. Ф. Р-327-П. Оп. 1. Д. 53. Л. 21 — 23.
- ⁶ См.: **Житаев В. Л.** Культурно-просветительская деятельность Мордовии (вторая половина XIX — 80-е гг. XX в.). С. 87.
- ⁷ Под звездой Октября. Саранск, 1967. С. 236.
- ⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-327-П. Оп. 1. Д. 117. Л. 1.
- ⁹ Там же. Ф. Р-26-П. Оп. 1. Д. 37. Л. 100.
- ¹⁰ Там же. Ф. Р-327-П. Оп. 1. Д. 62. Л. 30.
- ¹¹ См.: Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны : док. и материалы. Саранск, 1959. С. 124.
- ¹² Там же. С. 56.
- ¹³ Там же. С. 72.
- ¹⁴ ЦГА РМ. Ф. 55. Д. 9. Л. 182 — 183.
- ¹⁵ См.: Мордовия в период упрочения Советской власти... С.121
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 149 — 150.
- ¹⁹ Там же. С. 153.
- ²⁰ Там же. С. 157.
- ²¹ ЦГА РМ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 34. Л. 622 — 628.
- ²² См.: Молот. 1918. 12 дек.
- ²³ ЦГА РМ. Ф. 36-П. Оп. 1. Д. 3. Л. 6 — 8.
- ²⁴ Там же. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 17. Л. 200.
- ²⁵ Там же. Ф. 55. Д. 10. Л. 120 — 121.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ См.: Мордовия в период упрочения Советской власти... С.119.
- ²⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 34. Л. 615.
- ²⁹ См.: **Шмырев Н. И.** Ковылкино. Саранск, 1969. С. 150.
- ³⁰ Там же. С. 151.
- ³¹ См.: Очерки истории Мордовской АССР. Т. 2. С. 82.
- ³² ЦГА РМ. Ф. Р-327-П. Оп. 1. Д. 433. Л. 5 — 9.

Поступила 02.11.2013 г.

УДК 37 (470.345)

И. Н. Минеева

I. N. Mineeva

**ОБРАЗОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ КАК ФАКТОР
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА:
ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ ОПЫТ (1990 — 2005 гг.)**

**EDUCATION IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA AS A FACTOR
OF SOCIAL AND CULTURAL DEVELOPMENT OF THE REGION:
EXPERIENCE OF FIFTEEN YEARS (1990 — 2005)**

Ключевые слова: Республика Мордовия, Министерство образования РМ, национальное образование, сельская школа, мордовский язык, Единый государственный экзамен.

В статье рассматриваются состояние, проблемы и перспективы развития образования в Республике Мордовия как фактора социокультурного развития региона в 1990 — 2005 гг.

Key words: the Republic of Mordovia, Ministry of Education of the Republic of Moldova, national education, rural school, the Mordovian language, Unified State Exam.

The situation, problems and prospects of the development of education in the Republic of Mordovia as a factor of social and cultural development of the region in 1990 – 2005 are considered in the article.

Образование находится в сфере первоочередных государственных интересов. От состояния образовательной системы во многом зависит будущее Российского государства, его экономическое развитие и уровень благосостояния в обществе. С ним связываются надежды на модернизацию экономики и увеличение темпов экономического роста. Образование с наукой представляют одну из наиболее существенных гарантий национальной, региональной и международной безопасности.

Переходный период занимает особое место в истории образования Республики Мордовия. Именно в эти годы оно начинает осознаваться как фактор социокультурного развития региона. При этом идет развитие общественного и личного осознания образования как ценности, мотивированного и стимулированного отношения территориального сообщества и отдельного человека к уровню собственного образования и его качеству.

Образование — ведущая сфера жизни Республики Мордовия. С ним связываются надежды на возрастающий интеллектуальный и творческий потенциал, от него во многом зависит будущее республики.

В законе «Об образовании в Республике Мордовия» от 30 ноября 1998 г. № 48-З четко обозначена государственная политика в этой сфере. Прежде всего, это — обеспечение реализации прав граждан на получение качественного образования; укрепление и развитие национальной школы и т. д.¹ На реализацию этой политики направлена деятельность республиканской системы образования.

Инфраструктура общеобразовательных учреждений Республики Мордовия в период с 1990 по 2005 г. представлена в таблице.

Таблица

Образовательные учреждения Республики Мордовия в 1990 — 2005 гг.

Показатель	1990/91 уч. г.	1995/96 уч. г.	2000/01 уч. г.	2005/06 уч. г.
Число общеобразовательных учреждений, всего	835	837	779	700
В том числе:				
дневные общеобразовательные	822	826	769	692
Из них:				
начальные	223	226	173	132
основные	220	201	195	161
средние (полные)	371	391	393	391
для детей с ограниченными возможностями здоровья	8	8	8	8
вечерние (сменные) общеобразовательные	13	11	10	8
Численность учителей, тыс. чел.	13,0	15,3	14,4	12,1
Численность учащихся, тыс. чел.	134,6	143,0	130,7	91,0
В том числе:				
в дневных общеобразовательных	131,7	140,9	128,6	89,2
в вечерних (сменных) общеобразовательных	2,9	2,1	2,1	1,8

Составлена по: Мордовия 70 лет : юбилейн. стат. сб. Саранск, 1999. С. 75 ; Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2001. С. 74 ; Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2006. С. 171 ; Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2008. С. 171 ; Справки, решения коллегии Министерства образования Республики Мордовия // Текущий арх. Министерства образования Республики Мордовия.

Статические данные, приведенные в таблице свидетельствуют о сокращении числа общеобразовательных учреждений, учителей и учащихся. Так, их общее число в республике в 2005 г. по сравнению с 1990 г. сократилось на 16,1 %, число дневных общеобразовательных учреждений — на 15,8 % (в том числе начальных — на 40,8 %, основных — на 26,8 %), вечерних общеобразовательных учреждений — на 38,4 %, численность учителей — на 6,9 %, учащихся — на 32,4 %.

За указанные годы в системе образования произошли существенные перемены: она освобождена от наследия тоталитаризма, расширена самостоятельность учебных заведений, в них возродился дух творчества и академических свобод. Возросли возможности граждан в выборе учебных заведений, образовательных и профессионально-образовательных программ. Особая примета времени — личностная ориентированность образования.

В постсоветский период развития образования происходит отказ от идеологических установок в сфере образования, что влечет за собой изменения в воспитательной работе и в самом учебном процессе. Изменения также затрагивают учебные программы и образовательные стандарты. Например, из учебной программы среднего (полного) общего образования исключен предмет «История СССР»; вместо него сейчас преподаются «История Отечества» и «Новейшая история». Курсы обществоведения, начальной военной подготовки, алгебры и математического анализа заменены соответственно на обществознание, основы

безопасности жизнедеятельности, алгебру и начало анализа; также из программы исключены «Этика и психология семейной жизни» и оценка за поведение. Однако введены новые предметы, такие, как «Экология», «Валеология» и др.

Сегодня перед системой образования стоит задача повышения качества языковой подготовки обучающихся, чтобы максимально использовать мощный воспитательный потенциал языков, истории и культуры народа в формировании у детей любви к родному краю, т. е. воспитать патриота своей родины. В настоящее время усиливается национально-патриотическое воспитание; в большинстве школ республики сделаны установки на усиление развития национального самосознания.

В рамках реализации этой задачи Министерством образования проведена значительная работа по обновлению дошкольного, общего и начального профессионального образования. Важным направлением в этой области является расширение национально-регионального компонента содержания образования, который включает в себя кроме учебных предметов «Мокшанский язык», «Эрзянский язык» и «Мордовская литература» такие предметы, как «География Республики Мордовия» (В. Н. Пресняков и Н. Н. Логинова), «Основы экологии» (Н. М. Чернова) и др.²

В указанные годы удалось практически решить такие сложные проблемы, как создание программ для 5 — 9 классов и учебников для 5 — 7 классов по сквозному курсу «История, культура родного края»; обновление программ по мордовской литературе для учащихся 5 — 11 классов и учебников-хрестоматий для 5 — 10 классов; частично обновлены программы по мокшанскому языку для 5 — 9 классов, по эрзянскому языку для 5 — 11 классов. Для 5 — 9 классов по этим программам созданы учебники; для 2 и 3 классов начальной школы разработаны и изданы интегрированные учебники по эрзянской словесности.

Впервые разработаны и изданы программы и учебники по изучению мордовских языков в русских школах. Кроме того, подготовлены: «Материальная и духовная культура народов мордовского края» (Н. Ф. Мокшин), «Родиноведение» (Н. А. Ануфриева) и другие программы. Несомненно, все это внесло значительный вклад в гармонизацию межнациональных отношений в республике. Вместе с тем предстоит большая работа по созданию учебной и методической литературы по этим программам³.

В изучаемый период появляется тенденция к образованию учреждений повышенного уровня сложности (гимназии, лицеи и школы с углубленным изучением отдельных предметов). Углубленное изучение предметов стало неотъемлемой частью образовательной политики городского управления образования, благодаря чему наиболее подготовленные учащиеся имеют возможность реализовать свои способности, получить качественную подготовку к обучению в вузе, проявить себя на предметных олимпиадах и конференциях. К учреждениям с углубленным изучением предметов в республике относятся: МОУ «Лицей» с. Ельники (физика и информатика), МОУ «Многопрофильный лицей № 1» (биология, химия и информатика), лицей № 4 г. Рузаевки (биология, химия и физика), лицей № 4 г. Саранска (математика и физика), лицей № 7 г. Саранска (физика и биология), лицей № 26 (физика и математика), лицей № 31 (химия и биология); лицей № 43 (физика и информатика); гимназия № 1 г. Рузаевки (иностранный язык, история и обществознание), гимназия № 12 (иностранные языки), гимназия № 19 (родные языки), гимназия № 20 (иностранные языки), гимназия № 23 (история, общество-

знание, экономика и право), гимназия № 29 (литература и иностранные языки), ГОУ «Республиканская многопрофильная академическая гимназия» (математика, биология, химия, география и история)⁴.

Сегодня в российской школе многоязычное образование рассматривается как одно из приоритетных направлений школьного образования. Знание языков народов, живущих в одном регионе, воспитывает уважение к культуре и традициям, дает основу для развития интеллектуальных и творческих способностей, обогащающих личность в процессе самореализации. Государственная поддержка многоязычного регионального воспитания заключается в правовом регулировании гарантий доступности и целостности лингвистического образования школьников, принятии мер законодательного обеспечения запросов и потребностей заказчиков образовательных услуг — детей и их родителей. В конституции и законах «Об образовании в Республике Мордовия» от 30 ноября 1998 г. № 48 — 3⁵ и «О государственных языках в Республике Мордовия» от 6 мая 1998 г. № 19 — 3⁶ мокшанскому и эрзянскому языкам наряду с русским придан статус государственных, что накладывает на систему образования особую ответственность за «защиту и развитие национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства»⁷.

Мордовская национальная школа в своем становлении и развитии прошла долгий путь, на котором были и подъемы, и спады. Так, в 1960-е гг. она почти утратила качества национальной, сохраняя лишь преподавание родного языка как предмета. В связи с этим заметно уменьшилось число мордовских школ. Причины здесь много: во-первых, сложившаяся десятилетиями система образования с ее жесткой централизацией содержания обучения и воспитания не предусматривала заботу о сохранении и развитии мордовских языков, не приобщала учащихся к материальной и духовной культуре своего народа, его традициям, не способствовала формированию у подрастающего поколения национального самосознания и достоинства; во-вторых, местные органы управления образованием не смогли противостоять директивным указаниям сверху, стали не только мириться, но и способствовать тому, чтобы в национальных школах родной язык не изучался, а если изучался, то относились к нему как второстепенному предмету. В течение многих лет формировалось нигилистическое отношение к национальной школе не только у родителей, но и у педагогов и управленцев.

В 1990 — 2005 гг. Министерством образования, его органами на местах, общественностью Республики Мордовия были приняты меры, позволившие заметно изменить ситуацию в лучшую сторону: в Министерстве образования создан сектор национальных школ; разработана программа «Национальная школа на предстоящие годы», в которой были учтены условия для реализации конституционного права обучения и воспитания школьников на их родном языке, а также гармоничного сочетания национально-русского двуязычия в учебно-воспитательных учреждениях республики⁸.

Существенные изменения в области национальной школы стали происходить с 1990 г. В 1995/96 уч. г. их насчитывалось 229. В 124 школах обучение велось на мокшанском, 86 — на эрзянском и в 19 — на татарском языках. В 2000/01 уч. г. количество национальных школ составило 219: из них 110 — мокшанских, 95 — эрзянских и 14 татарских⁹.

В соответствии с законами Российской Федерации «О языках народов РФ» от 25 октября 1991 г. № 1807-1¹⁰ и «Об образовании» от 10 июля 1992 № 3266-1¹¹, была начата разработка концепции обновления и развития национальных школ, национально-регионального компонента государственного образовательного стандарта и других важных программных документов, что было призвано обеспечить формирование нового уровня национального самосознания и культуры межнациональных отношений, приобщение детей к истории родного края, народа и его национальным культурным ценностям¹². Вместе с тем в изучении мордовских языков не должно быть никакого давления. Неосознанное и насильственное обучение всегда ведет к сопротивлению. Изначально важно создать такие условия, чтобы человек испытал потребность в знании языка, истории родного народа, национальной культуры, именно тех дисциплин, которые позволили бы ему осознать себя как личность, равную среди других этносов. Все это закладывается в национально-региональный компонент государственного образовательного стандарта, который определяет обязательный минимум содержания образовательных программ, отражающих национальную специфику республики, культуру, обычаи и традиции мордовского народа.

Ознакомление русских учащихся с культурой титульной части населения республики — одно из направлений развития школы. Второе важное направление — это преподавание родных языков и литературы, истории, культуры родного края в национальной школе¹³.

В 2005 г. в общеобразовательных учреждениях особое внимание было уделено обучению детей в 1 — 4 классах на родном языке (это школы №№ 18, 34, 36 и 41 и гимназии №№ 19 и 29)¹⁴. Во все многоязычные (мокшанские и эрзянские) школы направлены новые учебники по математике, природоведению на родных языках. До этого дети пользовались учебниками старых изданий и их количество было минимальным¹⁵.

С 2002 г. в стране проводится эксперимент по реструктуризации образовательных учреждений, расположенных в сельской местности. Появление постановления Правительства РФ «О реструктуризации сети общеобразовательных учреждений, расположенных в сельской местности» от 17 декабря 2001 г. № 871¹⁶ вызвано объективными процессами, характерными для современного социального социума, — ухудшающейся демографической ситуацией, которая ведет к уменьшению числа школьников, увеличению количества малочисленных школ практически во всех регионах России, в том числе и в Мордовии. В эксперименте участвуют 18 регионов. Главными причинами реструктуризации являются: необходимость повышения качества образования сельских школьников, устранение противоречия между финансовой затратностью малочисленной сельской школы и низким качеством образования, которое она дает¹⁷. Ориентиры реструктуризации сети сельских школ Республики Мордовия определены в республиканской целевой программе «Социальное развитие села до 2010 года», утвержденной Правительством Республики Мордовия 31 декабря 2002 г. № 620.

В образовательном пространстве республики сельские образовательные учреждения занимают весомое место. По данным 2003 г., из 743 образовательных учреждений 627 (84,6 %) — сельские, в том числе 48 % средних, 29 % основных и 23 % начальных¹⁸.

Важной чертой, отражающей специфику сельской школы республики, является ее малокомплектность, отсутствие параллельных классов и их низкая наполняемость. В Мордовии малочисленными школами считаются начальные школы с контингентом учащихся до 10 чел., основные — 40 чел. и менее, средние — 100 чел. и менее. В 2000-е гг. в регионе такие образовательные учреждения составляли 63 % от общего числа сельских школ.

Материальная база большинства сельских общеобразовательных учреждений не соответствует нормативам. По данным 1995/96 уч. г., из 837 школ 182 требовали капитального ремонта, в аварийном состоянии находились 33 школы. Центральное отопление имели 348 школ, водопровод — 341, канализацию — 227, только 124 школы были полностью благоустроены¹⁹. Острой остается проблема с обеспеченностью образовательных учреждений классно-лабораторным оборудованием, учебно-наглядными пособиями, техническими средствами обучения, учебниками и специализированной мебелью.

Таким образом, основными направлениями реструктуризации сельской школы в Мордовии являются укрепление материально-технической базы, усиление кадрового, финансового, нормативно-правового обеспечения, развитие коммуникаций и транспортных средств, обеспечение доступности высокого качества образования²⁰.

Значительно возросло внимание к инновационным процессам в системе образования. С 2001 г. Республика Мордовия участвует в ряде крупномасштабных федеральных экспериментов. Это, прежде всего, эксперимент по введению Единого государственного экзамена (ЕГЭ), вызвавший широкий общественный резонанс.

Так, например, директор Луховской средней школы Е. И. Янин высказал негативное мнение относительно внесения этого новшества в систему образования: «Я лично против ЕГЭ именно по форме тестирования. Почему? Мы приучаем наших детей к механическому запоминанию. Начинается зубрежка с начальной школы с ориентиром на ЕГЭ. А когда я разговариваю с учеником на экзамене, я слышу его мысль, логическое мышление. Также и на приемных экзаменах в ВУЗ надо слышать, надо видеть будущего студента, специалиста».

Декан факультета повышения квалификации МГУ им. Н. П. Огарева М. К. Рункова подчеркнула: «Экзамен, какой бы он ни был — текущий или итоговый, годовой или единый — это форма обучения, коррекция чего-то. ЕГЭ такой функции не несет. Это очередная ошибка Министерства образования. Тестирование вообще не развивает логическое мышление. Содержание КИМов должно быть подвергнуто критической оценке педагогической общественности».

Директор института физики и химии МГУ им. Н. П. Огарева К. Н. Нищев высказался в поддержку ЕГЭ: «Всем известно, что тестовый метод обладает целым рядом преимуществ. Мне кажется, надо стремиться шире внедрять тестирование, чтобы оно стало обыденным явлением в школе, ВУЗе, чтобы вокруг не возникал нездоровый ажиотаж, что мы наблюдаем сейчас».

Начальник Городского управления образования г. Саранска В. Ф. Марычев дополнил: «У ЕГЭ есть будущее. Это прогрессивная форма проверки знаний. Нам — и учителям школ, и преподавателям ВУЗов необходимо совершенствовать технологию его проведения²¹».

Вполне очевидно, что данный эксперимент резко усилил внимание общественности к образованию и положению дел в образовательных учреждениях; значительно повысил ответственность педагогов и руководителей образования за результаты своего труда, учащихся — за результаты учебной деятельности; родителей стало больше интересоваться качеством общеобразовательной подготовки учащихся, а не высокая оценка в аттестате любой ценой.

Следует подчеркнуть, что в указанные годы доброй традицией стал в Мордовии конкурс «Учитель года». Цель его — способствовать обновлению и развитию школы, повышению престижа учительской профессии, развивать творческий и новаторский подход к обучению и воспитанию учащихся, выявлять талантливых педагогов и распространять их опыт работы²².

Итак, несмотря на определенные недостатки и проблемы в сфере среднего и среднего профессионального образования, образовательный уровень населения республики в переходный период характеризуется достаточно высокими показателями, что в конечном счете является существенным фактором социокультурного развития региона. При этом система образования Республики Мордовия выступает как транслятор социального опыта и культуры общества.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Изв. Мордовии. 1998. 3 дек.
- ² См.: **Кадакин В. В.** Вопросы национального образования: состояние, проблемы, перспективы // Национальное самосознание мордовского народа. Саранск, 2005. С. 34.
- ³ См.: **Карпов И. И.** Национальное образование Мордовии: состояние, перспективы развития // Становление государственности Мордовии : сб. материалов научно-практ. конф., посвящ. 70-летию Мордовии. Саранск, 2000. С. 62.
- ⁴ Справки, решения коллегии Министерства образования Республики Мордовия. 2010 г. // Текущий арх. Министерства образования Республики Мордовия.
- ⁵ См.: Изв. Мордовии. 1998. 3 дек.
- ⁶ Там же. 7 мая.
- ⁷ **Кадакин В. В.** Указ. соч. С. 33.
- ⁸ См.: **Учеваткин М. И.** Состояние национального образования в Мордовии, тенденции и перспективы развития // Цивилизованное развитие нации и межнациональных отношений. Саранск, 1992. С. 35 — 36.
- ⁹ Справки, решения коллегии Министерства образования Республики Мордовия. 2000 — 2001 гг. // Текущий арх. Министерства образования Республики Мордовия.
- ¹⁰ См.: Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 50. Ст. 1740.
- ¹¹ См.: Рос. газ. 1992. 31 июля.
- ¹² См.: **Учеваткин М. И.** Указ. соч. С. 37.
- ¹³ См.: **Карпов И. И.** Указ. соч. С. 60 — 61.
- ¹⁴ Справки, решения коллегии Министерства образования Республики Мордовия. 2005 г. // Текущий арх. Министерства образования Республики Мордовия.
- ¹⁵ См.: **Кадакин В. В.** Указ. соч. С. 34 — 37.
- ¹⁶ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4976.
- ¹⁷ См.: **Молоканова А. С.** Сельская школа: проблемы, перспективы развития // Нар. образование Республики Мордовия. 2004. № 1. С. 45 — 46.
- ¹⁸ Справки, решения коллегии Министерства образования Республики Мордовия. 2003 г. // Текущий арх. Министерства образования Республики Мордовия.

¹⁹ Справки, решения коллегии Министерства образования Республики Мордовия. 1995 — 1996 гг. // Текущий арх. Министерства образования Республики Мордовия.

²⁰ См.: Реструктуризация сети общеобразовательных сельских школ // Социально-экономическое развитие Республики Мордовия в 2002 — 2004 гг. : аналит. обзор. Саранск, 2005. С. 184 — 192.

²¹ **Погапов И.** Единый государственный экзамен: плюсы и минусы // Нар. образование Республики Мордовия. 2003. № 1 — 2. С. 31 — 32.

²² См.: Учитель года Мордовии — 94 : (Творч. портреты, адреса). Саранск, 1994. С. 3.

Поступила 15.12.2012 г.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

АНТОНИНА НИКОЛАЕВНА КЕЛИНА (К 55-летию со дня рождения)

15 ноября 2013 г. исполнилось 55 лет главному научному сотруднику — заведующему отделом языкознания НИИГН, доценту (2008), лауреату Государственной премии Республики Мордовия (1999) Антонине Николаевне Келиной.

Она родилась в с. Мордовская Пишля ныне Рузавского района РМ. После окончания школы поступила на филологический факультет Мордовского государственного университета. В 1980 — 1981 гг. преподавала русский язык и литературу в ССПТУ № 12 (с. Мордовская Пишля); 1981 — 1985 гг. была корректором газеты «Мокшень правда». С 1985 г. А. Н. Келина работает в НИИГН: младший, научный и старший научный сотрудник отдела мордовского

языкознания, с 2003 г. — заведующий отделом филологии и финно-угроведения (с 2007 — отдел языкознания). В 1991 г. заочно окончила аспирантуру НИИЯЛИЭ; в 1996 г. защитила в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева кандидатскую диссертацию «Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках».

Антонина Николаевна относится к числу ученых, исследователей республики, активно занимающихся проблемами мордовского языкознания. Ее научная деятельность связана с изучением лексикологии мордовских языков, она является одним из специалистов в области лексикографии мокшанского языка. А. Н. Келина — автор около 200 научных и учебно-методических работ, в том числе учебников для вузов «Мокшень кяль. Морфология» — «Мокшанский язык. Морфология» (2000), «Мокшень кяль. Синтаксис» — «Мокшанский язык. Синтаксис» (2008). Она входит в состав редакционных коллегий научных журналов («Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия и «Центр и периферия») и других научных изданий, принимает активное участие в международных и всероссийских финно-угорских научных мероприятиях, лингвистических экспедициях, является научным оппонентом ряда диссертационных исследований. Под ее руководством выполняются работы по составлению толковых и орфоэпических словарей мокшанского и эрзянского языков. Антонина Николаевна является научным редактором энциклопедии «Мордовские языки» (2012).

А. Н. Келина долгое время преподавала мокшанский язык в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева на историческом и филологическом факультетах, а также на факультете национальной культуры.

А. Н. Келина внесла значительный вклад в сохранение и развитие мордовских языков и культуры. В рамках сотрудничества с Институтом перевода Библии (Финляндия — Швеция) она осуществляла перевод на мокшанский язык «Евангелия от Матфея», Посланий Павла к Тимофею и к Титу, принимала участие в разработке научно-практических рекомендаций по проблемам сохранения и развития этнокультурной самобытности народов Республики Мордовия, подготовке Программы по развитию государственных языков в Республике Мордовия на 2004 — 2012 гг.

Антонина Николаевна ведет активную общественную работу. Она является членом Общественной ассоциации мокшанских женщин «Юрхтава», в разные годы входила в состав Межрегионального Совета исполкома общественного движения мордовского народа, Координационного совета Поволжского центра культур финно-угорских народов. Около десяти лет она являлась экспертом Республиканского экспертного совета Министерства образования Республики Мордовия.

За заслуги в научно-исследовательской деятельности А. Н. Келина награждена Почетной грамотой Республики Мордовия, Почетной грамотой Государственного Собрания Республики Мордовия, юбилейной медалью Министерства по национальной политике Республики Мордовия «За межнациональное согласие». За большой вклад в создание энциклопедии «Мордовия» удостоена Благодарности Главы Республики Мордовия.

Основные работы

Русско-мокшанский школьный словарь. Саранск, 1996. 236 с. (в соавт.).

Мокшень-рузонь валкс=Мокшанско-русский словарь. Саранск, 1998. 920 с. (в соавт.).

Марса, башка, китькся вельде : валкс. Саранск, 2002. 86 с. (в соавт.).

Мордовские лексические заимствования в русских говорах Мордовии : По материалам «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия» // Центр и периферия. Саранск, 2009. № 2. С. 78 — 82.

О нормах правописания мордовских языков: осмысление необходимости внесения корректив // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2010. № 3. С. 154 — 159.

Кодамо кодыцясь, истямо коцтоськак=Какая ткачиха, такой и холст : Ремесленная терминология в устно-поэтическом творчестве мордовского народа // Центр и периферия. Саранск, 2011. № 2. С. 71 — 77.

Словарь терминов по математике на мокшанском языке для общеобразовательных школ=Мокшень кяльса общеобразовательнай школатненди математикань терминовь валкс. Сыктывкар ; Ижевск ; Йошкар-Ола ; Саранск ; Бадачоньтомай, 2011. 48 с.

Русско-мокшанский словарь. Саранск, 2012. 556 с. (в соавт.).

Татарча-русча-мукшыча-эрзяча сөйләүлек=Татарско-русско-мокшанско-эрзянский разговорник=Татаронь-рузонь-мокшень-эрзянь корхтамолезкс=Татаронь-рузонь-мокшонь-эрзянь кортамолезкс. Казань, 2012. 376 с. (в соавт.).

Функционирование мордовских языков в современных условиях :общие итоги опроса 2008 г. // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2012. № 2. С. 86 — 97 (в соавт.).

Основные публикации об А. Н. Келиной

История Мордовии в лицах : биогр. сб. Саранск, 1997. Кн. 2. С. 214.

Центр гуманитарных наук: история и современность. Саранск, 2008. С. 359.

Кунардонь валхнень кочкисна (Антонина Николаевна Келинати — 50 киза) // Мокша. 2008. № 11. С. 79 — 86.

Мордовия, XX век: культурная элита : энциклопед. справ. : в 2 ч. Саранск, 2010. Ч. 1. С. 246.

Мордовские языки : энциклопедия. Саранск, 2012. С. 117.

Л. А. Гурьянова, О. Ю. Цыплякова.

РЕЦЕНЗИИ

Российская провинция первой четверти XIX в. : Мордов. край глазами участников и современников Отечеств. войны 1812 г. / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия ; сост., вступ. ст. и коммент. С. В. Белоусова, Д. С. Щукина ; [редкол.: Т. М. Гусева, В. А. Юрченков (отв. редакторы) и др.]. — Саранск. 2013. — 484 с. — (Свод документов и материалов по истории и культуре мордовского края. Воспоминания).

В рамках всероссийских торжеств, посвященных 200-летию Отечественной войны 1812 г., НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия опубликовал сборник воспоминаний ее участников и современников, связанных с мордовским краем. Он является частью серии «Свод документов и материалов по истории и культуре мордовского края», выходящей под редакцией директора института, заслуженного деятеля науки РФ В. А. Юрченкова.

Публикация выполнена в классических канонах подобного рода изданий: документы опубликованы в соответствии с принятыми правилами издания, имеется добротный научно-справочный аппарат, включающий в себя историческое и археографическое предисловия, биографические сведения об авторах, постраничные подстрочные примечания по тексту документов и затекстовые комментарии, поясняющие их содержание, именной указатель, географический указатель и перечень публикуемых в сборнике документов. Следует отметить, что в этом одно из несомненных достоинств сборника, ставящих его в один ряд с академическими изданиями источников по истории России последних десятилетий¹.

В сборник вошли отрывки из мемуаров и художественных произведений представителей дворянства, участников пензенского ополчения, проживавших в Пензенской губернии и за ее пределами в первой четверти XIX в., а также офицеров наполеоновской армии, попавших в плен в России и определенных на жительство в Пензенскую губернию либо провезенных по ее территории. Большинство из них уже было опубликовано ранее и неоднократно переиздавалось. Однако они не печатались отдельным изданием. В этом и заключается научная новизна данного сборника.

Цель и задачи сборника, его содержательная сторона изложены составителями в историческом и археографическом предисловиях. В них дана подробная и всесторонняя характеристика событий на территории Пензенской губернии в годы войны, волнений ратников пензенского ополчения, участия пензяков в конкретных боевых действиях русской армии в 1812 — 1814 гг. с указанием их персоналий, пребывания военнопленных армии Наполеона на территории губернии и т. д.

¹ См.: Кондрашин В. В. В. П. Данилов — публикатор документов по аграрной истории России XX в. // Отечеств. арх. М., 2012. № 6. С. 37 — 43.

В то же время историческое предисловие не всегда опирается на материалы сборника. Вне его рамок оказались сюжеты из опубликованных в сборнике воспоминаний, не относящихся непосредственно к 1812 — 1814 гг., но характеризующие жизнь «российской провинции первой четверти XIX века» (зарисовки личностей, деятельность пензенских губернаторов, повседневная жизнь помещиков и крестьян и др.). На наш взгляд, историческое предисловие является скорее добротной научной статьей на тему Отечественная война 1812 г. и Пензенская губерния, чем анализом содержания конкретных источников, опубликованных в сборнике.

Этот пробел восполнен в археографическом предисловии, написанном Д. С. Щукиным, где автор не только профессионально характеризует виды публикуемых документов, но и, выходя за границы чисто археографического описания, раскрывает их содержание. На наш взгляд, эту часть информации вполне можно было бы поместить во вводную статью, тогда читателям была бы понятнее научная новизна сборника с точки зрения содержащейся в ней информации. Авторам предисловий, хотя бы вкратце, стоило уделить должное внимание историографии проблемы как на общероссийском, так и на региональном уровне.

Территориально изложенные в опубликованных документах события Д. С. Щукин определяет Пензой и Пензенским уездом, а также Саранским, Краснослободским и Инсарским уездами. В то же время авторами предисловий не объясняется понятие «мордовский край», вынесенное в заголовок книги. Из титулов и содержания сборника понятно, что речь идет о современной территории Республики Мордовия. Однако с научной точки зрения и устоявшейся традиции при издании подобных трудов, учитывая общественную значимость сборника и его несомненную востребованность за пределами Мордовии, на наш взгляд, следовало бы уделить внимание и этому аспекту. Он важен и потому, что речь идет о серийном издании, и вопрос о смысловой нагрузке термина «мордовский край» будет постоянно возникать в дальнейшем, если не получит необходимого научного объяснения.

На наш взгляд, составителям необходимо было объяснить и принципы (критерии) отбора текстовых отрывков воспоминаний и художественных произведений современников и участников Отечественной войны 1812 г. по объему и содержанию. Имеющееся в археографическом предисловии указание, что они подбирались «по усмотрению составителей», явно не достаточно.

В качестве несомненного достоинства сборника следует указать на великолепный именной и тематический комментарий к документам (подстрочные и затекстовые), особенно написанные С. В. Белоусовым по сюжетам, связанным с участием жителей Пензенской губернии в Отечественной войне 1812 г. и пребыванием на ее территории иностранных военнопленных. Однако составителями и редакционной коллегией в целом не соблюдена традиция выделения именного комментария в качестве самостоятельного раздела. Он объединен с тематическим, что несвойственно для подобного рода изданий.

Из состава опубликованных документов, на наш взгляд, следует особо выделить воспоминания военнопленных наполеоновской армии, прошедших тот или иной промежуток времени на территории Пензенской губернии, а также

пензяков — участников заграничных походов русской армии. Это самая важная часть сборника с точки зрения его научной новизны и общественной значимости.

Воспоминания военнопленных переведены на русский язык и введены в широкий научный оборот благодаря многолетней исследовательской работе С. В. Белоусова. Именно он осуществил многие их переводы и написал подробные комментарии к ним. В то же время, высоко оценивая эту часть сборника, следует указать, что проблема нахождения военнопленных армии Наполеона в Пензенской губернии (в том числе на территории современной Республики Мордовия) требует дальнейшего изучения, поскольку С. В. Белоусовым освещена судьба лишь незначительной их части (всего 6 из 648, определенных на жительство), причем немецкого происхождения. Только ли немцы были среди них? Ответ на этот вопрос подразумевает новые изыскания в региональных и центральных архивах.

Хроникой истории пензенского ополчения и повседневной жизни населения России и Германии времен заграничных походов русской армии 1813 — 1814 гг. можно назвать помещенные в сборнике воспоминания их участников: П. И. Юматова, И. Т. Шишкина и К. И. Селунского. Думается, что этот источник заслуживает доверия, особенно дневниковые записи К. И. Селунского, в силу видовых его особенностей (отражение фактов, непосредственно наблюдаемых автором и т. д.).

В данном контексте, на наш взгляд, недостатком исторического и археографического предисловий, как и сборника в целом, является отсутствие в них должной научной критики опубликованных документов. Составители пошли по пути простого изложения фактической стороны источников, без их критики с точки зрения полноты и достоверности имеющейся в них информации. Например, отсутствует критический разбор содержания воспоминаний иностранных военнопленных. Между тем еще В. О. Ключевский обращал внимание на факт предвзятости суждений о России и русских временно оказавшихся на ее территории иностранцев².

Фактически составители предлагают читателям или верить тому, что опубликовано в сборнике, или самим определять степень соответствия действительности изложенных в нем фактов. Это касается и мемуаров, и художественных произведений современников и участников описываемых событий. Такой подход правомерен для специалистов, но не подходит для большой читательской аудитории, на которую рассчитано данное издание. Однако указанное замечание не ставит под сомнение содержательную сторону опубликованных в сборнике документов, а также огромный объем успешной исследовательской работы авторского коллектива при его создании, особенно в части комментирования документов и осмысления поставленной проблемы в целом. Прежде всего, оно не умаляет главного достоинства сборника — значимости содержащейся в ней информации по истории России, Пензенской губернии и Мордовии в рассматриваемый период. Это действительно новые знания, ранее доступные лишь узкому кругу

² См.: Киреева Р. А. За художником скрывается мыслитель : Василий Осипович Ключевский // Истории России. XVIII — начало XX века. М., 1996. С. 404.

специалистов. Теперь же они введены в широкий научный и общественный оборот и будут востребованы в системе школьного и вузовского исторического образования, среди большого круга любителей отечественной истории как в Республике Мордовия, так и за ее пределами.

Вдумчивый читатель найдет для себя массу полезной и достоверной информации по различным сюжетам данной темы. Попытаемся кратко обозначить их, не претендуя на бесспорность и категоричность суждений и выводов.

Итак, на наш взгляд, в сборнике условно можно выделить несколько блоков информации, заслуживающей доверия и содержащих новые знания, как для специалистов, так и широкой читающей публики.

Первый блок — это новые знания о Пензенской губернии до начала и после окончания Отечественной войны 1812 г., хронологически относящихся к заявленной на титуле сборника «первой четверти XIX века». Например, из воспоминаний И. М. Долгорукова читатель получит ценные сведения о Саранской ярмарке («ярмонке») в указанный период, которая, в отличие от Макарьевской, проводилась не только для «торговых расчетов», но и для «удовольствия» помещиков и других категорий населения, использовавших ее в качестве места для смотрин женихов и невест, обустройства своей личной жизни³.

Из записок Ф. Ф. Вигеля, чье сердце наполняла «неугасимая ненависть к Пензе» [Российская провинция первой четверти XIX в., с. 105], читателю станут известны факты биографий и деятельности пензенских губернаторов Г. С. Голицына, М. С. Сперанского и др. Вот как Вигель характеризует оказавшего волей судеб в Пензе реформатора Сперанского: «Он брезгал своею должностью, когда бы ему следовало поднять ее до себя», «Подобно Наполеону, не мог он со своей Эльбы мигом шагнуть в Петербург» [Там же, с. 124].

Ветеран заграничных походов П. И. Юматов оставил очень ценные зарисовки народного и помещичьего быта, облика Нижнего Ломова и Инсара в первой четверти XIX в.: «...клюква и калужское тесто были народным лакомством и имели большой расход» [Там же, с. 128].

Совершенно диким выглядит описанная им «забава помещика», некоего полковника Ж., который, будучи навеселе, заставил своих дворовых отказавшегося с ним пить священника поместить в бочку, закупорить ее и скатить в речку, где несчастный задохнулся. Дело «замяли», поскольку злодей «дал исправнику триста рублей ассигнациями» [Там же, с. 130 — 131]. В этом же ряду случай с подлогом документов помещицей, по приказу которой засекли насмерть крестьянина. С его помощью она избежала ответственности [Там же, с. 163]. П. И. Юматов писал и о коррупции чиновников, которые обогащались разными способами, используя свое служебное положение (за счет соляного промысла с Елтонских озер и т. п.) [Там же, с. 166 — 167].

О повседневной жизни дворянства и помещиков в указанный период мы узнаем и из романа «Алексей Слободин» А. И. Пальма, где приводится поразивший его героя факт публичного и зверского наказания на площади плетьюми

³ Российская провинция первой четверти XIX в. : Мордов. край глазами участников и современников Отечеств. войны 1812 г. С. 52. (Далее ссылки в тексте).

крепостной девки, убившей свою барыню [Там же, с. 336]. Здесь же его рассказы о безнравственном поведении отдельных дворян, сводивших между собой счеты противозаконными средствами и т. п.

Второй блок информации — это малоизвестные читающей публике факты о реакции населения Пензенской губернии на войну с Наполеоном в 1812 г. Само известие о ее начале дошло до Пензы лишь спустя две недели после вторжения французов в Россию [Там же, с. 10]. Оно всколыхнуло все слои населения губернии, вызвав у них прилив патриотических чувств и даже «галлофобию» (то есть, порицание всего французского). Например, ветеран пензенского ополчения П. И. Юматов вспоминал, что с началом войны крестьянские мальчишки стали играть в русских и французов. За последних «становились не иначе как по жеребью или назначению и непременно с обязательством при нападении русских отступать; так что игра кончалась всегда торжеством русских и криком „ура“» [Там же, с. 140].

Ф. Ф. Вигель описывал следующую реакцию на войну с Наполеоном местного дворянства: «Всю осень, по крайней мере, у нас в Пензе, в самых мелочах старались выказывать патриотизм. Дамы отказались от французского языка. Многие из них почти все оделись в сарафаны, надели кокошники и повязки» [Там же, с. 122]. При этом он критически оценивает поведение тогдашнего пензенского губернатора Г. С. Голицына: «Мы видели, как легкомысленный Голицын заставлял Пензу наряжаться и плясать даже во время ужасов Отечественной войны» [Там же, с. 123].

Можно согласиться с авторами исторического предисловия, что Отечественная война 1812 г. «оказала большое влияние на жизнь населения мордовского края», которое в лице жителей Саранского, Краснослободского и Инсарского уездов приняло активное в ней участие [Там же, с. 8]. Прежде всего оно выразилось в формировании пензенского ополчения и его заграничном походе. Это очень важный эпизод в истории Отечественной войны 1812 г. в целом, и он — один из ключевых в сборнике составляет отдельный блок его документов.

Благодаря им читатель получает возможность в деталях узнать о волнениях ратников пензенского ополчения, а также об участии ополчения в заграничном походе русской армии в 1813 — 1814 гг. Так, помещенные в сборнике воспоминания очевидцев свидетельствуют, что главной причиной волнений ратников стали тяжелые материальные условия их существования, а также злоупотребления со стороны командования. Об этом прямо сказал в своих записках Ф. Ф. Вигель: «голод привел их в отчаяние», «кляли себе в карман суммы», «пока средства не истощались у жителей... ратники роптать не смели» [Там же, с. 123].

Поводом же к выступлению стало недовольство ратников их статусом («нет красной печати», «нет присяги»), а также явная неприязнь к дворянам, которые, не желая воевать, выставили вместо себя крестьян. Чтобы не утверждали на эту тему современные исследователи, но «антикрепостнический» и «антидворянский» мотив в волнениях ратников пензенского ополчения присутствовал. О нем поведал читателям в своих воспоминаниях участник событий И. Т. Шишкин. Чудом вырвавшийся из рук восставших ратников, он воспроизвел следующие слова крестьянки-старухи о Е. И. Пугачеве, сказанные ему во время его случайного нахождения в ее доме: «тогда вас не всех перевешали; а нынче уж не отделаются!

Нет, полно вам властвовать!» [Там же, с. 182]. Там же она с ненавистью сказала молодому офицеру: «Вот, видите ли вы, государь велел одним дворянам идти под Франца, но не тут-то было, наши дворяне вздумали послать за себя проливать кровь своих крестьян, а сами хотели остаться дома; государь узнал об этом и прогневался на них» [Там же, с. 183].

Как известно, волнения ратников в Инсаре и Саранске были жестоко подавлены, о чем указывается в материалах сборника. Однако этот факт не повлиял существенным образом на боеспособность пензенского ополчения, о чем можно судить по вышеупомянутым воспоминаниям И. Т. Шишкина. «Эти самые ратники пензенского ополчения — впоследствии времени — совершенно оправдали себя безропотным перенесением всех трудностей похода, глубоким повиновением начальству и, наконец, самыми даже битвами с неприятелем, страшным и по силам своим, и по опытности в военном искусстве» [Там же, с. 198], — констатировал он. История похода пензенского ополчения детально представлена на страницах сборника. Ополченцы участвовали в осаде Дрездена и Магдебурга, находились под Гамбургом.

На наш взгляд, среди опубликованных воспоминаний участников похода пензенского ополчения и всех материалов сборника особую ценность представляют дневниковые записки К. И. Селунского. Они вполне достоверны, поскольку описывают бытовые факты, непосредственно наблюдаемые автором, и не противоречат имеющимся в литературе знаниям на эту тему. Их дополняют сведения из мемуаров другого участника похода П. И. Юматова, также помещенные в сборнике.

Записки К. И. Селунского — это фактическая хроника похода пензенского ополчения. Автор очень детально описывает поход глазами офицера ополчения. Из содержания записок следует, что он — образованный человек, обладающий определенным литературным даром. Его зарисовки городов и земель Польши, Силезии, Саксонии, Богемии, а также провинциальных городов России, через которые прошло ополчение, чрезвычайно интересны. Особенно интересны его описания быта и настроений населения Польши и Германии, в пунктах пребывания пензенского ополчения во время похода. Некоторые из них затрагивают концептуальные проблемы истории Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии и даже выходят за их рамки. Например, К. И. Селунский неоднократно указывает на неприязненное отношение к русским поляков герцогства Варшавского: «Переправясь через Днепр, вступили мы в страну потаенных и непримиримых врагов наших, которые ныне, после нашествия французов на Россию, столько к нам преисполнены ненавистью, что едва сие скрыть могут» [Там же, с. 206]; «Проходя сквозь нашу Польшу, всюду видели мы к русским ненависть и привязанность к французам. Поляки до того ослеплены, что все еще сего же года ждали к себе прибытия Наполеона, — несмотря на успехи нашего оружия» [Там же, с. 211]. При этом К. И. Селунский объясняет причины неприязни поляков к русским, которые соответствуют научным оценкам данной проблемы: «Сказать можно в рассуждении всего польского края, что живущие под русским владением обыватели ведут жизнь роскошную и от прежних своих обрядов не отстают. В герцогстве же Варшавском заметно приняли обычаи и образ жизни австрийцев и пруссаков, кто к которому принадлежит владению» [Там же, с. 215],

т. е. исторические корни конфликта Польши и России связаны с ее разделом в XVIII в., переходом значительной части территории под власть Австро-Венгрии и Пруссии. Они не были устранены победой России над Наполеоном и в дальнейшем, как известно, приобретут еще более острый характер.

С другой стороны, свидетельства К. И. Селунского, также как и других участников заграничного похода пензенского ополчения, помещенные в сборнике, фиксируют доброжелательное отношение немцев к русским, как освободителям, и, одновременно, — их ненависть к французам. «Проходя сквозь Силезию, приятно было смотреть на жителей, с какой откровенностью они нас принимали. На лицах их была написана приверженность к русским... Жители богаты и к русским привязаны без лицемерства» [Там же, с. 214], — писал К. И. Селунский. «Ненависть к французам в бывшем Вестфальском королевстве, — чрезвычайна. Они равнодушно не могут говорить об них... Удивительно, как все народы ненавидят французов; видно, что правительство их было слишком для всех тягостно» [Там же, с. 229, 234], — констатировал он.

В данном контексте его рассказ о действиях маршала Даву в Гамбурге разрушает миф о наполеоновской армии как инструменте создания новой Европы. «Тут же узнали мы от некоторых изгнанных из Гамбурга жителей, что маршал Даву, под предлогом избежания голода, выгнал из города до 30 тысяч несчастных жителей, забрав все оставшееся их имущество. Этот изверг говорит, что он жителям Гамбурга оставит одни только глаза для оплакивания их участи, и кажется, сдержит свое слово» [Там же, с. 231 — 232], — говорится в записках К. И. Селунского.

В то же время в них можно найти и факты, не красящие русскую армию во время ее заграничных походов, о чем почему-то молчит современная отечественная историография. В записках К. А. Селунского говорится: «На правом берегу Эльбы... рука русских солдат истребила и опустошила все деревни близ города лежащие... Несчастных жителей разорили до основания... Дома не только разграблены, но разломаны на дрова и сожжены» [Там же, с. 224]. При этом он следующим образом оправдывал подобные действия: «Бедные жители жестоко наказаны за опустошения, их собратьями в России учиненные» [Там же].

В этом же духе его история об убийстве немца по неосторожности ополченцами («неизвестно кто, выстрелив из ружья пулей, ранил тяжело в правый пах нечаянно саксонца») [Там же, с. 227]. Ее он описал с нескрываемой долей юмора, поскольку убитого один из ополченцев назвал «гермалем», думая, что в Германии всех немцев зовут так [Там же].

В записках К. И. Селунского содержатся очень важные сведения об отношении к русским побежденных французам. Их он приводит в контексте сравнения с австрийцами. «К русским они не питают ни малейшей ненависти, напротив, уважают народ наш и войска, и откровенно в том признаются; австрийцев же явно в глаза ругают и говорят, что они побеждены одними русскими, а ежели бы были одни австрийцы, то они лучше согласились бы умереть с голоду, нежели отдаться им на капитуляцию, — называя их подлецами и трусами» [Там же, с. 223], — написано в записках К. И. Селунского.

Необычным фактом для читателей станет известие из воспоминаний К. И. Селунского и П. И. Юматова о перевооружении пензенского ополчения французским

оружием после взятия Дрездена [Там же, с. 227]. Этот факт в значительной степени объясняет его недостаточно активное участие в боевых действиях во время заграничного похода. «В Дрездене наше ополчение сложило пики и негодные тульские ружья, а вместо их приняло ружья французские, с ореховыми ложами и медными полками, те самые, которые неприятель сложил при оставлении города; тут же взята реквизиция сукном темно-зеленым, из которого пошили на ратников вместо казакинов мундиры с красными воротниками, по форме общей армейской. Эта обмундировка дана нашему полку регулярной пехоты» [Там же, с. 153], — вспоминал П. И. Юматов.

Вероятно, интересными для читателей в контексте полемики с современными поклонниками гения Наполеона Бонапарта будут и рассуждения участников Отечественной войны 1812 г. о его судьбе. В частности, в записках К. И. Селунского указывается: «8-го курьер из Парижа привез радостнейшее известие, что военные действия прекратились, что Людовик XVIII провозглашен народом королем Франции, а Наполеон сложил с себя императорское достоинство, избрал себе местопребывание в Средиземном море на острове Эльба, куда после и отправился. Вот неожиданный конец человека, из ничтожества достигшего высочайшей степени величества и славы, удивлявшего столько лет своими деяниями всю вселенную, поработившего и разорившего всю Европу, который потряс все престолы и истребил миллионы людей! Великий и ужасный урок всем кровожадным честолюбцам» [Там же, с. 237].

В блоке источников о пребывании пензенского ополчения в Германии значительный интерес представляют впечатления его офицеров об этой стране и ее жителях. Все они обратили внимание на благоустройство немецких городов и селений, восхищались мощными камнем улицами, хорошими дорогами, каменными мостами, «английскими садами» и т. д. [Там же, с. 217 — 218, 237]. В то же время в поле их зрения попали и такие детали, как загаженность узких улиц немецких городов нечистотами, «из домов жителями выпущенные», которые по вечерам смывались водой, спускаемой из городских фонтанов [Там же, с. 217 — 218, 240]. Ничего подобного в России не наблюдалось. В санитарном отношении она была чище, чем просвещенная Европа.

Участников ополчения удивляли в Германии некоторые приемы хозяйственной деятельности немцев и существовавшие порядки. Так, К. И. Селунский писал: «В немецких краях много обыкновений, которые для русских кажутся очень странными. Здесь, например, все без изъятия помещики и пасторы отправляют наравне с крестьянами все земские повинности, в рассуждении подвод и постоев» [Там же, с. 229]. Он был поражен рачительностью и изобретательностью немцев в Силезии. «Листья служат пищей прекрасным их овцам, а ветви, связанные пуками, — для топления печей. Одним словом, всякая вещь приносит там свою пользу и ничто даром не пропадает» [Там же, с. 216], — констатировал он. «Немцы — люди расчетистые, по дороговизне мало держат лошадей. Ходят больше пешком, даже и женщины; в случае надобности употребляют портшез (легкое переносное кресло, в котором можно сидеть полулежа), да и то редко, что б не платить денег» [Там же, с. 225], — приводил он другой пример на эту тему. Особенно удивил его факт существования в Германии собак — поводырей: «Я видел здесь дивный случай, доказывающий,

сколь нужда изобретательна. Одна слепая женщина ходит, из селения в селение, по дворам, просит подаяния, имея у себя провожатым маленькую собачку» [Там же, с. 243].

Некоторые из хозяйственных приемов немцев участники пензенского ополчения затем успешно применили в своих хозяйствах. Так, П. И. Юматов внедрил в своем поместье увиденные в Германии саморезки корма для скотины. Однако он не смог перенять у немцев очень понравившийся ему способ пастьбы свиней: «В Германии им надевают на голову намордники с шпильками или гвоздями, так что гвозди или шпильки направлены животному в ноздри, что препятствует ему рыть и портить луга... В Германии из двадцати свиней к каждой за заднюю ногу привязана веревочка; концы этих веревок соединены вместе и связаны в виде палки, которую один мальчик держит в левой руке и таким образом направляет их, имея в правой руке кнут, куда желает» [Там же, с. 156].

Из опубликованных в сборнике воспоминаний участников пензенского ополчения о загранице следует, что, несмотря на их восхищение немецкой хозяйственностью, они не утратили чувства любви и патриотизма к своей Родине, подтвердив истину, что «в гостях хорошо, а дома лучше». Об этом очень эмоционально написал в своих мемуарах П. И. Юматов: «К концу зимы (1914 г. — *В. К.*) мы добрались и до великороссийских изб со всеми их национальными принадлежностями. Я испытал на себе вполне слова поэта, что и дым отечественный сладок. Действительно, русская печь, щи, квас — все это было близко к сердцу, как родное, и приятно, особенно обрадовались мы блинам в Моршанске, которых, не видав так долго, я едва не объелся» [Там же, с. 158].

Интереснейшим блоком информации в сборнике о ситуации в Пензенской губернии и ее жителях в рассматриваемый период являются воспоминания шести военнопленных наполеоновской армии, выходцев из Германии и Италии, оказавшихся на ее территории в 1813 — 1814 гг. Среди них, на наш взгляд, по полноте и достоверности информации следует особо выделить свидетельства Франца Юлиуса фон Зодена, Фридриха-Вильгельма-Карла фон Фуртенбаха и Христофа-Людвига фон Йелина.

Как известно, с июля 1813 г. по январь 1814 г. в Пензенскую губернию прибыло на жительство 648 военнопленных. Они были размещены в Пензе, Краснослободске, Саранске, Мокшане и Керенске. Оказавшись на территории Пензенской губернии, военнопленные сделали очень ценные описания губернского центра, главных уездных городов (Саранска, Краснослободска и др.), хозяйственной деятельности и быта местного населения. Знакомство с ними доставит читателям сборника большое удовольствие. При этом следует подчеркнуть, что подавляющая часть фактов и их интерпретация мемуаристами заслуживают доверия, поскольку они не противоречат современным научным оценкам.

Вот отрывки на тему видов Пензы, Саранска, описаний Пензенской губернии в целом из воспоминаний Вюртембергского офицера Франца Юлиуса фон Зодена: «Пенза предстала перед нами не такой, как те русские города, которые мы видели до сих пор. Она была похожа на милый сердцу немецкий город. Дома на центральной улице были красивы и построены плотно друг к другу. Несколько других улиц располагались к главным под прямым углом» [Там же, с. 275]. Далее он описал Саранск: «Город Саранск лежит на равнине у маленькой речушки с

одноименным названием и насчитывает от 4 до 5 тысяч жителей, которые в основном принадлежат к мещанскому и крестьянскому сословиям. Вплотную к городу примыкают длинные земляные укрепления, которые тянутся на большое расстояние. Их называют „татарскими“, так как они были воздвигнуты в ходе былых войн с этими народами. В Саранске, как и во всех русских городах, было много церквей и колоколен. Город уже издали имел величественный вид, который приводил нас к догадке, что здесь есть много хороших домов» [Там же, с. 276].

Впечатления о Пензе и Пензенской губернии оставил и Фридрих-Вильгельм-Карл фон Фуртенбах: «Губернский город Пенза находится в привлекательной, красивой и очаровательной местности. Он расположен на нескольких величественных холмах. В долине вокруг города раскинулись его пригороды. Здесь в речку Суру впадает ручей Пенза, по имени которого был назван город. По величине он близок к Орлу. Население здесь многочисленное и благополучное, преимущественно торговое» [Там же, с. 295]; «Пензенская губерния — самая населенная в районе Казани. Торговля и ремесла расцвели здесь пышным цветом. Близость Волги и множества мелких речек также дают толчок для развития коммерции. В отличие от других районов здесь мало деревень и мелких провинциальных городков, и нужно сказать, что нам повезло попасть в эту местность» [Там же, с. 296].

Очень интересны и в большинстве своем правдивы наблюдения иностранцев о народах, населявших Пензенскую губернию. Так, Ф.-В. фон Фуртенбах о мордве писал следующее: «Мордвины, или мордваны... Это сильный народ, мирный, гостеприимный и любезный» [Там же, с. 301]. О татарах Пензенской губернии оставил воспоминания Х.-Л. фон Йелин: «Татары имеют магометанскую религию и совершенно отличаются от русских обликом, языком, одеждой и чистоплотностью» [Там же, с. 259]. Особенно его поразил факт уважения в татарской деревне гостей, в том числе иноземных: «перед уходом мы хотели расплатиться, они (татарская семья. — В. К.) отказались от денег, пока мы не объяснили им, что это не плата, но благодарность» [Там же]. Йелин подметил и особый статус цыган: «Меня очень поразило, что цыгане не оставались на ночь в российских городах и селениях и не имели права там ночевать, но должны были и летом и зимой жить в палатках в диком поле. Вероятно потому, что жители полагали, будто они могут опустошить их хозяйства и что-нибудь разрушить. Как это обычно и происходило» [Там же, с. 258 — 259].

Х.-Л. фон Йелин оставил и очень точные описания одежды и праздничных нарядов татарских и мордовских женщин, что вызовет интерес не только широкой массы читателей, но и специалистов-этнографов [Там же, с. 266].

Вообще тема женщин занимала мемуаристов. Например, Ф.-Ю. фон Зоден обратил внимание на существование в Саранске, также как и в Европе, женщин легкого поведения: «Эти наглые девки с большим бесстыдством стояли на улицах среди бела дня, и их безнравственность и предложения были весьма популярны среди горожан» [Там же, с. 277]. О том, что в Пензенской губернии женский пол «приятного склада и совсем не так уж неприступен», констатировал и Фуртенбах [Там же, с. 307].

В то же время Х.-Л. фон Йелин зафиксировал в своем дневнике наличие в крестьянской среде строгих правил морали в отношении девушек, выдаваемых

замуж, которые до замужества должны были оставаться целомудренными. Он описал свадебный ритуал, во время которого у дома молодых после брачной ночи был вывешен «кусочек полотна на длинном шесте», свидетельствующий о «незапятнанной девственности» невесты [Там же, с. 267].

Из опубликованных воспоминаний немецких офицеров следует, что они пользовались успехом у местных женщин, включая дворянок. Это хорошая тема для исторического романа и дальнейшего изучения рассматриваемой проблемы в рамках социальной («гендерной») истории. Например, Х.-Л. фон Йелин привел правдивый рассказ, как в Саранске на балу девушки демонстративно танцевали лишь с пленными офицерами. Они отказали русским кавалерам, поскольку те не были на войне, «заявив, что им приятнее танцевать с офицерами, которые воевали за свое Отечество и продолжили бы при первой возможности сражаться, чем с теми, кто в тяжелый момент находится вне армии» [Там же, с. 263 — 264].

Настоящим гимном русским женщинам, оказавшим знаки внимания и материальную поддержку немецким офицерам в Саранске, стали высокопарные строки фон Зодена, связанные с его отъездом из Пензенской губернии в Германию: «Еще раз я хочу торжественно и священно объявить, что благородный порыв руководил великодушными поступками этих поистине благородных дам. Лишь их благородные чувства помогали в несчастье и облегчали человеческие страдания. Эти чувства станут дамам наградой, пока однажды основатель всего мира не призвет их в страну отцов, где они найдут обильное вознаграждение за все проявления человеколюбия, которые они дружески и бескорыстно выражали нам и всем своим ближним» [Там же, с. 289].

Поскольку военнопленные офицеры жили с русскими, общались с русскими дворянами и чиновниками, то по этой причине в своих мемуарах они больше сведений оставили о традициях и образе жизни русского народа. Из них точны лишь те, которые относятся к бытовой стороне, которая всегда на виду. Например, иностранцы верно подметили, что основная еда русских крестьян — это каша, огурцы, морковь, брюква и печеные пироги [Там же, с. 264, 297, 313]. Их удивила приверженность русских к бане. Они верно заключили, что без нее «русские жить не могут» и после бани «пробуждаются с новыми силами, словно заново рожденные» [Там же, с. 298 — 299].

Заслуживает доверия суждение Ф.-В. фон Фуртенбаха о том, что русские — искусные ремесленники. «Русский крестьянин не только сам строит свой дом, но и своими руками, причем с помощью нескольких простейших инструментов делает всю свою домашнюю утварь и сельскохозяйственный инвентарь. Сложно поверить, что эти люди из плохонького дерева делают милые вещицы и плохоньким ножом вырезают красивые штучки. Их терпение и ловкость в этом деле достойны похвалы» [Там же, с. 298], — указал он в своих мемуарах. Также точны его описания обычного распорядка дня русских крестьян: «Крестьянин в 5 — 6 часов вечера ложится спать и встает рано: в 2 — 3 часа утра. Зимой женщины при свете прядут и ткут. Мужчины из липовой коры делают обувь, плетут рогожи или вяют из нее или из конопли разного рода веревки с помощью деревянного крючка. Крестьяне живут просто и размеренно. Их частые и длинные строгие посты располагают к этому, но живут они неплохо» [Там же, с. 299].

Новыми знаниями, на наш взгляд, о русских является заключение Йелина об их способности к языкам. «Русские очень способны. Особенно очень легко они усваивают иностранные языки, и находился редкий дворянин, который бы не очень хорошо говорил по-французски... Так же способны и простолюдины, которые вскоре научились от нас разным словам и часто просили нас сказать им, как та или иная вещь называется по-немецки» [Там же, с. 268], — писал он в своих дневниковых записках.

В этом же ряду наблюдение Фуртенбаха о долголетию русских. Он писал: «Среди мужского и женского пола очень много пожилых. Мужчины 80 лет, которые еще не оставили своей профессии, здесь не редкость. В нашем городке и его окрестностях были столетние старики, один даже 108 лет, которые еще выходили и сами покупали себе водку» [Там же, с. 307].

Тема пьянства русских не обошла мемуары военнопленных офицеров наполеоновской армии. Они детально описали в них все известные им случаи пьяных кутежей, свидетелями которых им пришлось быть. Однако случай в Краснослободске с ворвавшимся в кабак захмелевшим от выпитой браги медведем, специально напоенным охотниками, из ряда вон выходящий! Он доставит читателям истинное наслаждение! Подобного не знала не только история России, но и Европы [Там же, с. 267, 279, 306].

В воспоминаниях военнопленных офицеров немало наблюдений на тему различий в традициях и хозяйственной деятельности населения Пензенской губернии и Германии. Например, Х.-Л. фон Йелин обратил внимание на факт отсутствия у русских крестьян амбаров для зерна. Вместо этого оно хранилось в специальных кучах. Он осуждал их нежелание продавать на рынке зерно, которое не использовалось на нужды хозяйства и гнило в «старых кучах» [Там же, с. 270 — 271]. Также его удивляло отсутствие у русских хлевов для лошадей: зимой они ходили по двору и ничем не покрывались [Там же, с. 270]. Он не понимал, почему русские спят на голых досках, а не на тюфяках [Там же, с. 265].

Его поражала дешевизна продуктов в Пензенской губернии, по сравнению с Германией [Там же, с. 264], и популярность игры в карты у дворян, проигрывающих «значительные суммы денег» [Там же, с. 268].

Ф.-В. фон Фуртенбах отметил в своих воспоминаниях факт строгого обращения с огнем населения Пензенской губернии. «Хотя в России все делается из дерева, в деревнях или городах крайне редко услышишь о пожаре. Этому они обязаны строгому наблюдению за огнем. Табак здесь не курят, и когда мы хотели покурить, нам приходилось выходить из деревни, так как на дворе или в селе мы всех подвергали бы опасности. В комнатах это тоже терпели с неохотой» [Там же, с. 300], — писал он.

В опубликованных в сборнике свидетельствах иностранцев есть суждения, который не стоит принимать на веру, в отличие от вышеизложенных. Прежде всего это размышления Зодена о крепостном праве. В них повторяется господствовавшая в дворянской среде идея о его естественности в России: «Русские крестьяне еще не способны вкушать наслаждение свободой цивилизованных народов. Русские крестьяне ленивы, и заставить их работать можно только бичом» [Там же, с. 280]. Не трудно заметить, что подобные рассуждения не вяжутся с вышеприведенными фактами.

Концептуальное значение имеют наблюдения военнопленных офицеров о верованиях и религиозных традициях в Пензенской губернии, включая территорию современной Республики Мордовия. Например, Ф.-В. фон Фуртенбах отметил факт веротерпимости в повседневной жизни местного населения и действиях власти. Он писал о мирном сожительстве разных народов с разными религиозными воззрениями на территории всей Пензенской губернии: «В Пензе, кроме иудеев, можно встретить различные религиозные течения. Есть там лютеранская и реформистская церковь, так как количество немцев в городе и окрестностях значительно. Большинство ремесленников там из немцев, и живут они достаточно благополучно» [Там же, с. 295]; «Нигде в России нельзя встретить больше народностей, религий и различных сект, чем в Казанском наместничестве, и прежде всего в Пензенской и Саратовской губерниях. От этих губерний и до Казани вдоль Волги живут люди самых разных национальностей, в братском согласии, без каких-либо обид. Здесь живут мордва, черемисы, менониты, гернгутеры, греки, татары, католики, лютеране и реформисты и, как все они могли бы подтвердить, отправляют свои религиозные обычаи свободно и без какого-либо принуждения» [Там же, с. 296].

Очень интересны рассуждения Ф.-В. фон Фуртенбаха об отношении к церкви русских крестьян. «Русские с охотой жертвуют последнюю копейку на поддержание в исправности своей церкви, и в небольших деревушках я видел отлично построенные, хотя и деревянные, но хорошо выкрашенные храмы. Церковный двор обычно ограничен живой изгородью и содержится в большой чистоте. На кладбищах редко увидишь могильные камни, а больше искусно вырезанные и ярко раскрашенные деревянные кресты» [Там же, с. 307], — указывал он.

В то же время им зафиксирован следующий вопиющий факт: «Во время крещения утопили ребенка ... Когда священник во второй раз погрузил его в воду, то ребенок выскользнул из рук и скрылся подо льдом. Родители были безутешны, но поп сказал им совсем тихо: „Бог дал, Бог взял“» [Там же, с. 268].

Можно согласиться с мнением автора археографического предисловия Д. С. Щукина, что «в оценках мордовского края глазами иностранных военнопленных можно увидеть в большей степени симпатию, чем негативное отношение» [Там же, с. 33]. Это не случайно, потому что для них, как видно из их же воспоминаний, это был не настоящий плен, а фактически — отдых после тяжелой войны в форме очень мягкого домашнего ареста. Подтверждением этого можно назвать факт фактически публичного празднования в Саранске помещенными туда под надзор иностранными офицерами дня рождения Наполеона Бонапарта [Там же, с. 283].

Причиной подобной ситуации, с одной стороны, была национальность военнопленных офицеров (не французы), а с другой — официальная политика Российского государства. Пленным были созданы очень комфортные условия «плена» в Пензенской губернии, что нашло отражение и в отношении к ним местных официальных лиц, и в выделенных им жилищах, и в средствах на проживание. Население не испытывало к ним неприязни. Наоборот, Х.-Л. фон Йелин вспоминал: «простолюдины оказывали нам внимание и были так учтивы, что редко кто-то проходил мимо нас без поклона» [Там же, с. 263]. Причина

этого заключалась и самом поведении военнопленных, в их доброжелательном отношении к местному населению и даже в стремлении помочь ему в силу их возможностей. Например, знакомые с лечебным делом офицеры лечили местных жителей. «Наши врачи имели самый хороший прием» [Там же, с. 263], — писал на эту тему Х.-Л. фон Йелин.

Пребывание военнопленных офицеров в Пензенской губернии было омрачено лишь парой случайных эпизодов (нападение на одного из них пьяного русского офицера, подсовывание другому фальшивой банкноты) [Там же, с. 281, 290, 292]. Поэтому не случайны следующие искренние слова о России проехавшего через территорию Пензенской губернии военнопленного наполеоновской армии, итальянца Франческо Баджи, чьи воспоминания также опубликованы в сборнике: «чем больше я углублялся в Россию, тем более убеждался, что в ней живут душевные, гостеприимные люди» [Там же, с. 312].

Общую оценку плена оказавшихся в Пензенской губернии иностранных офицеров дал переживший его в Саранске Франц Юлиус фон Зоден: «Наша любовь к Отечеству была священной. Однако мы не могли без умиления покинуть то место, где мы жили полных пять месяцев, и в нашем положении, обычно незavidном, не только наслаждались хорошим обхождением, но и не были лишены помощи и утешения среди образованных людей» [Там же, с. 288].

Таким образом, рецензируемый сборник документов — это важный исторический труд, имеющий большую научную и общественную значимость, свидетельствующий о том, что НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовии по праву считается одним из флагманов региональной российской науки. Высказанные замечания могут быть учтены в дальнейшей работе института по продолжению очень важной для науки, региона и России документальной серии «Свод документов и материалов по истории и культуре мордовского края».

В. В. Кондрашин.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агафонова Нина Афанасьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры эрзянского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: ohanina@rambler.ru

Афоница Валентина Александровна — магистрант биолого-химического факультета Марийского государственного университета, e-mail: elfwolfmoon15@yandex.ru

Березин Олег Николаевич — аспирант отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Бикейкин Евгений Николаевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом истории и археологии НИИГН, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Блинов Дмитрий Сергеевич — доктор медицинских наук, заведующий кафедрой общественного здоровья, организации здравоохранения и фармации с курсом гигиены Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: bds131@yandex.ru

Гришаков Валерий Васильевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, e-mail: vvg815@yandex.ru

Егорова Оксана Вениаминовна — доктор исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, e-mail: eoks@rambler.ru

Жебряткина Ирина Яковлевна — соискатель кафедры мокшанского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: galina17-05@yandex.ru

Зайфридсбергер (Мартынова) Ольга Михайловна — кандидат филологических наук, доцент Могилевского государственного университета им. А. Кулешова, e-mail: oliax@yandex.ru

Зеленева Антон Юрьевич — аспирант кафедры анализа, финансов и статистики Марийского государственного университета, e-mail: zeleneev@yahoo.ru

Каторова Александра Михайловна — доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Качаева Юлия Ивановна — аспирант кафедры общественного здоровья, организации здравоохранения и фармации с курсом гигиены Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: julkachaeva@yandex.ru

Кильдюшкина Анастасия Юрьевна — аспирант-стажер кафедры народных инструментов Казанской Государственной консерватории (академии) им. Н. Г. Жиганова, e-mail: 8nasty8@list.ru

Кондрашин Виктор Викторович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, краеведения и методики преподавания истории Пензенского государственного университета, e-mail: vikont37@yandex.ru

Лачина Анна Алексеевна — аспирант кафедры экономики, кооперации и предпринимательства Саранского кооперативного института Российского университета кооперации, e-mail: lachinaanna@mail.ru

Ломшин Александр Владимирович — соискатель отдела истории и археологии НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Минеева Елена Константиновна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, e-mail: mineevaek21@mail.ru

Минеева Ирина Николаевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Саранского кооперативного института Российского университета кооперации, e-mail: otдел_istorii@mail.ru

Огрин Галина Вячеславовна — аспирант отдела истории и археологии НИИГН, e-mail: otдел_istorii@mail.ru

Подсевакин Денис Вячеславович — кандидат медицинских наук, заведующий общепсихическим отделением №5 Государственного автономного учреждения здравоохранения Республики Мордовия «Республиканская психиатрическая больница», e-mail: bds131@yandex.ru

Потапов Алексей Алексеевич — аспирант отдела истории и археологии НИИГН, e-mail: otдел_istorii@mail.ru

Пузаткина Елена Александровна — кандидат биологических наук, доцент кафедры биохимии и физиологии Марийского государственного университета, e-mail: elenpuz@gambler.ru

Ручина Наталья Александровна — аспирантка отдела языкознания НИИГН, e-mail: natalia@bk.ru

Рябов Николай Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры традиционной мордовской культуры и современного искусства Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: e-mail: guniign@list.ru

Саушев Сергей Вячеславович — кандидат медицинских наук, доцент кафедры патологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: bds131@yandex.ru

Смирнова Оксана Александровна — кандидат медицинских наук, ассистент кафедры общественного здоровья, организации здравоохранения и фармации с курсом гигиены Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: bds131@yandex.ru

Склизкова Алла Персиевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Владимирского государственного университета им. А. Н. и Г. Н. Столетовых, e-mail: burelomy@list.ru

Терентьев Виктор Васильевич — соискатель отдела истории и археологии НИИГН, e-mail: vvt@mail.ru

Ульянова Валентина Анатольевна — кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации (г. Саранск), e-mail: ulyanova@list.ru

Учаева Светлана Борисовна — аспирант отдела региональных исследований и программ НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Учватов Павел Сергеевич — аспирант отдела истории и археологии НИИГН, e-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru

Чернова Наталья Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры общественного здоровья, организации здравоохранения и фармации с курсом гигиены Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: chernovanatascha@yandex.ru

Шукин Владимир Иванович — ассистент кафедры общественного здоровья, организации здравоохранения и фармации с курсом гигиены Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: bds131@yandex.ru

Щанкина Галина Ивановна — кандидат исторических наук, докторант кафедры социологии, e-mail: shankinag@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Agafonova Nina Afanasyevna — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Erzya Language, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: ohanina@rambler.ru

Afonina Valentina Aleksandrovna — Master Student of Faculty of Biology and Chemistry, Mari State University, e-mail: elfwolfmoon15@yandex.ru

Berezin Oleg Nikolaevich — Postgraduate Student of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Bikeykin Evgeny Nikolayevich — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: ot del istorii@mail.ru

Blinov Dmitry Sergeevich — Doctor of Medicine, Head of Department of Public Health, Organization of Health Service and Pharmacy with Course of Hygienics, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: bds131@yandex.ru

Grishakov Valery Vasilyevich — Candidate of History, Assistant Professor of Department of General History, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, e-mail: vvg815@yandex.ru

Egorova Oksana Veniaminovna — Doctor of History, Assistant Professor of Department of Archaeology, Ethnography Regional History, Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, e-mail: eoks@rambler.ru

Zhebratkina Irina Yakovlevna — Competitor of Department of Moksha Language, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: galina17-05@yandex.ru

Seifriedsberger (Martynova) Olga Mikhaylovna — Candidate of Philology, Associate Professor, Mogilev State University named after A. Kuleshov, e-mail: oliax@yandex.ru

Zeleneev Anton Yuryevich — Postgraduate Student of Department of Analysis, Finance and Statistics, Mari State University, e-mail: zeleneev@yahoo.ru

Katorova Aleksandra Mikhaylovna — Doctor of Pedagogics, Professor, Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Kachaeva Yulia Ivanovna — Postgraduate Student of Department of Public Health, Organization of Health Service and Pharmacy with Course of Hygienics, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: julkachaeva@yandex.ru

Kildyushkina Anastasiya Yuryevna — Postgraduate Student-Trainee of Department of Folk Instruments, Kazan State Conservatory (Academy) named after N. G. Zhiganov, e-mail: 8nastya8@list.ru

Kondrashin Viktor Viktorovich — Doctor of History, Professor, Head of Department of History of Russia, Local History and Methods of Teaching History, Penza State University, e-mail: vikont37@yandex.ru

Lachina Anna Alekseyevna — Postgraduate Student of Department of Economics, Cooperation and Business, Saransk Cooperative Institute of Russian University of Cooperation, e-mail: lachinaanna@mail.ru

Lomshin Aleksandr Vladimirovich — Competitor of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Mineeva Elena Konstantinovna — Doctor of History, Professor of Department of National History, Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, e-mail: mineevaek21@mail.ru

Mineeva Irina Nikolaevna — Candidate of History, Senior Teacher of Department of Civil and Law Disciplines, Saransk Cooperative Institute of Russian University of Cooperation, e-mail: otдел исторii@mail.ru

Ogrina Galina Vyacheslavovna — Postgraduate Student of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: otдел исторii@mail.ru

Podsevatkin Denis Vyacheslavovich — Candidate of Medicine, Head of Common Psychic Department № 5, Republican Psychiatric Hospital, e-mail: bds131@yandex.ru

Potapov Aleksey Alekseevich — Postgraduate Student of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: otдел исторii@mail.ru

Puzatkina Elena Aleksandrovna — Candidate of Biology, Assistant Professor of Department of Biochemistry and Physiology, Mari State University, e-mail: elenpuz@rambler.ru

Ruchina Natalya Aleksandrovna — Postgraduate Student of Department of Linguistics, NIIGN, e-mail: natalia@bk.ru

Ryabov Nikolay Vladimirovich — Candidate of History, Assistant Professor of Department of traditional Mordovian Culture and Modern Arts, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: guniign@list.ru

Saushev Sergey Vyacheslavovich — Candidate of Medicine, Assistant Professor of Department of Pathology, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: bds131@yandex.ru

Smirnova Oksana Aleksandrovna — Candidate of Medicine, Assistant of Department of Public Health, Organization of Health Service and Pharmacy with Course of Hygienics, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: bds131@yandex.ru

Sklizkova Alla Persievna — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Literature, Vladimir State University named after the Stoletovs, e-mail: burelomy@list.ru

Terentyev Viktor Vasilyevich — Competitor of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: vvt955@gmail.ru

Ulyanova Valentina Anatolyevna — Candidate of Philosophy, Assistant Professor of Department of Theory and History of State and Law, Russian Law Academy of Ministry of Justice of the Russian Federation (Saransk), e-mail: ulyanova@list.ru

Uchaeva Svetlana Borisovna — Postgraduate Student of Department of Modern Regional Studies and Programs, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Uchvatov Pavel Sergeevich — Postgraduate Student of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru

Chernova Natalya Nikolaevna — Candidate of Pedagogics, Assistant Professor of Department of Public Health, Organization of Health Service and Pharmacy with Course of Hygienics, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: chernova-natascha@yandex.ru

Shukshin Vladimir Ivanovich — Assistant of Department of Public Health, Organization of Health Service and Pharmacy with Course of Hygienics, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: bds131@yandex.ru

Schankina Galina Ivanovna — Candidate of History, Doctoral Student Of Department of Sociology, e-mail: shankinag@mail.ru

СОКРАЩЕНИЯ

НА ЧГИГН — Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук

НИИГН — НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГИА ЧР — Государственный исторический архив Чувашской Республики

ЦГА ОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР

ЦГА РМ — Центральный государственный архив Республики Мордовия

РГА СПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ в 2013 г.

Научные статьи

- Агафонова Н. А.* Падежные формы имен и их прономинализация (На материале эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала) — № 4
- Анастасин П. С.* Эволюция мордовских сюлгам X — XIV вв. — № 3
- Артемова С. С., Тиньгаев А. М.* Инвестиционная привлекательность кластера Республики Мордовия «Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением» — № 1
- Бахлова О. В., Курлевский И. В.* Национальные образования в составе Российской Федерации и проблема асимметрии: эволюция политических оценок в ходе избирательных кампаний 1999 — 2003 гг. — № 1
- Беляева Н. Ф., Яушкина Н. Н.* Влияние православия на пространственно-жилиую среду мордвы — № 3
- Беляцкая А. А.* Текст как объект лингвокультурологии: некоторые аспекты методологии — № 3
- Березин О. Н.* Архетипические образы в мордовской мифологии — № 4
- Бикейкин Е. Н.* Тенденции и противоречия в развитии сельскохозяйственного производства в 1980-е гг. (По материалам Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) — № 1
- Бикейкин Е. Н., Огрина Г. В.* Аграрная политика и развитие сельского хозяйства Мордовии в годы перестройки (1985 — 1991 гг.) — № 4
- Блинов Д. С., Подсеваткин Д. В., Саушев С. В., Смирнова О. А., Шукишин В. И.* Социальные факторы как индикатор отношения граждан к своему здоровью (На примере Республики Мордовия) — № 4
- Гришаков В. В., Пузаткина Е. А., Афонина В. А.* Антропологические исследования материалов погребений древнемордовского Усть-Узинского 2 могильника в Верхнем Посурье — № 4
- Гусева Т. М., Тараканова Н. Г.* Уездные города Среднего Поволжья во второй половине XIX в.: проблемы и перспективы изучения — № 2
- Гусева Ю. Н.* Суфийское наследие в религиозной практике мусульманских общин Нижегородского Поволжья в 1960 — 80-е гг. — № 3
- Егорова О. В.* Числовая символика в родильно-крестильной обрядности чувашей — № 4
- Жаркова Л. М., Житаев В. Л.* Отношение населения мордовского края к вопросу об устройстве народных библиотек — № 2
- Жебряткина И. Я.* Морфология личных местоимений в глушковском говоре мокшанского языка — № 4
- Жулина М. А., Фирстов М. И., Нехаева Н. Е.* Аспекты формирования региональной программы развития туризма Республики Мордовия — № 2
- Задкова Т. Ю.* Миграция как важнейший фактор демографических процессов в деревне середины 1950-х — первой половине 1960-х гг. (На материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) — № 2
- Зайфридсбергер (Мартынова) О. М.* Немецкая средневековая масленичная пьеса: традиции и своеобразие — № 3

Зайфридсбергер (Мартынова) О. М. Эволюция образа главного героя в трагедии И. В. Гете «Клэвиго» — № 4

Занкина А. Н. Уполномоченный по делам религиозных культов М. А. Манеров: путь от профессионального революционера до партработника — № 3

Зеленев А. Ю. Основные факторы, препятствующие развитию ипотечного жилищного кредитования, и их влияние на конечную стоимость ипотечного продукта — № 4

Зеленев Ю. А. Мордва и другие народы лесостепного Поволжья перед монгольским нашествием — № 2

Зеленева Г. С., Кошкина О. А. История изучения марийской деревни в XX в. — № 3

Зинина Л. И. Развитие аграрной сферы в структуре региональной экономики — № 3

Зубарева И. Г., Якупцева М. Г. Развитие всеобщего начального образования в Мордовии в 1920 — 50-е гг. — № 3

Зуева М. А. История малых народных училищ Чувашского края (конец XVIII — начало XIX в.) — № 3

Исаев Д. И. Влияние религиозных ценностей на развитие представлений об ответственной экономической деятельности (На примере христианской традиции) — № 1

Каторова А. М. Жанр сонета в мордовской литературе XX — XXI вв. — № 4

Каторова А. М. Жанрово-стилевое своеобразие литературных песен Александра Арапова — № 3

Каторова А. М. Основные направления развития мордовской литературы в начале XXI в. — № 1

Кильдюшкина А. Ю. Воссоздание ретроспективной панорамы развития коллективного исполнительства на народных инструментах в Мордовии — № 4

Кильдюшкина И. Г., Кильдюшкина А. Ю. Отражение перестроечных процессов на деятельности банков Мордовии — № 2

Коваль Е. С. Сравнительные конструкции в коми и мордовских языках — № 1

Козлов Ф. Н. Становление и организационное оформление обновленческого движения в Русской православной церкви — № 3

Кормишкина Л. А. Развитие малого инновационного предпринимательства как проявление эффективной национальной инновационной системы — № 2

Кузьмичева О. В. Развитие околоривской крепости и городка Шишкилёва Галичского уезда в XVI в.: экономический и политический аспекты — № 1

Лаптун А. В. Развитие церковно-библиотечного дела в мордовском крае на рубеже XIX — XX вв. (На материале Пензенской епархии) — № 2

Лачина А. А. Трансформация занятости населения Республики Мордовия в годы мирового экономического кризиса — № 4

Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Фадеев В. Ю. Развитие народонаселения России в 1990-е — 2000-й гг. — № 2

Логинова Н. Н., Кильдишова Н. А., Семина И. А., Куманев В. Н. Демографическая динамика финно-угорских народов России — № 3

Ломшин А. В. Культурно-просветительская деятельность в Мордовии 1917 — 1920 гг. — № 4

Ломшин А. В. Состояние системы образования в мордовском крае в 1910 — 1920 гг. — № 1

Малоземов С. И. Аграрная политика постсоветской России: сценарий международных экспертов и региональные модели — № 2

Маслова А. Ю., Мочалова Т. И. Особенности проявления гендерного аспекта в русских говорах Республики Мордовия — № 2

- Минева Е. К.** Особенности формирования национально-территориальной автономии мордвы — № 4
- Минева И. Н.** Образование в Республике Мордовия как фактор социокультурного развития региона: пятнадцатилетний опыт (1990 — 2005 гг.) — № 4
- Минева И. Н.** Среднее профессиональное образование Республики Мордовия: состояние, проблемы и перспективы развития (1990-е — начало 2000-х гг.) — № 1
- Мозерова О. В.** Жилищная проблема в контексте молодежной политики в Республике Мордовия — № 3
- Мочалов Е. В., Емелькина И. В.** Менталитет мордовского народа в системе российского менталитета — № 1
- Мухамедзянова И. А.** Язык в картине мира как отображение менталитета народа — № 1
- Никушкин С. А.** Церковные библиотеки Пензенской епархии в XIX — начале XX в. — № 3
- Ногманов А. И.** Соборное уложение 1649 г. о правовом положении татарского населения Поволжья — № 1
- Озрина Г. В.** Общественно-политические трансформации советского социума в период перестройки: региональный аспект (На примере Мордовии) — № 4
- Осовский О. Е.** Литературоведческая проблематика в наследии С. И. Гессена — № 2
- Панягин А. А.** Особенности коммуникативного поведения в процессе межкультурного делового общения — № 2
- Пивцайкина О. А.** И. Д. Воронин — основоположник литературного краеведения Мордовии — № 2
- Плеханова Е. А.** О методических аспектах оценки эффективности межрегиональных торгово-экономических связей предприятий Республики Мордовия — № 3
- Поляков О. Е., Макушкина Л. И., Сураева М. С.** Хозяйственная деятельность древней мордвы (По данным языка) — № 3
- Поляков О. Е., Романов Г. Е.** Территория проживания древней мордвы: ее соседи (По данным языка) — № 3
- Потапов А. А.** Становление советской милиции на территории мордовского края в 1917 — 1918 гг. — № 4
- Пронин А. С.** Конь в погребальном обряде финно-угров Поволжья VI — XIII вв. — № 2
- Пузаков А. В.** Деволюция и региональное неравенство — № 1
- Рожкин Е. Н.** Мусульманская община в Республике Коми (XX — начало XXI в.) — № 1
- Ручина Н. А.** К проблеме перевода стихотворного текста (На примере поэмы «Полюе люди» Т. С. Элиота) — № 2
- Ручина Н. А.** Поэма Т. Элиота «Пепельная среда» в аспекте эквивалентности текста оригинала и вариантов его переводов на русский язык — № 4
- Рябов Н. В.** Самобытность художественного языка декоративно-прикладного искусства Поволжья — № 4
- Саликов В. А.** Развитие промышленности как фактор урбанизации в Мордовской АССР в 1950-е — середине 1980-х гг. — № 3
- Сафронов П. И.** Погребальный обряд грунтовых захоронений Армиевского курганно-грунтового могильника (По материалам раскопок 1981 г.) — № 3
- Синдянкин Н. Н.** Смысл как инвариант информационных структур в дискурсе русской культуры — № 2

Скворцова М. А., Сарайкина Ю. В. Статистическое моделирование жилищных условий населения как основного фактора социальной комфортности проживания в регионе — № 1

Склизкова А. П. Модификация романтической иронии и ее художественное воплощение в комедии «Бобровая шуба» Г. Гауптмана — № 4

Скоробогачева Е. А. Феномен старообрядчества в контексте культуры и искусства Русского Севера XVIII в. — № 3

Сложеникина Ю. В., Растягаев А. В. Рецепция античной культуры как пафос статьи Г. В. Козицкого «О пользе мифологии» — № 3

Солдатова А. С. Политические механизмы территориального управления в современной России: проблемы и пути оптимизации (По результатам прикладного политологического исследования) — № 3

Ставицкий В. В. Западный компонент в материалах Андреевского кургана — № 3

Степин С. Н. Концепция судьбы в лирике Константина Смородина — № 2

Терентьев В. В. Взаимодействие власти и дворянского сообщества при реформировании крепостного права в России — № 4

Ульянова В. А. Влияние западноевропейских философско-правовых школ на творчество М. М. Бахтина — № 4

Учаева С. Б. Региональная система управления качеством: от практики к теории вопроса — № 4

Учватов П. С. Взаимодействие Совета министров МАССР с Верховным Советом и депутатами (На примере сессий второго и третьего созыва Верховного Совета) — № 4

Чернова Н. Н., Качаева Ю. И. Формирование санитарно-гигиенической культуры школьников в образовательном процессе — № 4

Чушникова Н. В. Модель мира в контексте стилевых исканий современных писателей Мордовии — № 1

Шапошников Е. Л. Понятие и формы международного сотрудничества в области предупреждения преступности — № 1

Шеянова И. И. Сказовые формы повествования и фольклорная стилизация в мордовской эпической поэзии (На примере поэмы «Эрмезь» Я. Я. Кулдуркаева и романа в стихах «Покш ки лангсо умарина» А. Д. Куторкина) — № 2

Широкова В. В. Нравы русского офицерства второй половины XIX в. — № 1

Шкердина Н. О. Аккультурация и ассимиляция народов Среднего Поволжья как направления внутренней политики Российской империи в XVIII в. — № 3

Щанкин С. А., Белоглазов В. И. Инновационная политика современного строительного предприятия (На примере ООО «РЗКИ») — № 3

Щанкина Г. И. Зарубежный опыт изучения социального риска и групп «риска» в свете актуализации явления депривации — № 4

Щербаков А. В. Организация процессов разработки и продвижения новых промышленных товаров — № 1

Юленкова И. Б., Натальин А. А. Активизация роли страхования в инновационной экономике финно-угорских территорий (На примере Республики Мордовия) — № 3

Юрчёнков В. А. Поход Тоглубия на Смоленск в 1339/40 г. и «мордовские князи с мордвичи» — № 3

Юрчёнков В. А. Финно-угорские народы России в творческом наследии Г. В. Вернадского — № 1

Юрчёнков Р. В. Творчество в Темлаге — Дубравлаге: постановка проблемы — № 2

Наши проекты

- «Мифология мордвы». Буква К — № 1
«Мифология мордвы». Буквы К, Л — № 2

События. Факты. Комментарии

- Археологическая разведка в Мордовии — № 3
Многообразие культур в полиэтническом пространстве Мордовии — № 1
Научная деятельность НИИГН в 2012 г. — № 1
Отчет о работе аспирантуры НИИГН за 2012 г. — № 1

Рецензии

- Кондрашин В. В.** Рецензия на книгу «Российская провинция первой четверти XIX в.: Мордовский край глазами участников и современников Отечественной войны 1812 г.» — № 4
Ставицкий В. В. Рецензия на книгу «Торговля в Верхнем Посурье и Примокшанье в XI — XIV вв.» — № 1

Наши юбиляры

- Антонина Николаевна Келина** (к 55-летию со дня рождения) — № 4

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» основан в 2006 г. и является регулярным научным изданием, выпускаемым НИИГН с целью оповещения научной общественности о результатах деятельности отделов института и введения в оборот материалов региональной гуманитарной науки. В связи с этим были определены направления, освещаемые в журнале: региональная экономика; отечественная история; политология; археология; этнография; языкознание; литературоведение; фольклористика; теория и история культуры.

Журнал выходит 4 раза в год как в печатном, так и в электронном виде. Электронная версия журнала размещается на сайте НИИГН: <http://www.niign.ru/>

Редакция журнала приглашает к сотрудничеству ученых, занимающихся проблемами развития региональной гуманитарной науки, и просит авторов при оформлении статьи придерживаться следующих правил и рекомендаций:

1. К статье, направляемой в редакцию, должны прилагаться *две рецензии*, подписанные специалистом и заверенные печатью учреждения.

2. Статья представляется в печатном (1 экз.) и электронном виде.

3. *Объем основного текста* должен составлять 0,5 — 1,0 печатного листа (12 — 24 страницы).

4. *Текст статьи* набирается в программе Microsoft Office Word 2003 шрифтом Times New Roman, размер кегля 14 через 1,5 интервала. Формат бумаги А 4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

Статья оформляется следующим образом:

- 1) УДК (в левом верхнем углу);
- 2) инициалы и фамилия автора на русском языке (под УДК);
- 3) инициалы и фамилия автора на английском языке;
- 4) название статьи на русском языке;
- 5) название статьи на английском языке;
- 6) ключевые слова на русском языке;
- 7) ключевые слова на английском языке;
- 8) аннотация на русском языке;
- 9) аннотация на английском языке;
- 10) текст статьи;
- 11) литература (литература и источники; для этнографов — литература и полевой материал авторов);
- 12) сведения об авторах.

5. *Иллюстрации:*

внедряются в электронную версию статьи в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисовочные подписи выполняются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12 и вставляются в иллюстрацию в режиме Вставка;

иллюстрации не должны превышать размеры текстового поля;

обязательно должны упоминаться в тексте.

6. *Формулы и буквенные обозначения по тексту:*

набираются в среде редактора формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв — Symbol, для остальных — Times New Roman, основной размер кегля 14;

буквы латинского и греческого алфавитов набираются курсивом, кириллицы — прямым шрифтом;

при выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. *Таблицы:*

выполняются в режиме Таблица шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; могут быть с заголовками и без них. Заголовок набирается строчными буквами полужирным шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

располагаются после ссылки в тексте.

8. *Библиографические ссылки:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; фамилия и инициалы авторов выделяются полужирным шрифтом;

располагаются в конце статьи и имеют сплошную нумерацию;

оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», например:

ссылки на произведения одного, двух и трех авторов:

Первичная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны : Мордов. народ и край в соч. западноевроп. авторов VI — XVIII столетий. Саранск, 1995. 286 с.

Повторная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны. С. 25.

Первичная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры (на примере народов Закавказья, проживающих в Республике Мордовия) // Этнокультурное и этноконфессиональное образование: проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (9 — 11 дек. 2008 г.). Саранск, 2008. С. 89 — 93.

Повторная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры... С. 90.

Первичная

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка и государственной безопасности // Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. : в 2 т. Саранск, 2005. Т. 2. С. 97 — 110.

П о в т о р н а я
Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка... Т. 2. С. 100.

ссылки на произведения четырех и более авторов:

П е р в и ч н а я
 Власть и общество в XX в.: региональный аспект (историографический обзор) / В. А. Юрченков [и др.] // Власть и общество: XX век. Саранск, 2002. С. 7 — 33. (Науч. тр. / НИИГН; т. 1 (118)).

П о в т о р н а я
 Власть и общество в XX в. ... С. 30.

П е р в и ч н а я
 Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.]; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. 312 с. (сер. «Мордва России»).

П о в т о р н а я
 Мордва юга Сибири. С. 126 — 127.

При последовательном расположении первичной и повторной ссылок текст повторной ссылки заменяют словами «Там же», или «Ibid.» (Ibidem):

П е р в и ч н а я
⁵ **Келина А. Н.** Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 1996. С. 10.

П о в т о р н а я
⁶ Там же. или ⁶ Там же. С. 15.

П е р в и ч н а я
³ **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889. Vol. 5. P. 50 — 52.

П о в т о р н а я
⁴ Ibid. или ⁴ Ibid. P. 60.

В повторных ссылках на одно и то же произведение, созданное одним, двумя и тремя авторами, не следующих за первичной ссылкой, употребляются словосочетания «Указ. соч.», «Цит. соч.», или «Op. cit.», при условии, что ссылки делаются только на одно произведение данного автора (авторов):

П е р в и ч н а я
¹ **Чернов А. В.** Языковое строительство и процесс коренизации в Мордовии в середине 1920-х — 1930-е гг. // Центр и периферия. [Саранск]. 2008. № 2. С. 86.

П о в т о р н а я
⁵ **Чернов А. В.** Указ. соч. или ⁵ **Чернов А. В.** Указ. соч. С. 90.

П е р в и ч н а я
² **Paasonen H.** Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1992. Bd. 2. S. 590.

П о в т о р н а я
⁶ **Paasonen H.** Op. cit. или ⁶ **Paasonen H.** Op. cit. Bd. 2. S. 600.

Если ссылки делаются на разные произведения одного автора (авторов), то указывается фамилия автора (авторов) и полное или сокращенное название произведения (см. оформление произведения одного, двух и трех авторов).

Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другой работе, то в начале ссылки приводятся слова «Цит. по:», например:

В т е к с т е

В ноябре 1919 г. А. Г. Шляпников открыто писал в газете «Экономическая жизнь»: «Фабричные и заводские комитеты... свели на нет последние остатки дисциплины и, кроме того, разграбили заводской инвентарь»¹⁴².

В с с ы л к е

¹⁴² Цит. по: Гражданская война в России, 1917 — 1922 гг. М., 2006. С. 269.

Комплексная ссылка содержит несколько ссылок, которые отделяются друг от друга знаком «>» с пробелами до и после него. Каждая из ссылок в составе комплексной ссылки оформляется по общим правилам.

Если в комплексную ссылку включено несколько ссылок на произведения одного и того же автора (авторов), то его фамилия во второй и последующих ссылках заменяется словами «Его же», «Ее же», «Их же», или «Idem», «Eadem», «Iidem», например:

²⁰ Юрченков В. А. Новый мир — новые традиции // Блокнот агитатора. Саранск, 1983. № 20. С. 19 — 21 ; Его же. Рост общественно-политической активности трудящегося крестьянства Мордовии в первые годы Советской власти (1917 — 1920 гг.) // Общественно-политическая жизнь села Советской Мордовии. Саранск, 1987. С. 26 — 43. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 87).

Ссылки на электронные ресурсы, например:

П е р в и ч н а я

Литчфорд Е. У. С Белой армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт армии генерала А. В. Колчака : сайт. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/lachford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

П о в т о р н а я

Литчфорд Е. У. Указ. соч.

П е р в и ч н а я

Жизнь прекрасна, жизнь трагична... [Электронный ресурс] : 1917 год в письмах А. В. Луначарского А. А. Луначарской /отв. сост. Л. Роговая ; сост. Н. Антонова ; Ин-т «Открытое о-во». М., 2001. URL: <http://www.audisium.ru/looks/473> (дата обращения 20.09.2010).

П о в т о р н а я

Жизнь прекрасна...

П е р в и ч н а я

Уральская семья народов : крат. информ. справ. о финно-угор. и самод. народах [Электронный ресурс] / сост. П. Симпелев, О. Лапшина. Сыктывкар, 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

П о в т о р н а я
Уральская семья народов.

Ссылки на архивные документы, например:

ЦГА РМ. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 32. Л. 12, 13, 15.

РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 66, 121, 123 ; Д. 1043. Л. 141 ; Д. 1124.
Л. 60.

Прокаев И. Ф. Предисловие и история Петровского мордовского педагогического техникума // НА НИИГН. И-579. Л. 1 — 2, 13 — 15.

9. *Сведения об авторах:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, ученую степень, занимаемую должность, место работы (наименование учреждения) и адрес электронной почты; приводятся на русском и английском языках.

10. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

11. С аспирантов плата за публикацию рукописей не взимается.

В Е С Т Н И К
НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

№ 4 (28) 2013

Редакторы: *Т. А. Чужайкина, Т. В. Шугаева*

Макет *С. Г. Винтиной*

Перевод на английский язык *А. В. Чернова*

Подписано в печать 04.12.2013. Формат 70 x 100 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 20,8. Тираж 300 экз. Заказ №

ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия».
430005 г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3.

ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь“».
430000 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а.